

Н О В Ы Е
М И Р

4

Н О В Ы Е
М И Р

1959

4

1959

НОВОЫЙ И МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXV

№ 4

Апрель, 1959 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. ДРАБКИНА — Черные сухари	3
АРКАДИЙ КУЛЕШОВ — Три стихотворения. Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского	51
Н. ЗАБОЛОЦКИЙ — Из стихов последних лет	53
Б. А. ЛАВРЕНЕВ — В канун праздника, глава из романа. Автобиография	56
СТЕПАН ЩИПАЧЕВ — Июль был полон гроз. Вернувшись с аэродрома, стихи	68
АНАТОЛИЙ КЛЕЩЕНКО — Инспектор, рассказ	69
А. КОСТЕРИН — В долине Неры, рассказ	81
С. ЖУРАХОВИЧ — Семейный разговор, рассказ. Перевел с украинского А. Островский	92
ИЗ СТИХОВ ПОЭТОВ ГРЕЦИИ. Костас Варналис. Один и все. Отверженные. Смерть! Меня сломить ты хочешь... — Никифорос Вретакос. Четырнадцать детей. Без колечка. Весна. Ты зашло, мое солнце... Цветущее дерево миндаля... — Яннис Ринос. Руки товарищей. Оратор-рабочий. Шаг за шагом. Перевели с греческого М. Кудинов и Александр Янов	97
АЗИЗ НЕСИН — Турецкие рассказы. Перевели Н. Шилов и Л. Медведко	107
Г. НОВОГРУДСКИЙ, А. ДУНАЕВСКИЙ — Пау Ти-сан и его товарищи	115
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
Н. МЕЛЬНИКОВ — Они живут в Темир-Тау	136
ПУБЛИЦИСТИКА	
Б. ЯКОВЛЕВ — По великим заветам	161
ЕКАТЕРИНА СТРОГОВА — Стратегия большой науки	171
И. СМИРНОВ, агроном — Не допускать шаблона (По поводу статьи Л. Иванова «Когда сеять?»)	188
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
От первой ссылки к марксистскому кружку (Некоторые новые данные, касающиеся юности В. И. Ленина). Публикацию подготовил Г. Хаит	194
НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ	
И. АНДРЕЕВ — Германский вопрос	197

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. БОБОРЫКИН — Три пьесы о Ленине	216
В. СУРВИЛЛО — На путях романтики	231
ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ	
КОНСТ. ФЕДИН — К образу Ленина в литературе	241
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Ю. Буртин. О наших братьях и сестрах.— Е. Старикова. Будничный подвиг.— И. Соколов-Микитов. Хозяин своей земли.— Ю. Капусто. Они остались молодыми.— В. Дружинин. Жизнеописание великого норвежца.— Я. Фрид. 1815 год, Франция на распутье.	248
<i>Политика и наука</i>	
Ф. Фомин. Верный страж революции.— А. Бельская. Против угрозы атомной войны.— И. Пешкин. Две автоматизации.— В. Утков. Непроторенными путями.	271
КОРОТКО О КНИГАХ	280
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	285

Е. ДРАБКИНА

★

ЧЕРНЫЕ СУХАРИ

Мост через Волгу

Теплой августовской ночью восемнадцатого года наш отряд Первых московских военных курсов Всеобуча выступил на Восточный фронт.

Быть может, в последний раз проходили мы по улицам Москвы. Город жил по-новому тревожной жизнью. Несмотря на поздний час, в здании Бюро военных комиссаров на Пречистенке все окна были освещены. Навстречу нам проехала пушка, ее тащила четверка лошадей; прогрохотала двуколка с зарядными ящиками. С Девичьего поля доносились слова команды: там шли ночные занятия Всеобуча.

Среди нас были и солдаты, прошедшие в окопах чуть ли не всю империалистическую войну, и молодые ребята, которые впервые в жизни уезжали от родителей. Для многих все было внове: и полустанок Окружной дороги, где формировался эшелон; и ночная погрузка; и раздающееся в темноте конское ржание; и теплушки с их нарами и раскрытыми дверями, мимо которых плыли крыши домов, залитые светом восходящего солнца.

Через несколько дней наш поезд подошел к сгоревшему полустанку. Его сожгли белогвардейцы, отступавшие после недавнего восстания в Муроме. Здесь мы узнали, что Казань, куда направлялся наш отряд, захвачена белочехами. Враг еще больше приблизился к Москве. Опасность, грозящая Советской республике, стала еще больше.

...В бой мы попали с ходу.

Эшелон подходил к забитой железнодорожными составами станции Свяжск. Где-то справа строчил пулемет.

У края платформы стоял Валерий Иванович Межлаук, представитель штаба свяжской группы войск. Размахивая красным сигнальным флажком, он кричал:

— Командира ко мне!

Кудряшов прыгнул с поезда и подбежал к Межлауку. Тот сказал ему несколько слов, показывая на восток, в ту сторону, откуда доносилась стрельба. Кудряшов пожал руку Межлауку и вскочил в теплушку.

Поезд, не останавливаясь, шел дальше. Через полверсты показался большой железнодорожный мост. Стрельба слышалась отчетливее. Внизу, под высоким крутым берегом, блеснула широкая полоса воды: Волга!

— Белые хотят захватить мост,— передал Кудряшов слова Межлаука.— Сдать мост — значит открыть белым бандам дорогу на Нижний и на Москву. Ни шагу назад!

Подтянувшись на руках, он забрался на крышу вагона и побежал вдоль состава, оповещая соседние теплушки.

— Ближко бьют,— сказал кто-то.

— Да нет,— отозвался Петр Васильевич Казьмин, бывалый солдат, воевавший в империалистическую войну.— Не ближе двух верст. Это по воде далеко слышно.

В эту минуту рядом в теплушке хлопнула ракетница. Поезд начал замедлять ход, но мы, не дожидаясь остановки, стали соскакивать на насыпь, на ходу подхватывая пулеметы и ящики с патронами.

Вот когда пригодилась выучка, полученная в Москве на Чистопрудном бульваре и закрепленная во время занятий в пути! Отряд быстро выгрузился, и мы побежали в ту сторону, откуда доносилась стрельба.

Мы бежали по полю, поросшим кустарником. Слева от нас темнел лес. Справа лежала Волга.

Вскоре между кустами показалась движущаяся на нас цепь.

— К бою готовься! — приказал Кудряшов.

Зашелкали затворы винтовок. Цепь приближалась. Пальцы у нас дрожали на спусковых крючках. Сейчас будет отдана команда: «Огонь!» Но раздалась команда: «Отставить».

Навстречу нам бежали охваченные паникой люди в красноармейских гимнастерках. Лица обезображены страхом. Большинство побросало винтовки. Многие бежали босиком.

Кудряшов бросился им наперерез.

— Стой! В чем дело?

— Чехи! — послышалось в ответ сквозь невнятные всхлипывания.

Останавливать бегущих было бессмысленно. Мы бросились вперед. Шагов через триста произошло то, что в лекциях по военному делу называлось «войти в соприкосновение с противником». Мы уже приблизились к лесу, когда за деревьями заголубели чешские мундиры. Чехи шли во весь рост, пересмеиваясь и переговариваясь, шли так, будто они были не в бою, а далеко в тылу, на тактических занятиях. Весело галдя, они показывали в сторону моста.

Подпустив белочехов на близкое расстояние, мы дали по ним залп. Чем самоувереннее держался противник, тем стремительнее было его бегство.

Разгоряченные успехом, мы гнали белых, пока не оказались на узкой прибрежной полосе, окаймленной ракушечником. Почти у самой воды стояла брошенная батарея; рядом с ней валялась опрокинутая набок походная кухня. Желтоватые волны набегали на берег. Низко над водой летали белые чайки. Позади нас в бледном свете сумеречного дня, обвитый волжским туманом, парил в воздухе мост — тот мост, защита которого стала теперь делом нашей жизни.

«Порт-Артур»

Вот так и кончился наш первый бой. Кудряшов приказал остановиться, проверить оружие, поставить походную кухню, сварить кашу, установить связь с соседом слева.

Сосед заставил себя поискать. Наконец он был обнаружен верстах в двух от нас. Назывался сосед полком, хотя насчитывал не более сотни штыков. Он не выставлял застав и охранялся полусонными часовыми, которые подпустили нас без окрика.

Идти к соседу надо было перелесками и несжатым полем. На вопрос, где найти командира, часовой, прохаживавшийся около брошенной на землю винтовки, ответил:

— В Порт-Артуре,— и показал на большой оwin, видневшийся неподалеку.

Из овина доносились звуки гармони. Когда мы вошли туда, никто не обернулся. Рядом с самозабвенно перебиравшим лады гармонистом си-

дел, полузакрыв глаза, молодой человек в нижней рубашке с подтяжками поверху. На его рваных, пыльных сапогах поблескивали серебряные шпоры. Это и был командир полка. Под стеной на соломе устроились красноармейцы — одни спали, другие резались в карты.

— Прохлаждаетесь? — сказал один из наших. — А тем временем белые мост берут.

— Что мост! — отозвался гармонист. — Мы Казань отдали — не ахнули... — И он лихо вывел очередную трель.

— Крести козыри, — сказали сбоку.

— Товарищ командир... — начал кто-то из нас.

Но командир, все так же полузакрыв глаза, вяло, длинно выругался. Игравшие в карты захохотали.

Мы оторопели. Что делать?

У нас было только одно оружие, которым мы могли привлечь на свою сторону эту деморализованную, казалось, полностью разложившуюся красноармейскую часть. Это оружие — открытое, честное, большевистское слово!

Мы поставили посреди овина ящик. Первым на него поднялся Алеша Крымов.

— Товарищи! — начал Алеша. — Положение наше в настоящий момент самое решительное. Во всей наготе перед нами встает призрак порабощения...

— А теперь козыри черви, — сказали сбоку.

Светлое лицо Алеши, чуть опущенное первой бородкой, залилось краской.

— Товарищи! — продолжал он. — Неужели мы не сумеем постоять за себя? Неужели мы опять отдадим капиталистам нашу свободу, нашу землю, наши фабрики и банки?

Алеша сделал паузу. Гармонист, явно в насмешку, завел «Марусю», подпевая при этом:

— Спасайте не спасайте, мне жизнь не дорога...

— Когда нас посылали москвичи, — звенел голос Алеши, — они говорили нам: «Поезжайте и привезите победу. А если вы не привезете победу, то не возвращайтесь, пусть лучше привезут гробы с вашими телами». Это говорил народ, который шатается от голода, но крепко держит знамя революции в своих руках...

Гармонист по-прежнему перебирал лады, под стеной по-прежнему резались в карты. Но теперь уже на некоторых лицах можно было прочесть интерес к словам оратора.

— Мы не для того начали революцию, чтоб отдать страну в руки насильников, — говорил Алеша. — Мы должны сказать, что наше социалистическое отечество находится в опасности, мы обязаны бороться за спасение Советской России. Вы, красноармейцы, должны мужественно взяться за оружие. Революция не в том состоит, чтоб каждый мог урвать что-нибудь, чтоб хорошо прожить в своем доме. Нет! Революция состоит в том, что у каждого рабочего и крестьянина пробуждается совесть, душа проясняется и он говорит себе: «До сих пор я жил, как червь, теперь я пробудился, я не раб царя и капитала, я гражданин Советской республики, я сын рабочего класса, и все мои силы и моя кровь должны быть отданы на службу рабочему классу и крестьянству!»

Тут впервые раздалась аплодисменты. Теперь настала очередь выступить Саше Соченкину. Это был худенький светловолосый мальчик, откуда-то из-под Вятки, вступивший в наш отряд в пути. То ли он сам сочинил, то ли выучил наизусть стихотворный разговор двух рабочих, который с неизменным успехом исполнял и в теплушках и во время остановок на станциях.

Саша начал ненатуральным тонким голоском:

Товарищ, сегодня меня под ружье
 Вожди призывают для боя.
 Но жизнь моя.. Жаль потерять мне ее,
 Жаль выбыть из этого строя.
 Допустим, пойду я и жизнь положу
 За счастье людей и свободу,
 На что мне тогда, чем живой дорожу,
 Зачем тогда дождь огороду?

Тут голос Саши изменился, и он уверенно поднял голову.

Товарищ, пойми, в тебе трус говорит,
 Ты чести бойца недостоин.
 Стыдись же! Взгляни, как свобода горит,
 Как свет ее нежен и строен.
 Проклятие ляжет на жалких трусов,
 Кто дрогнет в последнем напоре,
 Опять кабала и насилие веков,
 И тюрьмы, и казни, и горе...

Подняв над головой крепко сжатый кулак, Саша закончил:

К оружию, товарищ, бесстрашно вперед,
 Сплотимся, воскреснем для счастья!
 И тот, кто воскреснет, поверь, не умрет
 В минуты грозы и ненастья!

С каждой строфой, прочитанной Сашей, как бы таяла стена, разделявшая нас и красноармейцев. Все больше становилось внимательных лиц. Вот гармонист положил гармонию. Вот раскрыл свои сонные глаза командир. Вот и картежники, бросив карты, обернулись к Саше.

И вот уже мы все сидим на соломе, окруженные красноармейцами, пьем душистый чай, настоенный на лесных травах, рассказываем о Москве, о последнем заседании ВЦИКа и Московского Совета, слушаем рассказы своих хозяев об их судьбе.

Это был Брянский полк, оставшийся от царской армии. После заключения мира большая часть людей разбежалась по домам, а оставшиеся влились в Красную Армию. Но тут где-то в штабах о полке забыли, и полк слонялся по уездным гарнизонам, предоставленный самому себе, пока не попал в Казань, а оттуда сюда, под Свияжск. И все это время по традиции, оставшейся еще со времен царской армии, каждую свою казарму в полку называли «Порт-Артуром».

— Товарищи, а что такое «Порт-Артур»? — начал Алеша, когда мы дослушали эту историю. — «Порт-Артур» — это напоминает о поражении, об измене. А теперь, товарищи, мы должны побеждать и только побеждать. А потому переименуем «Порт-Артур» в «Новый Порт-Артур». Кто «за»? Принято единогласно.

Так не известный никому овин стал именоваться «Новым Порт-Артуром». Под этим именем он фигурировал отныне в донесениях и сводках. И если сохранились оперативные карты левобережной группы войск, действовавших тогда под Казанью, возможно, на них обозначен небольшой кружок, около которого написано это неожиданное и непонятное для непосвященных название.

Солдаты революции

Ночи стояли темные, беззвездные. К рассвету Волгу затягивало плотной пеленой тумана. Становилось холодно. Костров мы не разводили, а, стуча зубами, плотно прижимались друг к другу и считали минуты, когда же кончится ночь. Наконец небо начинало бледнеть, туман.

клубясь, подымался вверх, восток вспыхивал янтарным светом, и на этом фоне проступали легкие очертания моста через Волгу.

В то утро на нашем берегу было спокойно. Но вот на мосту показались неясные черточки. Приближаясь, они превратились в мчащуюся кавалькаду, которая быстро миновала мост.

Впереди на вороном коне скакала женщина в солдатской гимнастике и широкой клетчатой юбке, синей с голубым. Ловко держась в седле, она смело неслась по вспаханному полю. Комья черной земли вылетали из-под конских копыт. Это была Лариса Рейснер, начальник армейской разведки. Прелестное лицо всадницы горело от ветра. У нее были светлые серые глаза, от висков сбегали схваченные на затылке каштановые косы, высокий чистый лоб пересекала суровая морщинка.

Ларису Рейснер сопровождали бойцы приданной разведке роты Интернационального батальона. Спешившись, они стали выяснять обстановку. Разговор велся то на ломаном русском, то на венгерском, то на немецком, то на чешском языке. Тут же приняли решение — провести разведку боем, взять языка, послать разведчиков в тыл врага...

Мы то ходили в дозоры, то вели бои. Не особенно крупные по своим масштабам, они отличались предельным ожесточением. Если мы отступали и вновь занимали прежние позиции, то находили своих раненых пригвожденными к земле штыками.

Из Казани через линию фронта тайком пробирались тамошние коммунисты и рабочие. Они рассказывали о чудовищных зверствах белых — о массовых арестах, виселицах, расстрелах без суда. Казань из незнакомого города, о котором почти все мы знали только по старинным песням, превращалась для нас в цитадель, где томились наши братья, чья жизнь зависела теперь от нашей решимости победить врага.

В одном из боев мы взяли пленного и привели его в «Новый Порт-Артур», ставший теперь чем-то вроде сборного пункта для отрядов, действовавших поблизости от берега Волги. Это был гимназист с плоским бледным лицом и большими красными ушами, делавшими его похожим на летучую мышь.

На столе горел огарок свечи, ветер колебал пламя, по стенам плясали причудливые тени. Пленный смотрел на нас полными ненависти глазами. Он отказался отвечать на вопросы и, выходя из овина — его вели в штаб армии, а он думал, что на расстрел, — громко крикнул:

— Да здравствует Учредительное собрание!

Иногда с утра, иногда по вечерам, в зависимости от боевой обстановки, у нас собирался народ, приезжали «с того берега» члены Реввоенсовета и политические работники. Очень быстро наш овин обрел обжитой советский, коммунистический вид. Солому выбросили, вымели земляной пол, прикрепили красное знамя и развесили самодельные кумачовые плакаты с лозунгами, принятыми после жарких дебатов:

«Вспомни, кем ты был, и тогда ты поймешь, что ждет тебя, если ты не победишь!»

«Ты — солдат революции. Это значит, что твой главнокомандующий — революция!»

«Чтобы уничтожить войну, надо уничтожить тех, кому нужна война. Война нужна богачам!»

«Твоя молитва состоит всего из четырех слов: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Твой воинский устав тоже состоит из четырех слов: «Мир хижинам — война дворцам.»

Спор шел о двух последних лозунгах: можно ли тут употребить слово «молитва» и стоит ли писать «воинский устав»? Всем это не нравилось, но лучшего ничего не придумали.

Однажды в «Новом Порт-Артуре» появился приехавший «с того берега» человек с мягкими чертами приветливого славянского лица. Он был одет в разномастный военный костюм: брюки австрийского образца, немецкая куртка и русские сапоги.

На фронте в этот день стояло затишье. По этому случаю в «Новый Порт-Артур» набилось порядком людей, свободных от дозоров и нарядов. Как-то само собой получилось нечто вроде вечера самодеятельности.

Талантов у нас набралось много — от поэта, сочинившего шестистрочную поэму «Три вздоха» (о чем вздыхает капиталист, о чем вздыхает мелкий буржуа и о чем вздыхает пролетарий), до певца, блестяще исполнившего под аккомпанемент оркестра из двух карманных гребенок арии Демона и Бориса Годунова.

Когда программа подошла к концу, приезжий поднялся и с застенчивой улыбкой попросил разрешения рассказать одну историю. Все охотно потеснилось, освободив проход. Приезжий уселся на табуретку и приступил к своему рассказу.

— Весной пятнадцатого года, — начал он, — находясь в Восточной Галиции, я — неважно по какому поводу — обозвал нашего фельдкурата мешком с собачьим дерьмом и угодил в военную тюрьму. Тюрьма была как тюрьма — клоповник, в котором воняет парашей. Я уже готов был проскучать здесь положенное число дней в ожидании суда и отправки с штрафной ротой на фронт. Но когда я вошел в камеру, я вдруг услышал знакомый голос: «Здравствуйте, пан Гашек!» Ба! Передо мной был собственной персоной мой старый друг, с которым мы распили не одну кружку пива в трактире «У чаши». Его имя вам ничего не скажет, но запомните его, ибо оно заслуживает этого больше, чем имя Александра Македонского. Это — имя отважного героя, старого храброго солдата Швейка. «У нас в Будейовицах...» — заговорил Швейк так, будто мы с ним расстались полчаса назад.

...Тут лицо нашего рассказчика приняло смешанное выражение простоты и лукавства, глуповатого добродушия и тонкого ума. Перед нами сидел, потирая ревматические колени, Швейк — тот самый храбрый солдат Швейк, которого теперь знает весь мир, а тогда не знал еще почти никто. В присущей ему манере, с бесчисленными подробностями и отступлениями он рассказывал нам про то, как повстречался в трактире «У чаши» с агентом тайной полиции, как тот отвел его в полицейское управление, как началась война и какие приключения пережил он, храбрый солдат Швейк...

Рассказ этот был далек от той завершенности, которую он приобрел несколько лет спустя, когда зазвучал со страниц ныне широко известной книги Гашека. Образы, которые потом приобрели рельефность, тогда были только намечены легкими контурами. Но Ярослав Гашек с таким глубоким артистизмом перевоплощался в своих героев, что перед нами, словно живые, проходили австрийские офицеришки, пустоголовые щеголи, распутные священники, обжоры, доносчики, сластолюбцы и прежде всего сам Швейк.

Сначала все это казалось нам просто смешным. Но постепенно сквозь причудливую ткань гротеска мы стали ощущать страшную правду жизни — и не чьей-то далекой, незнакомой жизни, а той жизни, которая была позади каждого из нас и против возвращения которой мы сейчас боролись с оружием в руках. Кто узнавал в одном из надменных австрийских офицеров своего старого командира роты в царской армии. Кто, слушая бессмысленные приказы, вспоминал, как его самого гнали на убой. Для кого с особенной силой звучали описания тюрьмы, для кого — солдатской казармы и жизни в денщиках.

Настроение аудитории передалось Ярославу Гашеку. Мягкая ирония, которой сначала был окрашен его рассказ, превратилась в бичующий, исполненный гнева сарказм.

Уже никто не смеялся. Все слушали, затаив дыхание. Ярослав Гашек закончил свой рассказ среди глубокого, взволнованного молчания.

Тут встал Петр Васильевич Казьмин, суровый, не улыбочивый человек. При Керенском он был приговорен к расстрелу за большевистскую агитацию на фронте, но Октябрьская революция помешала привести приговор в исполнение.

— Я полагаю, товарищи, так,— сказал он,— что, прослушавши доклад про товарища Швейка, мы должны вынести нашу резолюцию, что, будь уверен, товарищ Швейк, мы свой долг выполним, Казань будет наша, а за Казанью и вся Волга. А ты, товарищ Швейк, пристраивайся скорее к русскому пролетарьяту и свергай своих паразитов — буржуев и генералов, чтоб да здравствовала бы мировая революция!

«Фейербахи»

Молодежь составляла добрую треть наших рабочих отрядов. Большинству ребят было по семнадцати-восемнадцати лет, но попадались и шестнадцати- и даже четырнадцатилетние. Все это были неуклюжие, угловатые пареньки в болтавшихся мешком солдатских шинелях и больших не по росту ботинках, озорные, задиристые, умные, глупые, резкие, смотревшие на мир с испытующей настороженностью. Они мечтали о мировой революции, но при удобном случае норовили дернуть меня за косу. Главной их заботой было показать себя мужчинами, героями, храбрецами. В бою они лезли на рожон и не отступали даже после приказа. Кудряшов в таких случаях страшно сердился и вызывал к себе виновных.

— Ты перестань, брат, гордого индивидуума разыгрывать,— говорил он.— Бой — это работа товарищеская.

Этих молодых ребят в нашем отряде прозвали «фейербахами». Когда нас спрашивали, почему им дано такое странное прозвище, мы отвечали:

— Да потому, что они, как Фейербах, имея дело с чувственными объектами, не постигают человеческую деятельность как предметную деятельность.

Сию философскую премудрость мы почерпнули из тезисов Маркса о Фейербахе, приложенных к единственной имевшейся у нас в отряде книге — «Людвиг Фейербах» Энгельса, только что изданной Петроградским Советом. Мы уже прочитали, перечитали и прослушали ее от корки до корки, пытаясь понять и осмыслить ускользающее от нас содержание. Едва выпадала тихая, спокойная минута, как откуда-нибудь доносились ставшие уже знакомыми слова: «...Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем обнаруживает она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему».

И вот однажды, когда один из нас пытался растолковать, в чем, по его мнению, заключается фейербаховский идеализм в понимании действительности, взгляд его упал на паренька, который с самым сосредоточенным видом брил перед осколком зеркала несуществующую бороду.

— Вот вам типичный Фейербах! — воскликнул он.— Перед вами человек, который бреет н и ч т о и тем самым совершает действия, обращенные на предмет, который существует не в объективной действительности, а только в его воображении, и, подобно Фейербаху...

— От Фейербаха слышу,— отозвался тот, опустив бритву.— Сам не можешь понять мир в качестве процесса. А ведь он находится в постоянном развитии, так что не-б-о-р-о-д-а превращается в свою противоположность, то есть в бороду! Съел?

С тех пор и пошло. Ребят, которые брились, хотя, по всеобщему утверждению, брить им было нечего, прозвали «фейербахами», прибудшего к отряду жеребца окрестили «Тезисом», а кобылу нашего командира Кудряшова соответственно «Антитезихой», и все в том же роде.

Из всего прочитанного нами мы поняли по-настоящему, пожалуй, только одно: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». И все же книга Энгельса дала огромный толчок нашему полудетскому мышлению. Знакомые раньше явления приобрели новую глубину. Все кругом давало пищу для размышлений. И так как дело происходило на войне, наш интерес, естественно, обратился к впервые услышанным нами понятиям: «стратегия», «тактика», «тактический успех», «стратегическая цель».

Услышали мы эти слова от члена Реввоенсовета только что образованной Пятой армии Сергея Ивановича Гусева. Гусев сделал у нас в «Новом Порт-Артуре» доклад о положении на фронте и вообще не раз приезжал к нам.

Кудряшов заметил, что стоит Гусеву приехать, как я непременно прячусь, но откуда-нибудь исподтишка неотступно слежу за ним.

От глаз Кудряшова не могло укрыться ничто, происходившее в отряде. А меня — единственную девушку — он вообще старался держать неподалеку от себя.

Почуввав что-то неладное в моем отношении к Гусеву, он встревожился.

— Нехорошее это дело,— сказал он мне.

— Какое? — удивилась я.

— Да это самое.

— Не понимаю.

— Чего не понимаешь? Стар он для тебя...

— Кто он?

— Да этот Гусев.

— Почему стар? Как раз подходит.

— Как же подходит? И вообще тебе о любви думать рано, а тут еще нашла такого, что тебе в отцы годится!

— Так он и есть мой отец!

И мне пришлось рассказать Кудряшову мою семейную историю.

Отца своего я знала только в раннем детстве, когда мы с ним жили в Женеве. Потом он исчез, и всю остальную жизнь я прожила с одной только матерью. Я знала, что он жив, иногда от него приходили письма, написанные очень четким, мелким-мелким почерком.

Но хотя я знала, что отец жив, в то же время я знала, что о нем никогда и нигде нельзя ни спрашивать, ни говорить. Когда стала постарше, этот таинственный отец начал все больше занимать мое воображение. То он представлялся мне врачом, отправившимся на лечение чумы, то полярным путешественником. В моих мечтах он был высок, плечист, голубоглаз, одет в меховые сапоги, окружен веселыми лающими собаками.

Примерно в 1908 или в 1909 году, когда мне было лет семь-восемь и мы жили в Петербурге, к моей маме стал приходить плотный, коренастый человек с большой черной бородой. Звали его Владимиром Ивановичем Муромским. На мой вопрос, почему он носит бороду, он ответил: «Потому, что я мусульманин». Владимир Иванович был очень внимателен ко мне и, помню, возил меня на «полеты» — так говорили тогда о первых полетах самолетов. Смотреть их ездили за город, в Келомяги.

Добирались мы туда долго: сначала трамваем, потом поездом, потом шли до ипподрома пешком, и все это для того, чтобы в случае удачи увидеть, как над зеленым полем поднимется метров на пятнадцать хрупкое сооруженье, похожее на деревянную этажерку, именуемое звучным словом «аэроплан».

Уже после революции моя мать сказала мне, что этот самый бородастый человек и есть мой отец. Он большевик с самого основания партии, был в ссылке в Березове, бежал, жил в Петербурге нелегально по фальшивому паспорту на имя Муромского, партийное имя его — Сергей Иванович Гусев. Но этот рассказ прошел тогда мимо меня: я была целиком поглощена происходившими вокруг событиями, а всякий интерес к семье считала проявлением мелкобуржуазного мешанства.

И вот настали великие Октябрьские дни. 25 октября я попала в кипящий Смольный и несколько суток напролет разносила приказания, ездила на склады за оружием, выписывала мандаты, выступала на митингах, помогала приходившим в Смольный разыскать нужных им людей. В эти дни на одном из приказов Военно-революционного комитета я увидела подпись: «Секретарь Военно-революционного комитета Петроградского Совета С. Гусев».

— Ребята, — сказала я, — это мой отец!

Но мои слова никого — и меня в том числе — совсем не заинтересовали.

Примерно на четвертый день после Октября в Смольный привезли из какого-то полка солдатскую походную кухню и стали раздавать обеды. Обед состоял из миски щей и каши и стоил три рубля. Столовую устроили в нижнем этаже, видимо в помещении для обслуживающего персонала бывшего Института благородных девиц. Там стояли длинные столы, покрытые клеенкой, и было окно для выдачи пищи.

У меня на счастье оказалось ровно три рубля. Я получила обед, уплатила деньги, съела щи, съела кашу — и почувствовала, что до смерти хочу есть.

Горестно размышляя над тем, где бы мне перехватить трешницу, я продолжала сидеть за столом. В это время в дверях показался невысокий бритый человек в черном пиджаке, окруженный толпой людей. Все ему что-то говорили и о чем-то его просили. Человек этот, разговаривая на ходу, получил обед и сел за стол. Одной рукой он держал ложку и хлебал щи, а другой брал бумаги, которые ему совали, читал их, подписывал карандашом, отдавал какие-то распоряжения.

Вдруг я услышала, как кто-то обратился к нему:

— Товарищ Гусев!

«Эге, — сообразила я. — Так это же мой отец!»

Совершенно не думая о том, что я делаю, я встала, обошла стол, подошла к Гусеву и сказала:

— Товарищ Гусев, вы мне нужны.

Он повернул ко мне утомленное лицо с красными от бессонницы глазами:

— Я слушаю вас, товарищ!

— Товарищ Гусев, — сказала я. — Я ваша дочь. Дайте мне три рубля на обед.

Он находился, видимо, на таком пределе усталости, что из всего сказанного мною до него дошла только моя просьба дать мне три рубля.

— Пожалуйста, товарищ, — сказал он, сунул руку во внутренний карман пиджака, достал бумажник, вытащил новенькую хрустящую трехрублевку и протянул мне.

Я взяла, поблагодарила, получила еще один обед, съела и, почувствовав себя более или менее сытой, отправилась в штаб Красной гвардии Выборгской стороны.

Мы оба забыли бы об этой встрече, но кто-то, очевидно, ее подсмотрел и рассказал о ней товарищам. Дошло это и до Владимира Ильича, и потом он не раз заставлял меня снова и снова изображать в лицах, как это я подошла, да как сказала, что, мол, я ваша дочь, да как отец дал мне трешку, да как я потом уселась есть второй обед,— а сам смеялся до слез.

Меня до того дразнили этой историей, что я стала бояться встречи с отцом. И вот на тебе — довелось мне попасть солдатом в армию, в которой он был членом Революционного военного совета!

Все это я и рассказала Кудряшову. Он выслушал меня, подумал и сказал:

— Человеческая сущность не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений.

Я знала, что это слова из тезисов Маркса о Фейербахе, но мне было невдомек, какое отношение имеют они к моему отцу и ко мне.

Тридцатое августа

В двадцатых числах августа наш отряд вместе со стоявшим рядом с нами судогодским отрядом Говоркова перебросили на правый берег Волги. Теперь мы стояли неподалеку от глубокого, заросшего лесом оврага. Здесь было просторно и далеко видно. Впереди нас лежали, слегка поднимаясь, холмистые поля. Слева сквозь сизую дымку поблескивала Волга и уходили к горизонту густые черные леса.

По ту сторону оврага темнели соломенные крыши небольшой деревни. Здесь кругом было много деревень. В некоторых из них на красных смотрели косо, в других — приветливее, а из той, которая находилась рядом с нами, как-то пришла депутация и попросила «свеженьких номерков». Мы сначала не поняли, о чем идет речь. Оказалось, о газетах.

От нас по деревням ходили агитаторы. Собрания проводились в разных избах, по очереди. Бабы жались к стенкам, с лежанок во все глаза глядели ребятишки. Когда темнело, зажигали лучину. Искры, шипя, падали в лохань с водой.

На второй или третий день нашего пребывания на правом берегу меня послали в разведку в тыл противника. Ночью меня отвезли на лодке верст за десять от линии фронта вниз по течению и высадили на берег. Я должна была пробраться в деревню Воробьевку, а потом в село Нижний Услон. На мне было коричневое платье, и, попадись я белым, сказала бы, что я гимназистка, бежала из Москвы, где моих родителей арестовали большевики, и пробираюсь в Казань разыскивать родственников.

В Воробьевке я сразу нашла нужного человека, и он передал мне собранные им сведения. Но в Услоне в назначенном месте меня никто не встретил. Я шла по селу. Улицы были безлюдны. На площади перед церковью стояла виселица, на которой висел босой человек. Глаза повешенного уже выклевали птицы. На груди у него белел плакат с надписью крупными буквами: «Член камитету бѣдноты».

По Симбирскому тракту тянулись обозы белых. Неприятель накапливал силы на нашем правом фланге. Я едва успела вернуться и сдать донесение, как далеко справа раздался взрыв огромной силы. Позже выяснилось, что одна из частей действовавшей против нас дивизии полковника Каппеля совершила налет на станцию Тюрлема и взорвала там поезд с артиллерийскими снарядами.

Смеркалось, когда из деревни по ту сторону оврага прибежал взвол-

нованный мальчуган и рассказал, что к ним пришли белые. Мы сообщили об этом в штаб армии и стали ждать приказа. Наступила черная, холодная ночь. Пошел дождь. Воздух наполнился шелестом струй, сбегавших к врагу. Притаившись за деревьями и за стогами сена, мы сжимали винтовки и вглядывались в кромешную тьму. Рядом с нами стояли, вооружившись кольями и вилами, крестьяне из соседних деревень.

Бой начался уже под утро, далеко вправо от нас и сзади. Стрельба была то частой, то редела. Вдруг сбоку, оттуда, где стоял Второй номерной полк, шагах в полтораста, показались двигавшиеся на нас каппелевцы. Они шли сплошной стеной — впереди солдаты с винтовками наперевес, позади, поигрывая наганами, офицеры в черных мундирах.

Каппелевцы вплотную приблизились к нашим позициям, но тут из засады начали бить наши пулеметы, а с Волги открыла артиллерийский огонь наша военная флотилия. Атака каппелевцев захлебнулась, бой стал уходить на юг, в сторону противника, а к полудню и вовсе затих.

Уже потом мы узнали, что на этот день, двадцать девятое августа, белые назначили операцию, которая, по их замыслу, должна была увенчаться захватом моста через Волгу, после чего для них был бы открыт прямой путь на Москву. Но вместо разгрома красных каппелевцы вынуждены были поспешно отступить.

День тридцатого августа вставал в ярком блеске солнца. Мы все были возбуждены событиями вчерашнего дня. Никто не ожидал близкой беды. В войсках проводились беседы. Девизом этого дня было: «Учись на своих ошибках и на ошибках врага».

И вдруг тревога!

Из Свяжска прискакал начальник политотдела армии Иван Дмитриевич Чугурин. Ведя на поводу коня, он шел вдоль линии фронта и, переходя от одной группы бойцов к другой, повторял одни и те же слова:

— На Владимира Ильича совершено покушение. Товарищ Ленин тяжело ранен. В Петрограде убит товарищ Урицкий. Товарищи, отомстим врагу!

На Казань!

...Сколько было уже за этот год прожито и пережито, сколько дум передумано, сколько чувств перечувствовано! Но все испытанное прежде померкло перед известием о покушении на Владимира Ильича.

Иван Дмитриевич Чугурин шел вдоль линии фронта, и бойцы со слезами на глазах говорили ему, что нужно написать в резолюции.

— Ты опиши, товарищ Чугурин, что за подлые покушения на вождей пролетариата мы клянемся беспощадно уничтожить белочешских разбойников,— говорил один красноармеец.

— А главное — что Казань возьмем,— добавлял другой.

— И так скажи: «Дорогой товарищ Ленин! Пусть предстоящее очищение Поволжья и Сибири от продажных наемников капитала заживит ваши раны»,— просил третий.

Тревога проявляла себя не в унынии, а в отчаянном, мрачном воодушевлении. Зло и даже, пожалуй, весело ходили люди в атаки, высаживались десантами, впрягались в орудия там, где надрывались лошади, таскали пушки на себе по тяжелой глинистой грязи. Армия и раньше стремилась взять Казань, но теперь она, что называется, рвалась в бой.

Третьего сентября со стороны Казани послышалась частая стрельба. Мы думали, что там действуют наши десантники. Оказалось, рабочие подняли в городе восстание. Белым удалось подавить его. Но они недолго торжествовали.

Ночью я снова ходила в разведку в Нижний Услон. На околице села горели костры, там биваком расположились белые части. Костров было гораздо больше, чем требовалось по наличному составу солдат. Похоже было, что их нарочно развели, чтобы создать впечатление, будто там сосредоточены крупные силы.

Солдаты лежали на земле, угрюмо глядя в огонь. В большинстве своем это были насильственно мобилизованные местные крестьяне и вчерашние гимназисты. Белочешское командование, предвидя неизбежность поражения, оттянуло на вторую линию огня свои регулярные части, подставив под удар эти обреченные войска.

Несколько дней спустя тут, на подступах к Нижнему Услону, наши санитары подобрали умирающего командира судогодского отряда Говоркова.

Отряд Говоркова весь этот месяц стоял рядом с нашим. Он состоял из рабочих-стекольщиков со старинного стекольного завода в Судогде.

Говоркову было под тридцать. На заводе он работал с малых лет, потом воевал в империалистическую войну. Очень любил рисовать и собирался после победы мировой революции пойти учиться в художественное училище.

Он был ранен в грудь навывлет. Когда его раздевали, при нем нашли письмо, адресованное «Всем! Всем!». Он завещал товарищам мстить чекам и белогвардейцам кто чем может.

«Письмо это вы получите после моей смерти,— писал он.— Был Говорков — и нет Говоркова!»

Наступление на Услон было началом наступления наших войск на Казань. О том, как огнем нашей артиллерии неприятель был выбит из Услона и Красной Горки, как общей атакой советских войск, действовавших в тесном взаимодействии с Волжской военной флотилией и авиацией, было проведено окончательное очищение Казани, как наши моряки смелыми десантными операциями содействовали молниеносному успеху красных частей и вызвали паническое бегство неприятеля,— обо всем этом и о многом другом я узнала уже только по рассказам, на перевязочном пункте, когда пришла в себя после контузии.

Перевязочный пункт помещался в большой рубленой избе. На лавках, на полатах, на полу — всюду лежали раненые. Солнце косо заглядывало в окно. Дверь внезапно распахнулась, в просвете появился солдат, весь измазанный грязью и кровью. Сняв шапку, он громко закричал:

— Товарищи! Братцы! Казань наша! Пойдем на Симбирск!

«Двенадцать»

В середине сентября меня отправили в санитарном поезде в тыл.

Стояли теплые прозрачные дни. За окном во всей своей красе проплывали осенние русские леса. Вереницами летели дикие гуси, слышался далекий клик журавлей. Маленькая девочка в длинном, до пят, цветастом платье, по-бабьи повязанная платком, махала им, чтобы они воротились к весне, и звонко кричала: «Колесом дорога!»

Поезд шел медленно. Когда он подходил к станциям, к нему с истошным криком и бранью кидались мешочники. Конвойные их не подпускали, они падали в ноги, хитрялись уцепиться за поручни и ехали под вагонами, на крышах, на буферах.

Как-то ночью поезд долго стоял на разъезде. Мешочников здесь почему-то не было. По платформе с фонарями в руках прошли два железнодорожника. Один из них сказал радостным голосом: «Температура 37,2. Пульс 90. Рассасывание идет хорошо». Разговор шел о здоровье товарища Ленина.

Но вот вдали заблестели купола соборов. Москва!

Чуть не бегом через весь город я добралась до дому. Маму я не застала: она была в командировке. Наскоро приведя себя в порядок, я отправилась на поиски друзей и товарищей. Увы! Кто уехал на фронт, кто еще куда!

В «Метрополе» принимал теперь один Аванесов: после покушения на Владимира Ильича Свердлов заменял его в Совнарком и работал в Кремле.

Печальная и грустная брела я по улицам. На Моховой, возле книжных развалов букинистов у Московского университета, стоял, перебирая книги, высокий, широкоплечий парень в солдатской шинели. Боже мой, Лень! Лень Петровский! Как он вырос и возмужал!

Лень потащил меня к себе домой. Он только что вернулся с Южного фронта и мечтал поступить в Академию генерального штаба. Нам было о чем рассказать друг другу.

Григорий Иванович Петровский, отец Лени, был тогда народным комиссаром внутренних дел. Комиссариат помещался в Настасьинском переулке. Жили Петровские там же во дворе, во флигеле, занимая квартиру из двух малюсеньких комнат, где с трудом удалось расставить кровати и столы.

Мать Лени Домна Федотовна усадила нас на кухне, накормила вкуснейшей ячневой кашей и наполнила сладким чаем. Мы ели, болтали, хохотали, вспоминали Питер и фронт. Тут же, как всегда, у нас разгорелся спор ради спора: чей фронт лучше, где шли более важные бои, на каком фронте раньше разобьют белых, в какой стране начнется мировая революция?

Так бы мы и проспорили весь вечер, если бы Домна Федотовна не выпроводила нас из дому, чтобы мы ей не мешали. Куда деваться? Тут наше внимание привлекла афиша, сообщавшая об открытии Рабочего дворца имени Карла Либкнехта. Пошли!

Нужно было обладать великодушной и щедрой фантазией первого года революции, чтобы назвать дворцом этот длинный голый сарай на задворках угрюмого кирпичного дома где-то около Бутырской тюрьмы. Там не было ничего, кроме красного плюшевого занавеса, пары соффитов, сколоченной из досок сцены и деревянных стульев и скамей.

Народу набралось полным-полно — все рабочие с соседних заводов. Видно было, что открытие Рабочего дворца является для них большим событием. Все были принаряжены кто как мог: кто в алой или голубой сатиновой косоворотке, перепоясанной шелковым шнуром, кто в костюме-«тройке». У женщин были накинута на плечи кашемировые платки. В воздухе пахло нафталином и машинным маслом, которым щеголихи, за отсутствием всякого другого, мазали волосы.

Открытие задерживалось, и во всех концах зала шел разговор — один и тот же разговор на одну и ту же тему: о хлебе!

Месяц тому назад Московский Совет под натиском голода разрешил свободный провоз в Москву полутора пудов хлеба. Как и следовало ожидать, это привело к небывалому беспорядку. Разрешение это, которое спекулянты прозвали «полуторапудовой волей», пришлось отменить. Вот об этом сейчас и шла речь.

— Правильно отменили, — говорили одни и рассказывали, как они мыкались, поехав за хлебом: в поездах творится такое, что вспомнить страшно; приедешь на место — в Ртищево или в Арзамас, — там говорят, что все кругом обобрано. Приходится ходить по деревням. Пройдешь деревень двадцать — и не сумеешь купить ни одного фунта ни зерна, ни муки. Купить может только спекулянт, только у кулака. А придет к кулаку наш брат рабочий, тот ухмыляется: «За что, мол, товарищи, боролись, на то и напоролись». Денег ваших, говорит, мне не нужно, у

самого стоят мешки этих самых «керенок» и «ленинок». Приезжайте, мол, за мукой с сапогами, за одну пару сапог, если подходящие, может, дадим вам с пудик мучки...

— Да, уж умеют выжимать кручину из бедняка,— вздохнула женщина в белом ситцевом платочке.

Но ей возразила другая — молодая, глазастая, с лукавым ртом, облепленным подсолнечной шелухой:

— А мы вот удачно съездили.

Она не нашла поддержки.

— Эта полуторапудовка только набила карманы буржуазам и еще больше оголodiла бедноту...

Наконец занавес раздвинулся, открылось торжественное заседание. По тогдашнему обычаю прежде всего прочитали последний бюллетень о состоянии здоровья Владимира Ильича. Потом слово было предоставлено докладчику «о текущем моменте».

Это был докладчик из тех, которых в те времена прозвали «докладчиками с акулой» за то, что они не могли обойтись без непрерывных упоминаний об «акулах» и «гидрах» мирового империализма.

Упиваясь собственным красноречием, наш докладчик буквально захлабывался длиннющими трескучими фразами.

— ...Эти коронованные капиталистической милостью акулы тирании,— восклицал он,— те, кто на фундаменте из человеческих костей скрепляют кровавым цементом роскошные дворцы, воздвигают замки и палаты, пьют вина, пожирают хлеб, в то время когда рядом с ними рабочий умирает с голоду, живет в холодном подвале, падает мертвый под ноги господина, а господин встает на его бездыханное тело и восторженно пьет искристое вино за здоровье тирана, а паразиты подобострастно кричат, стараясь открыть пошире рот: «Гип! Гип! Ура!»...

Сперва эта болтовня, пожалуй, даже нравилась слушателям. «Здоров чешать языком»,— говорили они. Но потом люди начали уставать.

— Вот пустоговорка-то, леший его заешь,— рассердился кто-то.

— Да уж,— ответили ему.— Этот нашего пономаря перепономарит.

Оратора уже не слушали. От духоты и утомления людей стали одолевать тяжелые мысли. Со всех сторон шел разговор о том, что зима не за горами, хлеба нет, топить нечем. Как-то проживем? Выживем ли?

— Видать, сыт, раз так долдонит,— сказал злой голос.

— Мы этими песнями насышаны. Он бы лучше хлеба привез,— подхватил другой.

Наконец оратор «закруглился». На радостях, что он кончил, ему похлопали.

Занавес сдвинули, потом раздвинули. Теперь стол президиума стоял сбоку, а на середину выдвинули рояль.

— Гляди, ящик-то какой! — ахнули в зале.— Это что же будет теперь?

Начался концерт. Узкоплечий юноша, почти мальчик, в широком не по росту костюме исполнил Вторую рапсодию Листа. Певица спела замечательный романс Даргомыжского, который тогдашние работники искусств, видимо, считали наиболее соответствующим большевистскому мировоззрению, ибо исполнил на всех решительно концертах: «Нас венчали не в церкви...» Дальше была очередь баса. Он рассмешил всех знаменитой «Блохой» и взволновал балладой «Перед воеводой...» Ему, как и всем, бурно аплодировали.

Программу вел председатель районного Совета — дюжий дядя с руками молотобойца. Объявляя следующего исполнителя, он сказал:

— Товарищи! Сейчас перед вами выступит артист драматического театра товарищ Дарьяльский.

Из боковой двери появился белокурый молодой человек в визитке — стройный, изящный, красивый. Выйдя на авансцену, он заговорил глубоким грудным голосом:

— Я прочту вам, товарищи, поэму Александра Блока «Двенадцать».

Ему дружно похлопали. «Двенадцать» так «Двенадцать»! Никто не знал, конечно, о чем идет речь: поэма Блока тогда только появилась и была известна лишь очень узкому кругу.

Актер отошел на несколько шагов от рампы и встал, освещенный ярким светом соффигов. Опустив голову, он начал на низких нотах:

Черный вечер...

Потом приподнял голову и звеняще даже не сказал, а почти пропел:

Белый снег...

Сейчас он стоял, высоко держа голову, слегка откинувшись назад. В его протяжном голосе слышался вой разыгравшейся вьюги:

Ве-е-е-тер, ве-е-е-тер!..
На ногах не стоит человек...

У него была подчеркнуто выразительная манера исполнения — со свистящим «с к о л ь с с к о» и тяжелым, как камень, «т я ж к о».

Теперь облик актера стал жестким. Правая рука, согнутая в локте, отбивала темп марша. Размеренно, торжественно, четко он произнес:

От здания
к зданию
протянут
канат,
На канате — плакат..

Вдруг он резко выбросил тело вперед и, высоко подняв руку, закричал, словно зовя за собою на штурм:

ВСЯ!
ВЛАСТЬ!
УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ!
СОБРАНИЮ!

И тут произошло нечто невообразимое. В едином порыве люди вскочили с мест и кинулись вперед, задыхаясь от ненависти, крича, рыча: «Долой! Вон! Долой его!» В полосе света, падающего со сцены, промелькнули искаженные гневом лица и потрясающие в воздухе кулаки.

Председатель выбежал к рампе, заслонил испуганного актера и заорал: «Товарищи! Спокойно! Это же стихи!»

Но никто не хотел успокаиваться. Все стояли, продолжая сжимать кулаки, и из конца в конец зала прокатывался грозный клич: «Долой Учредилку!», «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует Совет народных комиссаров!», «Да здравствует Ленин!»

Письмо

Как-то у нас в Союзе молодежи ребята подняли невероятный шум: — Безобразие! Скоро годовщина революции, а такое творится! Прямо как при царском режиме!

— Что случилось? В чем дело?

— Понимаешь, по всей Москве портреты буржуев развешаны. Морды розовые, гладкие, в глаз воткнуты очки об одно стекло, а сами развалились и нахально скалят зубы на пролетарскую революцию.

— Да не порите вы чушь! Не может того быть.

— Не может? А вот пойдем посмотрим!

Пошли... В Столешниковом переулке, на Неглинной и на Тверской висели огромные, во весь фасад, рекламные щиты папирос «Сэр». На них был изображен некий великосветский джентльмен. Покуривая папироску, он пускал кольца дыма.

— Ну, что скажешь?

— Действительно безобразие.

Решили заявить протест в Московский Совет. Выслушали нас там со вниманием, редкостным даже по тем малобюрократическим временам, записали, что и где, обещали либо немедленно снять эти щиты, либо закрасить. И в самом деле, уже на другое утро на улицах появились рабочие-маляры с ведерками краски. Большими кистями они замазывали и буржуйские физиономии и вообще все рекламы под сочувственные замечания зрителей: «Развесили здесь эту дрянь, весь город изгадили. Все купи да продай. Будто ничего другого людям и не нужно!»

Мы прямо лопались от самодовольства: вот, мол! Пошли мы в Моссовет, сказали, там с нами сразу согласились и все сделали.

Но старшие товарищи посмеивались:

— Не хвалитесь своим великим разумом. Это сделало письмо.

— Какое письмо?

— Много будете знать, скоро состаритесь.

Так мы впервые узнали о существовании загадочного письма, которое работники Московского Совета получили от Владимира Ильича. Что это было за письмо, они никому не рассказывали, только что-то бормотали, покряхтывали, почесывались — и видно было, что чувствуют они себя неважно.

Так и не узнать бы мне содержания этого письма, если бы несколько лет спустя оно не было опубликовано в одном из «Ленинских сборников». Написано оно было в связи с постановлением президиума Моссовета, в котором говорилось о том, что Народный комиссариат просвещения не снабдил Моссовет бюстами деятелей революции, поэтому Моссовет снимает с себя ответственность за украшение Москвы в годовщину Октябрьского переворота.

Вот это письмо:

«В Президиум Московского Совета Рабочих и
Красноармейских Депутатов.

12 октября 1918 г.

Дорогие товарищи! Получил вашу бумажку за № 24962 с выпиской из постановления Президиума от 7.X.

Вынужден по совести сказать, что это постановление так политически безграмотно и так глупо, что вызывает тошноту... «Президиум вынужден снять с себя ответственность»... Так поступают капризные барышни, а не взрослые политики. Ответственность Вы с себя не снимете, а втрое ее усилите.

Если Комиссариат Народного Просвещения Вам не отвечает и не исполняет своего долга по отношению к Вам, то Вы обязаны жаловаться с документами. Не дети же Вы, чтобы не понять этого.

Когда Вы жаловались? Где копия? Где документы и доказательства?

И весь президиум и Виноградова¹, по моему мнению, надо бы на неделю посадить в тюрьму за бездеятельность.

Если Комиссариат Народного Просвещения «не выдает бюстов» (когда Вы требовали? от кого? копия и документ? когда вы обжаловали?), — Вы должны были бороться за свое право. А «снять

¹ Работник Наркомпроса, ведавший изготовлением памятников (Е. Д.).

с себя ответственность» — манера капризных барышень и глупеньких русских интеллигентов.

Простите за откровенное выражение моего мнения и примите коммунистический привет от надеющегося, что Вас проучат тюрьмой за бездействие власти, и от глубоко возмущенного Вами Ленина».

Надо сказать, что подействовало это письмо самым отличнейшим образом: в течение месяца в Москве было установлено, наверно, больше памятников, чем за всю предшествующую и последующую ее историю.

В одно из воскресений, как раз в те дни, когда происходил Первый съезд комсомола, открыли сразу четыре памятника: Шевченко, Кольцову, Никитину и Робеспьеру.

— Куда бы пойти? — рассуждали ребята в общежитии съезда. — Кольцов? «Ну, тащися, Сивка...» Нет, это не по нашей эпохе. Никитин, «Пали на долю мне песни унылые...» — тоже не подойдет. Вот Шевченко бы посмотреть, а еще лучше Робеспьера: «Интерес народа — общий интерес; интерес богатых — частный интерес». «Необходимо снабдить санкюлотов оружием, страстью, просвещением. Надо истреблять и внутренних и внешних врагов республики или погибнуть вместе с ней». Одним словом, Неподкупный! Пошли, товарищи, на Робеспьера!

Памятник Робеспьеру решено было установить в Александровском саду. Когда мы пришли, монумент был покрыт куском золотистой материи, а пьедестал обвивали гирлянды живых цветов. Народу собралось тысяч пять, не меньше. Представители рабочих районов пришли с красными знаменами и венками белых и лиловых хризантем.

Вот появился представитель Московского Совета Петр Гермогенович Смидович. Оркестр заиграл «Марсельезу». Смидович сдернул покрытие — и взорам присутствующих открылся памятник Робеспьеру. Слово было предоставлено французскому коммунисту Жаку Садулю.

Месяца два назад Жак Садуль был еще работником французской военной миссии. Его биография была необычайной. Адвокат, сын участницы Парижской коммуны, он совсем молодым человеком вступил в ряды социалистической партии и был избран секретарем федерации партии в департаменте Вьенны. Во время первой мировой войны примкнул к социал-патриотам, работал в министерстве снабжения правой рукой ярого шовиниста Альбера Тома, который и командировал его в сентябре 1917 года во французскую миссию в России как человека, способного урезонить русских рабочих и уговорить их, чтобы они продолжали оставаться пушечным мясом для империалистов Антанты.

Когда Садуль приехал в Россию и встретился с Лениным и другими большевиками, когда увидал собственными глазами русскую революцию, он начал отходить от позиций французского социал-патриотизма. Свои новые взгляды он изложил в ряде писем во Францию, которые затем собрал и издал книгой под названием «Да здравствует пролетарская революция!». В августе 1918 года Садуль окончательно порвал с французской военной миссией и вступил в Коммунистическую партию.

Он был истинным французом — веселым, живым, остроумным, галантным. Бывало, идешь рядом с ним по Москве, топаясь ногами, обутиыми в огромные армейские ботинки. На тебе гимнастерка и вылинявшие солдатские брюки. А Садуль склонит к твоему плечу свой изящный стан, поддержит под руку при переходе улицы — и ты сразу почувствуешь себя дамой!

И вот сейчас Жак Садуль стоял у подножия памятника Робеспьеру и, обращаясь к русскому народу, произносил речь как коммунист и как француз:

— Буржуазия всячески старалась принизить значение французской революции и опорочить Максимилиана Робеспьера, — говорил он. — Она никого так не ненавидела, как этого честного и преданного революцио-

нера. Советская Россия ставит памятник Робеспьеру, в то время как во Франции такого памятника нет. Буржуазия клеветала на Робеспьера так же, как она клеветает сейчас на наших вождей. Робеспьер знал, что создать новый строй можно, только уничтожив все старое. Проводя красный террор, он был лишь исполнителем воли народа и выразителем его пламенного гнева! Да здравствует бывшая французская революция и грядущая французская революция!

— Ура! — закричали кругом. — Да здравствует революция! Да здравствует коммунизм! Да здравствует французский пролетариат!

Оркестр играл «Марсельезу», Садуля качали, целовали, приглашали в гости.

За несколько дней памятники революционерам, поэтам, писателям были установлены чуть ли не на всех московских площадях. Лишь немногие из них были отлиты из бронзы, большинство было изготовлено из бетона, к тому же из скверного бетона. Во всяких художественных отделах сидели тогда товарищи, которые почему-то видели столбовую дорогу пролетарского искусства в футуризме. Поэтому памятники были сооружены в виде прямоугольных кубов, увенчанных приплюснутыми обрубками, изображавшими головы. В довершение всего время быстро обезобразило их своими разрушающими метами. Все это так! Но нам эти первые детища революции казались прекрасными — и мы были абсолютно искренни, когда с воодушевлением говорили, что памятники эти будут стоять века!

А сбоку на это глядела интеллектуальнейшая плесень — из тех, о ком Чехов издевательски говорил: «Он очень умный, воспитанный, окончил университет, даже за ушами моет». Эта плесень слушала философские лекции Шпета, почитала себя поклонницей феноменологической школы Гуссерля, рукоплескала «Вехам», Милюкову, Струве и Туган-Барановскому, бывала на премьерях пьес Метерлинка, зачитывалась Владимиром Соловьевым, декламировала стихи Вячеслава Иванова, днем посещала вернисажи, вечера заканчивала с певичками в отдельных кабинетах «Яра» — и по всему по этому полагала, что она, и только она, является солью земли русской. Не сумев или не успев пока ударить к Деникину и Колчаку, она по мере сил своих участвовала в контрреволюционных заговорах, ехидничала и шипела.

Она, эта плесень, ощупывала памятники колючими глазками, обнаруживала их уродливость, открывала пятна, нанесенные сыростью, тыкала пальцами в язвы и трещины в рыхлом бетоне — и торжествуяще предсказывала, что памятники быстро развалятся. Это была правда, но только и х правда, правда лишая, правда мокрицы.

А наша правда? В чем же она? В том, что пролетариат позвал великих людей прошлого встать рядом с ним, в его шеренгу, и лучшие умы человечества пошли вместе с рабочим классом на осаду крепостей капитализма.

Там, где бой, там и жертвы. В ночь на седьмое ноября 1918 года памятник Максимилиану Робеспьеру у Кремлевской стены был взорван преступной рукой врага...

Скорей бы!

Это было под вечер в одну из последних суббот перед Октябрьскими праздниками. Не помню уж почему, я бегом бежала через Кремль — и вдруг увидела Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Они шли, держась за руки, посмеивались, переговаривались, поглядывали на чуть розовое на закате небо.

— Пойдем к нам чай пить! — крикнула мне Надежда Константиновна.

— С медом,— подхватил Владимир Ильич.— Мы члены профсоюза, вот и получили!

По дороге к дому они пригласили еще кого-то из товарищей, которые с радостью пошли к «Ильичам».

Чай пили на кухне, совсем как в былые времена в парижской квартире на улице Мари-Роз. На столе стояла такая же разномастная посуда, клеенка так же была покрыта сетью трещин и щербинок.

Владимир Ильич еще редко выходил после ранения и потому жадно расспрашивал всех о том, что творится на свете. А рассказать было о чем! И первое заседание первой в мире социалистической Академии общественных наук, и Первый съезд комсомола, и... Много чего — и все первое!

Владимир Ильич слушал, задавал вопросы, весело переглядывался с Надеждой Константиновной. Особенно заинтересовали его рассказы о разговорах в народе — о рабочем с Прохоровки, который сказал: «Советская власть начала с пустым кошельком, а хоть четвертый хлеба, но докормила нас до нового урожая»; о делегатке Первого съезда работниц, рассказывавшей о себе: «Я бросила тачку, чтобы с головой уйти в организационную работу».

— Так и сказала: «уйти в организационную работу»? — переспросил Владимир Ильич.

— Да, так.

— Как интересно, а, Надя? А какая она, эта женщина — молодая, старая?

— Лет двадцать пять. У нее трое детей. Она говорит, что видит этих детей в месяц часа три, не больше, но они у нее так приучены, что с пеленок сами себе хозяева.

Надежда Константиновна налила всем по второму стакану чаю. Раздался стук в дверь. Это пришел секретарь Совнаркома Николай Петрович Горбунов. В руках у него был пакет, зашитый в кусок черного шелка.

— Тут, Владимир Ильич, товарищ из Америки приехал и привез вам вот это,— сказал он.

Владимир Ильич распорол ножом шелк, вскрыл конверт и достал письмо, написанное на листке тонкой бумаги. За столом продолжался общий разговор.

Вдруг Надежда Константиновна вскочила с места.

— Володя, что с тобой?

У Владимира Ильича побелело лицо, и даже губы стали белыми. Все невольно посмотрели на его левое плечо, в котором еще сидела эсеровская пуля. Но он замотал головой.

— Нет, нет, ничего... Вот послушайте-ка! — И сдавленным голосом стал читать:

«Сан-Франциско (Калифорния), 4.VII—1918 года.

Тюрьма.

Ко всем моим товарищам и братьям рабочим в России.

Приветствую вас, товарищи, в ваших исканиях, в вашей величественной борьбе!

Привет вам, русские рабочие, и в несчастьях, в невзгодах и в скорби вашей.

Мне хочется сказать вам, что всем своим существом я с вами; что во мне, в моей скромной по своему значению личности, вы имеете искреннего вашего сторонника и горячего приверженца вашего великого дела.

Не проходит дня, чтоб я мысленно не был с вами. Ваши могучие усилия, ваши напряженные искания влекут мои думы к вам.

Искренние старания ваши направлены к тому, чтобы дать действительную свободу великому, многострадальному народу.

Триста лет вы и деды ваши страдали под ярмом варварской тирании.

Одного этого достаточно, чтобы побудить вас прямо идти к своей цели и чтобы вы пили из того чистого источника свободы, которым вы обладаете.

Я ваш приверженец, я иду по вашим стопам, насколько условия моей теперешней жизни позволяют мне, а условия эти (таковы уж они) не слишком позволяют проявить себя.

Я печалюсь вашими печальями, страдаю, пока у вас неудачи, и ликую, когда вы одерживаете победы.

Мое личное положение весьма серьезно, но это вопрос лишь моего собственного спасения. Гораздо больше меня интересует спасение того, что достигнуто рабочим классом России в его борьбе. Он освободился от тяжелой неволи, от рабства прошлого и теперь делает такие блестящие, такие великолепные попытки построить новое царство свободы.

Сердце мое рвется к вам, к вашей великой работе, к вашей благородной деятельности.

Еще больше сил, еще больше могущества я желаю вашему удивительному революционному духу, которым проникнуты все ваши честные намерения и благородные усилия.

Величайшее несчастье жизни моей — это то, что я не могу принять участие в вашей славной работе, вместе с вами.

Это послание я передаю с одним русским товарищем, который возвращается в Россию, чтобы присоединиться к русским борцам в их великой работе.

Я передаю его своими руками из «Сан-Францисской Бастилии» в надежде, что вы его получите.

Я надеюсь и верю, что переустройство вашей молодой экономики увенчается блестящим успехом.

Посылаю вам отсюда, из места моего заточения, мои сердечные поздравления и братские приветствия.

Искренне, честно, по-братски я ваш в деле освобождения от капиталистического рабства.

Том Муни».

Владимир Ильич кончил. Волнение долго не давало никому говорить. — Когда назначена казнь? — глухо спросила Надежда Константиновна.

— На двенадцатое декабря, — ответил Горбунов.

Том Муни, американский социалист, в прошлом рабочий-литейщик, противник войны, был оклеветан и приговорен к смерти за то, что будто бы он вместе со своим другом Биллингсом бросил бомбу во время военного парада в Сан-Франциско в июле 1916 года. Уже более двух лет рабочие всего мира — в том числе русские рабочие — требовали отмены приговора и освобождения Муни.

— Помнишь, Надя, как на копенгагенском конгрессе II Интернационала мы с Томом Муни всю ночь катались на лодке в фиордах? — спросил Владимир Ильич. — Том пел песни американских рабочих, а потом мы учили его «Дубинушке».

Владимир Ильич встал, подошел к окну, всматриваясь в смутный вечерний сумрак, потом обернулся.

— Скорей бы! — воскликнул он. — Кажется, тысячу раз отдал бы жизнь, только скорей бы!

Все поняли, о чем он думал: о победе пролетарской революции во всем мире.

Он сел за стол, взял стакан, подержал его и снова поставил, не отпив ни глотка.

— Я пойду, поработаю часок-другой, — сказал он, поднимаясь.

Надежда Константиновна смотрела на него.

— Ступай,— сказала она мягко.— Мне тоже надо бы сходить по одному делу.

Прихватив с собой меня, она пошла пешком в Хамовники, в Рукавишниковский детский приют, и до позднего вечера занималась его бедами — скверной пищей, рванными простынями, вшами, отсутствием дров и учебников...

Наш костер...

Когда Владимир Ильич, думая о международной революции, воскликнул: «Скорей бы! Кажется, тысячу раз отдал бы жизнь, только скорей бы!», он выразил чувства лучших людей России того времени.

Приближалась первая годовщина того дня, как партия революционного пролетариата взяла в свои руки власть и сквозь тяжчайшие испытания повела страну по пути социализма. Каждый день на протяжении этого великого, полного трагизма года русские рабочие и крестьяне обращали свои взоры на Запад, ожидая часа, когда там вспыхнет социалистическая революция.

Сначала с Запада доносился только рев пушек первой мировой войны. Весной германская армия перешла в наступление. Громкие победы первых дней быстро сменились почти катастрофическим поражением. В сентябре началось наступление армий Антанты. Германский фронт был прорван, союзнические войска продвинулись далеко за основную оборонительную линию противника. Колоссальная мощь германской армии быстро таяла. Двадцать девятого сентября была прорвана «линия Гинденбурга», в этот же день капитулировала Болгария, а вслед за нею — Турция и Австро-Венгрия.

Время шло. И все чаще сквозь грохот орудий с Запада стали пробиваться иные звуки: шум шагов рабочих демонстраций, пение «Интернационала», возгласы: «Долой империалистическую войну!», «Слава русской революции!», «Мир хижинам — война дворцам!»

Советская республика была отрезана от всего мира. Чтобы хоть что-нибудь узнать о происходившем на Западе, терпеливые радисты на слабеньких радиостанциях в Таврическом дворце, в Пулкове, в Москве, в Пензе день и ночь шарили в эфире, ловя сообщения о боях под Реймсом и Амьеном, об антисоветских выступлениях Ллойд-Джорджа и Клемансо, о забастовках в Германии, о голодных бунтах в Болгарии, о волнениях солдат во французской армии, о рисовых беспорядках в Японии.

Бумаги было мало, газет не хватало. Народ толпился на улицах, возле окон магазинов, где вывешивались написанные от руки на длинных полосах бумаги «Революционные сводки РОСТА». Сводки читались вслух и тут же комментировались:

— ...Я в Германии в плену был. Видел, как народ там намаялся.

— ...Насчет Австро-Венгрии я не сомневаюсь. Там дело близкое.

— ...У нас постановили назвать отряд именем Карла Маркса и вступить всем до одного.

— ...Знавал я болгар. Хороший народ. Красивый народ. Гордый народ.

— ...Пора, брат, пора... Близок последний, решительный бой!

Как ни старалась военная цензура, не было дня, чтобы в Советскую Россию не проникали сообщения о народных волнениях во всех уголках земного шара. По волнам эфира неслись названия все новых и новых мест, в которых вспыхивали революционные бои; радисты порой их нещадно путали — и читатели сводок РОСТА мучительно старались понять, что же это за таинственный «французский город Кисамиса», который так и не был расшифрован, или «известный американский писатель Упрозинклер», оказавшийся на поверку Эптоном Синклером.

Но вот в германских радиogramмах промелькнула фраза, в которой проницательные умы сразу уловили нечто весьма серьезное: «В Болга-

рии не произошло никаких событий, о которых следовало бы сообщать». На следующий день стало известно, что болгарские солдаты тысячами покидают фронт, что они создали Советы солдатских депутатов и направились в поход на Софию. В Москве на улицах незнакомые люди радостно пожимали друг другу руки: «Начинает сбываться!»

В первых числах октября внезапно похолодало. Как-то вечером, выйдя с молодежного собрания, мы увидели, что, пока мы там спорили и пели, снег покрыл все кругом ровной белой пеленой.

— Вот здорово! В зимний холод пой, кто молод!

Положив друг другу руки на плечи, мы широко шагали в ряд, распевая сложennую на этом собрании песню:

Наш костер в тумане светит,
Революция кругом,
Власть трудящихся не сломят,
Если все мы в бой пойдем...

Наш костер пылает ярко,
Искры смело вдаль летят,
И рабочие на Западе
Революции творят...

У Петровских ворот нас окликнул красноармеец. Поеживаясь от стужи, он стоял на посту у хлебного магазина.

— Табачку не найдется, товарищи?

Табачок нашелся. Скрутили толстенную сигарку, зажгли спичку. Красноармеец жадно затянулся, потом спросил:

— Ну, как там?

— Где там?

— Да в Болгарии.

— В Болгарии хорошо. Корона с королевской башки полетела, завтра и башка с плеч слетит.

— А насчет австрияков?

— И австрияки поднимаются, и турки, и немцы. Все жарче и жарче пожар мировой!

Мы пошли дальше.

Ночь пройдет, а утром рано
Нам оружие ковать,
Чтобы власти капитала
В мире больше не бывать...

Все, кто в эти дни бывал на фабриках и заводах, кто выступал среди рабочих и красноармейцев, в один голос отмечали торжественное, горделивое, приподнятое настроение, в котором жил теперь народ. Огромные исторические события полностью подтвердили правильность избранного пути. Люди видели, что тяжелые жертвы и лишения, через которые прошли они за этот год, были не напрасны. Люди знали, что им предстоит пережить еще немало бурь, великих бурь, но они спокойно смотрели в будущее, уверенные в своих силах.

— У нас теперь одно дело — победить, — сказал на митинге на заводе Бромлей один из старейших заводских рабочих, и слова его были покрыты громом рукоплесканий.

События продолжали нарастать... Освобожден из каторжной тюрьмы Карл Либкнехт... В Вене и Будапеште образованы Советы рабочих и солдатских депутатов... Восставшие матросы убили венгерского диктатора Тиссу... В Болгарии провозглашена республика... По Германии бродит призрак революции...

Редко кому на свете приходилось тяжелее, чем тогдашним русским рабочим: на протяжении многих месяцев четверть, а то и восьмая фунта хлеба, похожего на глину пополам с соломой, да селечный хвост на четверых. И несмотря на это, при каждом известии об успехах револю-

ционной борьбы международного пролетариата по всей стране вспыхивали массовые манифестации и митинги.

Площадь перед Московским Советом жила в непрерывном кипении. Одна колонна манифестантов сменяла другую. Звуки уходящего оркестра сливались со звуками другого, приближающегося. На одном конце площади пели последние строфы «Интернационала», на другом уже слышались его первые слова.

...Приближалось празднование первой годовщины Октября. По всему городу стучали молотки, приколачивались плакаты, знамена, картины, портреты. Ночью звенели трамваи, которые развозили картофель, его раздавали населению через домовые комитеты. В витринах магазинов устраивались выставки: «Земля и планеты», «Анатомия человека», «Есть ли бог и душа?» На здании бывшей городской думы, рядом с часовой Иверской богоматери, появились высеченные из камня слова Маркса: «Религия — опиум для народа». Художники разрисовали Страстной монастырь и деревянные ларьки в Охотном ряду яркими, пестрыми фигурами и надписями: «Не трудящийся да не ест!»

Повсюду заседали комиссии, разрабатывавшие программу праздника. Некий лохматый товарищ, выступая перед нами от имени секции изобразительных искусств Наркомпроса, говорил, что празднество предположено разделить на три части: борьба, победа, упоение победой.

— Первоначально настрояние масс кульминирует, — говорил он, потрясая своими лохмами, — потом оно достигает апогея и в результате заканчивается весельем...

Московский Совет принял решение напрячь все силы, чтобы накормить седьмого ноября все трудящееся население Москвы обедом: хлеб, щи с мясом или рыбой, два стакана чаю с сахаром.

Всему гражданскому населению — без различия классовой принадлежности — было решено выдать по два фунта хлеба, по два фунта свежей рыбы, по полфунта сливочного масла и по полфунта варенья. И удивительная вещь: мы, которые с такой яростью выступали против меньшевиков, отстаивая необходимость введения классового пайка, были счастливы тем, что в великий день седьмого ноября продукты получают все без исключения и в равных количествах: в этом был прообраз будущих побед социализма!

И вот настало шестое ноября. Ровно в полдень протяжно загудели гудки московских фабрик и заводов. Трудовая жизнь Москвы остановилась. Толпы народа заполнили улицы и — выражаясь языком лохматого товарища из изобразительного отдела Наркомпроса — «кульминировали», не слишком-то разбираясь в том, какие чувства они испытывают: борьбы, победы или упоения победой.

Вечером зажглась иллюминация. На Красной площади с Лобного места выступали ораторы. Потом там же, на Лобном месте, было сожжено чучело старого мира.

В третьем часу дня открылся VI Чрезвычайный съезд Советов, приуроченный к годовщине Октябрьской революции. Зал Большого театра был задрапирован красной материей, от центральной люстры протянулись гирлянды зелени и ленты с надписями: «Да здравствует союз рабочих и бедняков деревни!», «Революция — локомотив истории!»

На этом съезде — впервые! — не было ни «правой», ни «левой»: весь зал от края и до края занимали большевики. На сцене стояли декорации Грановитой палаты из «Бориса Годунова». Свердлов, приглашая товарищей пройти из-за кулис и занять места в президиуме, сказал, смеясь: «Пожалуйте, товарищи бояре!»

Он открыл съезд, произнес несколько вступительных слов и в наступившей тишине начал было фразу: «Слово предостав...»

Дальше уже ничего не было слышно — такое началось в зале. По всем пяти ярусам, как бы отвечая общему настроению, вспыхнули дополнительные люстры.

Владимир Ильич, поднявшись из задних рядов президиума, прошел к ораторскому месту, разложил записки, достал часы, поглядел на них и начал говорить...

Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами, в конце ее зал устроил бурную овацию, которой, казалось, не будет конца.

Новой овацией были встречены телеграммы от Либкнехта, Меринга и группы «Спартак»; полученные съездом. «Ваша борьба — наша борьба, — писали товарищи. — Ваша победа — наша победа! Пусть счастье сопутствует вам во всех бурях настоящего и будущего!». «Русская Советская Республика стала знаменем борющегося Интернационала! — писал Карл Либкнехт. — Она возбуждает остальных, наполняет смелостью колеблющихся, удесятеряет смелость и решимость всех! Клевета и ненависть окружают ее, но высоко над всем потоком грязи возносится она — великое творение гигантской энергии и благороднейших идеалов, начинающийся новый, лучший мир!»

Когда стемнело, на улицах зажгли фейерверк. В здании оперного театра Зимина (ныне — филиал Большого театра) началась опера Бетховена «Фиделио». Режиссер Федор Комиссаржевский поставил спектакль так, что происходящее на сцене переплеталось с сегодняшним днем. Перед восхищенными зрителями разворачивался рассказ о политических узниках, об убийстве тирана, об освобождении восставшим народом своего вождя — Флорестана, которого заточил в темницу преступный губернатор Пицарро. Герой оперы обратился к присутствующим с речью, которая заканчивалась призывом: «Мир хижинам — война дворцам!» В финале действующие лица пели вместе со всем залом «Интернационал».

День седьмого ноября был ясным, солнечным. Он начался с того, что Ленин открыл на площади Революции памятник Марксу и Энгельсу. Оттуда он вместе с делегатами съезда Советов прошел на Красную площадь. Все выстроились около задрапированной красным шелком мемориальной доски в память жертв Октябрьской революции. Свердлов провозгласил, что открытие доски поручено самому любимому, самому дорогому для всех человеку — товарищу Ленину!

Владимир Ильич срезал ножницами печать, покровы упали — и глазам присутствующих представилась белокрылая фигура, держащая пальмовую ветвь с надписью: «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Знамена склонились, раздались звуки похоронного марша, все обнажили головы.

— Товарищи! Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм... Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «Победа или смерть».

И вся площадь, словно эхо, повторила за Лениным: «Победа или смерть!»

«Зимняя сказка»

Никогда еще я не видела Свердлова таким, каким он был в ноябрьские дни восемнадцатого года. «У него внутри мотор в двести тысяч лошадиных сил», — сказал кто-то из товарищей. Всегда легкий, стреми-

тельный, быстрый, он теперь не ходил, а словно летал, не чувствуя под собой земли. За день он успевал побывать в десятке мест — председательствовать во ВЦИКе, присутствовать на заседании Совнаркома, выступить на митинге в красноармейской казарме, принять ходяков из Тамбовской губернии, побеседовать с группой коммунистов, отправляющихся на Южный фронт, устроить в санаторий заболевшего товарища, протудировать с карандашом в руках новую статью Ленина и «провернуть» еще тысячу дел!

Когда он спал? И спал ли он вообще? В каждом его движении чувствовалась неукротимая энергия. Обычно сдержанный и весь по-добранный, сейчас он делал все с веселым шумом.

— Подумать только, что творится! — восклицал он. — И все это не миф, не фантазия, а наиреальнейшая действительность! А народ у нас какой! Золотой народ! Удивительнейшие человечины!

Как-то к нему пришли комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон и командир артиллерийского дивизиона Берзин — тот самый Берзин, которому английский посланник в России Локкарт, посулив за это пять-шесть миллионов рублей царскими деньгами, предложил примкнуть к контрреволюционному заговору, помочь свергнуть Советское правительство и убить Ленина и Свердлова.

Берзин дал уклончивый ответ и тут же передал о предложении Локкарта Петерсу. По указанию Петерса он сделал вид, что на все согласен, несколько раз встречался с Локкартом, с французским генеральным консулом Гренаром, с бывшим американским генеральным консулом Коломатиано, проник таким путем в центр заговора, узнал его участников, получил от Локкарта в счет обещанного миллион с гаком — и... передал все это в ВЧК!

Я видела его, этот миллион, когда Петерсон и Берзин принесли его, чтобы показать Свердлову. Миллион лежал в сером холщовом мешке. Петерсон нес его за плечами, как носят мешки с картошкой. Развязав веревку, стягивавшую мешок, Петерсон вывалил на диван груды грязноватых пачек. Как сказал Берзину Локкарт, эти деньги были собраны для нужд заговора «богатыми русскими людьми» в обмен на чеки, которые должно было впоследствии оплатить английское правительство.

Свердлов оторвал кусок газеты, подошел к дивану, на котором лежал миллион, и прихватил через бумагу пачку, чтобы поближе рассмотреть деньги своими близорукими глазами.

— Противно в руки брать, — сказал он.

Заговор Локкарта был ликвидирован, некоторые заговорщики успели скрыться, остальные были арестованы и преданы суду. На лице Берзина блуждала смущенно-счастливая улыбка.

— И дурак же этот Локкарт, — сказал Яков Михайлович, глядя на Берзина. — Нашел кого вербовать!

В начале ноября Свердлов уехал на несколько дней в Питер — проводить съезд деревенской бедноты. Вернулся оттуда радостный и возбужденный донельзя. Готов был десятки раз рассказывать и пересказывать про то, что там было.

Даже в те полные чудес времена съезд этот казался чудом. Вместо ожидаемых пяти-шести тысяч съехалось больше десяти тысяч делегатов! Под съезд был отведен Зимний дворец, но царские хоромы оказались тесны — и первое заседание было проведено на площади Урицкого (ныне Дворцовая), прямо под открытым небом. Потом заседали в Народном доме, в двух залах одновременно. Съезд принял решение создать образцовые полки деревенской бедноты, в которые каждый комбед выделит по два человека — самых крепких и достойных людей. С огромным воодушевлением съезд избрал делегацию для посылки в

Германию и Австрию, включив в нее Максима Горького. Делегация должна была передать немецким и австрийским рабочим привет от российской деревенской бедноты. Надо знать тогдашнюю Россию, чтобы представить себе, как далеко шагнули за один только год социалистической революции псковские, олонечские, новгородские, череповецкие мужики, собравшиеся на этот съезд!

...Между тем положение в Германии становилось все более напряженным. Ясно было, что в ближайшие дни произойдут решающие события. Все мечтали о том, чтобы революция в Германии произошла седьмого ноября — в тот же день, что и в России.

Перед самыми праздниками была перехвачена радиogramма о восстании матросов в Киле. На следующий день стало известно об образовании в Германии первых Советов. На всю Германию звучали требования низвержения монархии Вильгельма и немедленного заключения мира.

Незадолго до этого германская социал-демократия сделала судорожную попытку спасти монархию: один из лидеров социал-демократической партии, Филипп Шейдеман, вступил в правительство. Но ничто не могло остановить надвигающийся революционный шторм.

Московская радиостанция получила распоряжение немедленно доставлять Ленину и Свердлову все сколько-нибудь значительные сообщения, которые ей удастся перехватить.

Девятого ноября самокатчик привез в Большой театр, где заседал VI съезд Советов, сообщение лондонского радио о том, что Берлин охвачен всеобщей забастовкой, перед императорским дворцом собралась многотысячная толпа рабочих и Либкнехт провозгласил Германию социалистической республикой. Это сообщение было встречено такой овацией, что под потолком закачалась большая хрустальная люстра.

Через час появился другой самокатчик. Он привез новое сообщение: Филипп Шейдеман, вчерашний министр кайзеровского правительства, провозгласил из окна рейхстага «Германскую свободную демократическую республику».

Прочитав эту радиogramму, Владимир Ильич помрачнел.

— Когда курица поет петухом, это к добру не приводит,— сказал он.

Все жили в ожидании того, что будет дальше. Было такое чувство, будто вновь вернулись времена Смольного.

...Утром десятого ноября, когда я пришла на работу, Свердлов был уже в своем кабинете. Он сидел за столом, просматривая накопившуюся за дни праздников почту, но через каждые четверть часа поднимал телефонную трубку и звонил на радиостанцию и в РОСТА, спрашивая, нет ли новостей. Новостей не было. Наконец он не выдержал, бросил ручку и зашагал по комнате — так, как это делают люди, долго сидевшие в тюрьме: из угла в угол, по прямой.

— Не могу работать,— сказал он и стал читать вслух «Зимнюю сказку». Гейне был его любимым поэтом.

Яков Михайлович читал стихи по-немецки, наизусть.

...Ein neues Lied, ein besseres Lied,
O Freunde, will ich euch dichten!..

...Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем:
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!

Отныне ленивое брюхо кормить
 Не будут прилежные руки.
 А хлеба хватит нам для всех...¹.

На этой строчке: «Es wächst hienieden Brot genug» — он остановился, потом присвистнул и сказал:

— Brot... Хлеб... А что, если... — Он бросился к телефону, попросил дать кабинет Ленина.

— Владимир Ильич! Владимир Ильич! — заговорил он. — А что, если мне попробовать вызвать к прямому проводу Либкнехта? Да?.. Еду!

Вернулся он часа через два. Его умные черные глаза смеялись, кепка сбилась на затылок, воротник кожаной тужурки был расстегнут. Он только что беседовал с Берлином по аппарату Юза. К прямому проводу подошел дежурный по германскому министерству иностранных дел. Узнав, что вызывает Москва, он сделал попытку уклониться от разговора, но Свердлов потребовал под его личную ответственность, чтобы он немедленно разыскал Либкнехта и привез его к аппарату. Через полчаса дежурный снова подошел к прямому проводу и стал извиняться, что найти Либкнехта, к сожалению, невозможно, ибо он выступает на митингах в разных районах Берлина.

...Эти подробности я узнала не сразу. В ту минуту, когда Свердлов приехал с главного телеграфа, он быстро прошел к телефону, поднял трубку «верхнего коммутатора», соединился с народным комиссаром продовольствия Цюрупой и сказал ему:

— Александр Дмитриевич! Наконец-то я вас поймал. Как с хлебом? Немедленно отправляйте в Берлин первый маршрут!

Черные сухари

Хлеб! Хлеб для германских трудящихся!

Как только стали вырисовываться очертания нарастающего в Германии политического кризиса, Ленин призвал русских рабочих и крестьян напрячь все силы, чтобы помочь немецким трудящимся в предстоящих им тяжелых испытаниях. Едва успев оправиться от ранения, Владимир Ильич направил объединенному заседанию ВЦИКа, Моссовета и рабочих организаций письмо, в котором призывал удесятерить усилия по заготовке хлеба и создать при каждом элеваторе запас для помощи немецким рабочим, если обстоятельства борьбы за освобождение от империализма поставят их в трудное положение.

«Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет не об одной только русской, но и о международной рабочей революции», — писал Владимир Ильич.

И русский рабочий класс и крестьянство ответили Ленину так, как они всегда отвечали Ленину!

Народ, измученный войной, разрухой, голодом, интервенцией и контрреволюционными мятежами, не задумываясь, решил разделить свой кусок хлеба с германским народом.

Поделиться продовольствием решили все: и изголодавшийся Питер, и бесхлебная Кострома, и превращенный в развалины Ярославль.

— Наш долг, товарищи, помочь немецким рабочим, в крайнем случае за счет социалистического отечества, тем куском хлеба, который, может быть, придется с винтовкой брать у нашего кулака, — говорил, выступая на общезаводском митинге, рабочий с завода «Дукс».

¹ Русский текст дан в переводе В. Левика.

— Мы поделимся с вами последним куском хлеба, братья германские пролетарии,— заявлял Петроградский Совет.

По припорошенным первым снегом русским полям потянулись мужицкие обозы с мешками зерна и красными знаменами, которые возвещали, что это зерно идет в фонд Ленина, в фонд Либкнехта, в фонд мировой революции.

Не обошлось, конечно, без тех, кого тогда прозвали «шипящими».

— Сами голодные,— шипели они.— Самим жрать нечего, скоро подохнем, а большевики последний хлеб немцам гонят!

Мне довелось услышать такой выпад во время митинга на фабрике Жиро. Но тут на трибуну поднялась немолодая работница.

— Я, женщины, как мать говорю,— сказала она.— Мать сама не доест, а детей накормит. А Россия наша сейчас всем революциям мать! Так неужто же русский народ будет думать о своем брюхе, а не обо всей своей семье?

На элеваторах создавали запасы муки и зерна, а народ собирал и сушил черные ржаные сухари.

Черные сухари, черные сухари! Их приносили по два, по три в районные комитеты партии и комсомола, в профсоюзы и фабзавкомы, приносили бережно завернутыми в белую тряпицу и осторожно выкладывали на стол, чтобы не уронить ни одной драгоценной крошки.

Как много мог бы рассказать каждый из этих сухарей. Вот лежит сухой тонкий черный брусок геометрически правильной формы. Это разрезанная надвое пайковая четвертушка. А этот сухарь с полукруглым бочком был когда-то горбушкой круглого хлебца. Такого хлеба в Москве не пекут, его привезли из деревни. Быть может, тому, кто привез его в Москву, пришлось не одну ночь висеть на ступеньке или прижиматься к железной крыше вагона. А этот сухарь чуть светлее других. Такой более светлый хлеб отпускают по детским карточкам. Кто принес его — мать или сын? А это овсяная лепешка, через два дня на третий овес дают по карточкам вместо хлеба.

Собранные сухари упаковывали в фунтики, перевязывали шпагатом и складывали в шкафы. Там они должны были ждать, пока представится возможность отправить их в помощь зарубежным братьям.

...Таков был хлеб, тот святой хлеб, который голодающая Россия посылала трудящимся Германии!

Товарищам и братьям

Первые два маршрута с хлебом для Германии были отправлены Советским правительством одиннадцатого ноября. На товарной станции Александровского (ныне Белорусского) вокзала шла погрузка новых эшелонов. Вместе с мукой грузили и мешки черных сухарей.

Маршруты сопровождалась делегациями трудящихся Советской России. В одну из делегаций была включена и я — мне было поручено передать немецкой рабочей молодежи приветствие от российского комсомола. Мои товарищи мне завидовали, но не слишком; все они были убеждены, что не сегодня-завтра тоже будут в Берлине: сражаться за свободную социалистическую Германию.

А пока что все занимались немецким языком. Букинисты у Китайгородской стены за несколько дней распродали запасы самоучителей. Бывало, придешь вечером в комитет комсомола и видишь — какой-нибудь худой вихрастый паренек, держа между колен винтовку, зубрит немецкие фразы одна другой нелепее, вроде знаменитых диалогов из самоучителя Марго: «Дети, что это за шум в соседней комнате?» — «Это наш дядя кушает сыр».

Мне тоже надо было подзаняться немецким, и я решила обратиться за помощью к одной меньшевистствующей даме, которая давала мне уроки, когда мы жили в екатеринбургской ссылке. Выслушав меня, дама связвила:

— А зачем, собственно, тебе изучать немецкий язык? Ты и так сумеешь сказать все, что тебе нужно.

И с подчеркнуто грубым русским акцентом она произнесла несколько фраз: «Wer ist Kautsky?» — «Kautsky ist Renegat». — «Und wer ist der echte Marxist?» — «Lenin ist der echte Marxist»¹.

Работа В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский» еще не вышла в свет, но в «Правде» была напечатана одноименная статья Владимира Ильича, в которой он называл Каутского ренегатом и лакейской душой и разоблачал его отступничество от революционного марксизма. Надо знать, с каким пиететом относились русские меньшевики к Каутскому, этому «Папе римскому» II Интернационала, чтобы стало понятным негодование меньшевистствующей дамы.

Из затей с уроками немецкого языка, разумеется, ничего не вышло.

Тринадцатого ноября в «Метрополе» состоялось первое заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета шестого созыва. На нем было принято постановление об аннулировании Брест-Литовского мирного договора.

Уже до открытия заседания чувствовалась торжественная приподнятость, которой были охвачены все присутствующие. Глаза блестели, на лицах светились улыбки, руки встречались в дружеском пожатии, разговоры велись вполголоса.

Меньше года прошло с тех пор, как Владимир Ильич Ленин с присущим ему политическим бесстрашием предложил любой ценой заключить мир с кайзеровской Германией. Буржуазная печать обливала его за это грязью. Так называемые «левые» истерически вопили: «Лучше погибнуть в неравном бою, чем остаться жить ценой позорного мира с вампиром». Но ничто не могло поколебать спокойное ленинское решение: не принимать бой, когда он выгоден только врагу. Вырвать передышку. Накопить силы. Уступив пространство, выиграть время, помня, что время работает на нас.

И вот история воочию продемонстрировала всю мудрость великого вождя пролетарской революции! Кайзеровская Германия пала, над зданием германского посольства в Денежном переулке в Москве, над которым еще вчера развевался императорский штандарт, полыхало красное знамя: его водрузил германский Совет рабочих и солдатских депутатов, образованный находившимися в России германскими военнопленными.

Ленин приехал на заседание ВЦИКа вместе со Свердловым. Оба они были бледнее обычного. Видно было, что они взволнованы.

В глубокой, проникновенной тишине прозвучали слова постановления, зачитанного Свердловым:

«Всероссийский центральный исполнительный комитет сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишены силы и значения. Брест-Литовский договор... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным.

...Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика предлагает братским народам Германии и бывшей Австро-Венгрии в лице их Советов рабочих и солдатских депутатов немедленно приступить к урегулированию вопросов, связанных с уничтожением Брест-

¹ «Кто такой Каутский?» — «Каутский — ренегат». — «А кто истинный марксист?» — «Ленин — истинный марксист».

ского договора. В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией... Построенные на этих основах отношения России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства».

В те дни на улицах Москвы часто встречались немецкие и австрийские солдаты, возвращавшиеся из плена домой, на родину. Их неизменно окружала дружелюбная толпа. Каждый, как мог, пытался растолковать им идеи русской революции. Одни это делали при помощи слов: «Ты, брат, гони буржуев и слушай большевиков. Большевик — хорошо. Большевик — плохо. Большевик перед большевиком как вша перед соколом». Другие прибегали к жестуляции и мимике: «Ленин — во! — говорил такой добровольный агитатор, весь вытягиваясь и как можно выше поднимая руку. — А Шейдеман и Каутский — во!» И он, нагнувшись, опускал руку чуть ли не к самой земле.

Немецкие солдаты слушали смущенно, с робким видом, потом оживлялись, начинали говорить, пытались что-то объяснить окружающим, срывали друг у друга погоны и, по-детски улыбаясь, прикрепляли на место кайзеровских кокард красные звездочки, которые им охотно давали наши красноармейцы.

В конце заседания Всероссийского центрального исполнительного комитета, на котором был аннулирован Брест-Литовский договор, выступил Свердлов.

— Позвольте сообщить, — весело сказал он, — что я несколько узурпировал власть ВЦИК, когда согласно явно выраженной воле VI съезда Советов отдал распоряжение об отправке пятидесяти вагонов хлеба в Германию. Я несколько не сомневаюсь, что вы меня за это не осудите.

— Добавьте еще! — закричали голоса с мест, и собрание разразилось бурей аплодисментов.

Несколько дней спустя, пасмурным ноябрьским утром, с Александровского вокзала уходил на запад очередной хлебный маршрут. В нем было четырнадцать вагонов с мукой и один вагон с сухарями. На этом вагоне был прибит кумачовый плакат с надписями на русском и немецком языках: «Товарищам и братьям — германским рабочим — от московского пролетариата».

В хвосте поезда прицепили классный вагон, еще на вокзале прозванный «Ноевым ковчегом». Кто там только не ехал: и красноармейская охрана, и делегаты московских рабочих, и немецкие, австрийские, чешские, венгерские коммунисты, отправлявшиеся к себе на родину, и французские, английские, американские товарищи, которые решили пробраться через Германию на Западный фронт для агитации среди войск союзников. В их числе находилась тоненькая синеглазая англичанка. Она ехала вместе со своим мужем, бывшим политическим эмигрантом Петровым, которого мы в шутку окрестили «мужем жены Петрова». У этой маленькой женщины было бесстрашное сердце. Ничего не боясь, она поехала из Англии в большевистскую Россию, выступала перед тысячными толпами, училась на военных курсах, с винтовкой в руках сражалась против белых и чехословаков. В любых условиях, даже когда зуб на зуб не попадал от холода, эта хрупкая женщина мылась по утрам до пояса ледяной водой.

Душой нашего вагона был Георгий Мельничанский, тогдашний председатель Московского совета профессиональных союзов. Этот веселый, плотный, круглолицый человек побывал в десятке стран, распевал песни на десятке языков, мастерски копировал самых разнообразных людей. То, подняв воротник пиджака, он изображал американского бродягу — «хобо», удирающего от полиции. То, намотав на голову полотенце и опоясав бедра одеялом, прохаживался по вагону с видом богатой англичанки, осматривающей Париж.

Всю дорогу мы пели и «Стеньку Разина», и «Карманьола», и балладу о Джоне — Ячменное Зерно, и немецкую песню эпохи революции сорок восьмого года о конкубине (Лоле Монте — фаворитке короля Людвига Баварского), о гильотине и мировой республике. Выступали и солисты. По обычаю английских рабочих, которому нас научила маленькая Петрова, мы провожали каждого из них дружными восклицаниями: «Боже, что за дрянь поется! Боже, что за дрянь поет!»

Но наше веселье было только внешним и не могло заглушить владевшую всеми тревогу за судьбу Германии. Председатель нового германского правительства — так называемого «Совета народных уполномоченных» — социал-демократ Фриц Эберт запретил вооружение рабочих. Вошедший в правительство Эберта глава Независимой социал-демократической партии Гаазе лопотал о том, что, «когда условия созреют, социализм в Германию может прийти без потрясений». Правительство Эберта отказывалось пропустить обратно в Берлин дипломатическое представительство Советской России, высланное из Германии накануне ноябрьской революции Филиппом Шейдеманом, членом последнего кабинета министров кайзера Вильгельма Второго.

На третий день пути наш эшелон миновал Смоленск. За несколько перегонов до Орши мы увидели страшное зрелище: вдоль путей навстречу нам, с запада на восток, сплошной черной лентой брели обрванные, изможденные люди с котомками и мешками за плечами. Они устало волочили ноги, руки их были зябко запряганы в рукава, лица почернели. Время от времени кто-нибудь из них падал и оставался лежать на снегу. Порой среди гнетущего молчания раздавался дикий хохот сумасшедшего. Когда наш эшелон поравнялся с ними, они стали протягивать к нам руки, умоляя дать хлеба.

Это были русские военнопленные, возвращавшиеся из немецких и австрийских концентрационных лагерей. После революции ворота лагерей были отперты, и военнопленных отпустили на все четыре стороны. И вот они тысячами и десятками тысяч брели в Россию, думая только о том, чтобы добрести до дому.

Возле ближайшего полустанка горели костры. Вокруг них сидели и лежали военнопленные. Все время подходили новые и новые люди. Сняв с себя заношенную одежду, они вытряхивали насекомых прямо в огонь и тут же ложились на землю. Станционные пути здесь были забиты вагонами с немецкими надписями: на одних — «Для германских офицеров», на других — «Для германских солдат».

В Оршу наш эшелон прибыл поздним вечером. Начальник эшелона, о котором я помню только, что его звали Иваном Петровичем, ушел разыскивать местное начальство, чтобы получить дальнейшие указания. Ходил он долго, часа два. Вернулся хмурый и злой.

— Вот оказия,— сказал он.— Не принимают немцы нашего хлеба. Отказываются.

— Как так? Не может быть!

Он рассказал нам, что через несколько путей от нас стоят эшелоны с хлебом, которые были посланы в Германию первыми. Когда они при-

были в Вержболово, наши представители отправились в Ковно, в немецкий солдатский Совет.

— Но только Совет этот как редиска,— рассказывал Иван Петрович.— Сверху красный, а внутри белый. В нем и солдаты и господа офицеры. Когда наши пришли к ним, они пожались, помялись, а потом говорят, что указаний, дескать, не имеют и пропустить хлеб не могут. А на другой день прислали с вестовым пакет, возвращайтесь, мол, с вашим большевистским хлебом обратно, нам он не нужен. Вот наши и вернулись в Оршу.

Ночь прошла в тревожном ожидании. Наутро наши пошли на розыски. Воротились они скоро, злые, как черти.

— Вот, почитайте, пожалуйста! — восклицали они, протягивая смоленскую газету «Звезда».

В «Звезде» был опубликован разговор по прямому проводу между председателем германского Совета рабочих и солдатских депутатов в Москве и членом германского правительства, независимцем Гуго Гаазе:

«Прошу сообщить русскому правительству нижеследующее,— заявил Гаазе.— По вопросу о предложенной отправке муки кабинет поручил высказать ему глубоко прочувствованную благодарность германского народного правительства. Мы тем выше ценим эту жертву, что нам и всему миру известно об острой нужде, которую терпит население в Петербурге и Москве. К счастью, в результате предпринятых нами у президента Вильсона шагов открылась для нас возможность получения съестных припасов из-за океана. Мы поэтому в состоянии пока отказаться от великодушного и заслуживающего всяческой благодарности предложения русского правительства в пользу русского населения...»

— Продали, значит, сволочи, германскую революцию,— сказал один из наших.

— О русском народе верещат, гады,— отозвался другой.— Небось сами в рейхстаге сидели, когда немецкие генералы все осины русскими обвешали?!

Тут же в газете был напечатан ответ народного комиссара иностранных дел Чичерина на заявление Гаазе:

«Революционные рабочие России, восторженно приветствуя германскую революцию, отправили для начала два поезда с мукой рабочим Германии, подготавливая дальнейшие посылки. Между тем германское правительство, ссылаясь на обещание президента Вильсона послать в Германию съестные припасы, отказалось принять муку, присланную русскими рабочими... Русское рабочее правительство, считая международную рабочую солидарность действительной силой трудящегося народа и рабочих правительств,— силой, которая несомненно одержит окончательную победу над силою долларов, будет ждать близкого момента, когда рабочая Германия развернет вполне сознательно свою революционную мощь, и останется при своем прежнем торжественном заявлении, что революционные народные массы России всеми своими силами и средствами будут оказывать поддержку революционным трудящимся массам Германии».

...Что же было делать в создавшемся положении нам, прибывшим в Оршу с хлебным маршрутом? Немецкие, венгерские, австрийские товарищи, закинув за спину вещевые мешки, решили пробираться дальше. Остальные ждали указаний Москвы.

Москва пока молчала. Под вечер мы с Машей Новиковой, московской работницей, надумали сходить на вокзал, помыться и переодеться

в дамской комнате. Наш эшелон стоял на шестом пути, неподалеку от пакгауза. Пришлось нырять под составы, которыми была забита станция.

Когда наконец мы добрались до вокзала, к перрону подошел поезд с востока и из него высыпали немецкие офицеры и солдаты в мундирах с погонами. Они совсем не походили на возвращающихся из России военнопленных. Потом уже мы узнали, что это была одна из тех германских оккупационных частей, руководимых контрреволюционным офицерством, которые по приказу Гинденбурга переправлялись в Прибалтику для формирования белогвардейской армии.

Не сообразив этого, мы прошли в дамскую комнату. Мы привели себя там в порядок и хотели идти в свой эшелон, когда здание вокзала вздрогнуло от сильного взрыва. Послышались крики, немецкая ругань, поднялась стрельба. Мы испугались и не знали, как быть. Только когда шум несколько утих, мы решились выйти. На вокзале не было никого, кроме немцев. Нам удалось выскользнуть на платформу, но когда мы прибежали на шестой путь, нашего состава там не оказалось, а от пакгауза усталось только догорающий остов.

Вдруг мы увидели приближающихся к нам немецких солдат. «Ходи до меня, диевучка,— кричали они,— сладка диевучка!»

В ужасе мы бросились от них. Маша бегала лучше меня, я отстала и, не помня себя от страха, долго металась между вагонами.

Когда стемнело, мною овладело полное отчаяние. Куда деваться? Где наши? Как добираться одной до Берлина? Я должна туда добраться, должна выполнить поручение. Но тут меня окликнул знакомый голос. Это был Курт — немецкий товарищ из нашего эшелона, который откуда-то появился на путях. Я в слезах кинулась к нему, спрашивая, где наши и что здесь произошло.

— Здесь была одна большая провокацион,— сказал Курт.

Оказывается, немецкие офицеры из прибывшего поезда пытались захватить наш состав и угнать его в Прибалтику. Они напали на наших. Силы были настолько неравны, что нашим пришлось уйти. Отстреливаясь, наши ушли по направлению к Смоленску.

— Я не знаю, что мне делать с тобой,— сказал Курт.— Я и мои товарищи, мы уходим сейчас в Германию.

— И я с вами!

Он подумал, потом вздохнул:

— Это есть только одна возможность! Пойдем!

Путь на Запад

Мы то ехали в теплушках, на крышах вагонов, на открытых платформах, то шли пешком. Ночевали на брошенных мызах, вокруг которых выли одичалые собаки и немисливо кричали кошки. Всюду был снег... Мы брели по колено в снегу... Снег бил в лицо, забирался за воротник и в рукава, проникал в щели домов, где мы останавливались на ночлег... Спящий, белый, он падал и падал, застилая все кругом...

Снег и вороны! Никогда и нигде на свете не было столько ворон, сколько здесь, на вчерашних полях войны. Эти твари, вдоволь наевшиеся солдатского мяса, до того разжирели, что с трудом поднимались в воздух и с громким карканьем летали низко над землей.

Мы шли все на запад, на запад. Иногда наши ноги натывались на что-то твердое. Это были трупы. Мы старались обходить их, не глядя, но они все время попадались нам на глаза. Одни лежали ничком, судорожно вцепившись в землю скрюченными пальцами, как бы пытаясь удержаться за нее в минуту последнего прощания с жизнью. Другие — на спине, раскинув руки, тоскливо смотрели в небо пустыми глазницами. А над

трусами и над нами, чуть не задевая нас крыльями, кружили стаи ворон, выжидая, когда мы вот так же упадем на землю.

Путь от Орши до Эйдкунена отнял больше месяца. Ели мы только овощи, которые выкапывали из мерзлой земли. За это время мы похоронили трех наших товарищей.

В Эйдкунене нам удалось сесть в поезд, который шел прямо в Берлин. На промежуточных станциях входили и выходили люди. Мы осторожно расспрашивали их о том, что творится в Германии. Новости были невеселые. В солдатских Советах засели офицеры, фельдфебели и brave унтеры, жаждущие крови «красных». Кайзеровские чиновники остались на своих местах и действуют именем «народных уполномоченных». Правительство Эберта—Шейдемана разоружает рабочих и вооружает белую гвардию Вельса. Всегерманский съезд Советов, которым заправляли шейдеманы, высказался за самоуничтожение Советов, вместо которых, «во имя демократии», должно быть создано Учредительное собрание, наделенное всей полнотой власти. Через несколько дней после съезда Советов правительственные войска под командой генерала Леки напали на расквартированную в Берлине революционную морскую дивизию и открыли по ней орудийный и пулеметный огонь.

Поезд медленно тащился на запад, приближая нас к неведомой судьбе. Наконец в бледном свете зимнего дня показались серые крыши Берлина.

Мы вышли на вокзале Александерплац. У двери вокзала в две шеренги стояли дюжие молодцы с повязками «Республиканской солдатской охраны». Они проверяли документы и ошупывали глазами каждого выходящего, явно кого-то подстергая. На них были черные штатские пальто, но из-под пальто виднелись новенькие светло-желтые кожаные краги офицерского образца.

Берлинские встречи

С вокзала мы направились к сестре Курта — Эрне. Курт знал, что ее единственная дочь умерла, а муж убит под Верденом.

На улицах толпилось много народу. Все время слышался странный, непривычный шум. Это деревянные подошвы башмаков стучали о камни мостовой. Слепой, безногий инвалид, сидя в тележке, вытягивал из задыхающегося аккордеона унылую песню. Стены домов были облеплены черно-бело-красными и зелеными плакатами. Крупные надписи без конца повторяли: «Спартак» ведет нас к могиле, порядок даст нам хлеб!», «Порядок или большевизм!», «Порядок или голод!», «Порядок или смерть!», «Долой «Спартак»! Долой большевиков!»

Сестра Курта жила в большом кирпичном доме, заселенном городской беднотой. Во дворе, мощенном булыжником, вяло и невесело играли бледные, плохо одетые дети. По узкой, крутой лестнице с железными перилами мы поднялись на шестой этаж. Дверь нам открыла изможденная женщина, руки у нее были в мыльной пене. Брат и сестра не виделись всего три года, однако не сразу узнали друг друга.

По нашему условию, Курт предупредил сестру, что она должна представить меня соседям как его жену. Эрна достала для меня платье и белье своей покойной дочери и поставила греть воду. Пока мы с Куртом по очереди мылись, она сходила за покупками.

На столе стоял пышный бисквитный торт с цукатами, лежала колбаса, в чашки был налит чай. Торт был сделан из мороженого картофеля, цукаты оказались липким клейстером с сахарином, колбаса — гороховой, чай — настоем из листьев бука. Чтоб купить этот эрзац, Эрна продала свое единственное золотое колечко.

Мы до того устали, что почти сутки спали как убитые. На следующий день Курт ушел разыскивать товарищей, а я осталась дома. В дверь все время звонили: это соседки приходили посмотреть на «маленькую русскую жену».

Хотя и с грехом пополам, мы кое-как все-таки объяснились. Они расспрашивали меня, я расспрашивала их. О чем бы мы ни говорили, разговор неизменно возвращался к тому, что больше всего занимало их думы: к голоду.

Мы в России знали, что это такое — голод! Месяцами мы жили на осьмушке хлеба, по нескольку дней мы не получали даже этой осьмушки.

И все же наш голод был иным, чем тот, о котором рассказывали жены немецких рабочих. Мы голодали и з-за войны, они голодали во имя войны. Наш голод был несчастьем, из которого мы всегда надеялись вырваться — как только возьмем власть, как только разобьем белых и интервентов, как только наладим производство. Их голод был голодом обреченных.

Этот голод рассчитала и выверила бездушная машина войны. Она учла на много лет вперед каждый колос, который должен вырасти; каждого новорожденного, который, едва появившись на свет, должен умереть голодной смертью; каждого подростка, который должен стать юношей, чтобы вслед за этим превратиться в мясо для пушек.

Теперь германская военная машина рухнула, но голод остался. Социал-демократия, вставшая у власти, отвергла хлеб русских рабочих и на брюхе поползла к президенту США Вильсону. И вот уже полтора месяца она валялась у него в ногах, а он вел с Германией холодную игру кошки с мышью. До сих пор он не дал ей ни одного грамма продовольствия. Вместо хлеба он пичкал ее бесчисленными посланиями, в которых с отвратительнейшим ханжеством и лицемерием распространялся о человечности и цивилизованности, тут же требуя, чтобы Германия покончила со «Спартаксом», чтобы она задушила германских коммунистов — тогда Америка даст ей хлеба. Она положит этот хлеб только на гроб революции!

Эберту и Шейдеману ничего иного и не было нужно. Они показывали германскому рабочему классу на занесенный над его головой бич голодной смерти и говорили: «Гляди! Перед тобой альтернатива: голод или революция? Если ты не хочешь умереть с голоду, прикончи революцию!»

...Курт вернулся, когда уже начинало темнеть. Обед наш состоял из пустой похлебки, в которой плавали лохмотья овсяной. После обеда мы отправились в город и весь вечер ходили по собраниям, правлениям профсоюзов и комитетам различных организаций, разыскивая нужных нам людей.

Кого только не перевидали мы за этот вечер — и шейдемановцев, и независимцев, и спартаковцев. Вероятно, в любой группе, выхваченной наугад из рядов берлинских рабочих, нашлись бы и «соци», и сторонники Гаазе, и самоотверженные борцы «Спартакса».

Все жаростно спорили друг с другом, а я страдала, потому что плохо знала немецкий язык. Мало того, что я плохо знала язык, разговор-то шел на непривычном моему уху берлинском диалекте. К тому же спорщики употребляли много слов, которые надо было не только знать, но и понимать. Вот «соци» кричит о «картофельной клецке». Я с недоумением стараюсь понять, почему вдруг заговорили о супе? Но «картофельными клецками», оказывается, прозвали независимцев. Вот кто-то поругивает «бонз», но это не буддийские жрецы, а профсоюзные лидеры. Вот спартаковец обрушился на сторонника Шейдемана и в числе прочего ругает его за то, что он «вбивал гвозди в Гинденбурга». Тут уж я ничего не могу понять, и только позднее мне объясняют, в чем дело: во время войны на Аллее Победы была установлена деревянная статуя Гинденбурга, сле-

ланная из русской сосны, причем каждый патриот приглашался купить стальной гвоздь и заколотить его в статую. Таким образом намеревались всю фигуру Гинденбурга заковать руками его почитателей в сталь. И в числе тех, кто вколачивал эти гвозди, были и сам Шейдеман и многие из его паствы.

Если бы все шейдемановцы были такими, как сам Шейдеман, насколько все было бы проще и яснее. Но нет! Сколько раз за эти дни к Курту подходили старые, суровые, честные рабочие, дружески расспрашивали о Советской России, с ненавистью отзывались о белогвардейцах, учинивших кровавую расправу над морской дивизией, а потом вздыхали — ничего, мол, не поделаешь, я тридцать лет состою в социал-демократической партии, это моя партия, надо перетерпеть, надо переждать, сейчас не время для путчей, сейчас вопрос стоит так — либо голод, либо порядок!

На второй или третий день после приезда мы попали на собрание одной из районных организаций профсоюза электриков. Собрание происходило в пивной. Зал был полон народу. Рабочие сидели за столиками, пили эрзац-пиво, пускали из трубок дым эрзац-табака. Многие стояли в проходах или сидели на окнах. На эстраде, над столом президиума, возвышались убеленные сединами головы тех, кого прозвали «профсоюзными бонзами». Перед каждым стояла кружка, до краев наполненная пивом.

Собрание началось. Слово получил один из «бонз». Он мягко негодовал по поводу действий Вильсона, резко негодовал по поводу действий спартаковцев и взывал к самоограничению: оно, мол, только и может обеспечить победу революции. Надо, убеждал он, защищать собственность и капитализм, ибо без капитала нет ни работы, ни хлеба. Когда-нибудь, когда придет время, мы, конечно, зарежем эту свинью, но, прежде чем зарезать, надо не дать ей сдохнуть с голоду и как следует откормить, чтобы получить побольше сала.

Речь оратора прерывалась шумом и выкриками с мест.

— Пример России, — говорил он, — должен предостеречь нас от каких-либо социалистических экспериментов!

— Так говорят «Берлинер тагеблатт» и всякая буржуазная сволочь! — кричали с мест.

— Нет, так говорят Эдуард Бернштейн и Карл Каутский, — отвечал он. — Рабочие должны помнить, что хозяйство Германии разрушено войной...

— Эту войну поддерживал ваш Шейдеман! Пусть он убирается вон из правительства!

— Шейдемана утвердил берлинский рабочий и солдатский Совет!

— Нет, солдаты, а не берлинские рабочие!

— Нельзя же думать, что за Шейдеманом стоит только маленькая группа!

— Разумеется, нет! За ним стоит вся буржуазия!

Потом на эстраду взбежал спартаковец. Быстро, с юношеской запальчивостью, он говорил о том, что правительство «народных представителей» на деле является правительством народных предателей. На место одного кайзера посадили шесть самодержцев. Правительство состоит из людей, которые голосовали за войну, затягивали войну, поддерживали грабительский Брестский договор, позволяли душировать русскую революцию, помогли удушить финляндскую революцию, а теперь душат германскую революцию!

Этот оратор также имел в аудитории своих сторонников и своих противников. «Лучше хоть немного, чем совсем ничего! — кричали противники. — Чтоб достать яйцо, ты готов зарезать курицу!»

Понять, за кем большинство, было невозможно. Атмосфера накаля-

лась все сильнее. Но вдруг «бонзы» в президиуме заволновались и все как один усталились на входную дверь. По залу прошел трепет. В задних рядах послышались приветственные восклицания. Все встали, многие сняли шляпы и стали их подбрасывать, крича: «Да здравствует Либкнехт!», «Да здравствует вождь германского пролетариата!»

Либкнехт медленно вошел в зал. Это был высокий сидящий человек с худым лицом, озаренным глубокими сверкающими глазами. В последние годы его жизнь представляла собой сплошную цепь испытаний: фронт, военный суд, каторжная тюрьма, а теперь — сверхчеловеческое напряжение в борьбе за спасение революции.

Речь Либкнехта была решительным обвинением шейдемановцев, продавших и предавших революцию, Каутских, Гаазе и им подобных людей «золотой середины», чье замаскированное предательство было еще опаснее.

Либкнехт говорил о том, что девятого ноября рабочие и солдаты взяли власть, но быстро потеряли ее, ибо шейдемановцы при попустительстве независимцев по частям вернули эту власть реакционному офицерству. Он требовал, чтобы Гинденбург и кайзеровские генералы, которые фактически заправляют солдатскими Советами, были немедленно смещены и арестованы. Он разоблачал Эберта и Шейдемана, показывая, что они не занимаются ничем, кроме травли «Спартака», они разоружают рабочих и вооружают контрреволюционные банды. Он приводил факты, с неоспоримой очевидностью свидетельствовавшие о том, что уже создана белая гвардия, в распоряжении которой находятся пехота, кавалерия, тяжелая артиллерия и пулеметы. Белогвардейские полки расквартированы между Берлином и Потсдамом и предназначены для подавления революционно-пролетариата Берлина.

— Правительство Эберта—Шейдемана вонзило меч в грудь революции! — воскликнул Либкнехт. — Если контрреволюция победит, эти собаки, не задумываясь, приставят к стенке десятки тысяч рабочих. Если пролетариат позволит Эберту и Шейдеману распоряжаться и дальше, в самом скором времени вернется самая худшая реакция. Пусть же эти господа отправляются в преисподнюю — и да здравствует германская и мировая революция!

«Бонзы», восседавшие в президиуме, пытались выкриками прервать Либкнехта, но потом умолкли, чувствуя, что настроение аудитории не на их стороне. Часть зала покрывала слова Либкнехта бурными рукоплесканиями, остальные слушали в угрюмом молчании, подавленные неотразимой правдой его слов. Хотя и опутаны были эти честные берлинские пролетарии многолетней шейдемановской ложью, классовый инстинкт заставлял их тянуться к Либкнехту, к «Спартаку».

Для того чтобы это внутреннее тяготение превратилось в активную, действенную поддержку, нужно было время. Шейдемановцы решили не давать этого времени германскому пролетариату и стали искать повода, чтобы вызвать массы на улицу, чтобы спровоцировать кровавые события.

...Когда я уезжала из Москвы, Центральный комитет комсомола поручил мне передать германским юным спартаковцам привет Первого всероссийского съезда Коммунистического союза молодежи. И вот теперь я по два, по три раза в день выступала перед молодыми берлинскими рабочими.

Мне приходилось бывать в разных концах города — и в Нейкельне, и в Панкове, и в Шарлоттенбурге. Поражало, насколько различна была обстановка в этих районах. Об этом можно было судить хотя бы по знаменам: в то время как в буржуазных западных районах повсюду развевались черно-бело-красные кайзеровские флаги, в пролетарских районах безраздельно господствовало красное знамя. В районах, где преобладали

социал-демократы, тоже было много красных знамен, но на ряде правительственных учреждений рядом с кайзеровскими флагами бессильным лоскутком болтался небольшой красный флажок.

Собрания юных спартаковцев происходили и в убогих пивнушках, и на частных квартирах, и в помещениях каких-то просветительных организаций. Эти молодые берлинские рабочие напоминали наших комсомольцев — не столько москвичей, сколько питерцев. Те же резко очерченные лица, те же руки с вьёвшейся в кожу металлической пылью, те же горящие глаза.

Они слушали с неослабным вниманием, задавали тысячи вопросов, помогали мне найти недостающие слова, порой разражались хохотом из-за моих невероятных открытий в немецком языке.

После собраний они меня окружали. Каждому хотелось еще и еще раз повторить слова дружбы и революционного братства, которые я должна была передать от их имени революционной молодежи Советской России.

В эти дни я встретила с Розой Люксембург, «Красной Розой», как звали ее германские рабочие. Роза через товарищей просила меня прийти к ней, дав адрес какой-то квартиры в Шенеберге. Вряд ли это была ее квартира, скорее квартира ее друзей.

Я пришла несколько раньше назначенного часа. Розы еще не было. Я перелистывала томик Гёте, когда раздался короткий, легкий звонок — будто птица, пролетая, задела его пуговку.

Роза сбросила в прихожей ботинки и в шляпе и шубке вбежала в комнату и привлекла меня к себе. Она знала меня еще ребенком и очень любила мою мать. В последний раз мы виделись лет за шесть до этого, когда проводили лето на немецком взморье. Стояли светлые, ясные дни, мы с утра до вечера лежали на желтом песке или же бродили по полям, собирая цветы для гербария.

Воспоминания об этих солнечных временах лишь мельком согрели наши души. Роза хотела видеть меня прежде всего для того, чтобы как можно больше узнать о Советской России и о русской революции. Она спрашивала меня о Ленине, о его здоровье, засыпала вопросами об Октябрьских днях, о фронтах гражданской войны, слушала с пылающим лицом и снова расспрашивала.

К сожалению, весь вечер говорила я, а Роза лишь задавала вопросы. Поэтому мне не запомнилось ничего, кроме нескольких слов Розы, обращенных к ее ближайшему другу Лео Йогихесу. Когда я рассказала Розе, что одним из первых приговоров созданного после революции Народного суда было осуждение на принудительные работы ломового извозчика, избивавшего свою лошадь, Роза, горестно улыбнувшись, сказала:

— Лео, а ты помнишь буйволов в Бреславльской тюрьме?

Только много лет спустя, читая письма Розы из тюрьмы, я поняла, о каких буйволах шла речь.

«Ах, Сонечка, — писала Роза Софье Либкнехт, жене Карла, — я здесь пережила острое страдание. Во двор, где я гуляю, часто приезжают военные обозы, наполненные мешками или старыми солдатскими мундирами и рубахами, часто с кровавыми пятнами, — они здесь разгружаются, распределяются по камерам, чинятся, затем вновь нагружаются и сдаются солдатам. Недавно приехала такая телега, запряженная не лошадьми, а буйволами... Буйволы — из Румынии, это военные трофеи... Их страшно бьют, так что к ним вполне применима поговорка: «Горе побежденным»... И вот несколько дней тому назад во двор въехала такая телега, нагруженная мешками: груз был так высоко наложен, что буйволы никак не могли перетянуть его через порог при въезде в ворота. Сопровождающий солдат, очень грубый парень, начал так бить их толстым концом рукоятки кнута, что возмущенная надзирательница спросила его, неужели он

не чувствует никакой жалости к животным. «К нам люди тоже не чувствуют жалости», — ответил он со злобной улыбкой и стал бить животных еще сильнее. Буйволы в конце концов перевалили через ворота, но у одного из них шла кровь...

Сонечка, буйволиная кожа вошла в поговорку за свою толщину и крепость, и она была разорвана. Животные при разгрузке стояли очень тихие, измученные. У одного буйвола, у того, у которого шла кровь, было такое выражение черного лица и кротких черных глаз, как у заплаканного ребенка. Право, выражение ребенка, который жестоко наказан и не знает, за что, почему, не знает, как уйти от муки и грубого насилия... Я стояла перед ним, и животное смотрело на меня, у меня текли слезы — это были его слезы. Нельзя с большим страданием переживать горе любимейшего брата, чем я в своем бессилии переживала эту немую боль. Как далеки, как безвозвратно потеряны свободные, сочные, зеленые пастбища Румынии! Как по-другому там светило солнце, дул ветер, как по-иному звучали красивые песни птиц или мелодичные призывы пастухов! А здесь этот черный, страшный город, душное стойло, вызывающее отвращение перепревшее сено, смешанное с гнилой соломой, чужие страшные люди — и удары, кровь, которая течет из открытой раны... О мой бедный буйвол, мой бедный любимый брат, мы оба стоим здесь такие бессильные и покорные и объединены страданием, бессилием, тоской... Тем временем арестанты деловито копошились вокруг телеги, сгружали тяжелые мешки и таскали их в здание. А солдат, засунув обе руки в карманы, прогуливался большими шагами по двору, улыбался и тихонько насвистывал... И вся война прошла передо мной...»

...Мы разговаривали допоздна. Под конец Роза предалась мечтам о поездке в Советскую Россию.

— Я приеду, приеду непременно, приеду в ближайшие же месяцы, мне так нужно видеть Ленина, мне так нужно поговорить с ним! — говорила она.

Настало время уходить. Мы распрощались. Роза стояла в дверях такая оживленная, ее прекрасные темные глаза смотрели на меня.

— До скорого свидания, — сказала она мне.

Могла ли я думать, что вижу ее в последний раз!

Двадцать девятого декабря, в воскресенье, состоялись похороны матросов, павших на улицах Берлина во время кровавого разоружения революционной морской дивизии. За семь недель революции это были третьи в Берлине похороны жертв революции. Но сейчас в красных гробах покоились тела убитых по приказу социал-демократического правительства.

Был хмурый, холодный декабрьский день. Когда мы пришли на сборный пункт, там уже собралось много народу. Люди стекались сюда со всех сторон. Бросалось в глаза множество красных знамен и плакатов.

Процессия направилась к Фридрихсгайну — кладбищу павших в мартовские дни революции 1848 года. Путь лежал через буржуазные кварталы. Над домами вызывающе реяли черно-бело-красные флаги. Гробы с телами погибших были установлены на высоких катафалках, их везли черные лошади, покрытые черными попонами.

«Долой Эберта и Шейдемана!» — этот лозунг был написан на плакатах, его скандировали провожавшие убитых товарищей.

На тротуарах толпилась буржуазная публика. Она осыпала бранью и проклятиями и тех, кто лежал в гробах, и тех, кто шел за ними. Самый воздух казался тяжелым — так насыщен он был ненавистью!

...Приближался Новый год. Как ни тревожно было время, спартаковцы — товарищи Курта — решили встретить его вместе. Ужин устраивали

в складчину, каждый принес, что мог,— кто немного картофеля, кто — несколько брукв, кто — пачку желудевого кофе. Один товарищ раздобыл даже бутылку настоящего мозельского вина.

Вино уже было распито, нехитрый ужин уже съеден — и беседа перешла на то, чем жили собравшиеся здесь: на судьбы германской революции.

Что делать? Как остановить стремительное сползание революции по наклонной плоскости? Как привлечь на свою сторону колеблющихся? Как прояснить умы заблуждающихся? Как изгнать из рядов рабочего движения тех, кто его предает? Как завоевать на свою сторону большинство рабочего класса?

Одни считали, что главное — политическая агитация («Мы должны сделать так, чтобы нас услышал каждый немецкий рабочий»). Другие полагали, что все внимание следует направить на развертывание экономической борьбы («Центр тяжести должен быть там, где рабочий непосредственно сталкивается со своим классовым врагом. Пусть он сразится с буржуазией грудь с грудью»). Третьи возлагали надежды на развязывание революционной инициативы масс («Движение должно идти не сверху вниз, а снизу вверх. Массы скажут свое слово»).

Особую тревогу вызывала позиция независимцев. В этой партии верховодили люди, ничем, по сути дела, не отличающиеся от шейдемановцев: достаточно сказать, что в ней состояли и Карл Каутский и отец ревизионизма — Эдуард Бернштейн. Было в ней и много болтунов, рыцарей левой фразы. В итоге политика независимцев представляла собой цепь непрерывных колебаний, которые определялись страхом оказаться слишком близко то к спартаковцам, то к шейдемановцам. Но в то же время среди независимцев было и немало честных революционных рабочих, остававшихся до поры до времени в плену предрассудков.

До последнего времени «Спартак» также входил в партию независимцев. Сейчас подавляющее большинство спартаковцев настаивало на немедленном образовании самостоятельной коммунистической партии.

— При всей их болтовне они отличаются от шейдемановцев только тем, что шейдемановцы наносят удар в лицо, а эти — в спину! — говорили товарищи.

У присутствовавших на новогодней вечеринке обнаружили большие расхождения в вопросах практической борьбы, многое им было неясно, во многом они путались и ошибались. Но их объединяло основное: решимость бороться до конца и твердая вера в будущее. Перефразируя знаменитые слова Лютера, один из товарищей сказал:

— Социалистическая Германия победит! Я на этом стою, и ничего иного быть не может.

Стрелка часов приближалась к двум, когда в дверь постучали условным стуком: два удара сразу, третий — погодя. Пришел незнакомый мне товарищ, которого все называли Вальтером.

— Дорогие друзья! — сказал он. — В жизни германского пролетариата произошло великое событие: съезд сторонников «Спартака» принял решение о создании Коммунистической партии Германии.

Будь тут только мы, молодые, мы, наверно, стали бы орать от восторга. Но здесь сидели люди, которые только вчера вышли из кайзеровского подполья и которые знали, что завтра им предстоит, быть может, еще более тяжелое подполье. Они протянули друг другу руки, сплетя их вместе над столом в едином пожатии. Они запели «Интернационал» так, как его поют в каторжных тюрьмах: с закрытым ртом, произнося слова про себя. Какой потрясающей силой, каким гневом, какой надеждой были исполнены эти торжественные, еле слышные звуки гимна международного рабочего класса, исходившие из самой глубины души!

Мы разошлись под утро. По широкой пустой улице навстречу нам бежал прихрамывающий человек. В одной руке он держал ведро с клеем, в другой — рулон ярко-зеленых прокламаций. Он перебежал от одного дома к другому, ловким движением смазывал прокламацию клеем и налеплял ее на стену.

Курт зажег карманный электрический фонарик, и мы прочли обращенное к германскому народу воззвание «Антибольшевистской лиги», в котором слышался будущий голос Гитлера:

«Брутус, ты спишь!
 Проснись!
 Проснись, германский народ!
 Пойми грозящую тебе опасность —
 большевизм!
 . . . . .
 Каждый в бой против «Спартака»!
 Германский народ, проснись!»

«Я была, я есть, я буду!»

Прошла уже неделя, как мы приехали в Берлин. Решено было, что при первой же возможности я уеду в Москву. А пока что я помогала Эрне: она была прачкой и стирала на господ. Господ в Германии осталось много, так что работы хватало: в понедельник Эрна отправлялась на квартиру господина судебного советника, во вторник она относила ему готовое белье и шла за бельем господина генерала, которое сдавала в четверг. В пятницу была очередь господина бывшего депутата социал-демократической фракции рейхстага, его белье сдавалось в субботу.

Господин судебный советник носил сорочки с крахмальными пластиронами, господин генерал — шелковые рубашки, у господина бывшего депутата социал-демократической фракции рейхстага имелись бумажные сорочки (для выступлений на рабочих собраниях) и крахмальное белье голландского полотна (для рейхстага и приемов). Дамы отдавали в стирку тонкие батистовые рубашки и панталоны, отделанные оборками и кружевами. Все это полагалось крахмалить и плоить. Моей обязанностью было греть воду и сторожить белье, развешанное во дворе.

Курт с утра уходил искать работу. Когда он возвращался, мы отправлялись на какое-нибудь собрание.

Третьего января он пришел домой рано и сказал, что поиски работы — бессмысленная потеря времени. В Берлине и без него, Курта Берге, четыреста тысяч безработных, какой же резон надеяться, что он, четыреста тысяч первый, что-то найдет?

— Будем лучше ходить гулять, — сказал он мне. — А то ты вернешься в Россию назад и не будешь уметь рассказать про наш берлинский Тиргартен.

Был один из тех ясных зимних дней, когда в воздухе чувствуется мягкое дуновение весны. Мы шагали по дорожкам Тиргартена, под ногами хрустел веселый голубоватый снег, такой непохожий на тот засасывающий снег, в котором мы вязли, пробираясь в Берлин.

Так хорошо было идти в этом прозрачном сиянии, ни о чем не думая.

Парк был безлюден. Мы медленно брели, подставляя лица теплему весеннему ветру. Но вдруг нами овладевало желание бегать, швыряться снежками, петь и аукаться. Казалось, что мы одни на целом свете.

Вечерело. Тени стали длиннее, края облаков обвела светящаяся розовая кайма. Пора домой!

Подойдя к выходу, мы еще раз обернулись. В багровом свете заходящего солнца покрытые снегом и инеем деревья походили на яблони в цвету.

Несколько дней спустя здесь, под этими деревьями, было совершено одно из чудовищнейших преступлений в истории человечества.

...В субботу четвертого Курт снова принялся за поиски работы, а Эрна понесла чистое белье господину бывшему депутату социал-демократической фракции рейхстага. Прислуга сказала ей, что господин депутат пришел накануне очень поздно, ушел сегодня очень рано, кушал вчера и сегодня очень плохо.

Курт вернулся засветло, карманы его были набиты листовками. Он сообщил важную новость: правительство уволило с поста полицей-президента независимца Эйхгорна и назначило на его место правого социал-демократа Евгения Эрста.

— Эти господа решили объявить нам войну! — говорил Курт. — Но мы им покажем!.. Мы отправим их к дьяволу! Завтра демонстрация, — продолжал он, показывая листовки, в которых говорилось: «Удар, нанесенный по Эйхгорну, метит в германский пролетариат, германскую революцию. Помните: завтра демонстрация!»

— А дальше? — спросила я его.

— Что дальше? — удивился он. — Массы выйдут на улицу! Массы скажут свое слово! Шейдемановцы увидят, что массы не с ними!

И массы вышли... На следующее утро наш дом проснулся не воскресному рано. По меньшей мере в трети квартир хлопали двери и шипели горелки, на которых варился кофе.

Сначала из нашего дома вышло человек тридцать, потом к ним стали присоединяться другие. У инвалида с третьего этажа, потерявшего на войне правую руку, оказалось красное знамя, которое он припрятал после ноябрьских дней.

Со всех сторон появлялись группы людей, направлявшиеся к Унтерден-Линден. В молочном утреннем тумане то тут, то там вспыхивали алые знамена. Раздавались возгласы: «Долой Эберта и Шейдемана!», «Да здравствует Либкнехт!», «Да здравствует Эйхгорн!».

Около полудня кто-то предложил пойти к дворцу рейхсканцлера, резиденции правительства. Огромное здание казалось вымершим, окна были затянuty толстыми темными портьерами, высокие массивные двери наглухо закрыты.

Мы снова вернулись на Унтерден-Линден. Демонстранты продолжали стоять. Потом, не зная, что делать дальше, они начали расходиться. Я пошла с соседями домой. Курт отправился разыскивать товарищей. Он вернулся не скоро и сказал, что часть демонстрантов заняла редакции социал-демократической газеты «Форвертс» и ряда буржуазных газет и что на завтра назначена всеобщая забастовка.

В эту ночь наш дом почти не спал. Еще затемно рабочие потянулись к себе на заводы. Ни одна буржуазная газета не вышла.

Курт не хотел брать меня с собой, но я его упростила. Было очень рано, утро наступало в сизом тумане. Когда мы шли, еще горели фонари, отбрасывая неясные, смутные тени.

На площади перед полицей-президиумом уже собралось много народу. Начинало светать. Туман редел. Толпа становилась все гуще. По всем улицам, прилегающим к площади, мерно и неудержимо двигались темные колонны, над которыми развевались красные знамена. У многих было оружие. Курт увидел вынырнувшего из тумана рабочего паренька, у которого на каждом плече висело по винтовке.

— Товарищ, поделись со мной, — попросил Курт.

— Бери!

Площадь уже не могла вместить всех пришедших. Люди заполнили прилегающие улицы и стояли вплотную друг к другу сплошной массой, растянувшейся на несколько километров. Собралось не менее полумиллиона человек. Никогда еще Берлин не видел такой мощной демонстрации революционных пролетариев.

Было очень холодно. По небу ползли низкие снежные тучи. Озябшие, плохо одетые люди переминались с ноги на ногу, терпеливо поглядывая на здание полиции-президиума. Там шло широкое совещание «революционных старост», большинство которых составляли независимцы. Время от времени один из участников совещания выходил на балкон и что-то говорил. По толпе передавали его слова: «Совещание продолжается», «Вопрос рассматривается», «Договоренность вот-вот будет достигнута».

Так прошел час, другой, третий. Люди продолжали ждать. Еще час, еще два, еще три. Уже стемнело, туман снова сгустился, но люди стояли, дрожа в своих тонких, холодных куртках, чаще всего перешитых из старых солдатских шинелей. Ведь они пришли сюда, чтобы победить или умереть,— и готовы были ждать, пока есть силы, чтобы их повели на бой.

А в полиции-президиуме все совещались и совещались. Наконец на балконе появился очередной оратор.

— Товарищи! — кричал он. — Мы пришли к решению вступить в переговоры с правительством. Ступайте по домам! Если вы понадобится, мы позовем вас!

По толпе прошел ропот недоумения и гнева: «Как? О каких переговорах с Эбертом и Шейдеманом может идти речь?»

— Мы располагаем сведениями, что правительство охотно согласится на уступки и пойдет на переговоры,— выкрикивал оратор. — Оно, как и мы, заинтересовано в том, чтобы предотвратить кровопролитие!

Но оратор глубоко заблуждался. Пока пятьсот тысяч берлинских пролетариев стояли на улице, а в полиции-президиуме совещались и совещались, в рабочем кабинете Эберта, во дворце рейхсканцлера на Вильгельмштрассе, собрались вожаки социал-демократической партии. Там же находился и бывший кильский губернатор, правый социал-демократ Густав Носке.

Люди, видевшие Носке, говорят, что это был человек с коротким, грузным туловищем и огромными не по росту кулаками. Он никогда не выступал первым, а долго слушал других, поворачиваясь к оратору всем корпусом, а потом поднимался, упершись в стол своими огромными кулаками, и начинал говорить короткими, жесткими фразами, прямо выкладывая то, о чем Эберт и Шейдеман рассуждали со всяческими экивоками.

Так было и сейчас. Увольнение Эйхгорна явилось первым актом провокации, задуманной этими господами, чтобы вызвать массы на улицу, а потом устроить кровавую расправу. Провокация удалась, массы вышли, теперь пора было приступить к расправе.

Несколько лет спустя в книге своих воспоминаний «От Килия до Каппа» Густав Носке рассказывал: «Кто-то спросил меня: «Не возьмешься ли ты за дело?» На это я коротко ответил: «Отчего же нет! Кто-нибудь из нас должен же взять на себя роль кровавой собаки!»

Носке был назначен главнокомандующим войсками округа, на которые возложено было водворение порядка. Не теряя ни минуты, он вместе с одним молодым капитаном, переодетым в штатское платье, отправился в здание генерального штаба, чтобы обсудить положение с находившимися там кайзеровскими генералами и принять необходимые меры. Пройдя Вильгельмштрассе, они натолкнулись на Унтер-ден-Линден на рабочий патруль, но достаточно им было наплести какую-то малоправдоподобную историю — и их пропустили.

В одной из комнат в здании генерального штаба собралось много офицеров и несколько генералов. Ими уже был заготовлен приказ о назначении генерала Гофмана командующим карательными войсками. Появление Носке и его заявление о том, что главное командование силами карателей возложено на него, было встречено шумным одобрением: кайзеровские офицеры и генералы успели кое-чему научиться за последние месяцы и понимали, насколько в данных условиях Носке удобнее в этой роли, чем Гофман.

Тут же было решено перенести штаб за Берлин, в Далем, и сконцентрировать в районе Потсдама ударный кулак для расправы с революционным Берлином.

В тот час, когда независимцы предложили берлинским рабочим разойтись по домам, заявив, что правительство Эберта — Шейдемана не желая пролития крови, готово вступить в переговоры, к Берлину уже стягивались отряды белогвардейских молодчиков, на грузовиках прибывали пулеметы и артиллерия, из Кили уже была вызвана контрреволюционная бригада.

И вот независимцы, вместо того чтобы... Эх, да что говорить!

Двери балкона закрылись. Толпа еще несколько времени простояла в тщетном ожидании, а потом люди стали расходиться, подавленные, недоумевающие. Пошли и мы с Куртом.

Дома Эрна приготовила брюквенную похлебку. В этот день, как и полагалось по понедельникам, она ходила за бельем к господину судебному советнику. Белья ей не дали: господин советник с супругой и дочерью экстренно покидали Берлин, в доме укладывали чемоданы.

Пообедав, я села на стул возле печки.

— О чем ты думаешь? — спросил Курт.

— Так, ни о чем...

Меня знобило, в голове проносились обрывки бессвязных мыслей. В полузабытье я видела большой, ярко освещенный корабль, который быстро несся вперед по широкой ночной реке. Потом я поняла, что это не корабль, а сверкающий огнями Смольный — такой, каким он был в великие Октябрьские дни.

Раздался звонок. Пришел товарищ — один из тех, с кем мы встречали Новый год. Он сказал мне, чтобы я никуда не ходила. Всем советским гражданам, находящимся в Берлине, надлежит сидеть дома: мало ли какую провокацию могут устроить шейдемановцы, если в их руки попадет кто-нибудь из русских.

Товарищ предложил Курту пойти вместе с ним. Курт оделся и взял винтовку, которую утром дал ему молодой рабочий. Какая-то неудержимая сила заставила меня вскочить, броситься к нему, поцеловать его. Я стояла и гладила рукав его шинели до той минуты, пока он не ушел.

И тут для меня потянулись тяжелые, мучительные дни ожидания. Курт не возвратился ни в этот день, ни на другой, ни на третий. Газеты не выходили, а люди, бывавшие в городе, приносили самые фантастические, самые противоречивые слухи.

В среду Эрна пошла за бельем господина генерала. В городе постреливали. Неподалеку от Бранденбургских ворот Эрна видела большую колонну рабочих, которые шли к Аллее Победы и кричали: «Долой Эберта и Шейдемана! Долой переговоры! Да здравствует Либкнехт!»

Генеральский денщик сказал, что господин генерал находится за городом, но белье дал. На шелковой сорочке генерала желтело большое пятно. Эрна определила, что оно от шампанского.

В четверг мы получили коротенькую записку Курта. Он писал, что находится в помещении редакции «Форвертса», занятом революционными рабочими. Товарищ, который принес записку, сказал, что Либкнехт

с утра до вечера выступает в разных концах города, Роза — тоже. Рабочим удалось овладеть рядом правительственных учреждений и вокзалом. В разных концах города происходят столкновения со сторонниками правительства, которые действуют под лозунгом: «За Национальное собрание! Против «Спартака», против Либкнехта!». Независимцы ведут себя подло: они приняли предложение Каутского о посредничестве в переговорах, все время отступают перед шейдемановцами, соглашаясь на одно их условие за другим, и только ищут удобной лазейки, чтобы окончательно предать движение.

Эрна отнесла белье генерала. Генерал еще не вернулся.

В пятницу Эрна пошла к господину бывшему депутату социал-демократической фракции рейхстага. В стирку была дана только одна сорочка господина депутата — бумажная, из тех, в которых господин депутат появлялся перед рабочими. От сорочки пахло потом и табаком, воротник залоснился от грязи. Видать, господин депутат не сменял сорочку всю последнюю неделю.

В ночь с пятницы на субботу до нас донеслись звуки сильной стрельбы. До сих пор в городе происходили ружейные перестрелки, а сейчас били пулеметы и орудия. В субботу к нам постучал инвалид с третьего этажа. Он сказал, что в город со стороны Потсдама вступили правительственные войска, во главе которых шел Носке. Они заняли штурмом помещение редакции газеты «Форвертс».

Весь день мы ждали Курта, в ночь на воскресенье мы не смыкали глаз. Но Курт не пришел.

В воскресенье утром прибежала горничная от госпожи судебной советницы. Господин советник с семейством вернулся в Берлин, накопилось очень много стирки. Кроме того, барышням надо разгладить и наплюить бальные платья.

Правительственные войска продолжали очистку города от оставших. В понедельник рабочие были выбиты из последних своих укрепленных пунктов. После недельного перерыва вышли буржуазные газеты и «Форвертс». На первых страницах чернели аншлаги: «В Берлине все спокойно!»

«В Берлине все спокойно!» — писала в эти дни Роза Люксембург. — «В Берлине все спокойно!» — твердит торжествующая буржуазная печать, твердят Эберт и Носке, твердят офицеры «победоносной армии», которых буржуазная толпа приветствует на улицах Берлина... «Спартак» — вот враг, и Берлин — вот место, где наши офицеры могут побеждать. Носке — вот генерал, который умеет одерживать победы там, где оказался неспособным генерал Людендорф».

И, обращаясь к врагам пролетариата с последними словами, которые ей суждено было произнести на земле, «Красная Роза» с ненавистью восклицала:

«В Берлине все спокойно». Вы тупые лакеи. Ваше спокойствие зиждется на песке. Революция уже завтра снова поднимется ввысь и трубными звуками, приводящими вас в трепет, прогремит: я была, я есть, я буду!»

Tristia ¹

Прошли суббота и воскресенье. Стараясь подавить дрожь, мы с Эрной сидели, вслушиваясь в каждый звук на лестнице. Но Курт не шел.

В воскресенье днем мы решили пойти туда, откуда пришла его последняя весточка: к редакции «Форвертса».

¹ Скорбное (лат.).

Улицы были запружены нарядной толпой. Расфранченные господа и дамы прогуливались; весело разглядывали следы недавнего боя; ласково похлопывали по стальной обшивке броневиков, вошедших в Берлин во главе войск Носке; с наслаждением читали видневшиеся повсюду лозунги: «Убей Либкнехта!», «Бей Розу Люксембург!»

Героем дня была сытая, пьяная от крови солдатня. Офицеры, чуть подрагивая закрученными вверх а-ля Вильгельм усиками, благосклонно принимали улыбки дам. Солдаты шарили по подвалам и чердакам, отыскивая спрятавшихся там рабочих. Когда их охота оказывалась успешной, они швыряли избитого, окровавленного человека толпе, и нарядные дамы топтали его высокими каблучками своих модных ботинок на шнуровке до колен.

Похолодев от ужаса, я вцепилась в руку Эрны. Мне припомнилась расправа с парижскими коммунарами, о которой я знала из книг. Эти господа не читали ни Арну, ни Лиссагарэ, но действовали точно так же, как версальцы. Очевидно, для того, чтобы стать буржуазным палачом, достаточно просто быть буржуа.

Наконец мы достаточно овладели собой, чтобы вместе с этой озверевшей толпой проникнуть в здание редакции «Форвертса». Там пахло кровью и пороховым дымом. У входа видны были остатки баррикады, которую рабочие соорудили из пачек газет и рулонов газетной бумаги. Рулоны составляли основание баррикады; пачки были скреплены проволокой и уложены в шахматном порядке, так, чтобы остались просветы для бойниц.

Мы шли дальше и надеясь и боясь увидеть что-нибудь, что рассказало бы нам о судьбе Курта. Везде алела кровь, стены были залеплены кусками человеческого мозга. Люди, погибшие здесь, не были убиты в бою: их прикончили прикладами и пристрелили разъяренные наемники.

Пять дней, пять страшных дней, искали мы Курта по больницам, клиникам, покойничкам и моргам. Всюду было полно раненых и убитых. Раненые валялись в проходах, бредили и умирали. В одних мертвецких трупы лежали штабелями, в других были свалены в кучу. И после смерти их лица сохраняли то выражение, которое было у них в минуту последнего боя,— выражение напряженной, отчаянной решимости.

В среду пятнадцатого января в «Роте фане» появилась статья Либкнехта «Несмотря ни на что!». С огромным волнением читали мы ее огненные слова:

«...Наш корабль держит решительно и гордо свой курс на конечную цель, на победу.

Будем ли мы еще живы или нет, когда будет достигнута эта победа, но наша программа будет жива. Она овладеет всем миром освобожденного человечества, несмотря ни на что!

Ныне спящие еще массы пролетариата проснутся от грозных раскатов приближающегося крушения, как от трубных звуков Страшного суда. Тогда воскреснут трупы убитых борцов и потребуют отчета от проклятых убийц. Сегодня раздастся лишь подземный гул вулкана, но завтра вулкан разразится огнем и под потоками своей горячей лавы он похоронит их всех, этих убийц!»

А вечером в тот же день они его убили. Его и Розу...

Все знали, что за ними охотятся. Буржуазия выла, требуя, чтобы они были выслезены, схвачены, разорваны на части. Шейдеман обещал сто тысяч марок тому, кто доставит их живыми или мертвыми. За два дня до убийства «Форвертс» опубликовал стихотворение, которое заканчивалось откровенным призывом к убийству Карла и Розы: «Убитые лежат по сотне в ряд, но Карла там нет! Нет Розы с компанией!»

Никто не поверил правительственному сообщению, вышедшему в четверг, которое утверждало, что Либкнехт был убит при попытке к бегству, а Роза растерзана случайно собравшейся толпой. В дальнейшем расследование показало, что это правительственное сообщение с начала до конца представляло собой сознательную и преднамеренную ложь.

Карл и Роза были схвачены в среду в двадцать один час тридцать минут молодчиками из социал-демократического полка рейхстага. Они доставили арестованных в отель «Эден» в западной части Берлина и сдали их в штаб гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии, во главе которого стоял капитан Пабст, правая рука Носке.

Карл и Роза провели в «Эдене» немного времени, потом им сказали, что их переводят в Моабитскую тюрьму. Первым вывели Либкнехта. Его сопровождали капитан-лейтенант Пфлюгк-Гартнунг и будущий гитлеровец обер-лейтенант Фогель.

Когда Либкнехта вели к автомобилю, к нему, как это было заранее приказано Пабстом, подошел егерь Рунге и нанес несколько ударов прикладом по голове. Обливающегося кровью Либкнехта втащили в автомобиль, который направился в Тиргартен. Посреди парка автомобиль остановился якобы из-за поломки. Либкнехту было велено выйти и идти вперед. Едва он прошел несколько шагов, лейтенант Липман и Пфлюгк-Гартнунг выстрелили в спину в упор убили его. Тело Либкнехта они отвезли на находившуюся неподалеку станцию скорой помощи и сдали его как тело «неизвестного».

Между отъездом Либкнехта с его убийцами из отеля «Эден» и доставкой мертвого тела на станцию скорой помощи прошло всего десять минут. В двадцать три часа двадцать минут Пабст уже получил донесение, что дело сделано. Через двадцать минут после этого он выдал Фогелю Розу Люксембург.

Когда Роза, которую вели под руки директор отеля и Фогель, спустилась по лестнице, к ней подбежал тот же Рунге и тем же прикладом ударил ее по голове. Роза потеряла сознание. Ее волоком стащили вниз и бросили в автомашину. Когда машина тронулась, Фогель и лейтенант Круль пристрелили ее. Круль снял с руки покойной часы и сунул их себе в карман. Автомобиль остановился у канала между мостом Корнелиуса и Лихтенштейнским мостом. Тело Розы вынесли на мостовую, обмотали проволокой, прикрепили груз и бросили в канал. Оно было обнаружено только несколько месяцев спустя.

...Поздно вечером в четверг, выходя из городского морга, мы услышали шаги, гулко раздававшиеся на пустой улице. Когда человек поравнялся с нами, я узнала ближайшего друга Розы — Лео Йогихеса. Я заговорила с ним. Он с тоской спросил, не видели ли мы в морге тело Розы. Нет, его там не было.

Два месяца спустя Лео Йогихес был схвачен наемными псами из своры Носке и убит в тюрьме.

Только в пятницу утром в новой партии трупов, доставленных в покойницкую больницы в Панкове, мы нашли тело Курта. Голова его была разможена, глаза выдавлены, лицо представляло собой кроваво-багровое месиво. Опознать его можно было только по рукам и одежде.

Мы похоронили Курта на другой день. А на следующее утро за мной пришел товарищ, который сказал, что нашлась наконец оказия и я могу ехать в Москву с двумя сотрудниками Советской комиссии по делам военнопленных. Они задержались в Берлине после высылки нашего посольства накануне ноябрьской революции, а сейчас их высылают в Советскую Россию.

Как в тумане, попрощалась я с Эрной, как в тумане, села в поезд, как в тумане, прошла для меня вся дорога, как в тумане, услышала я о том, что на выборах в Учредительное собрание большинство получили правые социал-демократы. Во рту у меня был вкус ржавчины, всюду мне мерещился сладковатый запах трупов и карболки.

Морозным январским вечером наш поезд подошел к перрону Александровского вокзала. Всего два с половиной месяца назад я уезжала отсюда, а прошла, казалось, целая жизнь.

Мои спутники вскоре распрощались со мной, и я одна пошла по заснеженным московским улицам. Идти было трудно, скользко. От долгого недоедания кружилась голова.

Около Московского Совета стоял закрытый автомобиль. Дверь здания растворилась, показался человек в кожаной куртке. Это был Яков Михайлович Свердлов. Он уже садился, когда я подошла к нему. Волнение перехватило мне горло, я не могла произнести ни звука. Он взгляделся в меня, узнал, что-то вскрикнул, схватил меня, усадил в машину, повез в Кремль, повел в комендатуру. Там он велел, чтобы немедленно затопили ванну, все мои вещи бросили в огонь и выдали мне красноармейскую одежду, а потом позвонили ему — он зайдет за мной и отвезет меня домой.

Час спустя я сидела в комендатуре и, закатав слишком длинные рукава новой гимнастерки, пила из жестяной кружки горячий чай. Комендатура помещалась в большой, плохо освещенной комнате. На скамьях вдоль стен сидели молодые красноармейцы. Они разговаривали вполголоса, видимо о чем-то, связанном со мной. Я слышала отдельные слова: «Из Берлина» (с ударением на «е»), «меньшевики там одолели...», «нахлебается там народ горя...»

Я отдохнула и чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы не отнимать у Свердлова времени и самой пойти домой.

Вечерело. Небо сделалось серебристо-зеленым. Из-за зубчатых крыш Китай-города огромным оранжевым диском всходила луна. На колоннах Дома союзов висели в черно-красных рамках портреты Карла Либкнехта и Розы Люксембург, под которыми огромными буквами было написано: «Лучшая месть за смерть Либкнехта и Люксембург — победа коммунизма!»

Карл на портрете был гораздо моложе, чем в последние месяцы жизни. А Роза была такой, какой я видела ее при расставании в Берлине, так же нежен и пристален был взгляд ее прекрасных темных глаз.

«Человек должен жить, как свеча, которая горит с обоих концов», — любила говорить Роза.

Так и жили они оба, Роза и Карл. Да будет их память бессмертна.

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

★

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЙ ПРЕЗИДИУМ

На митингах людных немало
Бывал я в наш век грозовой.
И сердце само выбирало
Почетный президиум свой.

По праву в нем заняли место
С тех дней, во главе с Ильичем,
Матросы и красноармейцы
За песни шумливым столом,—

Строители, пахари... К цели
Сквозь бури я с песнею шел.
Шагая, мы с ней не краснели
За общий и хлеб наш и стол,

За век, что, знаменами рдея,
И к нам не остался глухим.
Президиум мой не рдеет,
Не старится, сердцем храним.

Навеки живой, вдохновенный,
Презрев и отвергнув покой,
Ильич возглавляет бесменно
Бессменный президиум мой.

НА ТРУДНОМ ПОСТУ

Алексису Парнису

С юных лет у меня
Есть одна лишь забота — работа.
Не для славы тружусь,
Не для роскоши, не для почета.

Легковесная слава —
Туман увлеченья пустого.
Днем гостит у меня,
А ночует уже у другого.

Блещет золотом роскошь,
 Сыта и богато одета,
 Но бедна вдохновеньем —
 Единственным кладом поэта.

Я не против почета,
 Но в сердце иная забота.
 Я на трудном посту —
 В мире большего нету почета.

ПРО ОСЕНЬ

Смолкли птички, ушедшие к югу, кочевья,
 Осень в чашу приходит — пора тишины.
 Ярko вспыхнув, как свечи, пылают деревья.
 Это проводы лета, поминки весны.

Бродит осень и с леса срывает покровы,
 По-над елями тучи несет ветровей.
 Дует сивер, и листья в молчанье суровом
 Облетают с нагих, почерневших ветвей.

В жизнь влюбленный, не сдамся на милость
 угрозам
 И на проводах тех, на поминках глухих,
 Выйду, в чаще не прячась, навстречу морозам,
 Сын лесов, не теряющий листьев своих.

Я с весны сохранял их и, впредь сберегая,
 До весны не развею, не брошу в беду,
 Дружным шелестом их новый май повстречаю
 И с единственной просьбой к земле припаду:

— Ты откликнись еще раз, весна, из-за речки
 Соловьем голосистым, кукушкой лесной
 И каштанов своих негасимые свечки
 Засвети над моей отшумевшей весной.

*Авторизованный перевод с белорусского
 Якова Хелемского.*

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

★

ИЗ СТИХОВ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.

Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле даже и один.

1957 г.

ЗЕЛЕНый ЛУЧ

Золотой светясь оправой
С синим морем наравне,
Дремлет город белоглавый,
Отраженный в глубине.

Он сложился из скопленья
Белой облачной гряды
Там, где солнце на мгновенье
Полыхает из воды.

Я отправлюсь в путь-дорогу,
В эти дальние края,
К белоглавному чертогу
Отыщу дорогу я.

Я открою все ворота
Этих облачных высот,
Заходящим оком кто-то
Луч зеленый мне метнет.

Луч, подобный изумруду,
Золотого счастья ключ —
Я его еще добуду,
Мой зеленый слабый луч.

Но бледнеют бастионы,
 Башни падают вдали,
 Угасает луч зеленый,
 Отдаленный от земли.

Только тот, кто духом молод,
 Телом жаден и могуч,
 В белоглавый прынет город
 И зеленый схватит луч!

1958 г.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечерний день томителен и ласков.
 Стада коров, качающих бока,
 В сопровожденье маленьких подпасков
 По берегам идут издалека.
 Река, переливаясь под обрывом,
 Все так же привлекательна на вид,
 И небо в сочетании счастливом,
 Обняв ее, ликует и горит.
 Из облаков изваянные розы
 Свиваются, волнуются и вдруг,
 Меняя очертания и позы,
 Уносятся на запад и на юг.
 И влага, зацелованная ими,
 Как девушка в вечернем полусне,
 Едва колеблет волнами своими,
 Еще не упоенными вполне.
 Она еще как будто негодует
 И слабо отстраняется, но ей
 Уже сквозь сон предчувствие рисует
 Восторг и пламя августовских дней.

1957 г.

У ГРОБНИЦЫ ДАНТЕ

Мне мачехой Флоренция была,
 Я пожелал покоиться в Равенне.
 Не говори, прохожий, об измене,
 Пусть даже смерть клеймит ее дела.

Над белой усыпальницей моей
 Воркует голубь, сладостная птица,
 Но родина и до сих пор мне снится,
 И до сих пор я верен только ей.

Разбитой лютни не берут в поход,
 Она мертва среди родного стана.
 Зачем же ты, печаль моя, Тоскана,
 Целуешь мой осиротевший рот?

А голубь рвется с крыши и летит,
Как будто опасается кого-то,
И злая тень чужого самолета
Свои круги над городом чертит.

Так бей, звонарь, в свои колокола!
Не забывай, что мир в кровавой пене!
Я пожелал покоиться в Равенне,
Но и Равенна мне не помогла.

1958 г.

Б. А. ЛАВРЕНЕВ

★

В КАНУН ПРАЗДНИКА

Камбуз кают-компания дивизиона помещался на обрыве нависающих над бухтой желтых, изъеденных мокрыми ветрами и веками скал ракушника, в просторном могильном склепе, на стене которого тысячелетие назад чья-то благоговейная рука вывела красновато-кирпичной краской под грубым изображением рыбы, символа христианства, греческую надпись, возвещающую о том, что здесь положен был согражданинами на вечное успокоение именитый гражданин Херсонеса Таврического, взысканный богами муж и славный зодчий крепостных стен Аксениос.

Давно обрушились выстроенные им стены, легшие безобразными грудами полуотесанных циклопических камней обочь шоссеиной дороги от Севастополя к развалинам Херсонеса. Давно обратились в прах, а может быть, лежали в витрине эллинского отдела Эрмитажа кости зодчего. В склепе оставался только большой саркофаг из мягкого инкерманского песчаника с незаконченным скульптурным орнаментом из виноградных листьев и кистей. Высекала орнамент рука неталантливого ремесленника и, вероятно, поэтому, а еще потому, что крышка саркофага исчезла в давние времена, он не привлек ненасытного внимания археологов и стоял большим каменным корытом, полный вековой пыли и мусора.

Когда на бухту стали падать не только бомбы с самолетов, но и крупные снаряды немецкой дальнобойной артиллерии со стороны Качи, склеп решили приспособить под камбуз.

Догаренко при первом же ознакомлении с новым помещением сообразил, что саркофаг избавляет от необходимости складывать плиту. С помощью двух матросов, работавших «на гражданке» печниками, в боковой стенке саркофага были пробиты отверстия для духовочной дверцы, заслонки и поддувала. Сверху положили привезенные из адмиралтейства чугунные плиты с шестью конфорками и вмазали пятиведерный котел. На дымоход пошли шестидюймовые трубы разбитой канализационной сети ближних казарм, выведенные наружу. Камбуз получился на славу.

Сегодня с утра саркофаг полыхал огнем, и Догаренко в поварском халате, огромный, темно-бронзовый, как статуя, не отходил от плиты. Утром его вызвал командир дивизиона и сказал, что, несмотря на сложную обстановку, завтрашний день, годовщина Октября, будет отпразднован в кают-компания праздничным ужином и ужин должен быть приготовлен по первому классу, точно так, как готовил Догаренко в мирное время, будучи шефом кухни первого класса теплохода «Абхазия». Догаренко сощурил на капитана второго ранга свои темно-вишневые глаза и пожал плечами.

— Яки будут продукты, товарищ капитан второго рангу, такой буде и ужин. С пшеничных концентратив та с мясных консервов фрикасе а ля нуазет не зробишь.

— Ты меня кулинарным словарем не пугай, Догаренко,— усмехнулся командир дивизиона,— продукты будут. Управление тыла обещало баранину и картошку. Офицерский состав сдаст сахар, масло, сгущенное молоко и шоколад. Мука есть. Одним словом — помни, какой завтра день. И торт чтоб был мировой.

— Тоди ясно. Буде! — уверенно сказал Догаренко.

Он работал с энтузиазмом, но часто отрывался от поварского колдовства, выскакивал из sklepa на воздух и, прикрыв козырьком ладошки глаза, смотрел в море. Оно было сегодня суровое и туманное. Порывистый и влажный ост гнал низко над водой сочившиеся дождем чугунно-серые тучи. Видимость была плохая, уже на двух кабельтовых все терялось в мути тумана. А по чернильно-угрюмой воде ходили белые пенные гребни.

Катера дивизиона с утра ушли из бухты в море охранять тралящий на фарватере караван: ночью должен был уйти на Большую землю транспорт с женщинами, детьми и ранеными. Догаренко глядел в мокрую муть за плоским мысом и тосковал. Работа кока не радовала его сейчас так, как на «Абхазии». Профессию свою он любил и гордился тем, что ресторан первого класса «Абхазия» считался лучшим. Но, призванный в первые дни войны, Догаренко перешел прямо с пассажирского теплохода на крошечную палубу «МО-107» строевым. Начало войны застало «Абхазию» на севастопольском рейде. Зять капитана «Абхазии», лейтенант Коренков, командовал «107-м». Через отдел кадров, где у капитана были старые друзья, было устроено назначение Догаренко на корабль лейтенанта. Отправляя Догаренко с теплохода, капитан взял с него слово беречь и охранять командира. На катере Догаренко был приписан заряжающим к носовой пушке, и все было бы хорошо, да подвела «мореходка», попавшая с другими документами Догаренко в штаб дивизиона. Просматривая бумаги личного состава, помполит усмотрел в мореходной книжке Догаренко профессию «кок». Кок, да еще с пассажирского теплохода, да еще ресторана первого класса был настоящим кладом для кают-компании дивизиона, и, как ни упирался Догаренко, ничто не помогло. Догаренко пошел в кают-компанский камбуз, чувствуя себя без вины виноватым перед товарищами, которые сражаются за родину пушками и пулеметами, а не уполовниками и секачами, а главное — перед капитаном, с которым он плавал много лет и которому дал слово заботиться о своем командире. А словом своим Догаренко дорожил и попусту им не швырялся, потому что был не мальчишка, которому слово бывает нипочем, а человек солидный, которому перевалило за сорок.

Каждый выход «107-го» в море выводил Догаренко из душевного равновесия, и он не находил себе места, пока юркий кораблик не влетал в бухту, с полного хода впритирку подваливая к пирсу. Только увидев на палубе голову командира с вылезавшими из-под фуражки белокурыми вихорками, Догаренко чувствовал душевное облегчение, и работа у него спорилась. Сегодняшний день был, правда, затишный, лишь изредка вдалеке погромыхивали отдельные орудийные выстрелы, туман хорошо укрывал катера, а фашисты считали такую погоду нелетной. Они предпочитали то «кларе кримише химмель»¹, о котором им напела геббельсовская пропаганда. К четырнадцати часам Догаренко услюкоился и повеселел, когда все катера благополучно пришвартовались у пирса на свои места.

¹ Ясное крымское небо (нем.)

Теперь Догаренко мог вдохновенно и с чистой совестью отдаться сложной задаче — строительству праздничного торта. Торт был продуктом яркого творческого взлета, изображая знакомый каждому севастопольцу памятник затопленным кораблям. Памятник возвышался в центре торта среди морских волн, вылепленных из волнистых червячков сливочного масла, окрашенных для полной иллюзии метиленовой синькой, добытой в санчасти. Шоколадный постамент венчала колонна из округленных кусков рафинада с шоколадной капителью. На капители должен был усесться шоколадный же орел с распростертыми крыльями. Взяв орла за крылышки, Догаренко прикидывал уже, как бы эффективнее посадить его, но не успел.

Внутренность камбуза озарилась мгновенным, как слепящая вспышка молнии, но не бледно-голубым, а желто-зеленым блеском, словно облившим стены яркой глазурью. Дрогнула и шатнулась земля, с грохотом упали трубы дымохода, едва не задев Догаренко по плечу. Короткий и гулкий, страшной силы удар раскатился совсем рядом. Воздушная волна, упругая, как туго набитая подушка, ворвалась в камбуз, выбила орла из пальцев Догаренко, его самого отбросила к стене. Из саркофага вырвался фонтан искр, и сахарная колонна на торте свалилась набок. Протирая запорошенные глаза, Догаренко бросился к выходу. Выбежав, он увидел плотное облако рыжеватого дыма. Оно расплывалось над пирсом. Сверху еще сыпались мелкие и крупные камни, взметенные взрывом. На пирсе то выскакивали из дыма, то снова скрывались в его завесе, медленно сносимой к морю, фигуры моряков. С первого взгляда Догаренко понял, что в угол пирса ударила либо тяжелая авиабомба, либо снаряд одной из недавно подвезенных немцами сорокасантиметровых гаубиц. Он напрягал зрение, пытаясь различить в дыму силуэты катеров, но их не было видно. Внезапно дым на пирсе с подветренной стороны оранжево окрасился и оттуда донеслись крики, в которых звучали растерянность и испуг. Сильный рывок ветра вскинул дым кверху, и Догаренко увидел полыхающую палубу катера. Вероятно, осколок бомбы пробил бензобаки, потому что из машинного люка выбрасывался столб бело-розового огня, окутанного плотными светло-серыми клубами.

Догаренко показалось, что горит «107-й». У него на миг замерло и сразу бешено застучало сердце. Забыв обо всем, он вскачь ринулся вниз по выбитым в скале покатым ступеням. Вбежав на пирс, он облегченно перевел дух. «107-й» стоял невредимый на своем месте, и обе его пушки, до предела задрав стволы, непрерывно метали в низко бегущие тучи бледно-соломенные сверкающие снопы огня. По этой, в сущности говоря, бесцельной стрельбе, открытой больше для того, чтобы занять команду привычным боевым делом, Догаренко сообразил, что беду натворил какой-то одиночный бомбардировщик, воспользовавшийся плохой видимостью и наудачу сбросивший удачно легшую бомбу.

Горел стоящий через катер от «107-го» «МО-119». К нему бежали санитары с носилками, и Догаренко побежал за ними, на блеск бушующего пламени. Подбегая, он увидел, как из люка с новой силой вырвался огненный столб и глухо прогремел взрыв бака. Всю кормовую часть катера сразу охватило вихрем пламени. Его языки лизали лежащие на стеллажах черные бочонки глубинных бомб. У рубки и на баке металась матросы. Догаренко услышал хриплый, надорванный волнением голос. Он кричал:

— Все на берег! Покинуть корабли!

И вслед за этим криком люди с катера с топотом кинулись по заплывавшим под их бегом мосткам на пирс. Догаренко остановился.

Мысль его работала обостренно и четко. Огонь у стеллажей разливался все шире. На бомбах уже пузырилась краска. Еще немного, и они

рванут. Рядом другие катера. На них тоже бензин, бомбы, боезапас. Взрыв грозит катастрофой, гибелью всему дивизиону. Командир катера, приказавший команде покинуть корабль, явно растерялся перед грозной опасностью.

«Мабуть, яке недоросле щеня, та ще с торгового флоту,— подумал о командире катера Догаренко.— Що с него визьмешь? А не треба чекати ни хвылыны... Не можно!»

И прежде, чем он подумал, ноги уже несли его по мосткам на пылающую палубу. Сквозь пелену огня он пронесся на корму, и его не первой свежести поварской халат, пропитанный маслом, сразу вспыхнул на левом боку. Одним махом Догаренко сорвал его и швырнул за борт. И, обжигая руки, ухватился за ближайшую бомбу. Крякнув от натуги, он сорвал ее со стеллажа, и она гулко плеснула в воде, подбросив фонтан белых брызг. Догаренко взялся за вторую. Пламя било ему в спину, брюки от низу до колен тлели. Вторая бомба слетела за борт, за ней третья. Догаренко распрямился, глотая всей грудью едкий, полный гари воздух, и в это мгновение впервые почувствовал нестерпимую жгучесть огня, с яростью въедавшегося в его тело. Он понял, что стгорит раньше, чем успеет сбросить оставшиеся бомбы. Эта мысль испугала его, он провел рукой по лицу, размазывая копоть, и пошатнулся. Нужна была вода, нужно было, чтобы на него дали водяную струю, которая погасила бы горящую одежду. Но команда катера стояла на пирсе в оцепенении, и нельзя было ждать, пока люди опомнятся и сообразят, что делать. Догаренко шагнул к борту и, ухватясь за свисший конец, прыгнул в воду. Прикосновение холодной соленой влаги к обожженным местам резануло такой болью, что он едва не потерял сознание, но преодолев наплывшую слабость и тошноту, вскарабкался снова на палубу, мокрый, дымящийся и дополз до бомб. Но едва он налег на очередную, как рядом в дыму и огне мелькнула чья-то фигура и две руки тоже вцепились в бомбу, помогая сдвинуть ее. Догаренко вскинул голову, чтобы разглядеть неожиданного помощника, и охнул, узнав в нем командира «107-го». Любую помощь, любого человека в эти страшные минуты Догаренко принял бы как должную, естественную, правильную. Но рядом с ним был человек, которого он дал слово беречь и слова не по своей вине, но не сдержал. А теперь этот человек подвергается вместе с ним смертельной опасности. Этого Догаренко допустить не мог. Сбросив бомбу, он выпрямился, черный, страшный, со свистими на лоб мокрыми волосами, сверкая белками глаз, и рванул лейтенанта за руку.

— Геть звидсиля! — крикнул он неистовым голосом.— Якого биса тобі тут треба, трясця твоей матери! Геть у хвылыну, бо убую!

Отлетевший от сильного рывка, ошеломленный лейтенант крикнул ломающимся от злости и обиды тенорком:

— Как вы смеете кричать на командира? С ума сошли?

Но Догаренко был в том самозабвенном состоянии, когда на него не действовал бы и окрик командующего флотом. Он прыгнул к лейтенанту и своей громадной лапой ухватил его за ворот кителя.

— Нема часу балачки разводити! Геть!

И взмахом той же руки он бросил лейтенанта в воду, как швырял перед этим бомбы. Даже не взглянув, опять взялся за бомбы. Успел сбросить еще две и со страхом ощутил, что в глазах темнеет и руки отказываются подыматься. Стоя на коленях, он в отчаянии ударился лицом о станину стеллажа, думая этим остановить уходящие силы. Но в глазах темнело все больше, и он с горечью подумал о том, что не сможет докончить начатого и сейчас наступит конец всему. Но в эту минуту какая-то холодная, тяжелая плеть с силой хлестнула его по голове и сейчас же еще более сильный удар пришелся по обожженной,

голой, вздувшейся пузырями спине. От невыносимой боли он закричал, и крик помог пересилить обморок. Догаренко с трудом оглянулся. Две шипящие белые струи прыгали и носились по палубе, по бомбам, по телу Догаренко. Это на соседнем катере пустили наконец в ход пожарные шланги. Пленка воды, пенясь по краю мелкими пузырями, катилась по палубе, оттесняя огонь к рубке. Он отступал, злясь и фыркая, пытаясь еще, но бесплодно, прорваться отдельными языками через водный барьер. По мосткам на палубу бежали бойцы трюмно-пожарного подразделения в несгораемых асбестовых робах. Увидев их, Догаренко последним усилием поднялся на ноги, сделал шаг им навстречу и, как подорванная фабричная труба, переломившись в поясе, грузно свалился на палубу...

Командир дивизиона и лейтенант Коренков шли, пригибаясь, по низкому проходу штольни, превращенной в санпункт, в сопровождении молодого врача в очках и с рыжеватой бородкой, похожего на молодого Чехова.

— За жизнь опасаться нет оснований, товарищ капитан второго ранга,— говорил врач, поправляя пальцами сползающие очки,— ожоги серьезные, но местно ограниченные. Вот только руки. Возможна резкая контрактура кистей. Но при теперешнем уровне пластики...

Они вошли в палату, большую пещеру, ярко освещенную десятками автомобильных лампочек, висящих поперек потолка. На койках лежали и сидели раненые. Мягко звенела гитара, и приглушенный низкий, грудной голос напевал говорком песню.

— У вас тут не госпиталь, а прямо филармония,— сказал врачу командир дивизиона,— и музыканты и певцы.

— Это сегодня, под праздник. Главврач разрешил.

Командир дивизиона засмеялся.

— Вы словно извиняетесь, товарищ военврач, за то, что у вас больные и раненые в хорошем настроении и веселятся?

— Да нет, я так...— сконфуженно ответил врач.— Разное начальство бывает. Вам вот нравится, а бывает...

Лейтенант Коренков оглядывал ряды коек, разыскивая знакомое лицо Догаренко. Но не находил его. И, когда врач указал на койку, где лежала большая и странно жуткая, оплетенная бинтами кукла, у которой только светились глаза и виднелись вздутые губы, лейтенант невольно отступил назад.

— В сознании? — спросил комдив.

— Все время был в сознании!— Врач наклонился над страшной белой куклой. — Товарищ Догаренко, вы меня слышите?

Вздутые губы расклеились. В углу показалась капелька крови из трещины. Хриплый голос ответил: «Слышу».

— Вас пришел навестить командир дивизиона,— продолжал врач. Догаренко чуть-чуть повернул голову.

Командир дивизиона нагнулся над ним и осторожно поцеловал пахнувшие вазелином бинты возле рта Догаренко.

— Спасибо, дорогой! От всего дивизиона, от меня, от командующего флотом. Представляем к высокой награде, Догаренко! Выздоровливай скорее.

Догаренко молчал, только мерцавшие из-под низко надвинутой на лоб повязки глаза вдруг заблестели влагой. Он поднял руку, похожую на белое березовое полено, и слегка дотронулся до руки комдива.

— Товарищ капитан второго ранга,— Догаренко говорил медленно, отделяя слово от слова невидимыми перегородками,— я... там... на катере... это... як казаты... ну, пихнув у воду... лейтенанта, як цуцька... Кажить лейтенанту, щоб вин на мене не серчав... така була ситуація...

— Сам скажи лейтенанту про ситуацию. Он тоже здесь,— ответил комдив, выдвигая вперед Коренкова.

Глаза Догаренко тревожно расширились. Он дернулся всем телом, губы снова зашевелились, но, прежде чем он успел выговорить слово, лейтенант опустился на колени, уткнулся лицом в серое одеяло и заплакал так, как может и имеет право заплакать офицер двадцати четырех лет от роду, взволнованный и потрясенный величием подвига и человеческой души.

Догаренко с усилием поднял белое полено руки и положил его на белокурые вихры лейтенанта.

— Та що вы, товарищ лейтенант? — выговорил он дрожащими губами.— Не треба! Я ж ще не помер и не помру. Ось подлечуся, та мы ще з вами поплаваємо. Може мене видпустят до вас с того чертова камбуза.

Командир дивизиона сдержал ненужную и непрошеную в эту минуту улыбку и сказал серьезно и торжественно:

— Отпустим, Догаренко!.. Даю тебе в том слово! Думаю, что командование испросит тебе звание Героя Советского Союза, а держать героя у плиты, сам понимаешь, не резон. Скорее поправляйся! Пойдем, лейтенант!

Он поднял Коренкова. Лейтенант сконфуженно вытер рукой мокрое лицо.

— До свидания, Догаренко! Поздравляю с великим праздником родины. Подремонтируйте его поскорее, товарищ военврач.

Комдив взял под руку еще всхлипывающего Коренкова, и они пошли к выходу. Ходячие раненые сгрудились вокруг одной из коек, где все еще звенела гитара и тот же молодой, свежий голос продолжал петь. Комдив прислушался и уловил простые, правдивые и волнующие слова песни:

За светлое счастье советской земли,
Которую любим, как мать,
В простор голубой идут корабли
Сражаться и побеждать.

АВТОБИОГРАФИЯ*

Мо принятому обычаю нормальная биография человека нашей эпохи должна начинаться с анкетных данных и объяснять без умолчаний и недомолвок, чем занимались предки на протяжении последнего столетия.

Во избежание недоразумений сообщаю сразу, что в составе предков у меня не числятся: околоточные надзиратели, жандармские ротмистры, прокуроры военно-окружных судов и министры внутренних дел.

Зато с материнской стороны имеются полковники стрелецкого приказа при Алексее Михайловиче и думные дьяки, ведшие дипломатические переговоры с черкесами при Петре I,— Есауловы и другие воинские люди, в том числе упомянутый во 2-м томе «Крымской войны» академиком Тарле мой дед, командир Еникальской береговой батареи Ксаверий Цеханович. К сожалению, не могу ничего сказать о предках отца, так как, потеряв родигелей в возрасте полутора лет, воспитываясь у чужих людей и в интернатах, он семейных преданий не сохранил. Из сказанного можно понять, что особо вредных влияний на формирование моей личности предки не имели.

* Настоящая автобиография написана Б. А. Лавреневым для сборника автобиографий советских писателей, выходящего в Гослитиздате.

Автобиография написана весной 1957 года, 9 ноября 1958 года просмотрена и поправлена автором.

Я пишу творческую автобиографию и должен рассказать, как я стал писателем. Поэтому анкетную часть биографии на вышесказанном считаю законченной.

Первая моя попытка пройти во врата литературного эдема относится к лету 1905 года, когда мне было 14 лет¹. Ошеломленный (иногое определение не могу найти) чтением лермонтовского «Демона», я за три каникулярных месяца написал поэму «Люцифер», размером в 1500 строк, чистым, как мне казалось, четырехстопным ямбом. Вложив в тетрадку с переписанной начисто поэмой закладку из георгиевской ленточки для красоты, я отдал ее на суд отцу, преподававшему историю русской литературы, или, по тогдашней номенклатуре, «словесность». Отца я не только любил. С первых сознательных лет я привык глубоко уважать его.

Через несколько дней, вечером, позвав меня в кабинет, отец, указывая на лежащую перед ним поэму, довольно сухо спросил:

— Каким размером это написано?

Я сразу понял, что он не хочет назвать это ни поэмой, ни даже просто стихами, и, облизнув пересохшие губы, робко сказал:

— Четырехстопным ямбом, папа!

— Ты уверен? — усмехнулся отец и после паузы нанес удар: — Это, милый мой, может быть, хромой, колченогий, параличный, но никак не четырехстопный и даже вообще не ямб, а каша.

Я стоял, опустив голову.

— Мыслишки кой-какие воробьиные есть, — мягче сказал отец, — но рано лезть на штурм таких тем. Возьми спрячь! Вырастешь, сам повеселишься, перечитай.

И, ласково потрепав меня по вихрам, вернул тетрадку.

Но я не захотел веселиться, когда вырасту. В ту же ночь я тайком схоронил «Люцифера», завернутого в три слоя золотистой компрессной клеенки, под акацией бульвара. Если за полвека никто не выкопал этого бумажного покойника, он, вероятно, и сейчас мирно спит на углу бывших Виттовской и Говардовской улиц. Читая теперь, на склоне лет, некоторые поэмы молодых, но уже маститых поэтов, я сожалею, что пытался начать поэтическую карьеру во время слишком высоких требований к поэзии, к культуре стиха. Нынче, внося в «Люцифера» кое-какие поправки с учетом идейных запросов современности, я триумфально въехал бы на нем в литературу.

Оскомина от неудачного опыта заставила меня длительное время не пытаться искать взаимности у строгой музыки. Хотя микробы стихотворной заразы и обволакивали меня каждое лето, с седьмого класса гимназии и до первых студенческих лет, в поэтической обстановке Чернодолинской экономии графа Мордвинова. Перед моими глазами были два дурных примера: мой одноклассник Коля Бурлюк, младший из знаменитых Бурлюков, и совсем еще юный, в рваной карбонарской шляпе и черном плаще с застежками из золотых львиных голов, похожий на голодного грача, Владимир Маяковский. Я с восхищением глядел в рот Коле, когда он, картавя, «бурлюкал» стихи, но старался уберечься от заразы. Для меня, как и для Маяковского, еще не был решен вопрос — вступать ли на тернистый путь поэзии или просто поступить в Училище живописи, ваяния и зодчества?

Поэтическое вдохновение хлынуло из меня неудержимым потоком в первый год студенчества. Я писал запоем и рвал написанное беспощадно, оставляя жизнь только немногим стихотворениям, относительно которых я был уверен, что отец не спросит меня: каким размером написано это? И весной 1911 года я с душевным содроганием увидел одно из этих стихотворений превращенным в печатный текст нашей газетой «Родной край». Через год небольшой цикл моих стихов был напечатан в московском альманахе «Жатва», и это было уже моим введением во всероссийский храм литературы.

Обыкновенно принято задавать вопрос: кто из великих писателей оказал наибольшее влияние на становление молодого писателя, кого он считает своим учителем? На этот вопрос я не могу дать определенного ответа. Особых пристрастий у меня не было и нет. В нашей русской классической литературе я больше всего ценю лермонтовские стихи и лермонтовскую прозу; Льва Толстого, особенно в таких вещах, как «Казачьи

¹ Б. А. Лавренев родился в Херсоне 17 июля 1891 года.

и «Хаджи-Мурат»; романы Гончарова, пьесы Чехова, рассказы Бунина, поэзию Александра Блока. Во французской литературе мне дороги имена Стендаля, Флобера, Мери-ме, Мопассана, Франса. У англичан мне ближе всех несравненный Стивенсон, Диккенс (не весь, лучшей его вещью кажется мне «Повесть о двух городах»), люблю малопопулярного у нас Сетон-Томпсона.

Но возвращаюсь к прерванному рассказу о моем литературном пути.

В 1912 году на политическом горизонте мира набухали уже тучи мировой войны, а в русской литературе царил хаос и творился пир во время чумы. Когти двуглавого орла в последних усилиях все туже сдавливали горло стране, душили всякую не казенную и не верноподданническую мысль. России было приказано не думать. Но молодым поэтам не думать было трудно, они искали действия. Русская буржуазия, оправясь от испуга 1905 года, напаялив на пухлые российские телеса европейские фраки, забавлялась мистико-эротическими «дерзаниями» в своих журналах «Золотое руно», «Весы», «Аполлон». «Дерзаниям» была грош цена, к ним снисходительно относилась и даже поощряла их охранка. Российским промышленникам и торговцам сладко дремалось под изысканные ритмы символистских корифеев — Сологубов, Кузминых, Рукавишниковых, Чулковых, Вяч. Ивановых. Хотелось нарушить это животное благополучие, испортить настроение буржуазии, эпатировать ее, расстроить ее беспечное пищеварение.

Тогда и родился и забушевал отечественный футуро-кубизм в литературе и искусстве. Зарождение этого нового учения я наблюдал своими глазами в той же Черной Долине. Коренастый, неуклюжий, коротконогий Давид Бурлюк, приставив к глазам неразлучный лорнет, стоял перед развешанными по стенам мастерской своими превосходными, немного импрессионистскими пейзажами (один из них и сейчас украшает мой кабинет) и, кривя рот, говорил, что на классических традициях, на серьезной живописи в наше время ни славы, ни капитала не наживешь и что нужно глушить буржуа и обывателя дубиной новизны. Таково было «идейное» обоснование новаторства в литературе и искусстве.

И вскоре на обывателя лавиной обрушились квадраты, окружности, параболы, призмы, пирамиды, четвероногие люди с одним глазом и двуногие лошади с пятью глазами, кое-как намазанные на холстах, вперемежку с клейками из старых пружин от матрацев, крышками консервных коробок, рыбьими хвостами. В литературных салонах на смену унывно-певучим ритмам зазвучали какофонические созвучия.

И впервые в «приличные» лица Рябушинских, Тарасовых, Второвых, Свешниковых и прочих владык жизни Маяковский швырнул ошеломляющие строчки:

А с неба смотрела какая-то дрянь,
Величественно, как Лев Толстой.

Фильтрующийся вирус футуризма быстро проник в самые незаметные щели, поражал самых тихих поэтов. Вирус дробился, меняя очертания, маскировался, принимал вид то «эго», то «кубо», то просто футуризма. Вирус сразил и меня. Я нырнул вниз головой в эгофутуристское море.

Этот фантастический период я вспоминаю с нежной грустью и признательностью. Моя практика в лоне эгофутуризма позволяет мне сегодня с несравненным чувством превосходства смотреть на подвиги литературных и художественных «новаторов» Запада. Мне смешно видеть, как эти замшелые провинциалы беспомощно и жалко воскрещают пережитое нами полвека назад, выдавая прелую духовную заваль за новые откровения.

В сентябре прошлого года, будучи в Югославии, я познакомился с поэзией молодого, но уже снискавшего не только славу, но и литературную премию абстракциониста Васко Поба. Его «программное» стихотворение «Клинья и клещи» оказалось детским лепетом перед шедеврами русских футуристов 1912—1915 годов. Васко Поба нужно еще много и долго учиться прыгать, чтобы допрыгнуть до таких высот бессмыслицы и абстракции, какие печатались в наших футуристских журналах.

Но в августе 1914 года на мировом горизонте, «весело играя», сошлись тучки двух империалистических коалиций и грянул гром. Произошло некое духовное землетрясение, которое по-разному отразилось на поэтах. Одни продолжали делать хорошую мину

при плохой игре, пытаюсь не замечать происходящего и не переставая «дыр-бул-щырять». Другие неожиданно из «революционеров духа» превратились в патриотических лакеев, поставляющих стишки для военных лубков. Один из крупных деятелей эгофутуризма, правая рука его шефа Вадима Шершеневича, писал для этих лубков такие вирши:

Опустилось у Вильгельма
Штыковое рыжеусие,
Как узнал лукавый шельма
О боях в Восточной Пруссии.
Опустив на квинту профиль,
Говорит жене Виктории:
— Пропадает наш картофель
На отбитой территории...

Это писалось в те дни, когда на территории Восточной Пруссии, спасая французских ростовщиков от немецких стальных магнатов, по приказу некоронованного повелителя России Раймона Пуанкаре самоотверженно умирал цвет русской гвардии, преданный бездарным командованием и загнанный в топи между Мазурскими озерами.

Значительная часть поэтов, еще не вполне отчетливо понимая масштабы невиданной мировой трагедии, но уже осознав, что к ней надо относиться серьезно, временно замолчала в растерянности.

Особняком в истории футуризма стоял Маяковский. Только он один в эти дни поднял «единственный человеческий средь воя, средь визга» голос против войны, с поразительной силой прозрения предсказав приход шестнадцатого года в терновом венце революций.

В 1915 году я ушел на войну. То ли во мне заиграла военная жилка стрелецких полковников, то ли просто стало скверно в обстановке тылового распада, но я надолго простился с мирной жизнью, с футуризмом всех формаций.

О войне рассказывать нечего. В 1916 году самым тупым и ограниченным военным деятелям империи стало ясно, что империя идет к концу. Я был на встрече Нового года в одной из артиллерийских бригад Западного фронта. Командир бригады, боевой генерал, перехватил медицинского спирта, сплясал русскую, запел на жалобный глас: «так жизнь молодая проходит бесследно, а там уже близок конец», целовался со всеми, не исключая денщиков, прислуживавших у стола, и, под занавес, обратился к офицерской молодежи с речью, которую закончил так: «Прапорщички и прочие фендрики, помяните добром вашего командира, егда через полгода приидет царствие ваше!»

Генерал ошибся в малом. Царствие прапорщичков наступило не через полгода, а через два месяца, но оказалось очень кратковременным и кончилось в октябре 1917. Но старика помянули добром и солдаты и офицеры. Он был отличным артиллеристом и порядочным человеком.

Я никогда не жалел и не пожалел о том, что вместе с миллионами простых людей, одетых в серые шинели, прошел сквозь бессмысленный кошмар последней войны царизма. От войны я получил бесценный дар — познание народа.

До войны я, как и огромное большинство русского юношества из интеллигентных семей, имел смутное представление о тех 180 000 000 душ, которые, собственно, и подерживали жизнь в распухшем и непутевом теле российской империи. С рабочими мне вплотную встречаться не приходилось. Юность моя прошла в тихом южном городе, жизненной базой которого была золотая степная пшеница, уплывавшая за море в трюмах иностранных пароходов. В городе существовало лишь одно «промышленное предприятие» — кустарная чугунолитейная мастерская Гуревича.

Ближе я знал крестьян. Сталкивался с ними в той же Черной Долине. С некоторыми даже дружил, как с кучером Опанасом, парубком необычайной, буквально античной красоты, буйные кудри которого, казалось, были из темно-бронзовой проволоки. Этим друзьям, приезжая во время каникул, я привозил из города подарки: кожу на сапоги, гармошки, рубахи с вышивками, ситцы на платья дивчатам и жинкам. Зимой в городе получал от них каракули, извещавшие обо всех событиях. О том, что Остап, выпав из саней под сочельник, поломал ногу, а горничная Тетяна на масляной родила «байстрюка». Но этим мои связи с народом ограничивались, и, по правде, я знал народ

не более некоторых зарубежных мыслителей, писавших о мистической загадке славянской души.

Только на войне я постиг эту «загадочную» душу, в которой не оказалось никакой загадки. Была народная душа придавлена тяжким камнем горя, нищеты и бесправия, но под этим камнем таилась и дремала до времени могучая сила. Была эта забытая душа полна природного благородства, ласки, благодарности, теплой человеческой привязанности ко всякому, кто обходился с ней по-человечески. И жила в ней готовая прорваться жаркая ненависть к угнетателям и неистребимая надежда найти спрятанную от простого люда великую правду, которая яркой звездой взойдет над землей и одарит всех несказанным счастьем.

А вместе с душой народа я узнал и его ясный, честный, безошибочно мудрый ум.

Растворенный в огромной человеческой массе, сжившийся с ней, с ее маленькими радостями и большим горем людей, оторванных от труда, от семей, от земли и брошенных в чертову мясорубку,— я с отвращением вспоминал мелкую клоунаду футуристических скандалов, мышиную возню литературных стычек. Какими непотребными стали в моем сознании полосатые кофты и размалеванные морды, игры в стихотворные бирюльки перед величием молчаливого, беззаветного и великого ратного подвига народа. О народе на войне и о подлинном лице этой подлой войны мне хотелось рассказать, и весной 1916 года я написал вещь, которую считаю подлинным началом моего писательского пути,— рассказ «Гала-Петер»¹.

Приехав в командировку в Киев, я сдал рассказ в редакцию проектируемого братоворительного альманаха Земсоюза «Огонь». Рассказ был немного подпорчен ритмической стилизацией прозы под Андрея Белого, но в целом был сильный, острый по теме, резко антивоенный. В редакции его встретили радостно. Но, когда гранки попали в цензуру, разразилась катастрофа. Наряд полиции, пришедший в типографию, забрал рукопись и рассыпал набор. Цензор безоговорочно запретил рассказ и, выяснив имя автора, сообщил в штаб фронта о недопустимом направлении моих мыслей. В результате я был направлен в артиллерийскую часть, составленную в основном из штрафованных моряков, которые обслуживали тяжелые морские пушки Кане на Западном фронте. С этого времени началась моя дружба с людьми флота, сорокалетие которой совпадает с сорокалетием Октября.

Рассказ же «Гала-Петер» увидел свет только в 1925 году, восстановленный мной отчасти по черновым записям в сохранившемся блокноте, отчасти по памяти. Я до сих пор люблю этот рассказ даже с его детскими недостатками.

После Октября я поехал на юг, навестить своих стариков. Душевное состояние у меня было смутное, в голове сумятица и разброд. Мрачные эксцессы, которые мне пришлось видеть перед Октябрем и после, в первые недели, очень разболтали мне нервы. И в первый же день, зайдя в кабинет отца, я спросил у него совета: что делать и как жить дальше? Может быть, стоит уехать на время за границу и вернуться, когда жизнь наладится? Отец долго молчал, опустив уже поседевшую голову, потом пристально посмотрел мне в глаза и сказал то, что врезалось мне в память от слова до слова:

— Тебе сейчас кажется, что все рушится, что народ пошел не по тому пути?.. Вздор! Самое святое, что есть у человека,— это родина и народ. А народ всегда прав. И если тебе даже покажется, что твой народ сошел с ума и вслепую несетя к пропасти, никогда не подымай руку против народа. Он умнее нас с тобой, умнее всякого. У него глубинная народная мудрость, и он найдет выход даже на краю пропасти. Иди с народом и за народом до конца!.. Мы — русские люди!.. Нельзя нам покидать родную землю. Допустим, ты уедешь! Говоришь,— на время, чтобы потом вернуться? А ты уверен, что сможешь вернуться? Что народ примет тебя, простив, что ты покинул его в тяжкий час?.. Нет, сын! Никуда с русской земли, хоть бы смерть у тебя за плечом стояла! Жить на чужбине и умирать постыдно!

Я увидел в глазах отца слезы и крепко обнял старика. Весной я пустился в обратный путь в Москву.

¹ «Гала-Петер» — швейцарская фирма, поставлявшая прекрасного качества шоколад.

Первую половину 1918 года я провел в Москве, снова попав в давно покинутую литературную среду. Странной и дикой показалась мне она в это время. Постоянно бывая во всяких литературных притончиках, вроде «Кафе футуристов», «Стоило Пегаса», «Музыкальная табакерка», я с удивлением видел, что мои бывшие друзья и соратники, как французские Бурбоны, ничего не поняли и ничему не научились. Я видел те же клоунские гримасы, эстетские радения, слышал зауспокойное чтение лишенных всякой связи с жизнью страны стихов, грызю мелких самолюбий в погоне за эфемерной славой. В этих злочных местах выплывала на поверхность всякая дрянь, вроде бездарного проходимца Кусикова, сына крупного армянского торговца, который выдавал себя за черкеса и друга легендарного Киквидзе.

Атмосфера литературной Москвы 1918 года была настолько отвратительна для меня, что осенью я ушел с бронепоездом на фронт, штурмовал петлюровский Кнез, входил в Крым. В Крыму мы в 1919 году не удержались и в июне под натиском белых откатились на север. По дороге в Киев, на станции Мироновка, меня увидел наркомвоен Украины Н. И. Подвойский и тут же забрал в свой полевой штаб начартом. Подвойский проводил решающую операцию по ликвидации банды атамана Зеленого. В последнем бою, при прорыве бандитов через полотно железной дороги у развязки Карапыши, я был тяжело ранен в ногу, эвакуирован в Москву и по выздоровлении направлен в Ташкент в распоряжение политотдела Туркфронта.

С этого момента для меня кончилась строевая служба. Я был назначен секретарем редакции, а позднее заместителем редактора фронтовой газеты «Красная звезда». Одновременно работал в «Туркестанской правде», ведя литературный отдел и приложения к газете.

За годы, проведенные в Средней Азии, я написал много небольших газетных новелл, повесть «Ветер» и большие рассказы «Звездный цвет» и «Сорок первый». Иногда еще писал стихи, но в 1923 году окончательно ушел в прозу. В декабре 1923 уехал в Ленинград, демобилизовался и весной 1924 напечатал в ленинградских журналах «Красный журнал для всех» и «Звезда» последовательно «Звездный цвет»¹, «Ветер»² и «Сорок первый»³.

Эти вещи привели в недоумение и растерянность рапповскую критику того периода. Она длительное время разглядывала меня со всех сторон, пытаясь разрешить загадку: кто же я такой в плане литературно-социального облика? Свой ли «в доску», по принятому жаргону, или подозрительный попутчик? В конце концов схоластический диспут закончился тем, что меня оставили в попутчиках, снисходительно приклеив этикетку «левый». Совершенно по тому же принципу, как в старые времена отличившимся полководцам прибавляли к фамилии почетное прозвище: Румянцев-Задунайский или Паскевич-Эриванский. Против оказанной мне чести я не возражал и проходил в левых попутчиках десять лет, вплоть до мирной кончины РАППа. Проводив его труп на кладбище истории, я остался просто советским писателем. Это меня вполне устраивает.

В 1925 году я впервые попробовал сунуться в драматургию. Две пьесы — «Мятеж» (Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде, 1925) и «Кинжал» (Театр МОСПС) — не принесли мне особой радости, но многому научили.

И когда Большой драматический театр предложил мне написать пьесу к 10-летию Октября (одновременно такое же предложение было сделано театром Вахтангова), я приступил к работе над пьесой уже как «взрослый» драматург.

История «Разлома» достаточно широко известна, чтобы на ней останавливаться. По крайней мере три поколения советских зрителей видели пьесу на сценах почти всех театров СССР.

С тех пор мной написано много прозы, публицистики, очерков, пьес. Перечислять все невозможно. Интересующиеся могут поглядеть в библиографические справочники.

Я советский писатель. Всем, что я мог сделать в литературе и что, может быть, еще успею сделать, борясь с возрастом и болезнью, — всем я обязан народу моей родины, ее простым людям, труженикам, бойцам и создателям. Они учили меня жить и

¹ Альманах «Красного журнала для всех», 1924.

² «Красный журнал для всех», 1924.

³ «Звезда», 1924.

} Все эти вещи были напечатаны в продолжение четырех месяцев (май — август) 1924 года.

мыслить вместе с ними, они указывали мне дорогу, бережно поддерживали на ухабах, жестко, но дружелюбно наказывали за ошибки.

В литературе, как и в жизни, я не выношу позерства, шаманства, фокусничества, зазнайства. Не люблю, когда писатели носят самих себя, как некие драгоценные сосуды, и не говорят по-человечески, а изрекают и прорицают. Я люблю живой народный язык, берегу его чистоту и борюсь за нее. Мне физически больно слышать изуродованные русские слова: «учеба» вместо «ученье»; «захоронение» вместо «похороны»; «глажка» вместо «глаженье»; «зачитать» вместо «прочитать» или «прочесть». Люди, которые так говорят,— это убийцы великого, могучего, правдивого и свободного русского языка, того языка, на котором так чисто, с такой любовью к его живому звучанию говорил и писал Ленин.

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

★

ИЮЛЬ БЫЛ ПОЛОН ГРОЗ

Ты не забыла, знаю, не забыла
Ту рощу, поле, в стороне село,
И ливень, нас застигший, Помнишь, было
Бело от молний, от берез бело.

Не различая залитых дорожек,
Мы шли по травам вымокшим тогда.
Текла меж ремешками босоножек
Ромашки обступившая вода.

Июль был полон гроз... Забыть ли это —
С любовью нашей и с громами лето.

ВЕРНУВШИСЬ С АЭРОДРОМА

С нами жизнь поступила жестоко,
Не продлила и этого дня.
В самолете — лицом к востоку —
Ты далёко сейчас от меня.

Ты летишь над полями, лесами
В мутном свете ночной слепоты.
Под какими сейчас небесами,
Под какими звездами ты?

Я и дома, все кажется, слышу:
Ровно, время не торопя,
Два мотора поют и дышат,
Те, которым доверил тебя.

Не забыть этой ночи морозной
С грустью, с белой метелью в окне.
Там, дорогой высокой и звездной,
Вспоминаешь ли ты обо мне?

АНАТОЛИЙ КЛЕЩЕНКО

★

ИНСПЕКТОР

Рассказ

— Товарищ инспектор, Федя Логунов делает новую лодку!
— Выдолбил уже, осталось развести да набои поставить...

Докладывая об этом, мальчишки чувствовали себя разведчиками, стояли по-солдатски подтянуто — руки по швам, пятки вместе, носки врозь. Ангара накатывала некрутую волну на прибрежную гальку, волна обмывала босые ноги мальчишек, покачивала корму уткнувшейся в пологий берег моторки. Инспектор заправил под фуражку выбившийся белесый чуб, выпрыгнул из лодки и еще дальше вытащил лодку на гальку.

— Та-ак!.. — протянул он и улыбнулся, внимательно посмотрев на удилица ребят, взятые «к ногам». — Как окунь берет?

— Слабовато! — басом ответил младший и для солидности сплюнул.

— Вы, наверное, на червя ловите? Попробуйте на мальков, а то на мелкого пескаря...

Впечатывая в мокрый песок рубчатые следы высоких резиновых сапог, инспектор пошел к деревне. Крыши ближних домов ее виднелись из-за обреза берега, который в двух десятках шагов от воды резко набирал крутизну.

В деревню Ушканино инспектор завернул только затем, чтобы выпить молока и перехватить в колхозе десяток литров бензина — рейс затягивался, горючего могло не хватить. Возможно, эти опасения были напрасными: просто-напросто инспектор первый раз плывал без моториста и еще не освоился с запросами мотора.

Легко одолев крутой подъем, инспектор обогнул приземистое здание зернового «магазина» и тут встретился с председателем колхоза Брюхановым, известным ранее как Брюханов-крайний. Последнее означало, что живет он в крайнем, считая вниз по реке, доме, — деревню Ушканино в основном населяли Брюхановы.

— Здоровенько! — сказал председатель. — Все браконьеров ловишь?

— Привет начальству! Я у вас бензином не разживусь в долг?

— Дадим, ежели с отдачей. К Ваське Брюханову зайди, он тебе прямо из бака нальет, утром полностью машину заправил. Слышь-ко!.. — окликнул он заторопившегося инспектора. — А Логунов у нас новую лодку ладит...

— Знаю. Брюханов, кажись, в том доме живет? — Инспектор показал кивком головы на поросшую мхом крышу.

— В том доме — Семен Брюханов, а Васька через дом от него. Слышь-ко!.. Человек ты у нас новый и вроде мужик хороший. Поберегся бы ты. Не вязался бы ты с Федором пока...

Насмешливо прищуриив чистые, мальчишеские еще глаза, инспектор ждал, что еще скажет председатель. Но тот молчал, занятый скручиванием папироски.

Новый инспектор Рыбнадзора Алексей Солодов на первых порах нуждался в помощи. А чем поможет ему председатель Брюханов, кроме доброго совета? Не по силе заломил инспектор лесину — отобрал лодку и снасти у Логунова. Как бы худо дело не обернулось для парня.

— По-вашему, надо разрешить Логунову незаконно ловить рыбу? Да?

— Не об этом я, не ершишь! Обсмотреться бы тебе сперва, в курс войти.

— А я на ходу присматриваюсь. Вот прошлый раз у Логунова отобрал...

— Это тебе, мил человек, повезло просто. Федя — он матерых, не тебе чета, промеж пальцев водил. Дело, слышь-ко, такое получилось: не дошло до него, что из края новый инспектор прислан. А ты сам тут как тут и — давайте знакомиться...

— Выходит, правильно я сделал, что не осматривался да в курс не входил?

— Оно так, следовало прищемить Федю, много он воли взял. Только берегись надо тебе, шибко сердит Логунов. Он Рыбнадзор ни за кого считал, теперь ему срам по всей Ангаре...

Инспектор вдавил в грязь брошенную собеседником самокрутку, посерьезнел.

— Главная наша беда, что не в том иные срам видят, в чем надо... Ладно, пойду! В общем, представление о личности Федора Логунова я имею. Интересовался. А на добром слове спасибо!

Брюханов полюбовался легкой, пружинистой походкой Солодова, не чувствовавшего, казалось, тяжести больших рыбацких сапог. Вспомнил Логунова, ругавшего инспектора «сморкачом», и рассмеялся мелким, добрым смешком, словно горох рассыпал: «сморкач» ему определенно нравился. Этот, пожалуй, за себя постоит! Как бы Логунову еще одну лодку не пришлось делать!..

Колхозного шофера Василия Брюханова инспектор не захватил дома. Хозяйка, цыганская новыма, цыганской расцветки, платьем, посмотрела на гостя нежными глазами и сказала, что «самого черт не иначе как до Кольки Брюханова, до тракториста, унес. Шестой дом от нашего, а то и подождите чуток — не о чем ему там долго язык чесать!»

Солодов направился к трактористу. По пути он повернул голову на стук топора и увидел широкую спину человека, согнувшегося над белой, испещренной оспинами сторожков лодкой. На синей рубашке, обтянувшей натуго лопатки, темным пятном проступил пот. Словно почувствовав, что его разглядывают, человек обернулся. Инспектор узнал Федора Логунова.

— А-а, знакомый! — Федор швырком всадил топор в лежавшую поодаль колодину. — К новой лодке свататься пришел, что ли? Заходи, гостем будешь!..

Инспектор ответил в тон Федору, с озорной смешинкой в голосе:

— Прежде чем свататься, полагается на смотрины прийти. Невеста-то у тебя рябая.

Протиснув руку в штaketник, он открыл калитку, прошел под навес и присел на колодину возле воткнутого в нее топора.

— Ты не смотри, что рябая, ты смотри, легкость какая будет у посудины! — продолжал шутить Логунов, но глаза его смотрели настороженно, недобро. — Не видывал, поди, как лодки долбят? Сторожки — это, чтобы лишку при долбежке не снять: дырок буравом насверлишь да палочек в них натычешь, аккурат в толщину борта длиной. Как тесло до сторожка дойдет, так стоп! Больше тесать не требуется!.. Так что сейчас тебе ее з газету завернуть или еще на воде посмотреть?

— На воде посмотрю...

— Рябая не нравится?

Инспектор упер локти согнутых рук в колени, медленно развел ладони и хлопнул ими, точно играл в «ладушки».

— Мне, Федор... Алексеич, кажется?.. Мне, Федор Алексеич, твоя невеста без приданого не нужна. А в приданое, как тебе известно, беру я дольки да переметы, запрещенные самоловные снасти. Без такого приданого... будешь ты плавать на своей «невесте», покамест у нее дно не сгниет. Вот так!

— Эх, друг! — Логунов присел рядом, задышал махорочным перегаром. — Я и с «приданным» плавать буду, пока дно не сгниет! Ты думаешь, укараулил Федора Логунова прошлый раз? Не-ет, друг! Прoshлый раз ты все одно что сегодня ко мне во двор пришел: не ждал я тебя! А теперь я ждать тебя буду... И за угощение тогда не обессудь: незваному гостю, сам знаешь...

— Знаю. Чем богаты? — усмехнулся инспектор.

— Во-во!.. А мы тут, при Ангаре-матушке, водой богаты..

Прихватив зачем-то горсть мелких осиновых стружек, инспектор поднялся с колодины, разжал пальцы и посмотрел, как запорхали легкие стружки, подхваченные ветром. Засунув руки в карманы куртки, усмехнулся задорно.

— Добро, Федор Алексеич! Значит, «приходите свататься, а мы будем прятаться»? Добро! Не понимаю только, зачем это тебе нужно? Слышал, и рыбак и охотник ты знатный. Без самоловов прожил бы! А так... Лодку потерял, следующий раз попадешь — вторую потеряешь, да штраф уплатить придется, да перед судом стоять... Неловко, пожилой уж ты человек...

— Ты меня не пугай судом. На то, говорят, и щука в море, чтобы карась не дремал. Ты излови меня сперва. Ну, хватит языком-то молоть, идем — ухой накормлю... Стерляжьей!.. — Не таясь, Федор заблестел нахальными глазами.

— Спасибо, не стоит! — Не прощаясь, инспектор пошел к калитке, обернулся. — Уху мы с тобой, Федор Алексеич, тогда есть станем, когда будем друзьями, а не врагами. Может быть, и стерляжью — только не из пойманной на самоловы стерляди. Тогда, может, и по стопочке выпьем. Понял?

Инспектор аккуратно прикрыл за собой калитку и пошел вдоль улицы, старательно огибая лужи.

Получив бензин, перелив его в канистру и отослав с мальчишками порожнее ведро шоферу, инспектор столкнул в воду лодку и положился на волю течения — спешить было некуда: браконьеры проверяли ловушки обычно утром да вечером. Широким охотничьим ножом, висевшим на поясе, он открыл банку консервов, бережно обтер лезвие. Перекусив, расстелил по днищу лодки телогрейку, лег на спину, закинул руки за голову. В небе, прозрачном не по-осеннему, текли легкие перистые облака. Порой откуда-то из-за предела кругозора выпадала чайка с угловато изломанными крыльями, чтобы через мгновение снова исчезнуть из поля зрения. Инспектор смотрел в небо и думал о том, как странно складываются людские судьбы и людские характеры.

Федор Логунов его заинтересовал. Захватив в первую свою поездку браконьера на месте преступления, за проверкой запретных снастей, он удивился спокойствию и какому-то озорному бахвальству, с которым тот отдал новый, на четыреста крючков перемет и долбленку, — не канючил, не божился, что согрешил в первый и в последний раз. Вернувшись в поселок и заприходовав «трофеи», инспектор спросил у старожилков, знают ли они что про Логунова. Многие рассказали ему о нем в конторе рыбзавода.

До войны Логунов старательствовал. Если не везло, месяцами пропадал в тайге, не выходил даже за хлебом, обходясь сохатиной. Иногда нарывался на подходящее золото и тогда, заросший до глаз бородой, приносил в поселок вместе с запахом дыма костров и продубившего лохмотья пота тяжелый мешочек со шлихом. Спустив намытое золото, сызнова ухо-

дил в тайгу — до новой, может быть не скорой, удачи. Но люди видели его только расшвыривающим деньги, а это породило легенду о его удачливости. Считалось, что «фарт» всегда сопутствует Федору...

В армию он был призван по возрасту в одну из последних очередей и очень скоро демобилизован по ранению. На Ангаре вернулся пенсионером, истосковавшимся по вольной жизни. Старательство к тому времени запретили, а в колхозе нужно было «ходить в узде», как говорил он. Справив новые лыжи, обзаведясь собаками, Логунов стал промышлять пушнину. Но и в Сибири охота на пушного зверя кончается в марте...

Весну, лето и осень он бродяжничал по Ангаре — пенсионная книжка давала ему право на безделье и возможность не заботиться о деньгах на хлеб и табак. Остальным выручали тайга и река, так как Федор считал, что для ловких людей закон — ничто.

Рассказывали, что за одну весну Логунов добывал без лицензий по пятку лосей, что таровато угощал он сохатиной соседей и хвастался своей безнаказанностью. Но мяса дома не держал, концы хоронил крепко — милиции никогда не удавалось поймать его с поличным. Так было и с рыбой...

Снасти ставил он без наплавов и, запомнив местоположение их по одному ему ведомым приметам на берегах, доставал «кошкой». Бочки с соленой стерлядью прятал в тайге закопанными в гальку, прикрытыми камнями от вредных медведей и человеческих глаз. На куканах, привязанных за рогатые самодельные якоря, ходили до поры до времени в не известных никому плесах живые осетры. Сбывал их Федор на пароходы, на катера: на короткой стоянке поварам и завхозам изыскательских партий некогда было раздумывать, по закону или нет была добыта рыба.

Больше всего возмущало Алексея Солодова то, что люди рассказывали о Логунове с добродушными ухмылками, что они любовались разбойничьим его удалством и в оправдание его говорили: подумаешь, велика беда, ежели человек поймает десяток пудов стерляди? Меньше ее не станет!

Солодов слышал, что именно так судил предшественник его, прежний инспектор, житель прибрежного поселка. И среди местного начальства не считалось серьезным проступком поставить перед праздником «дольничек» в борозду возле Черного яра. Почти не таясь, ловили красную рыбу на запретные самоловы бакенщички, испокон веков считавшие это своим правом.

Новый инспектор кинулся по колхозам, по одиноко стоящим на берегу постам бакенщичков. Спорил, стараясь убедить людей не пользоваться самоловами, доказывая, что этот способ добычи преступен, что большинство рыбы уходит, гибнет от ран и, заражая реку, несет смерть другим. Мужики понимающе кивали, дымили крепкой елецкой махоркой, говорили:

— Оно так, да ведь мы не пудами ловим. Как рыбкой не побаловаться — чай, у воды живем.

И угощали ухой из стерляди...

Пудами красную рыбу ловил Федя Логунов. Ловил на переметы и дольнички, на губельные для рыбы снасти, запрещенные к употреблению. Федя Логунов смеялся над Рыбнадзором.

...Простояв сутки у причала в компании чумазых катеров и похожих на утюги паузков, рыбнадзоровская моторка «Рыбачка» сызнова ушла в рейс. Поднявшись до знаменитых Шунтарских камней, инспектор выбрал из воды и сжег два перемета. Переметы были поставлены с наплавами — видимо, визит «Рыбачки» оказался неожиданным. Понимая, что владельца снастей установить не сможет, Солодов повернул назад. Поворот этот был его хитростью: перед отплытием он грозился пару дней «погостить» сверху. Значит, можно рассчитывать, что внизу «Рыбачку» не ожидают.

Посты бакенщиков были связаны рациями. Чтобы весть о его возвращении не обогнала моторку, проплывая мимо постов, он загодя глушил мотор — поди разбери, что за лодка плывет у противоположного берега! Ширины Ангаре не занимать стать — ниже Шунтара от берега до берега редко где меньше трех километров.

Когда смерклось, инспектор вышел на фарватер и запустил мотор. К рассвету «Рыбачка» оказалась против устья речки Тайменьей, на полсотни километров ниже своей обычной пристани. Фарватер проходил здесь по шивере, трудный и ответственный пост обслуживался несколькими бакенщиками. Конечно, кто-то из них поплывет утром проверять переметы! Но до утра было еще далеко, и моторка проскочила шиверу, отвернула к островам на середине реки, вытянувшимся цепочкой до самой деревни Ушканино. Тьма стала редеть заметнее, и, проплывая мимо последнего из ушканинских островов, инспектор смог уже различить в бинокль линию невысокого берега, казалось, плававшего на подернутой туманом, тусклой воде. Ниже деревни берег выдавался в реку мысом, за мысом начинались песчаные мели, травы и, еще ниже, подбивающаяся под громоздящиеся на берегу скалы шивера...

Выключив мотор, инспектор продел в уключины весла и медленно поплыл вдоль берега. За мысом, поросшим кустами лозняка, река устремлялась влево. Минувая кусты, инспектор перестал грести, поднял к глазам бинокль. Впереди, возле песков, на реке чернела задравшая нос лодка. Человек, свесившись над водой, грудью лежал на корме, явно проверяя перемет или дольник.

Инспектор приготовил к запуску мотор, но двигаться продолжал на веслах, время от времени прикивая к окулярам бинокля. Перебираясь по перемету, браконьер считал иногда с крючка стерлядку и, не оглядываясь, бросал в лодку. Журчание быстрой воды, резавшейся о корму долбленки, заглушало плеск весел, казавшийся инспектору в утренней тишине страшно громким. Не более трехсот метров разделяло обе лодки, когда браконьер закончил проверку снасти и поднял голову. Еще до этого инспектор угадал в нем Логунова.

Но и Логунов узнал инспектора.

Прыгнув к веслам, Федор двумя ударами их поставил послушную долбленку боком к течению и погнал на середину реки. Усмехнувшись, инспектор хладнокровно прикинул расстояние и рванул рукоятку стартера. Лодка двинулась вперед, но почти сразу же мотор отказал...

Выиграв еще сотню метров, перестал грести и Логунов. Неторопливо сворачивая папироску, следил он, как инспектор выпутывает из водорослей винт подвесного мотора. Федору следовало бы воспользоваться этим, собрать в куль пойманных стерлядей и, вкинув камень, опустить куль на дно. Если в лодке не будет рыбы, он просто-напросто пошлет инспектора подальше: пусть попробует доказать свои обвинения! Но даже это было бы в какой-то мере поражением. И Логунов медлил.

Наконец инспектор освободил винт и, подняв его над водой, принялся махать веслами. На участке реки, заросшем травами, у браконьера было явное преимущество не только в расстоянии, но и в скорости более ходкой и послушной долбленки. Но травы должны были кончиться, и тогда «Рыбачка», оснащенная семисильным мотором, станет хозяйкой положения. На это и рассчитывал инспектор, а увлекшийся Логунов словно поддразнивал его.

Когда «Рыбачка» выбралась на чистую воду, Федор был в полукилометре вниз по течению. Забыв о приклеившемся в углу рта окурке, хищно согнув спину, немигающими глазами следил он за инспектором. Услышав стук мотора, зашпешил к берегу, бешеными толчками весел гоня порывающуюся выпрыгнуть из воды долбленку. Прижмурив левый глаз, словно прицеливаясь, смотрел он на моторку, задравшую над водой нос: «Ры-

бачка» неслась ему наперехват. Пенный вал вставал за ее кормой. Еще метров сто, и она вырвется вперед — прямо по курсу долбленки: между ней и берегом полсотни метров, совсем немного... Федор опустил весла и тыльной стороной руки содрал с губы присохший окурок. Ну... скорее же!

Его хитрый расчет оправдался. Моторка, наскочив на камни, странно подпрыгнула. резко повернулась на месте и стала заваливаться на борт; стремительная вода реки на мгновение выгнулась горбом, встретив препятствие, и вдруг перевалила лодку вверх дном, перекатилась через нее...

— Сморкач! — буркнул Федор Логунов и выдохнул застоявшийся в легких воздух. — Добро, что я тебя не в самой шивере вывернул. Мамку твою пожалел...

Перебирая веслами, придерживая лодку, ждал, что инспектор позовет на помощь. Усмехаясь, представил себе, как втащит продрогшего инспектора в лодку, как тот, не подозревая о его хитрости, думая, что обязан ему спасением, жалобно скажет:

— Прости, Федор Алексеич. Виноват...

Но инспектор не думал просить о помощи. Логунов видел, как дважды накрывало его волной, но только потом понял почему: пловец сбрасывал сапоги. После этого он повернулся на бок и, отгребая левой, мелькавшей поверх воды рукой, согнутой в локте, словно по ниточке поплыл в направлении берега, забирая под углом к течению.

— Догадлив, черт. Шиверы боится... А в воде ловок! — Федор, подождав еще, взялся было за весла, когда инспектора прижало к подводным камням, заметным только по игравшему струйками течению, но спустя несколько секунд успокоенно потянул из кармана кисет: выплыл! До красных скал, опоясанных прибрежными камышами, оставалось не больше сотни метров спокойной воды. Затабанив правым веслом, Федор развернул долбленку носом к левому, ушканинскому, берегу...

Спрятав рыбу в тайге, три дня не выезжал Логунов на рыбалку. Починил ограду, переколол с весны ожидавшие колуна дрова. Работал, беспокойно поглядывая на реку. В реке мокли непросмотренные переметы. Вытащенная высоко на берег, почти к самому наволоку, лежала на белом песке кверху днищем долбленка, и солнце плавало вар в швах ее. С часу на час Логунов ждал приезда работников милиции.

Собственно говоря, бояться ему было нечего. Ни рыбы, ни снастей дома он не хранил, а тайга велика — поищи, попробуй! Да ежели и найдешь, так ведь не написано на них, что логуновские это снасти или рыба. Инспектор тоже ничего не сделает — в глазах закона грош цена голословным его рассказам, Федор Логунов смыслит кое-что в этом деле. Да и в чем сможет обвинить его инспектор? В том, что он проверял перемет? Но как доказать, что был именно перемет, а не животник, наживленный пескарями, дозволенный к пользованию? Не пойман — не вор... А в том, что «Рыбачка» наскочила на камень и затонула, парень и не думает, поди, обвинять Федю Логунова.

Ловко же у него получилось, однако! Точным оказался расчет на то, что захочет инспектор перехватить долбленку, отрезать ей дорогу к берегу. Молодо-зелено! Кабы не надеялся Федор посадить «Рыбачку» на камни, ушел бы от греха в шиверу, непроходимую для моторки, покамест инспектор выпутывал из трав винт. Не такие пробовали ловить Федю, да закаивались...

Пытаясь побороть беспокойство, Логунов обогнул дом и остановился, закуривая. Внизу, словно широкий клинок, изукрашенный тонкой насечкой ряби, Ангара подрезала красные скалы далекого противоположного берега. Ближний, сравнительно низкий и пологий, не был виден за бровкой крутого наволока. Караван из трех паузков, еле отличимых за далью один от другого, казался упавшей на воду соринкой: налетит сейчас ветерок и сдует ее прочь, эту соринку! Отступив от четкой линии берега, ухо-

дили за горизонт теряющиеся в небе далекие хребты, похожие на закаменевшие волны. Федор сызнава перевел взгляд на реку, к островам, и насторожился: пренебрегая обозначенным бакенами фарватером, к берегу сверху спускался катер.

«Рыбзаводские плывут! — решил Логунов. — Откуда чужим знать, что здесь напрямик можно? Держись, Федя!..»

Катер отвернул бережнее, показал борт, и стало ясно, что это леспромхозовский «Богатырь», на котором недавно поставили дизель вместо отработавшего свое старенького мотора «ЧТЗ». Забрав еще круче к берегу, «Богатырь» сбавил ход, застопорил и закачался на собственной волне, уткнувшись штевнем в песок. Дошатаый трап продолжал покоиться на палубе, но через борт мешком перевалился председатель Брюханов-крайний и тяжело спрыгнул в мелкую воду. Подняв над головой кирзовую полевую сумку, точно воды было не по щиколотку, а по шею, зашлепал к берегу, оставая за собой мутный, сносимый течением след. Кроме него, никто, видимо, не собирался сходить на берег, так как босоногий матрос высвободил лежавшую на крыше рубки наметку, издали похожую на разметочную рейку, и начал сталкивать нос катера с мели. Тогда Федор шагнул вниз, на берег, где председатель и еще один Брюханов, конюх, сворачивали папиросы из кисета сторожа деда Андрея.

— Здорово! — разом приветствовал всех Федя.

— Здорово! — опередил остальных председатель и потряс полевой сумкой. — Слышь-ко, Федор, по рыбе нам плану добавили, а народу — сам знаешь... В поле рук не хватает. Возглавил бы ты это дело, а? Человек шесть тебе подберем...

— Во-во! Аккурат по тебе работа! — Дед Андрей даже полез в карман за только-только спрятанным кисетом, чтобы угостить Логунова.

— Нашел работника! Супротив меня дед Андрей — и тот «Богатырь», только что дизеля нет, — ухмыльнулся Федор, провожая глазами катер. — Отработал я свое, даром пенсию не дают.

Брюханов-крайний снизу вверх посмотрел на могучего Логунова и сдвинул на лоб шапку.

— Да... Трудный ты человек... А насчет пенсии — это брось! Хоть и раненый ты, а силу твою знаем. Подумал бы все же, Федор. Нужда в тебе у людей, а ты...

Махнув рукой, он принялся раскуривать погасшую папиросу. Федор подметил во взгляде председателя искреннее огорчение и, чтобы не обижать человека, сказал:

— Подумаю, может... Ведь тебе не сегодня сети заметывать.

— Доброе бы ты дело сделал! — оживился Брюханов и опять затряс сумкой. — Еще за ремонт холку намылили. А людей где брать? Хоть разорвись... Весь колхоз — двадцать дворов...

— Каково рыбзавод ловит, не слыхал? — полюбопытствовал дед Андрей.

— Не слыхал. Две бригады у них кверху ушли, а один катер вчера сюда бегал. Инспектор новый «Рыбачку» на камни, что повыше шиверы, посадил. Худое место! Не знаючи, враз наскочишь, а там быстерь — черта закрутит! Сам-то выплыл, а моторку из шиверы добывали. Притянули ее катером полнехонькую водой...

— От нас не видно было, — сказал дед Андрей. — Я углядел бы. Разве за островами прошли, там знающий человек катером плавать может.

Конюх Брюханов с сомнением покачал головой.

— Наверяд. Скорее всего вечером мимо нас плыли...

Федора Логунова не интересовало, когда проволока катер разбитую моторку мимо деревни. Из рассказа председателя он понял, что его, Логунова, никто не винит в аварии. Либо не раскусил инспектор Феединой хит-

рости, либо постыдился признаться, что одурачил его Федор. И так и так ладно! Весело подмигнул деду Андрею:

— Холодной, поди, показалась ему ангарская вода, а, дед?

— Ништо! — повернулся собравшийся уходить председатель. — Боевой парень! Встретил меня в рыбзаводе, винился, что бензин не завез. Тебе, слышь-ко, наказывал привет передать, говорит: «Скажи Логунову, теперь я у него в долгу!» Что у вас с ним за дела? Не сбивай ты его, Федор!..

Логунов, прикусив губу, смотрел мимо глаз председателя. «Знает, угадал! Угадал, черт!» — думал он про инспектора, но сказал другое:

— Какие у меня с ним дела? Шутит мужик..

Загребая броднями песок, полез на косогор, к дому. Проходя в калитку, пнул подвернувшееся под ноги ржавое ведро, выругался. Не заходя в дом, присел на крыльце.

— Дела!..

Дела получались невеселые.

Теперь инспектор разобьется в доску, чтобы отомстить за посрамление свое, иначе и быть не может. Черт сунул озоровать! Нужно было уйти в шиверу, утопить рыбу, зачем было озлоблять человека? Сдурил Федор! Понадеялся, что мальчишка вывалится из лодки, закричит «спасите».

Нет, не боялся инспектора Федор! Просто и без того надоело быть настороже, жить, беспокойно оглядываясь по сторонам. Он хотел спокойной и просторной жизни. Так нет! Повыдумывали законов, чтобы тесно стало на родной земле Федору Логунову. Дожидайтесь, рыбы разведется больше от законов, куда там! Эх! И деды и прадеды самолочами рыбачили, а не переводилась в Ангаре стерлядка..

Логунов считал, что люди выдумали законы, чтобы кормиться от этих самых законов — караулить рыбака с переметами и дольниками, получать за это деньги. Некоторые из них, как прежний инспектор, кормились, по и другим не мешали. Иногда разве, для отвода глаз начальству.. Но были и такие, что не давали вздохнуть свободно. Доказывали свое старание — жгли захваченные самолочы и отбирали у рыбаков лодки, подводили под штрафы и судебную ответственность. Днем и ночью рыскали по реке, выпытывали в тайге следы охотников, по настам поднявших сохатого. Эти только и думали о том, чтобы поймать Федю на переметах или у сохатиной туши, отнять ружье или лодку, упрятать в тюрьму.

Так считал Федор Логунов.

От этих людей он уходил, как преследуемый соболь, — сдвигал следы, западая под колодины. Ему всегда удавалось уйти. Он был хитер и ловок, река и тайга были его домом, его хозяйством. И от этого волчонка уйдет он, раз плюнуть — уйти от него. Зелен еще он, чтобы замахиваться на Федора Логунова! Сморкач!

Но озлобил он его все-таки зря..

Видимо, парень упрям и не трусоват. Такие крепко запоминают обиды. Не мытьем, так катаньем постарается отплатить. Разве угадаешь, чем это кончится? Крадучись надо тебе ходить, Федя! Не в два, а в шесть глаз смотреть по сторонам: не ровен час, всадит пулю из пистолета, а потом напишет, что «браконьер Федор Логунов оказал сопротивление при задержании с поличным...» Всяко бывает!..

Тряхнув головой, словно затем, чтобы прогнать мрачные мысли, Федор пошел в дом.

— Повоюем, а? — по-чудному спросил он жену и, сняв со стены центральку, заглянул в начищенные до блеска стволы.

Жена удивленно вскинула глаза, вытерла о передник мокрые руки.

— Где это тебе поднесли, шалопуту?..

— И запаху не слышал. Завтра разбуди с петухами..

Утром он выбрал переметы и утащил их в тайгу — просушивать. Вернувшись домой, изладил два новых якоря; вырубил из березника четыре крючка, по двое прикрутил их проволокой к тяжелым камням. Камни эти, плоские и продолговатые куски плитняка, приплавил он еще по весне с речки Аладыной. Забрав с собой якоря, снова уплыл на другой берег, завел лодку в устье ключа и пошел к переметам. До вечера точил уды. Направив бархатным подпилком жало крючка так, что под тяжестью своего веса уда впивалась в кожу ладони, смазывал каждую маслом.

Ночевал на берегу, разложив огонь за камнями, чтобы не увидели с реки...

Только-только начало зариться, а Федор успел уже заметить два перемета и дольник. Оставались еще один дольник и один перемет — большой, на шестьсот уд. Облюбовав место возле начинающих ржаветь трав, опустил якорь и стал по одному сбрасывать с доски, на которой был разобран дольник, звякавшие удами поводки. О туго натянувшуюся тетиву дольника со звоном резалась вода.

Рассвело. Сверху спускался караван порожних, почти не огрузившихся в воду илимок. Маленький катер тащил их на провисшем буксире, окуная трос в сбитую винтом пену. Команды на илимках, видимо, еще спали, только на последней стоял у руля шкипер, ежившийся от утреннего холода. Федор равнодушно скользнул глазами по илимкам и протянул было руку к очередному поводку, как вдруг к басовитому рокотанию катера присоединилось высокое, на больших оборотах, гудение еще одного мотора. Почти сразу же из-за последней илимки вывернулась моторка и понеслась прямо к Фединой долбленке.

— «Рыбачка»!..

Комом, вместе с доской, Федор спустил за борт оставшуюся часть дольника и бросился к перемету. Лодку понесло течением. Наскоро примотав доску с самоловом к последнему якорю, раскрыв руки о путающиеся в поводках уды, махом приподнял якорь вместе с доской, столкнулся за борт и... увлекаемый неведомой силой, выбросившей его из лодки, понял, что идет ко дну: несколько крючков на поводках, удерживающих самых крупных осетров, мертвой хваткой вцепились в его телогрейку и пристегнули к трехпудовому якорю...

Инспектор не сразу понял, что произошло.

Вырулив к тому месту, где Федор утопил дольник, он выключил мотор. Не разглядев на дне выброшенной снасти, поднял голову и опешил, решив, что браконьер выпрыгнул из лодки. Решил удирать вплавь, чужак? Но где же он, черт его побери?

Моторку несло вдоль трав, следом за долбленкой. Инспектор смотрел по сторонам, ожидая, когда вынырнет Федор, и вдруг увидел его прямо под собой, в чуть зеленоватой, но совершенно прозрачной воде: в глубине судорожно дергался человек, раскачиваемый течением, как утонувший в большую воду цветок кувшинки.

Сбросив на ходу куртку, перебежав на корму и бешено толкнув лодку ногами, инспектор прыгнул в воду. В глазах заматались бело-зеленые отсветы разгоравшегося над водой дня, черно-рыжие лохмотья подводных трав, потом темное пятно Фединой телогрейки... Энергия прыжка иссякла, течением тянуло его прочь. Вытанув руку, нащупал натянутую, как струна, веревку. Чувствуя, что вот-вот не выдержит боли в легких, вырвал из ножен финку, хватил ею почти наугад, но не промахнулся: сама вода понесла его кверху вместе с Федей.

Глотнув воздуха, перевалился на спину и только тогда вспомнил, что нужно схватить Логунова за волосы, поднять ему голову над водой. Обе лодки покачивались почти рядом, унесенные течением в травы. Течением же и его с Федей подносило к лодкам. Удача! Осталось только ухватиться за борт «Рыбачки», накренить ее, забросить локоть и подтянуться...

Забравшись в лодку, инспектор до половины выволок из воды Федю. Тот лежал теперь животом на планшире, уронив голову на днище, словно надломившийся посередине. Ноги его, обутые в бродни, путались в ржавых водяных травах, и быстрое течение норовило загнать их под лодку. Изо рта Федя тоненькой струйкой выливалась вода...

Безуспешно пытаюсь сжать лязгающие зубы, инспектор задрал на Фединой спине мокрую телогрейку, сдвинул ему бока ладонями: так, кажется, учили его в техникуме? Еще раз, еще!.. Лица Федора он не видел — выливается вода или нет? Может быть, уже поздно? Еще раз, два нажать посильнее... Ага!

Словно пытаюсь противостоять усилию чужих рук, напряглись на спине Федора мышцы, гладко обтянув рубаху. Новый нажим — и человек дернулся, качнув лодку. К Логунову возвращалась жизнь: конвульсивные толчки стали следовать один за другим, началась рвота.

Инспектор устало присел на корму моторки. Передохнув, он перевалил все еще беспомощного Федора в лодку и послушал, как с храпом врывается воздух в его освобожденные от воды легкие. С трудом стянув с плеч прилипшую гимнастерку, он надел куртку и, стоя на корме, одним веслом стал выгребаться из травы. Проплывая мимо, веслом подтянул к себе логуновскую долбленку, зацепил ее привязанной на длинном конце «кошкой» и, выбравшись на чистую воду, запустил мотор. «Рыбачка» понеслась к берегу, а впереди нее, еще не догадываясь нырнуть, бежали выпугнутые из травы утята-хлопунцы.

Не найдя на берегу ничего годного для костра, инспектор полез по отвесному почти склону наверх, туда, где наклонились над обрывом тонконогие сосны. В бору сухого валежника было вволю — знай подтаскивай к обрыву да швыряй вниз...

Когда он спустился к воде, в нос ударил отдающий смолой запах дыма.

Федор Логунов уже сидел у огня, заслоняясь от нестерпимого жара своей мокрой телогрейкой. От телогрейки, от разостланной на камне инспекторской гимнастерки, от рубахи и штанов на Федоре клубами шел пар.

— Нашел спички? — спросил инспектор.

— Нашел. В котомке они у тебя лежали, где хлеб. Мои — те вовсе мокрые, не запалишь, — сказал Федор и стал подбрасывать в костер сосновые сучья.

Инспектор стянул сапоги, пристроил их возле камня поодаль от костра, чтобы не слишком припекало жаром. Отжал портянки.

— Акт писать будешь или как? — не поднимая глаз, спросил Федор.

— Какой акт? Зачем?

— Я к тому, что, может, расписаться мне надо?

Инспектор усмехнулся и покачал головой.

— В чем расписываться? Рыбы у тебя в лодке нет, самолovy ты утопил. Выходит, снова я маху дал, Федор Алексеич.

Не поворачивая головы, Федор сказал:

— Брось... Я тебе все подпишу. Как было. Одел ты меня. Вот из воды вытащил, а зачем? Ведь это я тебя заманил, чтобы ты наскочил тогда на камень...

— А мне смотреть надо было. Вашего брата ловить — не окуней на пескаря дергать.

Федор помолчал, нашаривая в кармане кисет, забыв, что табак вымок.

— Чудной ты мужик. Такой случай тебе попал — расчет с Логуновым свести. А ты?.. Лодку-то забереешь?

— Зачем ее забирать? Все равно через два дня новую сделаешь. Осин в тайге хватит.

— Эх, парень! — Федор встал, гневно швырнул на камни телогрейку. — Не стану я новую лодку долбить. Ты скажи, подаваться мне куда? Как я теперь здесь жить буду? Другой бы... сам меня утопил. Нельзя мне

теперь тебя подводить. Думал, враги мы с тобой, характера твоего не учел.

— Ерунду порешь, Федор Алексеич. Кто бы тебя топить стал? Кому твоя смерть нужна?

— Кому, кому... Это ты мне не говори. Не первый ты — лодки да переметы отбирать. Все одно, что волки за сохатым...

— А зачем ты законы нарушаешь?

— Слыхал, брось... Скажи, должность у тебя такая — людям мешать. Вот и пиши на меня протокол, обязан я теперь сознаться во всем. Твоя взяла! Да и мне хоть не так совестно смотреть на тебя будет. Говорю, характера я твоего не учел.

Инспектор сбросил с высохшей уже портянки вылетевший из костра уголек. Прищурился глазом, против солнца посмотрел на Федора.

— Эх, Федор Алексеич!.. Времени ты не учел. Ведь это не мы волки, а ты волк! Думаешь, нужно нам обязательно тебя судить, штрафовать, лодку твою отбирать? Мы хотим, чтобы не пакостил ты на реке, рыбу не переводил зря. Для тебя же, для детей твоих бережем.

— Хватит им рыбы на Ангаре, — буркнул Федор и снова начал шарить по карманам. — Запомню, что табак вымочил. Тьфу!

Он явно не хотел продолжать разговор. Ему нужно было разобраться в своих противоречивых и неожиданных мыслях.

До сегодняшнего дня все было просто и понятно. Федор Логунов, нарушая неудобные для него законы, ловил рыбу, а инспектор ловил Федора Логунова. Это была относительно честная игра — кто кого обхитрит.

Федор ловил рыбу, чтобы продавать ее на катера и получать деньги. Инспектор получал деньги за то, что ловил Федора. Каждый выполнял свою работу, каждый зарабатывал. И вдруг теперь, когда браконьер Федор Логунов соглашается подписать акт о том, что пойман с поличным, инспектор отказывается от заработка. Выходит, не это нужно инспектору Алексею Солодову?..

— В деревню поплывем или как? — спросил Федор, по-прежнему глядя в сторону. — Обсохло вроде...

— Можно. — Инспектор стал обуваться, все еще сырые сапоги плохо налезали на ноги. — Я тебя на буксире утащу, мне все равно в Ушканино плыть. Беседу буду с колхозниками проводить. Может, придешь послушать?

— Может, приду.

Прихватив телогрейку, Логунов пошел к лодке.

Река была по-прежнему светлой и ласковой, словно не захлебывался Федор Логунов зеленоватой ее водой, не видел свою смерть так близко, что холод ее до сих пор заставляет его вздрагивать.

За кормой «Рыбачки» вставал пенный бурун, распадался на две волны, разбегался в стороны. Федор сидел на корме долбленки, рулевым веслом удерживал ее в кильватере моторки, смотрел на разбегающиеся волны и думал — думал о том, что нужно от него этому инспектору.

На берегу, вытащив из воды долбленку, он хотел было сказать что-нибудь сердечное вызволившему его от смерти человеку, но не нашел слов, вздохнул и пошел к дому.

В правление колхоза он пришел поздно, когда инспектор закончил уже беседу. Мужики собирались расходиться, курили, густо надымив махоркой, перебрасывались шутками. Федор задержался в дверях, отыскивая глазами председателя, но тот окликнул его первый:

— Опоздал, Федор Алексеич. Надо бы тебе послушать, по твоей это части. Насчет вредности самоловов. А инспектору, слышь-ко, полюбились купаться в Ангаре, сегодня опять вывернулся из лодки...

— Не вывернулся он. Нечего ему зря на себя плести,— тяжело ворочая языком, сказал Федор.— Я, товарищ председатель, сам проситься пришел... Одолел меня Рыбнадзор.

— Снова инспектор тебя захватил? Ну, молодец парень! — обрадовался Ефим Брюханов, гармонист и задира. — Этот вас, браконьеров, переведет. Как пить дать переведет! Давно пора! На переметах он тебя поймал?..

— Поймал...— Логунов сбылся, а потом вскинул вдруг голову и объяснил, не отводя глаз.— В Ангаре он меня поймал. Нырлял за мной. Я уже неживой был — к якорю меня удой прихватило, когда перемет выбрасывал. Если бы не он... В общем, промашка у меня вышла...

— Не учел, что уда зацепить может? — засмеялся Ефим Брюханов.

— Чего зубы скалишь! — обозлился Федор и, может быть первый раз в жизни, посмотрел вокруг с робостью — поддержат ли его люди? В первый раз Федору Логунову нужно было, чтобы его поддержали. Раньше других угадал это Брюханов-крайний, председатель. Деловито расстегнул свою полевую сумку, достал лист бумаги и карандаш с наконечником из гильзы от нагана.

— Всяко бывает, Федор. Слышь-ко, бригаду тебе подбирать будем. Поворачиваться надо с рыбалкой.

г. Ленинград.

А. КОСТЕРИН

★

В ДОЛИНЕ НЕРЫ

Рассказ

1

Нера — это звучит нежно, как имя любимой.

Уже давно это нежное имя тревожило воображение геологов и геодезистов. Колыма исхожена, изъезжена, стала обычной, как Солотчинский район под Рязанью, примелькались и буднично посерели все эти поселки — Палатка, Атка, Сусуман, Берелех. За грибами и ягодами здесь ходят, как в подмосковных дачных перелесках; на улицах поселков рычат мощные репродукторы; отсидев положенные часы в учреждениях, женщины, надев бальные туфельки, к вечеру спешат в кино, на танцы, на свидания по телефонному уговору...

А Нера? О-о! Эта таинственная красавица где-то у Полярного круга, провавшись через не менее таинственный хребет Черского, сливает свои воды с Индигиркой. Северянин-таежник, боязливо настороженный в многолюдье колымских поселков, мечтательно поглядывая на карту, непременно остановится на голубой ниточке Неры.

Илья Иванович Прохоров, прораб связи, как-то, разрывая плотное молчание за вечерним чаем, сказал мне:

— На «Победу» линию ведут, людей набирают. Поедем?

Илья Иванович в это время тянул скучнейший провод — от Таскана к Стану Утиному, где вся тайга изрезана просеками, дорогами и утыкана столбами электролиний, а поселков вокруг — как деревень в Калининской области.

— Здесь под каждым кустом окурки и консервные банки. Тайга! — И прораб презрительно фыркнул.

Илья Иванович родом из Калининской области. Получив в Красной Армии квалификацию связиста, он после ухода в запас работал у себя дома в районной конторе связи. А потом его втянули, зачаровали безмерные просторы Дальнего Севера. Ему по душе было первым пробивать тропы и просеки через таежную целину, первым вешать телефон на приисках или в палатках изыскателей, затерянных за перевалами и не отмеченных на картах.

В поселках прораб мрачнел, сутулился, глаза его наливались боязливой и злой настороженностью. Очень шумно, очень людно, всюду толкают, много дверей, и у каждой надо ждать.

— Поедем, батя? — еще раз спросил меня Илья Иванович, и я согласился.

2

Через неделю мы были в конторе строительства, где комплектовались колонны связи. В бараке связистов, куда мы, задохнувшись от мороза, ввалились со своими узлами, Илья Иванович попал в объятия молодого, с озорной смешинкой парня:

— О-о, Илья Иваныч! Ты, конечно, на «Победу»?!

— Иван, вот удача! Ты, конечно, идешь ко мне бригадиром? — обрадовался прораб.

— Что ты, Илья Иваныч?! Я монтером на Таскан, поближе к совхозу, там невесты есть...

Через полчаса, когда по жилам растеклось жаркое пламя спирта, Иван Иванович Караев уже составлял список потребного колонне связи инвентаря: кастрюли, ложки, ломы, чайники, лопаты, кружки, палатки, ведра...

— А лошади будут? Помнишь, Илья Иваныч, какой у нас конь был, когда на Олу шли? Эх и конь! Топоров... Сколько? Пятнадцать хватит? Кувалда, напильники... Не забудь, Илья Иваныч, трехгранные напильники... На складе есть, только прячут...

Илья Иванович пребывал в наилучшем настроении: удача! Бригадир, с которым протянул по тайге уже не одну сотню километров провода, опять с ним.

— Продукты как, Илья Иваныч? Батя будет поваром? Так он пускай хлопочет и получает их... Табачку, Илья Иваныч, ты сам... В тайгу идем, сам понимаешь...

Два дня, день и ночь, занимались инструментами, продуктами... Нельзя забыть ни одной мелочи, вплоть до иголки, — в тайгу шла колонна, двадцать пять человек...

3

Начальник строительства Александр Федорович Смольный — высокий сухой старик. Ему пошел шестидесятый год. Десять лет он ходит по Дальнему Северу — Чукотка, Колыма, Охотское побережье и вот теперь Индигирка. Шевеля усами, он придирчиво проверял наш список:

— Напильники — пятнадцать штук. Ты в уме, Илья? Вот тебе пять штук! Что, что? Мало? Или ты... знаешь куда? Ведра — три. Можно дать пять. Кастрюль мало. Из Магадана обещали дослать, пришлю и тебе. Спирту дам на дорогу по сто грамм, а остальные после... Не на свадьбу едешь, поработай раньше...

Задачу начальник строительства объяснил нам сухо, сжато и ясно:

— На Индигирке открываются прииска. Первый прииск — «Победа». На «Победу» надо дать телефонную связь. Это очень важное задание. Вы сами понимаете, что это значит. Прорабом вашей колонны назначен Илья Иваныч Прохоров. Многие из вас его знают... Всё! Поехали!

И мы поехали.

За Аркагалой, в поселке Кадыкчан, мы простились с Колымой. Дальше начинался мало кому ведомый Индигирский бассейн. Его исходили и обмерили экспедиции геологов, геодезистов, агрономов, но дорожники успели проложить только «зимник» по болотам и речкам, промерзшим до дна. Теперь нам, связистам, предстояло по болотам, через реки и сопки, по нетронутой тайге протянуть кратчайшую геометрическую линию — провод.

Март. Термометр показывает сорок пять — пятьдесят пять градусов ниже нуля. На нашей машине — палатки, котлы и печки, кастрюли и продукты, ломы и лопаты. Машину бросает по кочкам и пенькам. Выкашившись на речку, водитель выжимает всю скорость.

Ночью мы мчались по снежно-ледяному полотну Неры. Слева и справа отроги хребта Черского белой каймой обрезали звездное небо. В пойме реки лежала тайга, закутанная в белый саван. Временами машина врезалась в плотный туман и под баллонами хлюпала вода — наледь. Машина, буксуя, рычала, огни фар упирались в плотную вату тумана. Водитель бросал машину влево, вправо, из-под баллонов летели брызги

льда и воды. Выскочив из наледи и тумана, водитель вновь выжимал на шестьдесят километров. Илья Иванович подгонял:

— Жми, Федоренко, люди мерзнут...

Ночь. Пойма промороженной реки. И молчаливые горные кряжи, стерегущие покой Неры.

4

Когда ночная тьма лишь слегка, еле-еле подбелилась рассветным молочком, Илья Иванович при свете фар сверился с картой и ушел с реки в нетронутую таежную тишину.

Мы ссыпались с машины и устроили танец диких: топтались на месте, боролись, рычали и щелками зубами. Молили бригадира:

— Иван, погреться бы! Доходим!

Некоторые особо «ушлые» тяжело и жадно дышали мне в лицо:

— Батя, ну что тебе стоит — грам по пятьдесят плесни...

— Каждому овощу свое время — спирт еще не созрел, — отталкивал я их от соблазна.

Через полчаса из предрассветно-мутной тайги вылез прораб, осыпанный снегом, как рождественский дед-мороз. Он приказал подкатить машину к берегу и выгружаться.

С осторожной и нежной медлительностью разливаются утренние краски Севера. Белые гряды сопок резче и выпуклее приближаются — холодные, величавые. И вдруг, неизвестно откуда, по гордым и недоступным вершинам разлился нежный стыдливый румянец. Еще непонятно, где восток, но вершины сопок уже светятся мягкими, глубокими переживаниями красок.

К моему «кухонному» костру подошел Сергей Панченко. Подсел, закурил.

— Смотри, батя, какая великолепная картина! К ней бы для полного оформления музыку. Ты был в горах Киргизии? Нера мне напоминает Ала-Тау. Но какой мороз здесь! На Колыме и то сейчас теплей.

Всей своей осанкой, маленькой бородкой с проседью, медлительной речью с баритональным звучанием Сергей напоминал последнего отпрыска дворянского рода. В полном противоречии с его осанкой — костюм: хуже Панченко никто не одет. Барон с горьковского «дна».

— Граф Панченко! — закричал с места стройки Палван, туркмен, молодой, сильный. Его то медлительные, то ловкие и стремительные движения напоминали хищника его родины — аму-дарьинского тигра. — Граф Панченко, умоляю, помогите, пожалуйста, закрепить угол!

Панченко спокойно докуривал папиросу. Ученик театральной школы с лица его мог брать пластический образец мины презрения. Докурив, медленно встал и, слегка сутулясь, пошел к стройке каркаса.

— Шакал, — сказал о нем стоявший рядом со мной Иван. — Но умный, черт. Телеграфист, за пьянство прогнали. Последние штаны пропьет, а потом шакалит, кусочки выпрашивает...

Наш «дом» выростал «скоростными методами». Расчистили метровый слой снега, подобрали два дерева для двух углов, врыли два столбика на тридцать сантиметров и полили их водой. Пока одни стягивали и крепили каркас, другие ставили печи, рубили накатник для коек. Когда обед был готов, на каркас натянули палатку, и из двух труб повалил дым. Под ногами еще хрустел промороженный мох, но от печей уже пошло благодатное тепло.

— Батя, давай скорее каши, болят желудки наши.

И, точно салютуя новым таежным жильцам с того берега, от крутых сопок, что вплотную прижались к Нере, раздались взрывы — дорожники срезали угол сопки для будущей дороги.

Связисты обосновались. Колонна закрепилась на берегах Неры. Вечером прораб распорядился выдать всем табаку, чаю и спирту по сто граммов. До поздней ночи связисты тревожили тайгу песнями о Волге, о доле, о бродяге и тайге...

5

Всякое зверье копошилось вокруг становища связистов.

Через два дня вечером к прорабу подошел Платов, увалень, точно чувал с мякиной, и положил перед ним зайца. Был Платов известен как следопыт звериных троп.

— Кушай... Могу каждый день три-четыре на котел...— сказал он.

Илья Иванович пощупал шкурку зайца — белая, пушистая, она ласкала огрубевшие пальцы.

— Батя, в котел!

С легкой руки Платова зайцы, будто наперебой, спешили в наш котел. На путаных заячьих тропах встали десятки петель, палатка украсилась рогульками с подсыхающими шкурками, снег около палатки побагровел от заячьей крови, а на заячьи потроха сбегались горностаи. Платов измышлял коварные западни и на этого драгоценного зверька. Огненно-пышная лиса пыталась обворовать петли и была изловлена. Платов привел ее живую и молча продемонстрировал ее всей ватаге связистов. Лиса, взнузданная проволокой, злобно и испуганно смотрела на охотника. Платов взял топор и обухом легонько тукнул ее по носу. Лиса подергала ножками и затихла. Платов через рот, не делая ни одного надреза, вывернул ее, как чулок. А когда пышную шкурку набил сухой травой, чучело можно было сдать даже в столичный музей — лиса, точно живая, обнюхивала изголовье молчаливого охотника.

Только против пернатых хищников не мог бороться Платов. Ястреба, нащупав в петле зайца, падали на него и оставляли охотнику лишь ключья пуха да косточки.

Илья Иванович как-то, осмотрев палатку, сплошь обвешанную шкурками, сказал:

— Здесь только медведя не хватает.

— Не поминай, Илья Иваныч, пускай медведь мимо пройдет,— сказал Панченко.

Платов посматрел на Панченко, и под большой картофелиной его носа легла усмешка.

— Как, Платов, возьмешь медведя, не испугаешься?

— Чего бояться... Не в диковинку — брали и медведя...

Медведь появился, когда снега тронулись под апрельским солнцем. Но взял его не Платов.

Хмурый и голодный медведь набрел на звено Панченко, заготовлявшее столбы. Перед тем подошел Палван с двумя мешками хлеба и присел на перекур.

«Палван» — по-туркменски «богатырь». По первому знакомству ничего богатырского в Палване не заметишь. Однако Илья Иванович сразу же разгадал в нем скрытую страшную силу, взрывающуюся только по случайным капризам нашей таежной жизни. Палвана, который легко бросал на машину мешки с мукой, прораб назначил хлебоносом — сходить раз в день за пять километров и принести двадцать килограммов хлеба.

Панченко, узнав об этом назначении, сказал:

— Поздравляю, Палван, блатная работенка. Припухай!

Прораб хмуро осмотрел Панченко.

— Хочешь на эту блатную работенку? Но только если оставишь колонну без хлеба, то...

Панченко с великолепной презрительно-равнодушной миной отмахнулся:

— Нет, нет... Вы прораб, вам видней...

И Палван, вставая на два часа позднее всех связистов, лениво шагал к дорожникам и возвращался только к вечеру. Не один Панченко завистливо посматривал на него, а он посмеивался:

— Я работы не боюсь... Ломик, ты меня не бойся, я тебя не трону!

И у него всегда был табак — несомненный результат коммерческих сделок с дорожниками. Но в то же время любой связист мог закурить у Палвана — отказа не было. И сейчас, когда Палван присел у звена Панченко, к его кisetу потянулись руки.

— Закурим.

Когда задымились сигарки, увидели в десяти шагах медведя. Онемевшие связисты попятились перед хозяином тайги. А медведь, внимательно осмотрев людей и почуяв что-то вкусное в мешках, заковылял к Палвану. Палван потемнел, медленно взял кем-то оброненный топор и встал. Медведь посмотрел в лицо Палвана, поднялся во весь свой массивный рост и сердито рявкнул. Но человек стоял, только спина его изогнулась, будто для прыжка. Человек защищал хлеб артели и не хотел отступать перед хозяином тайги. Медведь помотал головой, зарычал и двинулся на Палвана. Гусев, наш лучший заправщик пил и топоров, вскрикнул:

— Братцы!.. — и метнулся к двум бойцам — зверю и человеку.

Но в этот момент Палван сделал выпад, топор наискось, слева направо, сверкнул — и медведь осел на передние лапы: горло было перехвачено, точно бритвой. В следующий момент топор упал на нос медведя...

Палван смотрел, как вздрагивала медвежья туша с наполовину отсеченной головой, и сам вздрагивал от хищного напряжения...

По случаю медвежатины повар не спал всю ночь, заготавливая к утру сотню котлет...

6

День быстро нарастал, отрывая у северной ночи большие куски. Утренние и вечерние зори многоцветными радужными сполохами сжигали ночную темь. А солнце разъедало снега и льды Неры.

Прораб с Иваном Караевым топтали первую тропу по тайге, вбивали вешки будущей линии. По вешкам с ломами и лопатами шли ямщики. С топорами и пилами — заготовщики столбов. Следом за ямщиками шел опять Иван со столбами.

— Эх, гуси-лебеди! — воскликнул Иван, когда первые двадцать столбов математически строгой белой линией раскололи темный массив тайги.

Прораб проверил установку. Ничего не сказал, только в глазах затеплился ласковый огонек.

Весна пришла разом, неожиданно-негаданно. В конце апреля проезд по ледяной дороге закрылся, и ожидаемая машина с продуктами не пришла.

Вечером Илья Иванович говорил Ивану:

— Продуктов на две недели, Иван, надо идти...

— Эх, Илья Иваныч, опять я! Как только в воду лезть, так Иван.

— Ну, кого же? Палвана? Так он на хлебе, он еще поплавает. Кто же по тайге хлеб будет носить?

— Мало работяг?

— Есть, но им надо толкового начальника. Бери любых, бери лошадей и иди...

Утром экспедиция вышла за продуктами — комсомолец Трофим, крас-

ноармеец-дальневосточник Абрам, астраханский рыбак Андрей Блохин и старик возчик Егор. Прораб сердито закричал:

— Егор, ты куда? Иван, ты его берешь?

— Сам идет... С лошадьми никто лучше не управится...

Егор суетился около лошадей, заправляя вьюки, и будто не слышал разговора о себе.

По Нера змеились ручьи, разъедая синие льды. Прораб посмотрел на сопки, на Неру, сняв шапку, потер затылкины от висков.

— Ну, Иван, трогай... Надеюсь на тебя...

Иван ударил по руке прораба.

— Ты меня знаешь...

Экспедиция спустилась на шершавый, изъеденный солнцем лед...

А через два дня, лишь только брызнули из-за сопки лучи солнца, прораб горестно взирал на Неру — мутно-желтый поток хлестал во всю ширь реки.

— Палван!

Палван стоял рядом, за его плечом.

— Я здесь, Илья Иванович.

Прораб повернулся и уставился на Палвана.

— Сколько у тебя хлеба?

— На два дня.

А я говорил тебе — вода скоро пойдет?..

Палван, отступив на шаг, сбычился, от крови потемнело лицо.

— Хлеб будет, Илья Иванович...

Нера шумела. За рекой, у темных сопок, где работали дорожники, раздавались взрывы. Там вставали вихри пыли и щебня.

Палван взял топор, пук проволоки и сказал Панченко:

— Граф Панченко, идем делать плот.

Панченко мечтательно курил. Услышав Палвана, повернулся к нему.

— Плот? Куда, Палван?

— За хлебом...

7

Река бросалась от берега к берегу — разъяренная, косматая. Река буравила льды, крутилась воронками.

Палван стоял на плоту и, сузив глаза, смотрел на мутный поток. Ему вспоминалась стремительная Аму-Дарья. Но Нера злее и капризнее.

— Пробивайся к острову, — сказал прораб, — от него тебя бросит на тот берег.

— Хорошо, Илья Иванович... Ну, поехал!

Палван оттолкнулся от берега — шест гнулся под нажимом его мускулистых рук. Плот развернулся, струя подхватила его, и зыбкий плот ушел под воду — казалось, Палван быстро скользит по поверхности воды...

— Ого-го-о! — закричал Палван, и белые зубы его засверкали.

— Вот черт! — восхищенно ворчал прораб. — Отбивайся, Палван, отбивайся к острову!

Река бросила плот к тому берегу. Палван кричал или пел что-то дикое и победное.

Вечером он пришел мокрый до макушки и принес два мешка муки.

— О-о, верблюды! Ну чего ты два мешка взял? Тяжело... Где пристал?

— Отсюда километров восемь... Ничего, батя, принимай! Подмокла немного... Ну и крутило меня! В одном месте на карчу бросило. Пропал, думаю. Зацепился за карчу, и повело меня вместе с ней. Плот тонет, воды выше колен. Думал, мешки снесло...

— Следующий раз привязывай.

— Граф Панченко, едем завтра со мной? — И Палван, голый, приплясывая около печки, хитро сощурился.

Панченко согласился и наутро на новом плоту отплыл вместе с Палваном.

За ночь река развернула льды. В местах излома пенились водовороты. На обратном пути плот нанесло на водоворот, но, к счастью, близко от берега. Вода с шумом уходила куда-то в темный провал. Плот поставило на ребро. Панченко упал в воду, и его потянуло под лед. Палван прыгнул к берегу, но недопрыгнул, воды было по пояс. Палван извернулся, схватил Панченко за воротник и выдернул его из пучины, как репку.

В следующие несколько секунд на берег перелетели два мешка муки. Блестя зубами, Палван вылез на берег.

— Граф, ты жив?

Лицо Панченко было покрыто белым пеплом, в глазах еще стоял холодный ужас.

— Вставай, граф, идти надо, замерзнем...

Несколько километров пути по тайге с мешками муки не только разогрели, но и вогнали в пот обоих хлебоносов.

Развесив над печкой платье, Панченко говорил:

— Нет, лучше столбы таскать, чем эти веселые прогулки за хлебом.

— Что, не нравится блатная работенка? — смеялся Палван.

Колонна была обеспечена мукой. Я врыл в землю железную бочку и открыл пекарню. Связисты стали получать белые булки прямо из печи...

8

В день, когда в обеденных мисках связистов сиротливо белело несколько горошин фасоли, появился Иван.

И на лошадях и на людях — печать тяжелого перехода по весенней тайге. Мокрые, со следами болотной грязи, в рваных бушлатах. Лошади, раздувая ребристые бока, жадно тянулись к траве. Трофим, несший банку с маслом, промаслился от затылка до пят.

— Принимай, батя! — весело кричал Иван. — Только спирту не дали.

— И хорошо, — улыбался прораб, осматривая похудевших лошадей. — Это что? Сахар?

— Сахар. Его спасли от воды, остальное все плавало. Вон Трофим с маслом поплыл, чуть-чуть не уплыл совсем. Вытащили, только шапка мимо вас проплыла. Не видали?

Илья Иванович сиял: еще раз Иван выручил — золотой бригадир!

За время отсутствия Ивана ямщики далеко ушли. Прораб неуверенно сказал:

— С установкой мы отстали... Я все на разбивке да на проверке... А тут с хлебом чепуха вышла. Бате пришлось пекарню открывать...

— Илья Иваныч, догоним! Завтра столбиков тридцать.

— Тридцать трудно...

— Тридцать?! Сыграем! — Иван протянул руку. — Батя, бей!

— Иван, сорвешься.

— Бей, батя!

Утром на установку вышел и прораб. Иван с горячими, веселыми глазами стал у первого столба:

— Слушай, ребята, это первый. И сегодня должен быть тридцатый! Раньше не уйдем! Взяли!

Семиметровый столб — свежий, белый, со связистским затесом на макушке. Ребята подобраны, дружны, а Иван горяч и порывист. Столб, подхваченный на руки, будто сам юркнул в ямку.

Иван медлительно отходит метров на тридцать и сигнализирует рукой: влево, вправо, «на меня»...

— Есть!

За два часа до конца рабочего дня врыт тридцатый столб. Полтора километра линии!

Иван, потерявший кепку у какого-то столба, красный и потный, поднял руку.

— Э-эх, гуси-лебеди!

А тайга вокруг, и сопки, и небо с теплым солнцем — такая весенняя радость! В палатку ввалились голодные, веселые, озорные.

— Батя, по пять черпаков стахановцам! Есть двести процентов! И с тебя сегодня, кроме супа и налима, — сказку!

До утреннего оранжевого пожара я плел разные были и небылицы.

9

Весна наступала на пятки убегающей зиме. Тайга распускалась, когда зима еще не убрала свои белые хвосты. На полянах, только вчера освободившихся от снега, зазеленела трава. Утром связисты шли по хрустящим, промороженным мхам, а возвращались мокрые до колен. Отошавший за зиму комар, чудом переживший шестидесятиградусные морозы, в полдень начинал свою грустную песенку, а к вечеру затихал, убирался в какие-то закутки. В ложбинах плавали снег и лед, а на пригорках распускались цветы. Днем так припекало, что связисты сбрасывали рубахи, тела смуглели первым загаром, а ночью зима напоминала о себе морозами в десять—пятнадцать градусов.

— Вот когда начались трудности, — сказал как-то вечером прораб, выжимая портянки.

И ясно почему: в ямки хлестала верховая вода, и ее еле успевали вычерпывать; оттаивали пльвуны, и ямки затягивало подпочвенным илом. Лошади, подтаскивая столбы, заваливались в болоте по брюхо. Люди тоже принимали холодные ванны.

В конце мая колонна перекочевала на новый участок.

Стояли жаркие дни и теплые светлые ночи. Хороводы звезд погасли в сплошном сполохе вечерних и утренних зорь. Яркая зелень разливалась по крутым склонам сопок. Из распадков хлестали бурные многоводные ручьи.

Казалось, лето вступило в свои права. Зайчатина в котле исчезла — Платов дал льготу зайчихам, но охоту не прекращал: приносил уток, яйца и однажды зайчонка, свободно умешавшегося на ладони. Решением колонны он был зачислен на морковное довольствие и мое воспитание. Зайчонок быстро освоился со своим жилищем в ящике из-под консервов и с регулярным питанием морковкой и ветками лозняка.

В начале июня, после палящего полудня, из-за сопок выползли полчища сизых туч и пошел снег. Когда связисты, мокрые и усталые, прибрели к вечернему котлу, над Нерой, зеленой тайгой и сопками бушевал белый буран. Река кипела, на перекатах клубились желтые клочья пены.

В палатке стояла хмурая тишина. Связисты теснились к жарким печам. От мокрых портянок и одежды пахло кислятиной...

Шла серая ночь. Тополы пугливо шумели, трепеща зелеными ветками.

Ночной сторож Кузнецов грел в печах ломы, оттягивал концы. После испытаний на сонливость прораб остановился на Кузнецове как лучшем ночном стороже. Он был исключительно устойчив против сна. Это было очень важно — тайга требовала чутких ушей и недреманного ока. Кузнецов к тому же был мастер по закалке ломов.

Часа в два ночи сквозь тоскливый шум тайги до слуха Кузнецова донесся крик, в котором было явное человеческое отчаяние.

— Илья Иваныч! Палван! Иван! — закричал Кузнецов. — Вставайте! «А-а-а... О-о-о...» — стонала тайга.

Палван прямо в белье вырвался из палатки в белую ночную муть. За ним Иван, прораб... Связисты хватили непросохшие портянки, штаны, полуодетые выбегали из палатки.

По реке мчалось «сало», сорванные с берегов кусты и целые ветвистые деревья. Где-то выше, за близким поворотом, раздался отчаянный крик:

— Эге-гей!

И тут же из-за поворота вылетел плот. Высокий человек пытался подбиться к берегу. Человек этот увидел связистов, замахал руками. Донеслось:

— Илья-а, держи-и...— И что-то еще, невнятное, сорванное ветром.

— Начальник! Смольный! Александр Федорович!— вырвался крик у связистов.

Прораб закричал, покрывая гул тайги:

— Иван, лови плот! Палван, беги вверх, там кто-то тонет!..

Обвисший тополь зацепил Смольного и потянул его с плота. Но старик удержался. Иван с маху бросился в кипящую реку и через минуту был на плоту. Схватив конец веревки, он прыгнул снова в воду. На берегу конец веревки уже подхватил прораб и намотал на ближайший пень. Канат вытянулся тугой струной, и плот врезался в берег...

Начальник строительства влез в палатку и весело закричал:

— Батя, чаю! Ну, как здесь живете? А главбуха моего поймали?

Скоро пришел Палван с бухгалтером. Палван снял его с дерева, которым он был сбит с плота. Бухгалтер судорожно цеплялся за дерево, которое река уже вырвала с корнем.

— Как дела, бухгалтерия? — спросил Смольный.— Ванна хороша? Там спирт есть, Илья, распорядись. Раздевайся, грощбух, сушишь, разрешаю сверх нормы сто грамм спирта. Батя, чаю! Что-о, у вас свежая рыба? О-о, жареная! Ну, кто еще купался? Иван, Палван, пейте...

Белая ночь. Ветер. Гудит зеленая тайга, облепленная июньским снегом...

10

Шло лето. Пышное, торопливое — природа спешила взять за три месяца от солнца и земли запасов на всю долгую, жестокую зиму.

Наш зайчонок как-то незаметно подрос, опушился серой шкуркой и скакал по палатке. Выбегал и в тайгу, но в «морковные» часы появлялся, темными немигающими глазами смотрел на меня, точно вымолвить хотел: «Батя, морковку!»

Мы кочевали каждые три-четыре недели. Из долины Неры свернули на ее приток Бурустах и оттуда дальше — в червеобразный узкий распад («аппендикс», — сказал Панченко), к «Победе».

В конце июля развернули свои таежные способности Панченко и его звено — началось грибное и ягодное раздолье. Грибы в супе, грибы жареные, маринованные, кисели из смородины и брусники, морсы, пирожки, варенье...

Вечером, когда связисты располагались на отдых, Панченко просил:

— Батя, расскажи что-нибудь. И откуда у тебя столько сказок и сказаний?

В конце августа Иван поставил последний столб у «Победы», и в тот же день пришла машина — дорожники пробивали скалы и дали проезд. Колонну перебросили к началу ее пути — на подвеску проводов. Блестящие бухты биметалла мы волокли с дороги через Неру и раз-

матывали вдоль линии столбов. С подвеской колонна шла по три-четыре километра в день. Это были дни непрерывного движения. Когда вновь подошли к «Победе», приехал Смольный. Последняя пара бухт биметалла поднялась на белые чашечки изоляторов и концы их скользнули в телефонную станцию. Смольный сел к коммутатору, включил биметалл.

— Алло. Сусуман? Говорит «Победа». Да, да, я — Смольный! Дайте Магадан. Магадан? Говорит Смольный. Разрешите доложить — связь с «Победой» есть!

11

Осень. Мы в третий раз вернулись на свой первый участок — предстояло вырубить двадцатиметровую просеку и закрепить линию на десятилетия.

Осень. Грустная пора. Тайга обнажалась. Меланхолично кружились оранжевые, желтые листья тополей, иглы лиственниц густым слоем прикрывали землю. По ночам прихватывали крепкие морозы, а днем солнце пыталось отогреть землю.

Мой воспитанник заяц ушел в тайгу и не вернулся. Платов вновь расставил свои петли и загружал котел зайчатинной.

Однажды после завтрака я вышел в тайгу за грибами — был период лучших грибов для сушки. Палатка наша уже украсилась десятками нитей подсыхающих грибов.

Сколько грусти в осенней тайге! Воздух сух и прозрачен, дальние сопки слегка запудрены первым снежком. Тополы печально роняют ярко окрашенные листья.

Продираясь сквозь заросли кустов, я увидел зайца. Петля врезалась ему в шею, глаза налились кровью, и казалось, что они от напряжения вот-вот лопнут.

Я легонько растянул петлю. Заяц тяжело дышал, кровь отлила из глаз. И вдруг пленник сделал прыжок. Стальная нить лопнула, и заяц исчез в кустах. Я посмеялся и поздравил беглеца:

— Гуляй, косой, живи!

По заячьей тропе я полез дальше и шагах в десяти опять увидел зайца — беглец, спасаясь, попал в другую петлю. Я решил взять зайца живым. Перевязал ему лапки — передние и задние — и только после этого освободил из петли. Положил в корзину, прикрыл мешком и вновь пошел по грустной тайге.

На чудесной поляне присел на перекур. Снял с зайца мешок и завел с ним беседу. Видимо, зайцу беседа с поваром не понравилась. Он рванулся и, спутанный «по ногам и рукам», так стреканул, что через несколько секунд исчез в кустах. Докурив, я решил проверить, куда ушел мой заяц. От куста, под которым исчез заяц, шла узенькая стежка. Я прошел по ней метров двадцать и увидел беглеца — он опять влетел в петлю.

12

В конце октября приехал Смольный. Устало прошел к койке прораба. Только после кружки чаю сказал:

— Собирайся, Илья, завтра едем со мной. За строительство линии на «Победу» тебе премия — отдых на месяц. Можешь и на «материк» поехать.

Начальник помолчал. Скрутил папиросу, вдавил ее в мунштук и устало продолжал:

— Колонне тоже премии.

Вздыхнул и вытянул длинное сухое тело на койке.

— Поработали хорошо... Буду и я себе просить отдых. Десять лет по тайге хожу...

Утром прораб вышел на линию. Он шел от столба к столбу. Над головой гудели провода.

Прораб остановился у столба, взглянул на номер. Эту ямку три раза засасывало. Прораб вздохнул и посмотрел вдаль — строгая линия разрезала тайгу. Здесь все исхожено, знаком каждый столб, каждая ямка...

Прораб повернулся. За спиной стоял Иван и тоже смотрел на линию.

— Хороша линия, Илья Иваныч?

Прораб протянул руку.

— Еду, Ваня...

Иван порывисто обнял прораба.

— Езжай, отдыхай... Вот еще одна наша линия... Может, еще будет...

Днем начальник строительства увез прораба, предупредив нас, что через два дня приедет за нами: биметалл должен золотистой нитью тянуться по следам геологических партий.

С. ЖУРАХОВИЧ

★

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Рассказ

Гость наконец ушел.

Закрыв за ним двери, Шамрай сладко зевнул. Рот у него сперва вытянулся дудочкой, потом округлился розовым бубликом, из него вместе с паром выкатилось мягкое и теплое «о-хо-хо...».

Отяжелевшим шагом он подошел к окну, за которым чернела уже поздняя ночь, потер виски, приложил руку к животу и сморщился: «Нельзя так много есть и пить на ночь...»

Что-то давило плечи, грудь. Едва догадался: пиджак. Шамрай поскорее скинул пиджак, развязал галстук, вдохнул полной грудью несвежий, пропахший дымом воздух и сел в кресло, вытянув ноги.

— Ты давно мог это сделать, — сказала жена.

Она бесшумно убирала со стола. Счищала с тарелок остатки еды в миску, складывала горкой посуду — тарелки, тарелочки, чашки и блюдца — и уносила на кухню. Вид у нее был измученный.

Гость приехал неожиданно. Шамрай узнал об этом только около полудня и сказал: «Вера, его надо хорошо принять». И вот ей пришлось второй раз бежать на базар и в лавку, потом печь, варить, жарить и одновременно прибирать квартиру, потом потчевать гостя, разговаривать, улыбаться. Вера всегда была гостеприимной хозяйкой.

Но сегодня обязанности радушной хозяйки утомили ее больше, чем целодневные хлопоты. Может быть, потому, что в глубине души она с первой же минуты почувствовала ничем не объяснимую антипатию к гостю. А может быть, и по каким-нибудь иным, ей самой непонятым причинам вечер показался ей нестерпимо длинным и утомительным.

Вера бросила мимоличный взгляд на мужа — собственно, не на него, а на отраженное в зеркале слегка обрюзгшее желтоватое лицо с нахмуренным, влажным от пота лбом, взбегавшими кверху острыми залысьнами — и повторила:

— Ты давно мог снять пиджак... Если это позволено гостю, так почему бы не сделать это и тебе.

Шамрай покачал головой, подумал и закричал:

— Кхе, кхе... Ему можно! А как он посмотрит на то, что я расупонюсь?

— Ты у себя дома, — пожав плечами, обронила Вера и, подхватив горку тарелок, вышла на кухню.

Шамрай проводил ее глазами, статную, в новом облегающем платье, потер ладонями виски и вздохнул. Когда жена снова вернулась к столу, он заговорил, о чем-то думая и потому, вероятно, растягивая слова:

— Конечно, я у себя дома... Конечно... Но этот Данила Никитич... Как тебе сказать?.. Фигура несколько своеобразная... Понимаешь?.. Он пришел к тебе в гости, а чувствует себя хозяином. Понимаешь?

Вера вскинула голову, удивленно шевельнула светлыми бровями и с детской непосредственностью, как про себя подумал Шамрай, сказала:

— Нет, не понимаю.

Шамрай сладко, протяжно зевнул. Ему лень было говорить, хотелось лечь, раскинуть руки, ни о чем не думать, нырнуть в сон с головой, как ныряют в воду в жаркий летний день. Но в то же время что-то беспокоило, мешало и надо было избавиться от этого.

Перед ним то и дело проплывала фигура жены — чуть начавшая полнеть, но еще стройная фигура тридцатилетней женщины. Ее чуть широковатое лицо, несмотря на усталость, выглядело свежим, спокойным и даже довольным. Как-никак она недаром потрудилась: гость не скупился на похвалы и отдал должное всему, что красовалось на столе. Так что свою обязанность она выполнила. Вот осталось только прибрать. А посуду уже утром помоеет. Просто сил нет...

— Отчего ты не ложишься?

Шамрай не ответил. Дремотная лень в нем все еще противилась, и казалось, вот-вот победит потребность высказать какие-то беспокойные, к тому же слегка затуманенные вином мысли.

Прижав руку к животу, он почти простонал:

— Так наедаться на ночь...

— Да ты немного ел, — заметила Вера.

— Правда? — живо отозвался Шамрай. Ему приятно было это слышать. — Поел, но в меру. — Повернув голову, он с коротким смешком спросил: — А ты заметила, как он ел? Точно из голодного края... А глазами, глазами так и проглотил бы все, что стояло на столе.

— Мало ли что... Человек с дороги. — Вера повела плечом.

Шамрай презрительно махнул рукой.

— С дороги!.. Обыкновеннейшая бесцеремонность. А почему? Потому, что он чрезвычайно высокого мнения о своей особе. Должно быть, сам к себе обращается не иначе, как на вы: «Позвольте, Данила Никитич».

Шамрай оживился, отогнал сонливую, сытую лень, ему все-таки хотелось поговорить.

— Ты слышала, что он болтал о Федосе Момоте? Ну скажи, разве это не свинство? Да он же Федосовой подметки не стоит. Поверь, я объективно... В конце концов мне Федос не сват и не брат... Но это же голова! Это ж работа! А вот не повезло человеку — и пошло, и пошло... А этому везет! Если подумать, так и смешно и грустно: Данила — начальник управления, а Федос — сменный инженер в цехе. Да ведь ребенку ясно, что должно быть как раз наоборот. Я совершенно объективно. Спроси, кого хочешь. Что делает Федос? Работает, само собой понятно. И как работает — искры летят! И все с улыбкой. Глядя на него, каждому хочется закатать рукава и горы своротить. Уж такой наш Федос. А что делает Данила Никитич? Тоже само собой понятно: он растет. Ишь, как взлетел! — Шамрай засмеялся. — Знаешь, я сегодня все напоминал себе — не забудь, что не просто Данила, а Никитич.

— Ничего страшного нет, если старые знакомые, однокурсники, станут звать друг друга по имени, — сказала Вера.

Шамрай встрепенулся.

— А черт его знает, как он на это посмотрит... Как только он Федоса не обзывает! И бездарность, и серенький инженеришка... Тошно было слушать. Кто бездарность, кто серенький? О господи!

Прибрав со стола, села и Вера, сложив на фартуке свои красивые, сильные руки.

— Не понимаю, что тебя так возмущает? — сказала она и внимательно посмотрела на мужа, уже не в зеркало, а на него самого.

— Что тут непонятного? — удивился Шамрай. — Кто ему позволил смешивать с грязью Федоса? Кто?

— Ты, Михайло, — ответила Вера и вздохнула.

Хотя она сказала это тихо, Шамрай съежился, будто ему кто-то в самое ухо крикнул.

— Верунька, ты шутишь?

— Какие же это шутки? Он ругает Федоса, а ты поддакиваешь...

Не дожидаясь, что он на это скажет, Вера подошла к зеркалу и стала расплетать волосы. Поэтому выразительный жест Шамрая — он в крайнем удивлении развел руками — остался без внимания: жена в это время уже стояла к нему спиной. Ленивая дремота окончательно развеялась, и, не скрывая раздражения, Шамрай проворчал:

— Я достаточно воспитан, чтобы не кидаться на гостя с кулаками.

Он говорил и говорил. А Вера, наклонив голову, расплетала косы и смотрела в сторону и вниз. Его слова пролетали мимо нее, не задевая. Услышала только последние, произнесенные им ласково, с таким знакомым ей смешком:

— Ты наивна, Верунька... Такая же, как в первый день нашей семейной жизни.

Она не улыбнулась; слышала эту шутку уже, наверно, в сотый раз. А Шамрай ждал ее улыбки, чтобы потом подойти, обнять — такой привлекательной, молодой была она в эту минуту.

— Почему с кулаками? — сказала Вера, глядя на него в зеркало. — Можно было ему сказать то же, что ты мне сейчас говорил: Федос умный, способный... Если бы я знала Федоса, я так бы и сделала.

Шамрай засмеялся:

— Ну, ребенок, настоящий ребенок! Что на уме, то и на языке.

Он сидел теперь в неудобной позе, повернув голову так, чтобы видеть жену, и любовался ее русыми волосами, рассыпавшимися по плечам, по спине. Зачем он затеял этот разговор?

— Конечно, я мог бы сказать, — все же пробормотал Шамрай, иначе последнее слово осталось бы за женой. — И начался бы у нас с Данилой спор. А я не видел человека лет десять. Очень красиво...

— Тогда молчал бы. — Вера подняла свои светлые брови и крепко сжала полные губы.

Шамрай подождал немного, потом выпустил еще одно протяжное «о-хо-хо» и с деланным равнодушием пробормотал:

— Конечно, можно было промолчать... Хотя это и не очень вежливо: гость разговаривает, а ты молчишь.

Он встал, потянулся. Разговор окончен. На лице Веры промелькнула слабая, грустная полуулыбка, и он услышал:

— Это правда, молчать нельзя было... Ну, пора спать.

Шамрай опять сел, потер ладонями виски. Какая-то тяжесть сжимала голову. Что она сказала? А?.. В самом деле, кто его тянул за язык? Зачем было поддакивать, когда Данила тут злопыхательствовал против Федоса?.. Жаль, что нельзя вернуть назад эти минуты и сказать о Федосе те хорошие слова, которых он, безусловно, заслуживает, сказать открыто, во весь голос, хотя бы это и не понравилось надутому спесью Даниле Никитичу.

Внезапный приступ отвращения был настолько силен, будто настоящая, физическая тошнота подкатила ему к горлу. Шамрай проглотил слюну, несколько раз глубоко вздохнул и, почувствовав облегчение, сказал:

— А впрочем... Кто его знает. Федоса я давненько не видел. Может быть, и в самом деле никчемный, серенький инженеришка? А?..

Вера резко повернула голову, и все же ей не удалось перехватить взгляд мужа, скользнувший куда-то в сторону.

— Пора спать.

Она зажгла маленькую лампочку под зеленым грибком и выключила люстру. По комнате разлилась успокаивающая полутьма. Шамрай довольно повел головой, удобнее развалился в кресле. Спать ему уже не хотелось совершенно. А так как в глубине души оставался все же неприятный, скользкий осадок, он снова заговорил о недавнем госте:

— Кто бы мог подумать, что Данила так вознесется? Посиди, Верунька... На нашем курсе он был, как это говорится, «на ща». А теперь?.. До меня доходили слухи... Это он провалил освоение станка на Краматорском заводе. А сколько было треску заранее!.. Потом послали Федоса, и он все наладил, без шума, без лишних разговоров. А этот зато научился карабкаться в гору. Так-то оно делается...

Шамрай встал и, потирая руки, уже возбужденный, даже злой, стал ходить вокруг стола, бросая короткие, отрывистые фразы:

— А какой апломб! «Я сделал, я сказал...» Кто-то его тянет. За уши или за хвост...

Теперь Вера сидела, а Шамрай беспокойно ходил по комнате. Одной рукой он держался за живот, а другой описывал в воздухе медленные круги, словно размешивая мутный осадок, оставленный в нем этой встречей.

— Я не понимаю тебя, Михайло,— наконец сказала Вера.— Весь вечер ты был так оживлен, разговаривал, смеялся...

— Конечно, смеялся. Не плакать же!

— Что же тебя теперь разозлило?

Что его разозлило? Минуту назад Шамрай и сам этого не понимал. А сейчас непроизвольно вылилось накипевшее:

— Как же не злиться? Этого надутого индюка я должен приглашать, угощать, улыбаться... Очень приятно!

Широко открытые глаза Веры остановились на муже с таким удивлением, с каким смотрят дети, когда знакомая им вещь вдруг оборачивается к ним неожиданной стороной.

— Ты днем мне сказал: друг, однокурсник...— растерянно проговорила она.— А теперь... Зачем же ты его приглашал? Не понимаю...

— Что тут понимать,— отрубил Шамрай.— Нужный человек.

Вера все так же широко открытыми глазами вглядывалась в него.

— То есть как?

Он рассердился. Длинное лицо с острыми залысинами еще больше вытянулось, и на нем можно было прочесть: «О господи, еще и это тебе надо объяснять!»

— Он там,— ткнул Шамрай большим пальцем в потолок,— а это всегда может пригодиться.

Вера прикрыла глаза, откинула назад голову. Все ее тело заныло от усталости. Как же так? Столько усилий, тепла, внимания отдала она на то, чтобы принять его друга, товарища юношеских лет, а в конце концов за этим крылось совсем другое — ткнул пальцем вверх...

Шамрай опять что-то говорил, говорил. Она не слушала. Какие-то отрывочные мысли путались в голове, одна из них прорвалась вслух:

— А если бы приехал Федос, ты, может, его бы и не пригласил?..

— При чем тут Федос?! — вспыхнул Шамрай.— Надоело... Весь вечер одно и то же: Федос, Федос...

— Ты знаешь, я никогда его не видела,— удивленно и немного обиженно сказала она.— Все-таки это ведь твой Федос?..

— Мой... Твой...— замахал руками Шамрай.— Раскудахталась, точно кумушка.

— Тише, разбудишь сына... И пора спать.

— Иди ложись. У меня голова разболелась.— Он вздохнул, выпустил уже скорбное «о-хо-хо» и потер виски.

— Уснешь — пройдет.

— Нет, теперь я уже не скоро усну,— слабым глосом проговорил он.— А ты еще...

— Я ведь ничего не сказала...— Она уже готова была уступить в споре, как уступала всегда.

— Ничего, ничего...— проворчал Шамрай.— У тебя какие-то странные представления. А жизнь — это жизнь. Надо понимать.

— Ты объясни,— попросила она, полная искреннего желания понять его; простодушная доверчивость мешала ей догадываться о недоговоренном и улавливать то, что стоит за словами.— Объясни, пожалуйста.

— Что объяснять, когда ты не желаешь понимать.— Он махнул рукой.

— Хватит, Михайло,— уже сердито бросила Вера и сдержанно прибавила: — Успокойся.

Но оскорбленное чувство справедливости, вопреки ее воле, заставило ее сказать:

— Из-за Федоса ты не хотел ссориться, хотя и следовало. А теперь срываешь злость на мне...

— Опять Федос! — простонал Шамрай.

— Я иду спать...

А он еще, должно быть, с полчаса бегал вокруг стола, жаловался на всех и на все, проклинал какие-то обстоятельства, горько укорял жену, что она не хочет чего-то там понять, снова честил Данилу, как только мог, а закончил тем, что Данила молодец, умеет жить, а Федос тюфяк, так ему и надо!

— Иди спать...— Голос жены прозвучал тихо. Но Шамрай вздрогнул.

Он сразу же уснул и спал, как всегда, крепко, слегка посвистывая.

А Вера лежала на спине с открытыми глазами. Бесконечно длинные минуты, одна за другой, тяжело брели по топкой низине ночи. Время от времени она протягивала руку к столику, брала часы и пристально вглядывалась: три, четыре...

Дождавшись рассвета, Вера пошла на кухню, перемыла посуду. Потом разбудила сына, накормила его и отправила в детский сад. Четырехлетний Петрусь, гордый своей самостоятельностью, переходил огромный двор, оглядываясь на мать, стоящую у окна. Детский сад находился в соседнем доме. Провожая взглядом сына, Вера на минуту забыла обо всем. Но тиканье часов напомнило, что пришло время будить мужа.

— Верунька,— сонно улыбнулся Шамрай, выкатил изо рта смачное «о-хо-хо» и погладил ее волосы.— У-у, какие у тебя синяки под глазами. Ты плохо спала?

Выпив чаю, он наскоро завязал галстук, надел пиджак и, выходя из дому, поцеловал жену.

— Отдохни, моя хорошая... Верунька, я тебя люблю. Да, да, да! — с коротким смешком трижды повторил он.— Люблю, со всей твоей святой наивностью.

Перевел с украинского А. Островский.

г. Киев.

ИЗ СТИХОВ ПОЭТОВ ГРЕЦИИ

В этом номере журнала мы публикуем стихи современных греческих поэтов Костаса Варналисиса, Янниса Рицоса, Никифороса Вретакоса.

Патриарх революционной греческой литературы Костас Варналисис в сборниках «Пламенеющий свет» и «Свободные осажденные», вышедших в двадцатых годах, первый среди греческих поэтов сделал тему борьбы народа против эксплуатации и несправедливости основной темой своего творчества. Оставаясь верным традициям классического стиха, он пишет чистым народным языком, так, чтобы его понимали все греки. Многие его стихи стали народными песнями.

Яннис Рицос — поэт поколения тридцатых годов. Личная судьба Рицоса сложилась тяжело. Активный участник борьбы против гитлеровской оккупации, он неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В книге стихов «Макронисиотика», написанных в ссылке на острове Макронисос, он рисует страшную картину страданий политических ссыльных. В последних своих работах Рицос выдвигает на первый план образы героев Сопротивления (поэмы «Человек с звездикой», «Прощание»). В 1957 году Рицосу была присуждена первая государственная премия за поэму «Соната лунного света».

Почти одновременно с Рицосом пришел в греческую поэзию Никифорос Вретакос. И хотя судьба его сложилась иначе, нелегкая жизнь и борьба за кусок хлеба сблизили его с простыми людьми. Благородство и глубокая человечность его стихов имеют, по-видимому, именно этот источник. Мир поэзии Вретакоса — это мир лирики, полный тончайших оттенков и драматической напряженности.

За сборник стихов «Время и река» Вретакосу была присуждена государственная премия за 1956 год

КОСТАС ВАРНАЛИС

★

Один и все

Я тебя повсюду и везде искал:
На равнинах людных и средь горных скал,
На небесных кручах и во мгле глубин,
И вдвоем с любимой, и как перст один.

Принимая вызов на неравный бой,
Слушая метели заунывный вой,
В соловьиных рощах, с книгою в руках,
В мудрости холодной, в пламенных стихах,

И при свете солнца, и бродя во тьме,
И живя на воле, и томясь в тюрьме,
Сохраняя трезвость и подняв бокал,—
Я тебя повсюду и везде искал.

И в те дни, когда я полон был огня
И бурлила юность в жилах у меня,
И теперь, когда я немощен и стар,
И потухло пламя, и прошел угар,

И в холодной тине повседневных дел,
И в мечтах, что красят наш земной удел,

На земле и в небе, в песнях и в труде,—
Я тебя, о счастье, не нашел нигде.

Камень тут на шею в пору привязать,
Или прыгнуть в пропасть, или яд принять;
Тут расчеты с жизнью кончить бы... Но нет!
Мне звездою яркой светит мой завет.

Озаряя нашу мрачную тюрьму,
Тот завет высокий учит одному:
Если все несчастны, если всем беда,
То один не будет счастлив никогда.

Перевел с греческого М. Кудинов.

Отверженные

В прокуренном и чадном погребке,
где пахнет солью, потом и махоркой,
где ангелы грустят на потолке,
мы пили горькую...
Мы пили горькую сегодня, как вчера
и как во все другие вечера.

Плевали на пол, красный от вина,
ругали бога, напиваясь вдрызг:
о, черт возьми, какая же она
мучительная штука — жизнь...
Пусть память в этот час напряжена,
но не отыщешь светлого пятна!

Над нами неба серый блеклый ситчик
с линиями горошинами тучек,
гвоздика вечера, заря горит над крышей
так далеко, что не горела б лучше...
Так далека, так призрачно бледна,
не зажигает сердца нам она.

Отец параличом разбит у Янни,
он больше никогда уже не встанет,
а этот без гроша на пропитанье,
а у того жена в чахотке вянет.
В публичный дом попала дочка Явиса,
и в каторжной тюрьме сынишка Мависа.

Мы думаем за чаркой иногда —
кто виноват, что все мы стали голью,
кто: дурость, бестолковая судьба?
Иль бог нас в небе ненавидит, что ли,
иль, может быть, вино нас губит всех подряд...
Нам надо знать, кто в этом виноват!

В прокуренном и чадном погребке,
где ангелы грустят на поголке,
мы думаем за чаркой водки думу,
мы чуда ждем упорно и угрюмо.
И, может быть, однажды в этот час
оно придет. Оно раздавит нас.

Перевел с греческого Александр Янов.

***Смерть! Меня сломить
ты хочешь...***

Смерть! Меня сломить ты хочешь,
Но, как дуб во мгле ночной,
Я стою — и царство ночи
Отступает предо мной.

Ты меня хотела б с корнем
Вырвать, смерть, сгубить меня,
Но осталось непокорным
Сердце, полное огня.

Слышу в вихрях непогоды,
Как взывает кровь земли:
«Выполняй свой долг, чтоб всходы
Дней свободы расцвели».

Кто был смел, отстать не может
От штурмующих дружин;
Я хочу добраться тоже
До сияющих вершин.

И, усталости не чуя,
Светом солнца озарен,
Быть на празднике хочу я
Всех наречий и племен.

Слышишь, смерть? Напрасно зубы
Скалишь ты, таясь во мгле.
Я — как дуб... а корни дуба
Глубоко сидят в земле.

Перевел с греческого М. Кудинов.

НИКИФОРΟΣ ВРЕТАΚΟΣ

★

Четырнадцать детей

Заря, как синица,
зажгла все деревья в парке.
«Вначале была любовь», —
внятно звучала арфа...
Это значит, что ты засыпаешь.
Какие уж арфы
в деревушке под горной грядой,
прилепившейся к скалам,
как ласточкино гнездо?

Ты засыпаешь.
И на простынях белых
худая рука твоя,
как лимонная ветка на саване.
И во сне думаешь ты о главном...

И входят четырнадцать мальчиков,
засыпанных снегом, мокрых,
в стоптанных ботиках,
с глазами, как капли на стеклах.
Ты меришь их взглядом,
словно хочешь отмерить им
счастья по росту...
А арфа поет,
что «вначале была любовь»,
что для любящих просто
добиться всего, чего хочешь,
даже звездочки с неба,
даже солнца, чего уж проще,
даже хороших оценок в тетрадке,
но ты предпочла бы
ботики на шерстяной подкладке;
и рубашонки с высоким воротом
ты предпочла бы всему на свете:
ведь в Календзи¹ ветер,
в Календзи сильный ветер!
И снится тебе,
что шьешь ты своим мальчишкам,
месишь хлеб обеими руками,
чтоходишь ты в класс
с четырнадцатью свертками под мышкой,
с четырнадцатью святыми хлебцами.

Но ты просыпаешься утром.
А дождь льет по-прежнему,
плащ, не просохший с вечера,
ты застегиваешь пальцами нежными
и, не завтракая, в школу бредешь
с опущенными глазами.
Будто кто-то тебя осуждает
за пустые руки.
И, как виноватую, сечет тебя дождь,
и небо тебе не прощает
бог весть каких ошибок...
Но вот лицо твое делится
на четырнадцать улыбок,
тыходишь в школу.

Убого, темно, привычно.
Тишине настороженной внемля,
ты всходишь на кафедру
и теплом укрываешь детей,
как небо укрывает землю.
Урок начинается в восемь двадцать.
Все как обычно.
Ты на кафедре.
А напротив тебя Христос.
Он мягкий и сумрачный в рамке свосй.
Ты протягиваешь руку ему
над головами детей,

---

¹ Календзи — селение в Эпире.

может быть, станет теплее детям,
ведь в Календзи ветер,
в Календзи сильный ветер!
И сегодня дети пришли промокшие,
и в глазах у них бродит печаль,
как воробей на ветке.

Кукуруза не налилась этим летом,
съежилась, зябнет под ветром,
и плачет в земле неродившееся зерно,
как в клетке.

Десять двадцать. Урок продолжается,
твои воробьи бьют крылышками.
Карандаш замирает в худеньких пальцах,
таких прозрачных, что видно кости.
В окне только зябкие ветки видны.
Ты видишь, просто
твои воробьи голодны.
Им надо...
Им хотя бы похлебки надо.
А ты бормочешь: «Великий Александр, Великий
Александр...»

Что мог бы сделать тут Александр?
У тебя пять пальцев.
Ты пересчитывала их четырнадцать раз.
У тебя пять пальцев.
Что надо делать? Терпеть? Ругаться?
Или просто молчать?
Что можно сделать пятью пальцами,
кроме того, чтобы на них считать?
Берешь журнал,
перелистываешь его:
что-то нынче отметок мало.
Закрываешь лицо журналом.

В класс входят тучи.
Тучи входят. Мороз.
Рыбы, наверное, мерзнут в пруду.
А напротив тебя страдает Христос,
как в ту ночь в Гефсиманском саду.
А может быть, хуже еще ему,
уж такой в этом классе рай...
И нет там меня, чтоб похлопать тебя по плечу,
чтоб сказать тебе: «Выручай,
выручай, учительница, Христа,
не дай опозориться ему здесь,
перед глазами детей.
Иди через класс, туда,
дай ему хоть листок из книги своей.
Пусть он притворится читающим,
пусть он спрячет глаза.
Пощади его.
Кто его знает,
может, ему трудней».

Без колечка

Есть на свете дома
без окошка —
ни для звезд, ни для веток миндальных,
ни для солнечных зайчиков...
Только голые стены.

Ты жила в этом доме.

Ты ходила на цыпочках
у наших кроваток
и крестила нас в полночь,
а утром
причесывала, купала,
одевала в чистое платье,
проводила до двери
и долго смотрела вслед,
покуда
не поглощало нас солнце,
чужое, холодное солнце...

В этом мире все было для нас.
Для тебя — ничего.

Без колечка на пальце
ты жила в этом доме,
как в склепе.

Мы были с тобою,
а колечка на пальце не было.
А мы убегали,
взявшись за руки, весело,
в травы, в холмы и в солнце,
и ты оставалась одна.
В этих голых, печальных стенах,
в которых не было окон,
ничего, кроме двери,
чтобы бежать без оглядки...
Но ты никуда не бежала,
зная, что мы вернемся
и что детям нельзя одним
в этом проклятом богом доме.

И в сердце была пустыня
без птиц и без песен,
только бурый от солнца песок.

И мы возвращались
и садились вокруг печурки,
где весело потрескивали полешки
и смеялись.
А стол был накрыт...

И сейчас над домом твоим,
наверное, дождь идет
или снег.
Что это я говорю?
Снег идет над твоею жизнью

всюду, везде, всегда,
где бы ты ни была.
И мы это знаем теперь,
мы это знаем, мама.

И все трое мы просим:
солнце,
дай ей тоже немного тепла,
и света, и тихой улыбки,
пробей в этом доме окна,
он ведь всегда под тучей...

Мы просим, мы только просим.
Кроме слов, ничего у нас нет
пока.

И дороги везде беспокойны.
Реки мутны.

Спокойной ночи тебе,
мама.

Весна

О весна, ты похожа на мир,
ты — парное дыханье земли,
ты — кормящая мать
на картинах больших мастеров.
Ты похожа, весна, на улыбку,
на скрипучую музыку сосен,
ты похожа на бога,
что пишет стихи о любви —
так пространно и красноречиво —
страницами звезд голубых
и длинными строчками рек.

* * *

Ты зашло, мое солнце,
за собою оставив
только озёрца света.

Заплутались в верхушках
самых высоких сосен
озёрца света.

Спи, любовь моя, тихо...

Спи, мое солнышко.
Спит.
И на бледных щеках ее
разлились
два озёрца света.

* * *

Цветущее дерево миндаля,
а рядом с ним ты...

Но когда вы успели расцвести?
Я смотрю из окна на вас.
Плачу.

Плачу слезами радости.
 Дай мне, господи,
 все колодцы на свете,
 все пустые колодцы...
 Эти слезы наполнят их до краев.

ЯННИС РИЦОС

★

Руки товарищей

Наши руки.
 Столько раз они терлись
 о колючие щеки ветра,
 столько раз они брались за проволоку,
 начиненную смертью,
 столько раз примерзали к решеткам камер,
 что теперь они гладки, как камень,
 голые руки наши.

Было время — они покрывались мозолями
 от кирки и от заступа,
 даже от рукопожатий,
 но теперь они гладки, как камень.

Было время, когда материнская ласка
 и тепло наших комнат домашних
 облекали их нежно и мягко,
 как две шерстяные перчатки,
 не давая им чувствовать плоть
 и шершавую кожу событий.

Но истерлись перчатки эти.

Мы порвали их на бинты,
 мы скребли ими копать с котлов,
 обжигали их лагерной кашей...
 И стали, как камень,
 совсем голыми
 руки наши.

Их клеймили, как черных рабов,
 суставы выламывали с хрустом,
 их учили прятать в карманы гнев,
 впиваясь в ладони ногтями,
 их учили резать прогорклый хлеб,
 хлеб терпения.

Но зато,
 если жмут тебе руку ладони эти,—
 значит, есть еще жизнь за оградой тюрьмы,
 электрический свет
 и чистые простыни...

Но зато,
 если камней мешок невесом на плечах,—
 значит, тяжесть его
 делит с тобою Свобода.

Это руки товарищей.

Вздулись вены на этих руках,
как синие реки на картах мира.
Стерлись линии судеб на этих руках,
но в голых, как камень,— в них
мира судьба.

И это —
руки коммунистов.

Оратор-рабочий

Он говорил тяжело, неуклюже,
как будто ворочал камни,
запинаясь и начиная сначала.
— Все,— сказал он, ладонью о стол опершись,
широкой чеканной ладонью,
жесткой, как мастерок...

Мы знали,
что можем довериться
словам, которые он не сказал,
и этим ладоням.

А за стенами тонко звенел рассвет.

Шаг за шагом

Слова, как одежда вещей,
постепенно изнашиваются...

Шаг за шагом
мы сердце свое узнаем
и самые древние в мире слова
вновь и вновь примеряем к вещам,
прежде чем их говорить,
даже «мать», даже «хлеб»,
даже слово «товариш»...

Ежедневно мы чистим бобы и картошку,
тащим воду и камни,
моем доски в отхожих местах,
засыпаем на вшивых нарах.

И поэтому наши руки
одна на другую похожи,
как обрубки черного дерева.

Когда мы цепенеет во сне,
они просыпаются
и оживают.
Они разжимают пальцы
и гладят затворы винтовок,
как гладили тело женщины,
и вцепляются в древко знамен,
как в материнскую грудь...
Но это во сне.
А утром
снова вода и камни.

Или нет.
 Нет воды. Третий день нет воды.
 А язык опухает во рту,
 и глаза устремляются в одну точку
 на море,
 а в этой точке
 идет корабль
 с кувшинами, с бочками, с баками,
 где плещется влага, плещется влага,
 вода!

Это корабль предательства.
 И мы замолкаем.
 Мы не знаем слова «вода».
 Только ноги свирепее месят глину,
 месят, месят и месят.
 Вот бы сделать из этой глины
 кирпичи, понастроить дома,
 чтобы спрятать детей от ветра.
 Красивые вышли бы кирпичи
 из красной, туго замешенной глины.
 Вот они. Целая армия кирпичей
 обгорает на солнце
 спокойно, серьезно, вдумчиво...
 Вот такими бы были слова
 из глины с морской водой,
 замешенные ногами
 умиравших от жажды товарищей.
 Мы молчим.
 Мы забыли слова, легкие, как цветы.
 Слова тяжелы, как железо.
 Наш товарищ молчал на допросе
 до тех пор, пока мог,
 а потом
 он язык откусил себе, наш товарищ.
 А другой отрубил себе пальцы,
 чтобы не подписать отречение.

Вечерами я думаю о словах,
 не сказанных откушенным языком,
 не написанных искаленной рукой,
 о цене этих слов,
 очень важных, как хлеб на коленях голодного,
 как ругательство, пережеванное во ртах,
 оскорбленных невинно,
 как «ах» бедной матери,
 вдруг зажегшей свечу над пустыми кроватями
 всех своих сыновей...

И луна сквозь отверстие в палатке —
 как откушенный красный язык.

Говорить мы еще не можем.

Перевел с греческого Александр Янов.

АЗИЗ НЕСИН

★

ТУРЕЦКИЕ РАССКАЗЫ

Турецкий писатель-юморист Азиз Несин (р. 1915) начал печататься в 1944 году. Был активным сотрудником сатирической газеты «Марко-паша», издававшейся в конце сороковых годов крупнейшим прогрессивным писателем Турции Сабахаттин-ном Али. Дважды — в 1956 и 1957 годах — его рассказы удостаивались первой премии Международной ассоциации писателей-юмористов. Публикуемые ниже рассказы взяты из сборников «Какая партия победит», «О том, о сем» (1957—1958).

Как погода?

Прежде всего давайте как следует познакомимся с Сади-беем. Да, да! С тем самым, о котором говорят: «Ни рыба, ни мясо»... Сади-бей прекраснейший образчик этого типа людей. Не в свое дело не вмешивается.

Спросите его:

— Сколько партий в стране?

Мог бы сказать: «Понятия не имею!» А он только пожмет плечами, скривит рот: он человек серьезный, воспитанный. Всего лет на десять старше меня, а такой рассудительный, что в отцы мне годится. Слова из него клещами не вытянешь.

Живет он с женой и дочерью в Ичеренкее¹ на вилле, доставшейся ему от отца. Вилла огромная, а он хоть бы часть ее сдал. Глядишь, жилец и женился бы на дочери, стал зятем-постояльцем. Так нет, не желает.

Мы встречаемся каждое утро — если не в поезде, так на пароходе, что отходит от пристани Хайдарпаша².

Как-то случилось мне дней пятнадцать проваляться в постели. Наконец выздоровел и отправился на работу. С поезда мы сошли вместе с Сади-беем и направились к пристани. Кто-то из спутников спросил его:

— Как погода, Сади-бей?

Ничего не сказав, Сади-бей прошел мимо. Сзади к нам подошел дру-

гой. Мы спустились по мраморной лестнице.

— Здравствуй, Сади-бей,— сказал он.

— Здравствуй,— ответил ему Сади-бей.

— Как погода, Сади-бей?

Задав этот вопрос, человек мгновенно исчез. Это был тоже один из наших попутчиков. Я взглянул на Сади-бея. Его лицо стало цвета извести, смешанной с зеленой краской... Со всех сторон раздавались голоса:

— Сади-бей, как погода?

— Как погода, Сади-бей?

Сади-бей сердился, но старался не показывать вида. Сели на пароход. Разместились в нижнем салоне. Один из попутчиков опять говорит:

---

¹ Ичеренкей — пригород в азиатской части Стамбула.

² Хайдарпаша — пристань около железнодорожной станции того же наименования на азиатской стороне Босфора.

— Здравствуй, Сади-бей!

Я не знал этого человека. Пожилой, почтенный господин. Сади-бей ответил ему:

— Здравствуйте, сударь!

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо. Слава богу, покорно благодарю.

— Ох, ох!.. Дай бог здоровья. Как погода, Сади-бей?

Сади-бей вскочил как ужаленный. Схватил шляпу из сетки и ушел. Поскольку он был моим давнишним знакомым, я тоже вышел вместе с ним.

Мы стояли рядом у борта парохода. Я понимал, что Сади-бей чем-то разгневан, но не решался спросить, боясь досадить ему.

Так молча мы доехали до моста¹. Когда мы сходили с парохода, его опять стали спрашивать:

— Как погода, Сади-бей?

Я тоже начал раздражаться. Хотел было вмешаться, ведь я не знал, что, собственно, произошло. Не к лицу ведь обижать такого благородного человека. Мы сели в фуникулер.

— Что происходит, Сади-бей? Почему все спрашивают у вас о погоде?

Смерив меня взглядом, он сказал:

— Ты не знаешь?

— Нет... Не знаю.

— Вечером на пароходе расскажу.

У выхода из фуникулера мы расстались. Я был заинтригован. Значит, пока я лежал больной, с ним что-то стряслось. До самого вечера у меня не выходил из головы молчаливый гнев этого хладнокровного и благовоспитанного человека.

Вечером мы встретились на пристани, у моста.

— Я не поеду этим пароходом, — сказал он.

Я понял, что он хочет ехать на следующем, чтобы избежать насмешек, — все наши обычные попутчики ехали на этом.

С лодки продавали свежую рыбу. Сади-бей купил полтора килограмма камсы. Мы побродили немного по пристани. Затем сели на пароход, который отправляется в 8.00. Сади-бей не выпускал рыбу из рук — бумажный кулек от мокрой рыбы прорвался в нескольких местах. Мы уселись на палубе.

— Значит, ты не знаешь? — спросил он.

Тут кто-то возьми и спроси:

— Как погода, Сади-бей?

Не произнеся ни звука, Сади-бей встал. Мы спустились вниз и ушли на корму. Он облокотился на поручни, а я присел на скамью. Сади-бей, осторожно держа в руках пакет с рыбой, стоял надо мною.

— Ради бога, будь осторожен, — проговорил он. — Если кто-нибудь спросит о погоде, немедленно уходи. Пусть себе спрашивает, а ты молчи. Начинается с погоды. А затем человека запутывают, и на его голову обрушивается несчастье. Сначала о погоде. Потом о воде. Затем о земле. И вдруг, сам того не замечая, ты втянулся в разговор. Боже мой!.. Будь осторожен! Да упасет тебя аллах от беды! Недавно... Дней десять назад, как всегда, я сел в Эрэнкее² на поезд. Ко мне подсел какой-то человек. Две-три минуты мы ехали молча. Потом он говорит: «Погода очень скучная, мрачная...» Не нравятся мне назойливые люди. Я — ни слова. Немного погода мой попутчик говорит: «Мрачная погода. Не правда ли, сударь?» — «Да», — говорю... Пусть накажет меня аллах, если я сказал что-нибудь еще. А молчать-то ведь тоже неприлично.

¹ Галатский мост через бухту Золотой Рог.

² Эрэнкей — деревня и железнодорожная станция в пригороде азиатской части Стамбула.

«Наверное, в этом году совсем не будет дождя»,— продолжает он. Ну, точно нищий,— выпрашивает слова, да и только. «Не правда ли, сударь, в нынешнем году совсем, наверное, не будет дождя?» — повторяет он. Не сойти мне с парохода, если лгу! «Да»,— ответил я. А что же я должен был сказать: «Нет, дождь, наверное, будет»? Будет или не будет дождь, откуда я знаю? Тогда он перешел на засуху. «Воды не хватает... Очень плохо...» Я молчу. «Не правда ли, сударь, с водой плохо?»— повторил он. «Да»,— ответил я. «Если не будет дождя — будет голод. В нынешнем году и без того голодно. Вся Анатолия, кажется, высохла.

Ей-богу, я не произнес ни слова. «Не так ли, сударь?» — спрашивает он. «Да»,— говорю. «И снова мы будем покупать пшеницу за границей?!» Я ни слова. «Не правда ли, сударь? Будем покупать?» Да что я, братец, министр торговли? Пшеницу покупать или ячмень, мне какое дело?! «Купим, не так ли, сударь?»—«Да»,— сказал я. «Руководить так нельзя»,— говорит он,— правительство не способно руководить этим делом». От погоды докатились до правительства. Разве мог я заранее знать, куда он клонит?.. «Правительство не умеет руководить. Не так ли, сударь?» Поскольку речь зашла о правительстве, я на этот раз не сказал даже «да». Погода — это я понимаю, ну, положим, вода. Но правительство!.. Я молчу, но он толкнул меня в бок, и я сказал: «Да». Если бы я промолчал, он бы еще раз толкнул меня в бок. «Все дорожает изо дня в день. Что-то будет?» — продолжает он. Можно было бы сказать: «Нет, что вы! Изо дня в день все дешевеет». Но тогда пришлось бы с ним долго спорить. И, чтобы отвязаться, я сказал: «Да». — «И впереди — катастрофа...» Так наш разговор перешел границы умеренности. Но я не придал этому значения.

«Не так ли, сударь?» — пристает он. Я молчу. Тогда он снова меня локтем в бок. «Не так ли, сударь?» Я так и подскочил. «Ох! — говорю.— Да!..» Если бы я не ответил, он стукнул бы меня кулаком в нос и все равно спросил: «Не так ли, сударь?» Я смотрел в сторону. О господи, когда же наконец пристань?! Никак не доедем. А тот совсем разошелся. Черт знает куда понес. Иногда мне хотелось ему ответить: «Нет!», но тогда с ним и вовсе не развяжешься. А он болтает себе и болтает, а затем спрашивает: «Не так ли, сударь?»

Если я не произношу ни слова, он толкает меня локтем. Выдавив из себя «гм», я отодвигаюсь. Припер меня к окну, удрать невозможно, разве что в окно выпрыгнуть. Кроет всю и, шлепя ладонью по моему колену, приговаривает: «Не так ли, сударь?» — «Да...» — отвечаю я и потираю колено. А он хватается за плечо и трясет: «Не так ли, сударь?» «Да...» — отвечаю.

Если бы он свалил меня и поколотил, было бы лучше. И так со шлепками и толчками добрались мы до Хайдарпаша. Слава аллаху!

Сойдя с поезда, человек этот мгновенно исчез в толпе. Я не поднимал головы, боясь, что снова его увижу. Только я собрался сесть на паровоз, как чья-то рука опустилась мне на плечо. Обернулся — полицейский. «Не пройдете ли на минуточку в полицейский участок?»

Услышал я «полицейский участок», и поджилки у меня затряслись. В жизни не знал, что такое участок. А тут... Отправился в участок. Вижу, что человек, который меня постоянно спрашивал: «Не так ли, сударь?», сидит уже там и ехидно хихикает. И пассажиры, что сидели напротив, тоже там.

Бог знает, наверное, эти два пассажира, видя, как он меня всю дорогу толкал, пожаловались на него. Так я подумал. И говорю: «Я ни разу ни на кого не жаловался». «Но на тебя жалуются,— ответил комиссар,— на тебя жалуется вот этот человек...»

Аллах, аллах... Говоришь ему все время «да», и он еще на тебя жалуется! Слыхал ли ты что-нибудь подобное?..

«Да,— говорит этот тип,— и вот господа — свидетели... Чего только он не болтал...» И после всего, как видите, приписал он мне все свои слова. «Это не я говорил, а он сам!» — заявляю. Оба свидетеля подтвердили: «Да, говорил он, а это все сказанное им подтверждал, говорил: да, да, да». Тогда тип этот заявляет: «Я говорил нарочно. Чтобы выпытать у него». Значит, отвечая тогда на его вопросы «да», я шел напрямиком к гибели.

Сади-бей поправил кулек с камсой.

— Рыба того и гляди вывалится — дно кулька прорвалось.

— А дальше что, Сади-бей? — спросил я.

— Затем учинили мне допрос. И теперь вот жду суда...

— Но зачем же он на вас пожаловался?

— Выходя из полицейского участка, я тоже спросил его об этом.

«Ты,— говорит,— очень уж неохотно подтверждал мои слова. Я боялся, что ты на меня донесешь. Как только мы сошли с поезда, я побежал в участок, чтобы опередить тебя». — «Хорошо, братец,— говорю ему,— если ты так боишься, то чего треплешь бог знает с кем?» — «Что поделаешь. не могу удержаться, не в силах...» — говорит.

Поэтому, ради бога, будь осторожен, теперь никто удержаться не может. Вот и ищет, с кем бы отвести душу. Не речь же произносить ни с того ни с сего среди бела дня?! Начинают рассуждать о погоде. Понял? Как только кто-нибудь заикнется о погоде — сразу смывайся. Иначе, как я, попадешь в беду.

Я рассмеялся. Потом не удержался и спросил:

— Как погода, Сади-бей?

Кулек с рыбой пролетел мимо моей головы. Стряхнув с костюма рыбешек, я оглянулся. Сади-бея и след простыл.

Нужно болеть туберкулезом

Ну, вот я и женился... Что нужно делать после женитьбы? Если не знаешь — тогда зачем женишься? Я-то теперь знаю как дважды два четыре: женился — первым делом запасай на зиму уголь! Стал я разуваться, как это нужно делать.

— О-о-о!.. Не получите!

— Почему?

— Не получите, и все..

Ну что, я был не прав? Аллах... Аллах... Всем, кто говорил, что мне не получить угля, я читал целую лекцию о правах и законах.

Прежде всего я отправился к квартальному старосте. Выждав пять минут, пока у старика прошел приступ кашля, я спросил:

— Вы за какую партию?

— За демократов.

— И я из этой партии. Живу я на такой-то улице, в таком-то доме. Хочу приобрести уголь. Помогите, поскольку мы члены одной и той же партии.

— А ты как получал уголь до сих пор?

— Ни разу не получал. Впервые буду получать.

— Почему же пришел сюда?

— Я свил уютное семейное гнездышко, эфенди... Раньше я жил, где придется. А теперь хочу получить уголь, чтобы зимой в нашем счастливом семейном гнездышке было тепло.

— Принесите справки, откуда приехали вы и ваша жена!

Разослав телеграммы-молнии и заказные письма с оплаченными ответами, я через полтора месяца получил справки и пришел снова. На этот раз староста сказал:

— Представь прошение в учреждение по распределению угля!

Представил. Мне дали анкету, которую должен был заполнить староста. Кто сказал, что я не смогу получить угля? Вот и бумагу уже получил на руки.

Староста заполнил анкету. Я снова отнес ее в учреждение, где распределяют уголь. Еще одна подпись, и все... Увидят тогда, получу я уголь или нет... Ну вот и подпись поставлена. Думают, отдал деньги, сказал: «Дай мне тонну угля!» — и дело в шляпе. Как бы не так! А может, вам на дом доставить?! Это вам не бакалейная лавочка! В бакалейной лавочке и то сначала надо постоять в очереди. А здесь столько чиновников! Чем же еще им заниматься?

Еще одна подпись... Когда я собрал все подписи, чиновник за последним столом, улыбаясь, сказал:

— Угля?

— Да... угля...

Лицо чиновника расплылось еще шире.

— Следовательно, вы хотите угля?

Обожаю веселых людей. Силясь улыбаться так же, как этот симпатичный, веселый чиновник, я сказал:

— Конечно... Угля... Хочу угля...

Не знаю, обращали вы внимание или нет, что у большинства наших чиновников мрачные, насупленные физиономии. Никак не могу понять, почему те, кто служит народу, все время на него дуются. А этот смеялся все громче и громче.

— Значит, угля?..

Он смеется, и я смеюсь.

— Конечно, угля...

Он снова разразился смехом. Думаете, я отстал от него? И я разразился смехом. Не будете же вы дуться, если ваш собеседник хохочет!.. Он смеялся, и я смеялся. Аллах рассмешил нас...

— Значит, ха-ха-ха... угля? Ха-ха-ха!..

Начал хохотать — остановиться трудно.

— Угля? Ха-ха-ха!..

Смеемся до слез, держась за животы. Чуть не умер от смеха.

— Угля? Ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха!.. Ну конечно... угля...

— А ведь нету его.

— Как нет? Чего же ты смеешься?

— Вот и смеюсь, потому что нет... Ха-ха-ха!..

Мне бы не смеяться, а плакать надо, но я уже не мог совладать с собой. Мы продолжали хохотать. Это был уже нервный смех. Слава аллаху, меня усадили на стул, дали стакан воды, похлопали по щекам, освежили одеколоном. Немного придя в себя, я спросил:

— Значит, сейчас я не смогу получить угля?

— Даже тем, кто издавна получал, мы даем с трудом. А вы новенький. Для вас угля нет.

— Хорошо, а что будет зимой с моим счастливым семейным гнездышком?

— Можете получить уголь при одном условии.

— Каком?

— Если у вас в семье есть больные ревматизмом, приносите справку. Дадим четверть тонны.

Я побежал домой.

— Есть среди вас ревматики? — спрашиваю.

— Боже мой, — сказала теща, — неужели найдено лекарство? Уже десять лет, как я мучаюсь ревматизмом, видит аллах.

Никогда не следует пренебрегать тещей — может пригодиться и тещин ревматизм.

Мы получили справку.

Эх, дай только получить уголь, я тогда покажу тем, кто говорил: «Не получишь!» Вот пессимисты! Если есть больные, не здоровым же давать уголь?! Заболей ревматизмом — и тебе дадут.

Принес справку.

— Эта справка не годится, — сказали мне.

Наверное, подумали — фальшивая. Они правы. Теперь столько развелось фальшивых инженеров, судей, адвокатов и врачей! Откуда им знать, фальшивый или настоящий был доктор, который выдал справку. Потребовали справку от комиссии. Не может же быть фальшивой целая комиссия?..

Получить справку от комиссии труднее, чем получить уголь. После месяца упорной борьбы я получил наконец справку комиссии. Теперь-то я вздохнул свободно. Говорят, не дают угля... Конечно, не могут дать. Если ты не получишь справку, как же могут дать тебе уголь?..

Принес и эту справку.

— К сожалению...

— Почему? Вот справка.

— Это справка о ревматизме.

— Вы требовали справку о ревматизме, я и принес о ревматизме. Спросили бы справку о раке, я бы и о раке принес.

— Раньше мы давали уголь ревматикам, а сейчас не можем, поскольку и для них не хватает.

— О горе!.. Как же я буду обогревать семейное гнездышко?

— Нет ли у вас в семье больных туберкулезом? Теперь уголь даем только чахоточным.

— Нет.

— Ничем не можем помочь. Хочешь получить уголь — болей туберкулезом.

Я так разозлился на этих пессимистов! И смеют говорить, что не дают угля. Ведь вот дают же туберкулезным! Увидите, даст аллах, эту зиму перезимуем, а на следующий год всем нам дадут уголь. Рано или поздно от холода все мы заболеем туберкулезом.

Пока дают туберкулезным. А заболеешь туберкулезом — могут сказать:

— Для того чтобы получить уголь, нужно умереть, мы даем уголь, только чтобы согреть воду для обмывания покойника.

Говорят, не дают угля. Да разве в этом суть?! Главное — система, порядок. Если ты не умер, как же тебе могут дать уголь?

Вот получу уголь, принесу его и суну под нос тем, кто говорил: «Не получишь!»

Перевел с турецкого Н. Шилов.

Кастрюли со свистком

Наша священная обязанность — поддерживать национальную промышленность. Поэтому я искренне обрадовался, когда узнал, что представителей печати приглашают посетить завод по производству кастрюль со свистком. Представителей прессы — а нас собралось порядком — встречали у ворот. Директор завода оказался симпатичным и приветливым человеком. Он поднимался каждому навстречу, здоровался, брал под руку и усаживал в удобное кресло.

Я был очень рад, что наша национальная промышленность шагнула так далеко вперед, что освоила производство кастрюль со свистком. Предложив нам по сигарете, директор нажал кнопку звонка. Вошел опрятно одетый человек.

— Спроси у гостей, чего они желают,— распорядился директор.

Затем обратился к нам:

— У нас есть прекрасный клубничный сок.

Нас, газетчиков, собралось человек тридцать, и каждого угостили чаем, кофе или клубничным соком. Сначала поговорили о погоде, потом о местных кинофильмах, а затем перешли к обсуждению мер, которые следует предпринять для подъема нашего рыбного промысла. Рассказали несколько старых анекдотов, над которыми все весело посмеялись. Среди нас было немало остряков-самоучек, и кабинет директора немедленно превратился в балаган — каждый изошрялся, как мог. Один заводской инженер принялся даже рекомендовать газетчику, который жаловался на геморрой, эффективное средство лечения. Потом директор завода любезно пригласил всех нас отобедать.

Длинный стол ломился от всяких яств. Чего тут только не было: и баранина, и икра, и дичь, и даже свинина,— не хватало только птичьего молока.

За столом так много смеялись, что один из наших коллег чуть было не отдал богу душу, подавившись куриной костью.

После обеда выпили кофе и покурили. У многих газетчиков, освещающих экономические вопросы, было еще много других неотложных дел, и большинство, попросив прощения у директора, вскоре удалилось.

Известно, газетчики всегда в курсе всех дел. И оставшиеся принялись авторитетно рассуждать о музыке и атомной бомбе, о театре и реактивных самолетах.

Пробило пять.

— Пожалуйста в буфет! — пригласил директор.

Буфет был так роскошен, что нам пришлось искренне пожалеть о том, что обед не успел еще перевариться в наших желудках. Чтобы пробудить аппетит, мы нажали на выпивку. Под холодную закуску выпили водки, под фрукты — вина, со сладостями — ликеру, с сухими фруктами — раки¹, с брынзой и орешками — пиво, а дальше без разбора всякие заграничные напитки вроде виски и джина.

Затем еще одна группа газетчиков удалилась. Придавая огромное значение развитию национальной промышленности, я решил подождать, пока нам не расскажут что-нибудь о заводе, выпускающем кастрюли со свистком.

К восьми часам вечера нас осталось трое: спортивный обозреватель, составитель кроссвордов и я, фельетонист.

Директор взглянул на нас, словно говоря: «Наелись, напились, чего еще ждете?»

Я тихонько спросил спортивного обозревателя:

— Что будем делать?

— Меня директор обещал отвезти на машине — вот я его и жду!

Другой оказался старым знакомым директора. Темы для разговора были исчерпаны. Смущаясь, я обратился к директору:

— Не могли бы вы рассказать немного о вашем заводе?

Директор как-то странно посмотрел на меня и, кусая карандаш, удивленно переспросил:

— А? Что? О заводе?.. Видите ли, наш завод... наш завод, так сказать, завод, выпускающий свистки... то есть, как их там, кастрюли со свистком. В день наш завод производит семь таких кастрюль. Когда я пришел на этот завод, его производительность была всего пять кастрюль в день. Я надеюсь, что в ближайшее время нам удастся довести его производительность до десяти кастрюль в день. Вам известно, что, в соответствии с программой нашего правительства, каждый гражданин должен

¹ Раки — турецкая виноградная водка, настоенная на анисе.

стать равно как владельцем дома, небольшого сада с бассейном и тентом, так и владельцем кастрюли со свистком. В связи с этим мы должны увеличить производственную мощность нашего завода...

Конечно, нам приходится сталкиваться с некоторыми трудностями. Но об этих трудностях я прошу вас в газете не писать, я говорю о них вам только частным образом. Материалы и части, необходимые для производства кастрюль со свистком, а именно: кастрюли, крышки, винтики, свистки и тому подобное — мы получаем из Америки. Но собираем мы все это здесь и выпускаем готовые кастрюли со свистком, политые потом турецкого рабочего. На эти кастрюли мы прикрепляем металлическую этикетку с надписью: «Сделано в Турции». Эти этикетки мы также получаем из Америки. В завод вложен смешанный турецко-американский капитал. Деньги наши, а идея — американская!..

Однако в последнее время части и материалы перестали прибывать, и в связи с этим мы испытываем трудности в производстве кастрюль со свистком. Наши кастрюли со свистком по своему качеству во всех отношениях намного превосходят кастрюли со свистком европейского и американского производства. Прежде всего звук наших свистков весьма приятен. Например, вы положили в кастрюлю фасоль, и она сварилась, так? В это время свисток издает такой мелодичный, ласкающий ухо звук, словно это не свисток, а сам Зеки Мюрен исполняет «Магнолию»¹.

А кастрюли американского производства свистят так неожиданно и пронзительно, что были случаи, когда беременные женщины от испуга преждевременно рожали. Кроме того, наши свистки свистят дольше. Словом, наша продукция во всех отношениях намного лучше иностранной.

Но, как я уже говорил, у нас нет необходимых частей и материалов. Свистков-то, слава богу, у нас в стране хватает, а вот кастрюль нет. Но мы нашли выход: производим пока и пускаем в продажу одни свистки. Можете взять свою собственную обыкновенную кастрюлю и варить в ней, а время от времени посматривать. Как только вскипит, берете в рот свисток и свистите, оповещая всех о том, что кушанье готово. Таким образом, вы становитесь владельцем не простой кастрюли, а кастрюли со свистком.

Кроме всего прочего, эта идея открывает ряд других преимуществ. При желании вместо свистка можно использовать также саксофон, скрипку или барабан. В таком случае кастрюля соответственно будет называться саксофонная, скрипичная или барабанная. Идея эта полностью принадлежит нам. Если, например, пища сварилась в барабанной кастрюле, то об этом услышат не только в доме, но и во всем квартале.

Я поблагодарил директора за полученные разъяснения и уехал.

На следующий день газетчики, присутствовавшие на обеде у директора завода, дали в своих газетах следующие заголовки: «Наша промышленность на подъеме», «Отечественные кастрюли со свистком намного превосходят европейские», «25 миллионов кастрюль со свистком в год!» и так далее в том же духе...

Перевел с турецкого Л. Медведко.

---

¹ Зеки Мюрен — популярный в Турции певец. «Магнолия» — одна из песен его репертуара.

Г. НОВОГРУДСКИЙ, А. ДУНАЕВСКИЙ

★

ПАУ ТИ-САН И ЕГО ТОВАРИЩИ

«В начале 1915 года, в разгар мировой империалистической войны, капиталисты держав Тройственного Соглашения в поисках дешевых рабочих рук обратили свой взор на Китай.

В числе стран, куда ввозились китайские кули, была и Россия.

В Европейскую Россию было ввезено около ста тысяч китайских чернорабочих. Их жизнь была тяжела и безотрадна. Рабочие не могли ни вернуться на родину, ни жаловаться, ни просить об улучшении условий своей жизни, так как на них смотрели, как на людей желтой расы, как на покупной товар, как на рабов. Их расстреливали, убивали, гноили в болотах и лесах, морили голодом. Китайские кули болели, сходили с ума, и никому до них не было дела...

Но вот настает Октябрьская революция. Лозунги III Интернационала проникли в самую гущу китайских рабочих, эти лозунги глубоко запали им в душу. И когда раздался клич: За оружие, на защиту Октябрьской революции! — десятки тысяч китайских кули добровольно вошли в ряды передовых борцов. Они испытали всю тяжесть гражданской войны на всех фронтах, они честно защищали лозунги и знамя III Интернационала, они честно и мужественно умирали».

(Из письма Всероссийского союза китайских рабочих в Народный комиссариат иностранных дел. 1 декабря 1920 года).

1. Три строки

Летом 1956 года в Ростове, куда мы приехали по своим литературным делам, нам попался на глаза сорокалетней давности документ — воспоминания видного революционного деятеля Закавказья Филиппа Махарадзе. В этих воспоминаниях, относящихся к дням гражданской войны, наше внимание привлекла одна фраза — всего три строки — о китайских бойцах. «Во Владикавказе (во второй половине июня 1918 года), — писал Махарадзе, —... имелся также маленький батальон из китайцев...»

Выписку из воспоминаний старого большевика показал нам историк Яков Никитич Раенко, с которым мы встретились в Ростовском областном партийном архиве. Он же назвал фамилию того, кто командовал некогда «батальоном из китайцев», — Пау Ти-сан.

Кое-что о китайских добровольцах мы к тому времени уже знали. В годы гражданской войны в Красной Армии служило немало китайских бойцов. Дрались на полях России и отдельные китайские красноармейские подразделения. Но сколько их было, где дрались, как воевали — на этот вопрос до сих пор никто определенно и обстоятельно ответить не мог.

В воспоминаниях Махарадзе мы впервые нашли точное наименование подразделения и места, где воевали китайские бойцы. Кто знает, не заслуживает ли Владикавказский китайский батальон славы знаменитых интернациональных частей времен гражданской войны — польской, чехословацкой, югославской?

А Пау Ти-сан? Кто этот человек? Не должен ли он стоять в одном ряду со Славо-ярмом Частеком, Каролом Сверчевским, Олеко Дундичем, Тойво Антикайненом?

Образ горстки безвестных китайских бойцов, сражавшихся на Тереке за дело революции, не мог не увлечь. Было решено пойти по следам Владикавказского батальона.

Раенко с присущим ученому спокойствием старался остудить наш пыл. Ему довелось составлять «Хронику исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье», и он хорошо знал, как скудны исторические источники о китайских добровольцах.

Яков Никитич сослался на вышедшую в 1935 году книгу С. Рабиновича «История гражданской войны».

— Это единственный из известных мне трудов,— сказал он,— где о китайцах красноармейцах кое-что говорится. Но и там им посвящены считанные строки. И все по той же причине — материалов нет.

Но доводы Якова Никитича не произвели впечатления. Мы тогда еще не представляли себе действительных трудностей задуманного. Исполненные веры в успех, мы отправились в город Орджоникидзе, упоминающийся в записях Филиппа Махарадзе под старым именем — Владикавказ.

Приехали. Был воскресный день. Из всех нужных нам учреждений открыт был только музей С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе. Материалов, освещающих историю гражданской войны на Северном Кавказе, в музее оказалось великое множество. Подобранных, систематизированных, научно обработанных. Однако среди сотен папок музейных фондов нас интересовала только одна — о китайцах, воевавших в здешних местах.

И ее-то как раз не оказалось. Лидия Дмитриевна Бирюкова, хранительница фондов музея, выложила перед нами на стол только одну справку и две короткие, сделанные музейными работниками записи воспоминаний.

Справка гласила:

«Выписка из книги учета сотрудников артели «Труд слепого»:

Ян Си-сян Василий, рабочий из Мукдена (Китай), быв. красногвардеец, год рожд. 1882.

Уволен по собственному желанию в 1936 г.

С 1936 г. по 1952 г. находился в доме инвалидов. Проживал ул. Яшина, 11.

Умер 23 апреля 1952 года».

В списке имен китайских бойцов — участников гражданской войны мукденец Ян Си-сян стоит у нас первым. Но все, что мы могли узнать о нем, укладывалось буквально в одну короткую фразу — человек жил и умер¹.

Вторым стояло имя Лю-сю. О нем музейные материалы рассказывали несколько больше. Он, как было видно из записи, «входил в состав китайского отряда, который принимал активное участие в боях против контрреволюционных сил».

— Жив? — спросили мы о Лю-сю.

— Жив.

— И адрес есть?

— Адреса нет. Года полтора или два назад он куда-то уехал.

Один умер, другой уехал в неизвестном направлении.

Оставался третий музейный документ — короткие воспоминания Григория Васильевича Третьякова.

¹ Через год после нашего первого приезда в г. Орджоникидзе, в газете «Социалистическая Осетия» появилась статья, в которой мы нашли уже знакомое нам имя. «На одном участке фронта под станицей Ермоловской,— писала газета в статье, посвященной дням гражданской войны,— боец Ян Си-сян бесстрашно вступил в единоборство с вражескими броневедомолами. У него не было гранат, чтобы подорвать тяжелую машину и уничтожить башенный пулемет, наносивший красным бойцам тяжелый урон. Но когда броневик оказался около его окопа, Ян Си-сян одним прыжком оказался на бронеплощадке и ударом винтовки согнул ствол башенного пулемета. Винтовка разлетелась в щепы, но искалеченный пулемет умолк, и броневик был обезврежен и захвачен вместе с его экипажем».

Имя Ян Си-сяна упоминается также в сообщении И. Понятовского, напечатанном в «Ученых записках» Научно-исследовательского института в Нальчике (том XI, 1957): «Оставшийся в горах т. Ян Си-сян партизанил на Тереке, взрывал в тылу у белых штабы, арсеналы...»

«Весной 1918 года,— писал Третьяков,— группа контрреволюционеров в количестве 10 человек перебрасывала из села Ольгинского в Архонку на пяти бричках оружие. Наш пост их задержал и позвонил мне в отряд.

Я взял пять человек из китайской роты и поехал на место происшествия...»

Китайская рота... Если бы удалось найти Григория Васильевича Третьякова!

К счастью, Третьяков был на месте. Нам дали его адрес, а заодно и адреса нескольких ветеранов гражданской войны, которые могли помочь в наших розысках.

На следующий день мы побывали у Григория Васильевича, потом с помощью горкома партии собрали стариков ветеранов. Из их слов выяснилось, что китайское подразделение проявило себя не только в июньские дни 1918 года, о которых писал Филипп Махарадзе, но и в еще более грозные августовские дни того же года, когда решалась судьба советского Терека. «Маленький» батальон к тому времени был уже не маленьким, а насчитывал около шестисот штыков.

Бойцы Пау Ти-сана воевали за Прохладную, Грозный, Кизляр, Астрахань, участвовали в освобождении Закавказья...

Но и эти сведения были, конечно, самые общие. Они напоминали редкие, далеко отстоящие друг от друга вехи в степи. Трудно по ним ориентироваться.

Началась работа в архивах, музеях, библиотеках, бесконечное перелистывание комплектов старых газет. Мы переписывались и встречались с людьми.

Куда бы мы ни приезжали, с кем бы ни говорили, достаточно было рассказать о цели поисков, и нам сразу во всем шли навстречу.

Майор Г. Авдиенко из Ростовского областного управления милиции откликнулся на нашу просьбу о розысках китайских ветеранов письмом.

«Выполняя вашу маленькую просьбу,— писал он,— я смог установить в городе Ростове-на-Дону несколько человек, хорошо знающих многих китайцев.

Вот некоторые из них:

Тан Чан-сан, 1896 года рождения, проживает в г. Москве.

Чан Фан-юн Петр Иванович проживает в настоящее время в совхозе № 10 или в самой станции Раздорской, Раздорского района, Каменской области. Лица, хорошо его знающие, говорят, что он имеет ряд фотографий периода гражданской войны.

Моисеенко Иван Иванович (китайскую фамилию его мне не смогли назвать) проживает в г. Нальчике. Характеризуется рядом лиц как человек, положительно рекомендовавший себя в гражданскую войну.

В дальнейшем, если мною будет добыто что-либо интересующее вас, я вам сообщу, а пока извините, что не смог вам помочь в вашей работе».

Напрасно майор Авдиенко так скромно оценивал результаты своих усилий. Он нам много помог, как и другие люди, с которыми мы встречались на пути поисков. Так, собственно, и создавался этот во многом коллективный труд.

Постепенно наши блокноты заполнялись названиями множества сел, станиц, поселков, фамилиями людей. Но, узнав фамилию, мы далеко не всегда могли узнать и адрес, по которому живет интересующий нас человек. Ответы на наши запросы, иногда положительные, иногда отрицательные, приходили из десятков мест.

Написали мы и в центральное правление Общества китайско-советской дружбы и приложили к письму довольно пространний список китайских добровольцев — участников гражданской войны. По некоторым данным, мы предполагали, что они вернулись на родину.

Мы назвали Лау Сиу-джау — председателя Всероссийского союза китайских рабочих, депутата Петроградского Совета. Его имя упоминается в приложениях к XXIII тому Сочинений В. И. Ленина. 30 ноября 1918 года, сказано там, Владимир Ильич беседует с представителями кантонских рабочих Лео Сю-чжао¹ и с Чжан Ин-чун.

Назвали Чи Тай-кунта, чье имя удалось обнаружить в списках депутатов Моссовета первого созыва и в сообщении о пленуме Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов в феврале 1919 года.

Назван был Жен Фу-чен. О нем газета «Беднота» в 1918 году писала: «В борьб»

¹ Другая транскрипция фамилии. На всех сохранившихся документах он подписывался Лау Сиу-джау.

против белочехов участвует несколько отрядов, организованных из китайских бедняков китайским коммунистом тов. Жен Фу-ченом».

Написали мы о красноармейце Ли Фу-цине, которого нам особенно хотелось разыскать. И вот почему. Ван Шу-шан, бывший красногвардеец, живущий сейчас на покое в Таганроге, рассказал нам, что он знал бойца Ли Фу-цина, который учил Ленина китайскому языку. Легко понять, как заинтересовало нас сказанное Ваном. Мы допытывались подробностей, но узнали немного: вступив в Красную Армию, Ли Фу-цин, по словам Вана, попал в Петроград, нес караульную службу в Смольном...

Вскоре из центрального правления Общества китайско-советской дружбы пришел ответ.

«Имена китайских участников гражданской войны,— писал заместитель генерального секретаря общества Гэ Бао-цюань,— представляют для нас исключительный интерес. Они дают нам возможность собрать конкретные материалы. Мы разослали ряд писем в соответствующие организации с просьбой разыскать этих китайцев... Надеемся, что мы будем сотрудничать в осуществлении этой благородной задачи по ознакомлению читателей с участием китайцев в борьбе за Великую Октябрьскую социалистическую революцию, с их участием в гражданской войне».

Но найти десяток человек в людском океане не просто. Тем более, что китайские фамилии на русском и китайском языках звучат по-разному. Это создавало дополнительную трудность для поисков. Китайские товарищи могут правильно понять, о какой фамилии идет речь, лишь тогда, когда она дается в иероглифическом начертании или в совершенно точной транскрипции. А нам приходилось воспроизводить фамилии китайских бойцов так, как они значились в старых документах и справках или как звучали в произношении тех, кто их называл.

Надо ли удивляться, что из названных в письме ветеранов гражданской войны удалось найти в Китае только Ли Фу-цина, того самого Ли, который стоял на часах в Смольном и разговаривал с Лениным.

Но пока искали одних, нашлись другие. В ноябре 1957 года с делегацией Общества китайско-советской дружбы в Москву на празднование сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции приехала группа участников гражданской войны в СССР.

Телефонный звонок из гостиницы «Украина». Звонит дежурная по этажу.

— Одну минуточку,— предупреждает она.— С вами будет говорить тот, которого вы разыскиваете. Передаю трубку товарищу Ли Фу-цину.

Оказывается, перед поездкой в Москву Ли Фу-цину сказали в Обществе китайско-советской дружбы, что им интересуются два московских литератора, и дали наши адреса.

Мы встретились в гостинице с ветераном Ли, как будто виделись уже не раз. Разговор сразу зашел о Ленине. Да, Ли служил в отряде, который охранял Смольный, почти ежедневно видел Ленина.

— Сколько буду жить,— говорил нам Ли Фу-цин,— буду помнить те дни, когда я стоял на часах в Смольном. Это было в начале 1918 года. Мы несли у Смольного караульную службу — я и еще три моих товарища. Как-то стоим на посту, а мороз сильный, и ветер во всю задувает. Кто служил солдатом, тот знает, как тяжело бывает часовому в такую погоду. Раз надо, стоим. Вдруг смотрю — идет Ленин. Я был за старшего. Увидев, что Ленин подходит, громко подаю команду: «Смирно!» Неожиданно для нас Ленин остановился, покачал головой и сказал: «Такой холод, а вы на самом ветру. Ну-ка, мигом в коридор! Там в стене дымоход и вообще потеплее».

В другой раз Ленин спросил Ли Фу-цина:

— Ну как, привыкаете? Как питаетесь? Как живете?

— Живем хорошо и питаемся неплохо,— ответил Ли.

— Разве можно сравнить с тем, как мы жили раньше! — добавил боец по имени Ван-Цай.

— Да! — согласился Ленин.— В сравнении с прошлым жизнь стала чуть-чуть лучше, но этого еще недостаточно. Вот построим советское государство, тогда и живем как следует.

Поговорив еще, Ленин заметил Ли Фу-цину:

— А вы пока еще слабо говорите по-русски. И ваши товарищи тоже. Изучайте русский язык, он вам пригодится. Вам легче будет понять все то, что происходит сейчас в нашей стране.

Ленин советовал китайским бойцам учиться и сам не стеснялся учиться у них разговаривать по-китайски.

Однажды он спросил, как по-китайски «здравствуй».

— Ни хао,— ответил Ли Фу-цин.

Ленин спрашивал, как по-китайски «кушать», «пить чай». Бойцам, конечно, это было очень приятно. Они наперебой объясняли: «кушать» будет «чи фань», «пить чай» — «хэча». Стараясь запомнить незнакомые китайские слова, Ленин несколько раз повторил их вслух, а потом, вынув из кармана книжечку, записал.

— На следующее утро,— продолжал свой рассказ Ли Фу-цин,— Ленин приветствовал часового китайца: «Ни хао, товарищ».

Ли, стоявший в тот день на часах, ответил: «Ни хао, товарищ Ленин».

Не забыл Ленин и о том, что китайским бойцам следовало бы учиться русскому языку. Он прислал им учительницу. На первом уроке она дала каждому бойцу по букварю и сказала: «Это вам от Ленина. Владимир Ильич специально распорядился обеспечатить вас букварями».

Ли Фу-цин рассказал, как он и его друг Ван попали на прием к Ленину. Весной часовым выдали новые сапоги. Те, что получили китайские бойцы, были непомерно велики. Ли и Ван попросили обменять их. Им отказали. Тогда они решили обратиться к Ленину. Они помнили, как Владимир Ильич говорил им: «Если понадобится, обращайтесь ко мне».

Взяв под мышку сапоги, Ли и Ван отправились в приемную председателя Совнаркома. Они были уверены: Ленин примет их.

Дежурная уступила настойчивой просьбе молодых китайских бойцов и позвонила Ленину.

Владимир Ильич был в комнате один. Он сидел за большим столом и что-то писал. Когда бойцы вошли в кабинет, Ленин встал из-за стола.

— Ни хао, товарищи. Садитесь, рассказывайте, с чем пришли?

— Товарищ Ленин,— начал Ли Фу-цин,— нам сапоги не по ноге выдали, носить нельзя. А менять не хотят.

— Как не хотят? — пожал плечами Владимир Ильич.— Сапоги для бойца очень важная вещь. Солдат без хорошо подогнанной обуви — не солдат.

Ленин взял карандаш и что-то написал. Потом вызвал секретаршу и передал ей записку. Что в ней было написано — Ли не знает, но только для бойцов вскоре нашлись сапоги по ноге.

В годы гражданской войны Ли Фу-цин попал в Первую Конную армию, громил белоказаков на Дону, дрался на польском фронте, рубил врангелевскую конницу под Перекопом¹. Четыре раза был ранен. После окончания войны вернулся в Москву, поступил в военное училище.

Когда умер Ленин, Ли вместе с курсантами военного училища стоял в почетном карауле у гроба.

Все пережитое в России навсегда запомнилось Ли. Вернувшись на родину, Ли вступил в китайскую Красную Армию. Однополчане, не раз слушавшие рассказы Ли о России, о Ленине, называли Ли Фу-цина солдатом Ленина.

¹ Одного из своих соратников по Первой Конной армии, Леонтия Петровича Дрожжина, Ли Фу-цин встретил в Киеве, где делегация Общества китайско-советской дружбы побывала после Москвы.

Друзья в тот день не расставались. В доме Л. Дрожжина Ли Фу-цин увидел пожелтевший от времени фотоснимок бойцов Первой Конной. Среди них был и он, юный Ли, помощник командира отделения разведки 36-го кавполка.

«История этой встречи,— сообщил журнал «Украина» в апреле 1958 года,— вскоре стала известна всему Китаю. Почти все газеты Китайской Народной Республики напечатали статью корреспондента агентства Синьхуа «Ли Фу-цин встретился в Киеве с боевым соратником».

2. Встречи на дорогах

Китайские ветераны гражданской войны, приехавшие в Москву, ошутимо пополнили наши материалы. Становились яснее обстановка и обстоятельства, при которых забитые китайские кули превращались в бойцов революционной армии.

Много нового нам сообщила «тетрадь Федина» — так называли мы ученическую тетрадку с записями воспоминаний бывшего комиссара Павлоградского полка Андрея Харитоновича Федина.

Но прежде расскажем, как она попала к нам.

В наших поисках мы не были одиноки. Главное политическое управление Министерства обороны СССР помогло нам привлечь к сотрудничеству военные комиссариаты, работников политотделов. Газета Северо-Кавказского военного округа «Красное знамя» призвала ветеранов революции поделиться своими воспоминаниями. Среди откликнувшихся на этот призыв был начальник политотдела Краснодарского крайвоенкомата полковник Буркин. Он сообщил о нескольких ветеранах китайцах, живущих сейчас в Краснодарском крае.

«Кроме того,— писал полковник Буркин,— установлено, что была рота китайских добровольцев в количестве 180 человек в составе 1-го Павлоградского революционного полка. Комиссар этого полка, ныне персональный пенсионер тов. Федин Андрей Харитонович, проживает в Горяче-Ключевском районе, поселок Кутанс.

Воспоминания тов. Федина А. Х. прилагаю».

Так оказалась на нашем столе тетрадь Федина. Она заключала в себе много интересного.

«Павлоградский революционный полк,— писал Андрей Харитонович,— выступил из ст. Лабинской в первых числах мая 1918 года. Наши два эшелона прибыли на станцию Тихорешкая и были поставлены на свободные пути. Рядом с нами оказалось восемь товарных вагонов, в которых находились китайцы. Увидев нас, вооруженных, с красными лентами на кубанках, китайцы начали нас горячо приветствовать. Мы группой бросились к ним. Они потянули нас к себе в вагон. После крепких и долгих объятий начались взаимные расспросы, но ни китайцы, ни мы не находили слов, чтобы объяснить.

В этот момент быстро вскочили в вагон три товарища китайца, один из которых довольно хорошо говорил по-русски.

От него мы узнали, с кем имеем дело. Оказывается, это рабочие-китайцы, которые были завербованы на строительство Черноморской железной дороги¹, где работали свыше двух лет. Теперь они едут в Москву и дальше к себе на родину».

Китайцы расспрашивали Федина, верно ли, что красные отбирают у помещиков землю, что Советы не делят людей на белых и желтых. Дальше беседа получила неожиданный поворот. Кто-то из китайцев заговорил об опиуме, о том, что Советская власть не дает поблажки ни тем, кто им торгует, ни тем, кто его курит.

Тогда встал средних лет китаец и, глядя то на комиссара, то на своего земляка, вспоминавшего про опиум, стал что-то говорить. На лице его появилось торжественное выражение.

Оказывается, кули в залатанных синих хлопчатобумажных штанах излагал, как сообщил переводчик, статью Ленина «Китайская война», написанную им в 1900 году и посвященную ихэтуаньскому восстанию. Как она дошла до этого китайского рабочего, неизвестно. Но факт остается фактом: китаец хранил в памяти бичующие ленинские слова о европейских колонниалистах, применивших насилие для того, чтобы получить в Китае право торговать опиумом.

Вокруг Федина и его собеседников собралось много бойцов. Все жадно слушали разговор. Дело кончилось тем, что на станционной платформе состоялся митинг. Крас-

¹ В Государственном архиве Грузинской ССР мы нашли впоследствии документ, свидетельствующий о том, в какие условия были поставлены китайские рабочие на строительстве Черноморской железной дороги,— «Действующие правила об условиях применения в Российской империи труда рабочих желтой расы». Согласно этим правилам на каждые сто китайских рабочих выделялся один стражник для полицейского надзора; самовольный уход китайцев с работы карался тюрьмой. Завербованные китайские рабочие были, по сути дела, людьми подневольного труда.

ноармейцы стояли вперемешку с китайскими рабочими. С багажной тележки, заменявшей трибуну, произносились горячие речи.

— Мы за Советскую власть,— говорил китаец переводчик,— мы тоже ненавидим буржуев, только у нас нет оружия. Многие из нас хотят вступить в Красную Армию, примите нас...

— Примем! — кричали в ответ красноармейцы.

Ночью от Тихорецкой в сторону Крыловской отошел воинский эшелон с прицепленными к нему добавочными теплушками. В них расположилась рота китайцев добровольцев, присоединившихся к Павлоградскому полку. Командиром нового подразделения стал молодой китаец, служивший Федину переводчиком; бойцом одного из взводов был другой знакомый Федина — тот, что говорил о ленинской статье.

Уже на следующий день китайская рота получила боевое крещение. Под станцией Екатеринбургской произошел бой с белоказаками. Китайцы дрались стойко и мужественно.

«Могу в заключение сказать, что у меня осталось совершенно неизгладимое впечатление об этих замечательных людях Китая, самоотверженно боровшихся в первой стране Советов за торжество социализма и коммунизма».

Этими словами заканчивалась тетрадь Федина.

Примерно в то время, когда павлоградцы вели под Екатеринбургской ожесточенный бой с белоказаками, с Украины на Северный Кавказ отходил отряд харьковских красногвардейцев во главе с Григорием Третьяковым. На какой-то станции под Таганрогом харьковчане столкнулись с группой голодных, оборванных китайцев. Те жалась в стороне, но потом осмелели, подошли ближе и заговорили. Они бежали с Приднепровья, где украинские националисты зверски расправлялись с китайцами за их сочувствие большевикам¹.

Григорий Васильевич Третьяков, рассказавший нам об этом эпизоде, вспоминает, как китайцы, поговорив с бойцами, стали просить, чтобы их приняли в отряд.

— Вы что, из-за харчей идете? — напрямик спросил Третьяков.

Прежде чем ответить, китаец, говоривший с Третьяковым, что-то произнес на своем языке, и его товарищи, как по команде, показали свои загоревшие ладони.

— Видишь, руки,— сказал китаец,— раз руки есть — харчи тоже есть. Нам твой хлеб не нужен.

Хотя Третьяков рад был пополнению, но все же возразил:

— Вы же меня не знаете, может быть, я как командир не подхожу вам?

Китаец переводчик ответил с полной серьезностью:

— Скажи, какой ты командир есть, мы думать будем.

Третьяков коротко рассказал о себе. Он харьковский рабочий, был на фронте, получил четыре георгиевских креста. Его и выбрали командиром, потому что он военное дело знает.

Китайцы, выслушав, оживились:

— Рабочий — хорошо... Мы тоже рабочие... Нам такой годится.

— Ну, коли годится,— сказал Третьяков,— тогда слушай мою команду: первым делом — косы долой.— Григорий Васильевич и в мыслях не допускал, чтобы в его отряде могли быть красноармейцы с косами.

Китайцев требование командира смутило. Они стали совещаться. Попробовали упрямить Третьякова:

— Китайский солдат коса не мешает.

Но Третьяков был непоколебим.

— Ладно, командир, режь...

В ход были пущены ножницы.

Так появились в отряде новые бойцы.

¹ Расправу над китайскими тружениками белогвардейцы учинили в тех местах и позже. В «Известиях ВЦИК», в номере от 27 марта 1919 года, сообщалось о телеграмме Харьковского отдела Всероссийского союза китайских рабочих Г. В. Чичерину.

«В первых числах февраля,— говорилось в телеграмме,— в Мелитополе бесчеловечно замучено белогвардейцами свыше полсотни китайцев, уроженцев провинций Хубэй и Шаньдун. В числе погибших 11 женщин и 23 детей».

3. Московская листовка

Во Владикавказе, куда пришел отряд Третьякова, слышалась на улицах осетинская, русская, украинская, ингушская речь. В то время здесь по совету Ленина формировались национальные части. Правительство Терской республики решило создать и отдельное китайское подразделение.

Харьковские красногвардейцы еще только осваивались во Владикавказе, когда командир их получил приказ откомандировать китайских бойцов в китайскую интернациональную роту, находившуюся в распоряжении военного комиссара. Третьяков рассказывал нам, как не хотелось ему лишаться стойких, дисциплинированных, исполнительных бойцов, как он пошел отстаивать их к Ною Буачидзе, возглавлявшему в то время Советскую власть на Тереке. Выслушав командира, председатель Совнаркома стал терпеливо растолковывать ему смысл приказа. Отдельное китайское подразделение необходимо было создать хотя бы потому, что каждый день группами и в одиночку приходят китайские добровольцы и требуют, чтобы их приняли в Красную Армию. «Мы не представляли себе, что среди этих людей так сильны революционные настроения,— говорил Буачидзе.— Приходят и говорят: «Хотим, как московские китайцы, Советы защищать». Даже листовку из Москвы доставили в подтверждение того, что там идет запись китайских добровольцев в Красную Армию».

Упоминание о листовке особенно заинтересовало нас. Мы стали добиваться у Третьякова подробностей.

— Ну что я помню? — сказал он. — Помню, что листовка была на двух языках: справа русский текст, слева — китайский; что подписана она была китайской фамилией; что составлен был документ хорошо, складно, с подъемом. Беритесь, дескать, братья китайцы, за оружие, идите в Красную Армию, громите мировую буржуазию. В конце адрес стоял: запись добровольцев производится там-то и там-то... Да, вот еще что: адреса, конечно, в памяти не осталось, но одна деталь запомнилась. К адресу, кроме названия улицы и номера дома, добавлялось: возле храма Успения или Спасителя... что-то в этом роде.

Мы начали поиски листовки. «Напрасно только время тратите,— убеждала нас Клавдия Ивановна Любавская, заведующая читальным залом Центрального государственного архива Красной Армии и большой знаток документов времен гражданской войны.— Будь где-нибудь такая листовка, она бы давно на музейный стенд попала. Это ведь реликвия! Не могла она остаться незамеченной».

Но мы продолжали искать. Не мог Третьяков выдумать историю с листовкой.

Велика же была радость, когда, роясь в старых комплектах газет, мы нашли в номере «Правды» за 9 мая 1918 года, в разделе «Красная Армия», такое обращение:

«ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОЦИАЛИСТАМ-КИТАЙЦАМ. Товарищи! Вы все, которые ушли из Китая, буржуазной республики, где под неопишущим гнетом страдают кули, вы, которые в Советской России ищите приюта, вы, революционеры в революционной стране, примкните к нам!

Нас сражалось 1 800 человек против капиталистических орд румын, гайдамаков и немцев, и мы не сложим оружия, пока или не погибнем, или не будут побеждены отряды всемирной контрреволюции.

Революционные братья-китайцы! Кто за освобождение поработенных, в наши ряды! Кто на защиту власти рабочих и крестьян, иди с нами! Все преграды и стены должны рухнуть, и раскрепощенные кули Китая должны соединиться с победоносным пролетариатом всего мира.

Товарищи! Все в ряды Красной Армии, в ее китайский батальон. Подчиним свою волю революционной дисциплине, чтобы тесно сплоченными противостоять капиталистическим армиям».

Под обращением стояла подпись командира батальона Сан Фу-яна. Чуть ниже — адрес батальона: Москва, Нижний Лесной переулок, дом № 2, кв. 2, против храма Спасителя.

Да, сомнений нет, это была та самая «московская листовка», о которой говорил Третьяков.

Мы узнали из нее о сравнительно крупном китайском подразделении, сражавшемся с румынами, гайдамаками и немцами, и об организаторе китайских вооруженных сил Красной Армии — Сан Фу-яне.

То, что Сан Фу-ян — фигура не случайная, подтвердили многие документы, обнаруженные нами в дальнейшем. Это был революционер, сыгравший крупную роль в создании китайских отрядов Красной Армии. Газета «Красная Армия» (Петроград) 6 июня 1918 года писала о нем:

«Организатор китайских красных батальонов Сан Фу-ян происходит из бедной семьи пограничного коменданта. Испытавший с детства нужду и горе, он примкнул к социалистической китайской партии, принимал участие в революционных выступлениях.

Находясь в России во время наступления румын на советские войска, он предложил заседавшему в г. Тирасполе съезду второй революционной армии сформировать китайские красные батальоны.

Красные китайские отряды избираются исключительно из бедняков, рабочих и шахтеров... Строгая дисциплина и выдержанность дают отрядам непоколебимую стойкость и силу: с боев они уходят последними».

В том же 1918 году в газете «Беднота», № 51, был напечатан портрет Сан Фу-яна. Волево, мужественное лицо человека лет тридцати, фуражка с пятиконечной звездой, белый подворотничок, аккуратно выглядывающий из-под ворота хорошо подогнанной тужурки.

А затем мы прочитали «Воспоминания старого красноармейца»...

Однако будем рассказывать по порядку.

В Москве, за Преображенской заставой, живет сейчас ветеран гражданской войны, пенсионер Тан Чан-сан. Свою службу в Красной Армии он начинал под Тирасполем, в том самом китайском батальоне, о котором писала газета «Красная Армия». Тан рассказал нам, как создавался батальон.

Весной и летом 1917 года в бараки, где жили китайские рабочие, часто приходили русские товарищи и объясняли, что происходит в стране. Однажды с одним из русских пришел на лесоразработки китаец. Это был Сан Фу-ян.

Сан Фу-ян дольше других жил в России, неплохо говорил по-русски. Он был первым большевиком китайцем, которого кули увидели, и он на многое открыл им глаза.

Пожив в бараке и ближе сойдясь со своими земляками, Сан Фу-ян предложил им организовать китайский отряд Красной гвардии.

— Настало время великой борьбы,— говорил Сан Фу-ян.— Наша судьба и судьба наших детей зависит от того, победят или не победят в России рабочие и крестьяне. Нам нельзя оставаться в стороне.

Несколько сот китайцев записались в отряд, и среди них был Тан.

Он рассказывал нам, как китайские добровольцы вместе с конными полками заамурцев дали бой немцам под Одессой, как дрались под Раздельной. Но вот что было странно: командиром отряда, по словам Тана, был не Сан Фу-ян. Имя, которое он называл, звучало примерно так — Я Ки-лау. Его мы без всякой уверенности и записали. По словам нашего собеседника, Я Ки-лау стал скоро большим начальником, командовал дивизией.

Какой?

Тан отпартовал название дивизии с гвардейской четкостью — 45-я стрелковая Краснознаменная Волынская.

Вот как! Мы заинтересовались: прославленной дивизией командовал, оказывается китаец. Но тут вдруг выяснилось новое обстоятельство. Тан не считает Я Ки-лау китайцем. Он по-китайски слова не мог сказать.

Обратились к истории 45-й дивизии. Ее издали в двадцатые годы в серии книг, освещающих боевой путь воинских соединений.

Как только мы раскрыли книгу, сразу же все стало ясно. В годы гражданской войны дивизией командовал Иона Эммануилович Якир. Он же командовал Тираспольским китайским отрядом. Об этом рассказывалось в написанных И. Якиром «Воспоминаниях старого красноармейца», напечатанных в той же книге.

Китайскому отряду в «Воспоминаниях старого красноармейца» было уделено немало страниц. И. Якир писал:

«Мне пришлось, кроме того, командовать — и чем бы вы думали! — «Китайским батальоном».

Я думаю, что это был первый китайский батальон в Рабоче-Крестьянской Армии. Создался он так...

...Был я дежурным по отряду, лежал на соломе в хате... Под утро кто-то будит в сотый раз... Продрал глаза — предо мной в какой-то синей кофте китаец. Произносит одно слово:

— Васики. Я мой Васики...

— Что тебе? — спрашиваю.

— Китайси надо?

— Какие тебе китайцы?..

А он все свое твердит:

— Китайси надо?

Так я его и не понял...

...Часа через два тот же китаец вошел в штаб и знаками предложил нам выйти во двор. Вышли и поняли: во дворе в строю стояли человек 450 китайцев. По окрику «Васики» они подтянулись, взяв, вероятно, «смирно». Оказывается, румыны по подозрению в шпионаже расстреляли трех китайцев. Китайцы в тылу фронта работали на лесной порубке, вот они озлились на румын и пришли к нам. Голые они были, голодные. Ужасную картину представляли собой.

Людей у нас было мало, оружия много, не вывезешь, все равно придется оставлять, ну и решили мы — чем не солдаты? Будущее показало, что прекрасные солдаты были... Обули, одели, вооружили. Смотришь — не батальон, а игрушка. Вот меня и назначили ими командовать и направили нас на оборону старой Тираспольской крепости»

Упоминает И. Якир и о Сан Фу-яне, фамилию которого он пишет в несколько иной транскрипции:

«Сподручными у меня были — первый знакомец «Васика» и один китаец Сэн Фу-ян, именовавший себя капитаном китайской службы. Хороший был солдат. Он-то, собственно, и командовал, а я так — верховное руководство проводил».

Судьба Тираспольского китайского отряда сложилась трагически. В районе Қалача он почти весь был уничтожен белоказаками, и не в бою, а после того, как бойцы сложили оружие.

— Почему вы сдали оружие? — допытывались мы у Тан Чан-сана.

— Приказ был.

— В плен попали?

— Зачем плен... С Украины в Россию шли. Разве китайцы в плен сдавались?..

Верно. Китайцы красноармейцы в плен не сдавались. Свидетельством этому может служить заметка, напечатанная в «Известиях Великолукского Совдепа» 15 июля 1919 года. Факт, приведенный в ней, потрясает. В сообщении с Западного фронта автор заметки В-ов рассказывает о попавшей в окружение красноармейской роте. «В пулеметном взводе была группа китайцев, лучших красноармейцев в роте, и они, оставшись одни, скосили значительное количество цепей противника; когда же вышли все патроны, не желая постыдно сдаваться, на глазах противника, став во весь рост, перестреляли друг друга. Долг же свой исполнили до конца, чем вывели из опасности и дали оправиться соседней части... Рабочие-китайцы, вдали от родной земли, сознательно жертвующие свои жизни на алтарь революции, — это ли не торжество революции над всеми капиталистическими предрассудками и пережитками!»

Но что же все-таки произошло в районе Қалача, почему ставропольцы и китайские бойцы сдали оружие?

Ответ на наш вопрос мы нашли у И. Якира, в его «Воспоминаниях». По условиям, продиктованным немцами после Брестского мира, вооруженные отряды, переходящие с Украины в Россию, должны были на пограничных пунктах сдавать оружие.

«...Шли тремя колоннами, — рассказывает Якир, — среднюю Борисевич вел, полковник, что раньше ставропольцами командовал, тут же и китайцы мои...

...Дисциплинированный был человек Борисевич, ну и отдал распоряжение сдать оружие, а дальше двигаться так... Только стали наши сдавать оружие, выскочили из деревни два эскадрона (белоказак. — *Ред.*) и стали обезоруженных рубить, остальных

в плен брать. Китайцев — тех не миловали. Изуверы, говорят, нехристи, шпионы немецкие¹. Эгих почти всех порубили. Борисевич было кинулся спасать: «Как же так — под честную уговорились, мы приказ выполнили, а вы...» Не дали и говорить, тут же и его, честного солдата, к этому времени понявшего уже смысл борьбы за Советы, зарубили».

Среди немногих оставшихся в живых был и наш знакомый Тан.

«Нас сражалось 1 800 человек...» — писал в своей листовке Сан Фу-ян, призывая китайских труженников вступать на смену погибшим в Красную Армию. И призыв был услышан. Вместо Тираспольского был сформирован Московский батальон.

«...В Москве,— писала «Беднота» 30 мая 1918 года,— образовался красноармейский батальон, состоящий исключительно из китайцев. Командует этим батальоном китаец Сан Фу-ян. Батальон расположен на Шаболовке и занимает большой каменный трехэтажный дом.

Везде образцовая чистота, поряд.к, люди опрятно одеты, чувствуется дисциплина».

Этим исчерпывались сведения об интересующем нас Московском батальоне. Как сложилась его судьба, где он сражался?

Некоторые данные говорили о том, что батальон был включен в состав 21-го Московского Советского полка, входившего в Московскую сводную бригаду. Так ли это? Требовались подтверждения, и мы нашли их с помощью ветеранов гражданской войны.

По радио была передана информация о заседании Ученого совета Института китайцеведения Академии наук СССР, где мы выступили с сообщением о первых результатах наших поисков. После передачи нас разыскал Николай Алексеевич Гажалов. В 1919 году он в течение нескольких месяцев был комиссаром китайского красноармейского отряда, состоявшего из горняков, работавших в Донбассе на шахтах «Иван» и «София». Первый бой с белогвардейцами они приняли в пригороде Юзовки (ныне — Сталино). Там китайскими бойцами был захвачен вражеский бронепоезд. Позже этот отряд вошел в состав 74-го стрелкового полка.

Прошло некоторое время, и Николай Алексеевич снова появился у нас, уже не один, а с тремя спутниками — тоже ветеранами гражданской войны, воевавшими некогда бок о бок с китайскими бойцами. Одним из них был старый оружейник Игнат Семенович Дармодехин, чинивший в селе Алферовке, под Новохоперском, винтовки и пулеметы китайских добровольцев.

— Это был московский батальон,— сказал он,— китайцы мне говорили, что они вступили в Красную Армию в Москве.

Был ли под Новохоперском 21-й Московский Советский полк?

Военный историк капитан Н. Попов, с которым мы часто встречались в читальных залах столичных архивов, подтвердил: «Да, о боях 21-го Московского полка за Новохоперск есть документы». Он передал нам разысканную им в Центральном государственном архиве Красной Армии аттестацию о боевой деятельности 21-го Московского полка, где упоминается и китайский батальон.

25 сентября 1918 года, свидетельствовал документ, в бою за Новохоперск китайский батальон сыграл решающую роль. Батальон бросился на пулеметы и цепь противника, быстро их смял².

¹ Продажная буржуазная печать, существовавшая в Советской России некоторое время после Октябрьской революции, сделала китайских труженников объектом своей грязной клеветы. Созданный Советским правительством Комиссариат по делам печати всячески боролся с этим. Здесь уместно привести заметку, опубликованную 17 марта 1918 года в «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и озаглавленную «Дела печати»:

«Новая петроградская газета» привлечена к суду союзом китайских граждан за напечатание статьи Фомы Райляна, в коей китайцы, проживающие в Петрограде, обвинялись в шпионаже в пользу Германии. По мнению китайских граждан, этой статьей китайцам нанесено оскорбление, причем они усматривают в факте помещения вышеупомянутой статьи провокационную попытку натравить читателей газеты на китайских граждан».

² В Центральном архиве Красной Армии хранится сообщение отделения информации и связи политотдела Реввоенсовета Южного фронта от 15 ноября 1918 года, где тоже упоминается о китайских боях из 21-го Московского полка.

«Приехавший из 21-го Московского полка красноармеец рассказывает о дружной жизни русских красноармейцев с китайскими. В полку батальон в 500 человек китайцев-интернационалистов. Китайцы дисциплинированы, терпеливы, стойки в бою».

Сколько безыменных могил воинов революции рассеяно по советской земле! Есть такая и в селе Алферовке близ Новохоперска, в ней похоронено восемнадцать героев из батальона Сан Фу-яна,— те, что «бросились на пулеметы и цепь противника».

Народ бережно хранит память о них. Недавно нам передали письмо Д. Кравцова, бывшего командира вооруженного отряда по борьбе с контрреволюцией при Алферовском волостном военном комиссариате. «В сентябре 1918 года мне, как командиру и коммунисту,— пишет Д. Кравцов,— было поручено Новохоперским уездным комитетом нашей партии похоронить с должными воинскими почестями павших смертью храбрых китайских бойцов. К великому сожалению, фамилии их мне не известны.

Павших товарищей сопровождали до могилы духовой военный оркестр, вооруженный отряд в количестве 100 человек и несколько тысяч граждан села Алферовки. Перед спуском тел в могилы был дан салют из пушек. Стреляла батарея, проходившая в тот день через село и специально задержавшаяся, чтобы принять участие в похоронах. Выступавшие на траурном митинге дали клятву отомстить врагам за наших дорогих товарищей китайских добровольцев».

4. «Датун-бао» — «Великое равенство»

11 января 1919 года в «Правде» была напечатана информация:

«На днях наш политический отдел,— сообщал корреспондент,— получил листки для китайцев. Для китайцев это было событие...

Наутро, зайдя к ним, мы разговорились, и они сообщили мне, что скоро все будет по-хорошему; на всей земле, во всех странах будут Советы, все будут работать; не будет так, что один много работает, а другой ничего не делает. Нет, этого не будет! Скоро очень, очень хорошо будет жить на земле. Только нужна сила, чтобы сломить белых. Все это они узнали из листка, хорошего листка, который они получили вчера. Славно видеть, как то, за что ты отдаешь свою жизнь, постепенно становится верой всех рабочих».

Итак, листовки на китайском языке издавались. А газета? Выходила ли в те годы газета для китайских бойцов?

Известно, что для бойцов-интернационалистов выходили газеты на венгерском, сербско-хорватском, польском, чешском, румынском, французском и других языках. Очевидно, существовала газета и для китайских добровольцев. Об этом свидетельствовали такие, например, документы, как телеграмма штаба III армии Восточного фронта, адресованная Народному комиссариату по военным делам 21 сентября 1918 года. В этой телеграмме давалась заявка на ежедневную присылку в армию семи тысяч воззваний и газет на китайском языке. В обоснование своего требования штаб сообщал, что китайская литература пользуется на фронте большим спросом: «Китайские бойцы проявляют к такой литературе большой интерес».

Окончательно убедило нас сообщение, на которое мы натолкнулись в «Известиях ВЦИК».

«На днях,— писала газета 17 октября 1918 года,— вышел 1-й номер еженедельной газеты «Китайский работник», издающейся Исполнительным Комитетом Совета китайских рабочих Северной области под редакцией Поливанова. Новая газета имеет целью распространение коммунистических идей среди находящихся на территории Советской республики китайцев».

Итак, у нас выходила газета «Китайский работник». Оставалось разыскать ее. Но это оказалось делом совсем не простым.

Углубились в изучение увесистого «Списка повременных изданий за 1918 год». Газеты «Китайский работник» в этом списке не обнаружили.

Запросили Всесоюзную книжную палату. Ответ пришел отрицательный.

В наши поиски деятельно включился старший библиограф библиотеки имени Ленина, знаток периодических изданий на восточных языках, Михаил Иванович Нефедов. Но напрасно и он перерыл фонды «Ленинки», напрасно искал в крупнейших московских книгохранилищах. «Китайского работника» нигде не было, газета не значилась ни в каких справочниках.

Одно время мелькнула было смутная надежда на архив Института марксизма-ленинизма. Нам говорили, что там есть китайские документы времен гражданской

войны, только опись их не составлена. Остановка за людьми, знающими язык. А пока, в ожидании описи, папки с бумагами сложены в брезентовый мешок.

В Московском институте восточных языков, куда мы обратились с просьбой о переводчике, нас познакомили со студентом четвертого курса китайского факультета Виктором Титовым. Стоило ему услышать о мешке с неразобранными документами, как глаза его загорелись. Пожалуйста, ради такого дела он готов на все. Можно хоть сейчас отправиться в архив.

Когда на следующий день мы подошли к строгому зданию Института марксизма-ленинизма на Советской площади, Виктор уже ждал нас в вестибюле, и притом не один. Вместе с ним были еще трое юношей.

— Мои однокурсники,— с некоторым смущением объяснил Виктор.— Напросились помочь. Со мной половина курса хотела прийти.

И вот мы разбираем заветный брезентовый мешок. Он оказался не таким уж большим. В нем хранилось всего несколько папок. И, увы, ни одна из них не содержала ничего сколько-нибудь ценного для нас. Студенты просматривали бумагу за бумагой, излагали нам их содержание, и, по мере того как работа подходила к концу, становилось совершенно очевидным: клада здесь нет. Ни одного экземпляра китайской газеты в папках не оказалось.

Между тем известную нам информацию подтвердил и центральный орган партии. В номере «Правды» от 28 февраля 1919 года наше внимание привлекла заметка, озаглавленная «Как расходятся газеты на фронте». В ней сообщалось о газетах, распространенных политотделом Военного Совета Н-ской армии в январе 1919 года в прифронтовой полосе. Мы прочли: «Китайские газеты — 2700».

И затем находим снова в «Известиях ВЦИК» за тот же год (№ 269): «...из докладов начальников частей выяснилось, что среди отрядов китайских добровольцев широко распространены китайская газета «Китайский рабочий»¹ и агитационные брошюры на китайском языке».

Да, но газеты-то нет...

Поисками этой газеты уже занималось по меньшей мере десятка два научных работников. Но старания — и наши и историков — были напрасны. Итоги подвел журнал «Вопросы истории». «К сожалению,— сообщалось в октябрьском выпуске журнала за 1957 год о «Китайском работнике»,— нам не удалось обнаружить ни одного номера этой газеты».

Кажется, можно ставить точку. Но рука не поднималась. Где-то заветный номер должен все же храниться. Не может быть, чтобы из многих тысяч экземпляров газеты не уцелел ни один.

Мы продолжали искать, а товарищ Куо Шао-тан, которого китаеведы знают также под фамилией Крымов,— шанхаец, кандидат наук, заведующий сектором Института китаеведения в Москве — помогал нам советами.

— Где могла печататься газета? — допытывались мы у Куо Шао-тана.

— Только в Петрограде,— отвечал он.— В Петрограде, и нигде больше. Чтобы издавать газету на китайском языке, нужны очень грамотные люди, по-китайски грамотные. Но этого мало. Это должны быть революционеры, люди, всей душой стоящие за Советскую власть. Таких китайцев больше всего было в Петрограде. Они организовали там Всероссийский союз китайских рабочих, объединили десятки тысяч труженников, и они, конечно, выпускали газету. Сначала эта газета называлась «Китайский работник», потом ее переименовали в «Великое равенство». Газета, вероятно, печаталась в какой-нибудь петроградской литографии.

— Почему литографии?

— В Петрограде, да и вообще в России, не было в те годы типографий с китайскими наборными кассами. Газету сначала писали от руки, потом размножали литографским способом.

Товарищ Куо, как мы скоро убедились, оказался прав.

Был в Москве архив, куда мы еще не заглядывали и куда заглянуть не так просто,— архив Министерства иностранных дел. А между тем именно там могли

¹ Имеется в виду «Китайский работник».

храниться документы, связанные с деятельностью Союза китайских рабочих в России — той самой организации, которая издавала разыскиваемую нами газету.

На мысль об этом навела нас заметка, напечатанная в «Известиях ВЦИК» 28 декабря 1918 года:

«Союз китайских рабочих в России уведомил Народный Комиссариат по иностранным делам, что 24 декабря китайскими рабочими организациями занято здание Китайского Посольства в Петрограде и для заведования интересами китайских граждан в России образован Центральный Исполнительный Комитет. Все архивы и дела Посольства переданы Союзу. Над Посольством (Сергиевская, 22) развевается красное знамя китайского трудового народа.

Советское правительство приняло к сведению происшедшую перемену и признало за Союзом право представительства китайских интересов в России».

Ясно, что Центральный исполнительный комитет Союза китайских рабочих, приняв на себя обязанности китайского посольства, находился в самом тесном общении с Наркоминделом. Мы обратились в Министерство иностранных дел. Просили установить, не сохранилась ли в недрах министерства документация, относящаяся к Союзу китайских рабочих.

Дни, проведенные в высотном здании Министерства иностранных дел на Смоленской площади, дали многое. Мы нашли здесь то, что не сохранилось в других архивах: Устав Всероссийского союза китайских рабочих, протоколы заседаний съездов союза, текст приветствия, посланного участниками съезда Сун Ят-сену.

Это была так называемая большая документация, которой сопутствовало бесконечное количество малой: мандаты, охранные грамоты, ходатайства о поездках в штабных вагонах, списки лиц, поставленных на довольствие,— словом, вся та архивная руда, горы которой могут дать порой крупницу ценного.

Вот список сотрудников Исполнительного комитета Всероссийского союза китайских рабочих...

Вот список городов с наиболее многочисленными китайскими колониями. Москва, Петроград, Киев, Харьков, Ташкент, Вятка, Пермь, Томск, Юзовка... Там существовали отделения союза и там шло усиленное формирование китайских подразделений Красной Армии.

Вот мандат. «Предъявитель сего гражданин Китайской Республики Лау Сиуджау, избранный на должность председателя Центрального Исполнительного Комитета Союза китайских рабочих в России, утвержден в этой должности съездом китайских рабочих...» Дата — 25 января 1920 года.

Мы встречали имя кантонца Лау в документах, относящихся к 1918 и 1919 годам. В 1920 году он, значит, продолжал руководить союзом...¹

¹ Мы разыскивали Лау Сиуджау, но тщетно.

И вот, приехав в Тбилиси, узнаем, что журналист М. Давиташвили восстановил историю семьи китайского чаевода Лю Цзун-чжао, положившего начало разведению культуры чая в Аджарии, и что сыном этого чаевода был председатель Всероссийского союза китайских рабочих Лю Цзе-жун.

Лю Цзе-жун... Но ведь мы знаем, что председателем этого союза был революционер по фамилии Лау Сиуджау?..

Консультация у китаистов разрешила наши сомнения. Лю Цзе-жун и Лау Сиуджау — это одно и то же лицо, только в одном случае фамилия звучит в кантонском произношении, а в другом — в пекинском. В иероглифическом начертании обе фамилии выглядят одинаково.

В марте 1959 года мы получили письмо из Пекина. «Незабываемые дни и великие события,— писал Лю Цзе-жун,— свидетелем которых я был четыре десятка лет назад, оставили неизгладимые впечатления во мне».

Судьба Лау Сиуджау — Лю Цзе-жуна сложилась так. В 1921 году он вернулся в Китай, преподавал в Пекинском университете русский язык. В настоящее время — член комитета по договорам при Министерстве иностранных дел КНР и редактор нового русско-китайского словаря.

Стоит рассказать в нескольких словах о третьем поколении семьи славного китайского чаевода. Старшая дочь Лау Сиуджау преподает русский язык; один сын, окончив Московский авиационный институт, работает старшим инженером Пекинского аэропорта; второй сын по окончании Московского медицинского института стал хирургом Пекинского госпиталя; младшая дочь, окончив Пекинский художественный институт, преподает в Пекинском художественном институте.

Вот копия отношения. Она сразу приковывает наше внимание. Читаем:

«Отдел Востока Наркоминдела просит Государственное издательство отпустить бумагу для единственной издающейся в Советской России китайской газеты «Датун-бао».

В этом нам было отказано.

Ввиду важности издания хотя бы одного органа на китайском языке Наркоминдел просит подтвердить Государственному издательству необходимость выдать бумагу».

К письму приложено аккуратно сложенный четверо лист бумаги с четким типографским шрифтом. Строчки тянутся по вертикали. Это иероглифы...

Торопясь, волнуясь, развертываем сложенный лист. Ну да, конечно, перед нами газета, тот самый советский печатный орган на китайском языке, который мы так долго и тщетно искали. Крупный заголовок тянется через всю страницу. Сверху китайское название, пониже — русское: «Великое равенство. № 27 (3). Петроград, 1 апреля 1920 года». Под заголовком, сбоку, мельчайшим, еле заметным для глаза шрифтом отпечатано: «Литография. Ф. Злотников».

Петроград... Литография... Все так, как говорил Куо Шао-тан. Газета действительно писалась от руки. Иероглиф вычерчивался за иероглифом. Затем написанное переносилось на литографские камни, и с них издание размножалось.

«Датун-бао» печаталась на двух страницах. Содержание газеты было рассчитано на тот круг читателей, для которого она предназначалась, — на китайских добровольцев Красной Армии, на китайских труженников, осевших в России. Довольно много информации; освещалась и жизнь Советского Союза и жизнь Китая.

На видном месте была помещена заметка о первых шагах трудовой армии на восстановительных работах.

Заметка «Советские войска вошли в Иркутск». Подробности освобождения города, несколько фактов, характеризующих дружеские отношения, установившиеся между бойцами Красной Армии и китайскими гражданами¹.

Вместо передовой — письмо наркоминдела Г. В. Чичерина Сун Ят-сену. Михаил Степанович Капица, автор капитального труда по истории советско-китайских отношений, с помощью которого мы познакомились с содержанием газеты, сказал нам, что это письмо — ответ на послание Сун Ят-сена, в котором тот писал: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования... Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — труженников завтрашнего дня».

¹ В нашем распоряжении есть несколько документов, свидетельствующих о массовой тяге китайцев, живущих в Иркутске, в Красную Армию.

Первый из них датирован маем 1920 года. Это докладная записка.

«В г. Иркутске имеется инструкторский батальон товарищей китайцев, — сказано в записке, — временно оставленный нами для несения гарнизонной службы. Назначение батальона в будущем, когда разрешится вопрос о формировании Восточной дивизии в положительном смысле, — быть ядром дивизии. По сведениям, полученным мною, товарищи в Иркутске не могут дожидаться, когда осуществится их желание создать Восточную Красную Армию из товарищей корейцев и китайцев. Желавших записаться так много, что пришлось воздерживаться от записи и регистрации в Красную Армию, не имея на это определенных инструкций и разрешений. Формирование будет иметь большой успех. Создание, организация политотдела при дивизии обеспечены (работников хватит)».

Второй документ — отчет о митинге китайских граждан Иркутска, напечатанный в газете «Власть труда» за 1920 год. Он интересен сообщением о выступлении на митинге замечательного чешского писателя Ярослава Гашека.

«Интернациональное отделение Политотдела Н армии, — говорится в отчете, — устроило в понедельник 12 июля с.г в 12 час. дня митинг для китайских граждан, на котором выступали: от политотдела армии тов. Гашек, от китайских граждан — тов. Вак Так...»

Третий документ — выдержка из письма Ярослава Гашека к друзьям, где он рассказывает о своей работе в Иркутске в качестве начальника интернационального отделения Политотдела 5-й армии:

«На мне лежал груз различных серьезных обязанностей... Теперь еще на мне сидит РВС армии, чтобы я издавал корейско-китайский журнал. Тут уж я абсолютно не знаю, что буду делать. Китайцев я организовал, но по-китайски знаю очень мало и из 86 тысяч письменных знаков в китайском языке знаю всего-навсего 80».

Подпись редактора «Датун-бао» отсутствовала, но мы помнили заметку в «Известиях». Там называлась фамилия редактора «Китайского работника» — Поливанов.

Кто он? Выходило ли под его редакцией и «Великое равенство»?

Русский, редактирующий китайскую газету, несомненно был знатоком китайского языка. Китаеведов в России было не так уж много.

Обращаемся в Институт востоковедения к Анне Евгеньевне Глускиной.

— Неужели вам ничего не говорит имя Поливанова? — слышим мы на другом конце провода укоризненный женский голос. — Евгений Дмитриевич Поливанов был известным знатоком китайского языка. Об этом сможет подробно рассказать старший научный сотрудник института Константин Алексеевич Попов. Запишите телефон...

Записали. Позвонили. Константин Алексеевич подтвердил: Поливанов был талантливым китаистом и несомненно мог редактировать газету, о которой мы спрашиваем. Но редактировал ли? Сказать трудно. Вероятно, на этот вопрос сможет ответить заместитель ответственного редактора журнала «Вопросы языкознания» Вячеслав Всеволодович Иванов. Запишите телефон...

Прежде чем звонить В. В. Иванову, заглядываем в шеститомный справочник «Наука и научные работники СССР» за 1930 год. Читаем о Поливанове: «Поливанов Е. Д., член коллегии и председатель лингвистического разряда Института языкознания и литературы; общее и сравнительное языковедение, японский, китайский, турецкий и корейский языки».

В Исторической библиотеке находим список трудов Е. Поливанова. Какой необычайно разносторонний лингвист! «Музыкальное ударение в говоре Токио», «Одна из японо-малайских параллелей», «Гласные корейского языка», «Труды Идзава Сюдзи по живому китайскому языку», «О принципах построения турецкой грамматики», «О гортанных согласных в преподавании арабского языка», «Введение в изучение узбекского языка», «Албанский язык», «Краткая квалификация грузинских согласных», «Грамматика дунганского языка»... Всего девяносто две работы. Этот удивительный человек мог редактировать газеты и на китайском и на двух десятках других восточных языков.

Однако Вячеслав Всеволодович Иванов, автор статьи о лингвистических взглядах Е. Д. Поливанова, не может разрешить наши сомнения.

— О научных трудах Евгения Дмитриевича Поливанова могу сказать, редактировал ли он китайскую газету — не знаю.

— А какова судьба Поливанова?

— Он умер в Ташкенте в 1938 году.

— Где могут быть биографические данные о нем?

— Вероятно, в Академии наук.

В Институте языкознания Академии наук СССР находим личное дело Поливанова на семидесяти листах. Анкеты, приказы о перемещениях по должности, заявления с резолюциями... И нигде ни слова о том, редактировал ли он китайскую газету, сотрудничал ли с китайскими революционными организациями в годы гражданской войны.

Оставалось одно — дожидаться маститого лингвиста, академика Николая Иосифовича Конрада, которого во время наших поисков не было в Москве. Когда Николай Иосифович вернулся, мы убедились, что возлагали свои надежды на академика не напрасно. Он наконец дал нам ясный ответ: да, редактировал китайскую газету именно Евгений Дмитриевич Поливанов... Они оба — Поливанов и Конрад — были тесно связаны с китайским Советом рабочих депутатов в Петрограде, участвовали в его работе, помогали китайским товарищам переводить декреты Советского правительства, писали агитационные листовки, а Поливанов, кроме того, на первых порах взял на себя редактирование «Китайского работника».

— Уверю вас, это была нелегкая работа, — говорил нам Николай Иосифович. — Сколько бились мы, например, пытаясь перевести на китайский язык слово «Совет». Рылись в словарях, поднимали фолианты классических китайских трудов, поворачивали всякое сколько-нибудь близкое слово и так и этак, — ничего не получалось, ни

одно не в состоянии было в точности передать то, что вложил русский народ в понятия «Совет», «Советский».

Сидим так однажды, мучимся, спорим, и вдруг Евгений Дмитриевич как стукнет кулаком по столу: «Есть слово!..»

То, что предложил Поливанов, было действительно хорошо. Пока мы спорили и искали, китайские рабочие и китайские красноармейцы, не вдаваясь ни в какие филологические тонкости, решили этот вопрос без нас. Они и не пытались перевести русское слово «Советы» на родной им язык, они просто включили это великое слово в свою речь.

И Поливанов, лигвист удивительной чуткости и удивительного таланта, первый понял: слово «Совет» на всех языках лучше всего будет звучать так, как оно звучит по-русски. К этому и свелось его предложение. «Совета»,— воскликнул он в пекинском произношении.— Прекрасное китайское слово. Точнее не скажешь».

Так и пошло с его легкой руки. Так в дальнейшем по-китайски и писалось.

Газету делали там же, где была сосредоточена вся общественная жизнь революционно настроенных китайцев петроградской колонии,— в двухэтажном особняке на Васильевском острове. Этот дом сохранился. Он стоит на 2-й Линии. Здесь размещался первый в мире китайский Совет рабочих депутатов, здесь формировались первые отряды китайцев красногвардейцев севера России, здесь делалась первая в мире советская китайская газета. Следовало бы на этом доме установить мемориальную доску.

И пусть будет увековечено на ней имя Лау Сиу-джао, возглавлявшего Петроградский китайский Совет рабочих депутатов, а потом — Всероссийский союз китайских рабочих; и имя Евгения Дмитриевича Поливанова — талантливейшего русского китаеведа, преданного друга китайского народа, редактора советской китайской газеты; и имя Чжан Юй-чуана — великолепного оратора, пламенного революционера, ставшего вскоре вместо Поливанова редактором газеты и погибшего на этом посту.

— Так вы и его знали? — спрашиваем Конрада.

— Чжан Юй-чуана? Отлично знал. Яркий был человек. А как говорил! В доме на 2-й Линии без собраний и митингов дня не проходило, как улей гудел дом. И Чжан был здесь лучшим оратором. Высокий, худой, с горящими глазами, он выступал всегда с такой силой вдохновения, с такой верой в правоту своих слов, что буквально зажигал слушателей. Судя по складу речи, он был из интеллигентов, из тех передовых, революционно мыслящих, высокообразованных интеллигентов китайцев, какими уже тогда мог гордиться китайский народ. Убийцы знали, кого убивали с пути.

Еще до встречи с академиком Конрадом мы наткнулись в «Известиях» (от 21 января 1919 года) на сообщение, озаглавленное «Политическое убийство»:

«Из Петрограда Народному Комиссариату по Иностранным Делах сообщили, что 19 января при странной обстановке убит товарищ председателя Союза китайских рабочих Чжан Юй-чуан.

Последний был только что избран заведующим пропагандой и редактировал китайскую газету «Китайский работник».

Убийство совершено перед началом митинга китайских рабочих. Неизвестный убийца, сделав несколько выстрелов из револьвера, успел скрыться...

Пока действительных мотивов убийства и виновников обнаружить не удалось, но, по-видимому, убийство носит политический характер».

Несомненно, убийство носило политический характер. Его совершили те, кто пытался глухой стеной отделить Советскую Россию от Китая, кто страшился проникновения в Китай большевистского слова. Стреляя в китайского революционера, убийцы метили в китайскую газету, но просчитались. Газета продолжала выходить. Мы держали в руках 27-й номер «Датун-бао» — «Великого равенства», вышедший в двадцатом году.

5. Шестнадцать адресов

Постепенно волнующая картина самоотверженного участия тысяч китайских бедняков в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции раскрылась все шире и полнее. Речь уже шла не о маленьком китайском отряде, проявившем героизм при защите Владикавказа, а о китайских ротах, батальонах, полках, мужественно сражавшихся в годы гражданской войны под знаменами Красной Армии. По подсчетам историков, на стороне Советской власти боролось в те годы тридцать — сорок тысяч китайских добровольцев.

Большой приток китайских добровольцев в Красную Армию вызвал гнев со стороны реакционного пекинского правительства. Его представитель в Версале выступил в 1919 году с заявлением в печати, будто китайские отряды Красной Армии формируются насильственно и будто советское правительство чинит препятствия свободному выезду китайцев на родину.

Воины китайцы с возмущением протестовали против этой клеветы. На одном из многочисленных митингов была принята резолюция, в которой говорилось: «Митинг китайских красноармейцев, обсудив происки агентов Антанты, имеющие целью убедить общественное мнение, будто китайские красноармейцы формируются насильственным образом в России, заявляет следующее:

Формирование китайских интернациональных отрядов в России происходит по почину самих китайских рабочих организаций, их собственными силами и собственным командованием, и притом исключительно из китайских революционеров-добровольцев, и никакие наветы, ни угрозы, ни жестокости, учиняемые войсками Колчака, Деникина и Юденича над китайцами, с молчаливого поощрения Антанты, не запугают китайцев.

Мы, китайцы, проливаем свою кровь за освобождение угнетенных народов от ига капиталистов и за всемирную революцию.

В ответ на все репрессии Антанты мы, китайские красноармейцы, заявляем всему миру, что мы являемся первым ядром китайской революционной армии, идущей рука об руку с русскими и другими интернациональными отрядами на помощь рабочим и крестьянам Китая и всего Востока».

К тому времени, когда в «Известиях ВЦИК» (№ 269 за 1919 год) мы обнаружили эту резолюцию, в наших руках было множество сведений о китайских добровольцах, воевавших буквально на всех фронтах гражданской войны — на Украине и на Северном Кавказе, в Поволжье и в Донбассе, под Петроградом и в Заполярье, на Урале и в Сибири. Все охватить, обо всем рассказать не представлялось никакой возможности. Наши поиски необходимо было вести в какие-то очень четкие, строго ограниченные рамки.

Решили так: с чего начали, то и нужно продолжать. Начали с Владикавказского батальона Пау Ти-сана, по его следам и пойдем.

Мы располагали почти двумя десятками адресов китайских ветеранов гражданской войны, проживающих в разных местах Советского Союза. Но никто из них, судя по справкам, во Владикавказском батальоне не служил. По каким же следам идти?

Помог ученый археограф Главного архивного управления Владимир Романович Копылов. Он передал нам копию письма, полученного из Министерства социального обеспечения РСФСР. В письме шла речь о заявлении товарища Лю Дзуна, присланном из Китая.

Лю Дзун писал, что он сам и его два брата — Лю Ги-зун и Лю Мо-зун — в годы гражданской войны служили во Владикавказском китайском отряде и что тогда же, в июле 1918 года, оба его брата погибли в бою за станцию Прохладная. Суть заявления сводилась к просьбе установить пенсию проживающим в Китае семьям погибших братьев Лю.

Для удовлетворения просьбы о пенсии требовалось документальное подтверждение гибели красноармейцев Лю Ги-зуна и Лю Мо-зуна. За этим-то Министерство социального обеспечения и обратилось в архивное управление.

В заявлении Лю Дзун ссылаясь на китайских добровольцев, поддерживавших его просьбу. Были указаны и их адреса — Красный Лиман, Ясиноватая, Таганрог,

село Марцево, Лиски, Воронеж, Калач, станица Тбилисская, Нальчик, Невинномысск, Бокowo-Антрацит, Штеровка, Горловка, Краснодар, Белоглинская.

Мы решили поехать по этим адресам.

Начали с Таганрога, где жили Тан Сан-чан и Ван Шу-шан. Оказалось, что во Владикавказском отряде ни тот, ни другой не служили. Ван Шу-шан строил Мурманскую железную дорогу, потом воевал с англичанами в районе Петрозаводска.

Тан Сан-чан тоже воевал в местах, очень далеких от Северного Кавказа. О батальоне Пау Ти-сана он тоже ничего не мог сказать.

Следующим пунктом наметили Невинномысск. Там жил Ли Бо-сан. Мы застали его дома — в уютной мазаной хате с садочком. Подвижной, крепкий, он выглядит много моложе своих шестидесяти двух лет. В промысловой артели, где он работает, коммунисты избрали его, имеющего тридцатилетний партийный стаж, секретарем своей организации.

Ли Бо-сану было что нам рассказать. Революцию он встретил в Пскове. Пришли белые. Жить было не на что, работы не было.

Ли Бо-сан пробрался из Пскова в расположение красных, записался добровольцем в Красную Армию, служил в артиллерии, потом в пехоте. Воевал на разных фронтах.

— А в батальон Пау Ти-сана как попали?

— Я у него не служил.

— Но ведь в своем заявлении Лю Дзун ссылается на вас?

— Верно, тут ошибки нет. Знаю, что три брата Лю служили в Красной Армии и что двое из них погибли в бою... И самого Лю Дзуна тоже знаю. Познакомился с ним, когда гражданская война уже кончилась. Нас Ли Чен-тун свел. Он сейчас в Нальчике живет. Он с Лю Дзуном как раз вместе во Владикавказе служил у Пау Ти-сана — того, о котором вы спрашиваете...

Так мы узнали о Ли Чен-туне.

Поехали в Нальчик. Там, кроме Ли Чен-туна, мы надеялись встретиться с Иваном Ивановичем Моисеенко — китайским ветераном с русской фамилией, о котором мы узнали из письма майора милиции Авдиенко из Ростова.

В Нальчикском адресном столе о Ли Чен-туне никаких сведений не было, а карточку Моисеенко достали мгновенно. Мы пошли по указанному адресу.

Нас встретил старик с совершенно голым черепом и живыми огоньками в узких, прикрытых морщинистыми веками глазах.

— Иван Иванович?

— Да.

Познакомились. Разговорились.

— Скажите, Иван Иванович, в Нальчике, говорят, живет Ли Чен-тун. Вы его знаете?

Бесчисленные морщины на лице Ивана Ивановича пришли в движение, он широко улыбнулся.

— Знаю, как не знать... Я и есть Ли Чен-тун. По-русски — Моисеенко, а по-китайски — Ли Чен-тун.

Иван Иванович был именно тем, кого мы так стремились найти. Он рассказал нам много интересного о батальоне Пау Ти-сана.

Но сначала об Иване Ивановиче, или лучше будем называть его именем, данным ему при рождении, — Ли Чен-туне.

Ли попал в Россию так же, как и десятки тысяч его соотечественников, — в годы первой мировой войны, с артелью кули, набранных подрядчиком Его рассказ с удивительной точностью повторял множество уже слышанных нами историй. Нищая деревня северо-восточной провинции Китая, мечта о горсти риса. Потом вербовщик, сборный пункт артели, многодневный путь с востока на запад, лесные разработки, барак, тяжелая работа, думы о родном доме... Словом, все то, что было уделом завезенных в Россию тысяч китайских тружеников.

В карельских лесах, где Ли Чен-тун работал лесорубом, даже самый последний приказчик на делянке казался ему высшим существом.

Но вот пришла из Петрограда весть о революции, и в жизни Ли начались бурные дни. До Петрограда было рукой подать. Ли бросил лес, темный барак и отправился в тот город, откуда шла революция, где рабочие, как он слышал, расхаживают с красными повязками на рукаве и с винтовками через плечо.

Попад в Петроград, Ли добился, чего хотел. У него появилась винтовка и алая повязка вокруг рукава синей стеганой ватной куртки. Он слушал ораторов на митингах, патрулировал с красногвардейцами по городу и участвовал в демонстрациях, стрелял в налетчиков, охраняя порядок.

А потом случилось так, что Ли заболел и долго лежал в больнице. В бессонные ночи он вспоминал свою фанзу, перебирал в памяти каждую мелочь знакомой жизни, и его неудержимо потянуло домой. Едва держась на ногах, вышел Ли из больницы на улицы помрачневшего, заснеженного Петрограда... Приближался конец бурного 1917 года.

В китайском посольстве, куда пошел Ли, чтобы поговорить о возвращении на родину, посольский чиновник, брезгливо сторонясь оборванного соотечественника, процедил, что посольство оказать ему помощь не сможет. Каждый должен добираться туда, откуда приехал, своими силами, на свои средства.

Ли повернулся и зашагал к выходу. Это было дерзостью. В правилах почитания старших говорится, что уходить от почитаемого лица нужно так, чтобы почитаемое лицо не видело твоей спины, а все время видело твою признательную улыбку. Но Ли пренебрег старыми правилами. Чиновник из мандаринов не был уже для него почитаемым лицом. Несколько месяцев жизни в революционном Петрограде сделали свое дело.

Ли уехал из Петрограда, но не на восток, а на юг. Его увез во Владикавказ старый товарищ Батырбек, с которым он сдружился еще в карельских лесах. Встретив на улицах Петрограда Ли, порывистый Батырбек обнял его, стал хлопать по спине и уговаривать ехать с ним на Кавказ.

— Здесь останешься — голодно, пропадешь. На Дальний Восток поедешь — далеко очень, тоже пропадешь.

— Должно быть, пропаду, — покорно согласился Ли.

— Зачем пропадать? Не надо пропадать! — бурно заспорил Батырбек. — Пока у человека товарищ есть, человек никогда не пропадет.

Ли Чен-тун отправился с Батырбеком на Терек. А здесь он пошел туда, куда шли тогда многие китайцы, жившие во Владикавказе, — в казарму, где размещался китайский батальон. Там он встретил Пау Ти-сана, командира батальона, и познакомился с ним.

О Пау Ти-сане Ли говорит с любовью, которую не смогли охладить годы, прошедшие с тех давних пор. По его словам, Пау Ти-сан был родом из Мукдена — солдаты звали его мукденцем. Им нравилось, что мукденец говорит по-русски не хуже любого русского, что у него среди русских командиров много друзей, что он читает русские газеты, толстые русские книги и обо всем, что ни спросишь, знает. Бойцы относились к нему как к старшему товарищу, любили и почитали его.

Еще обстоятельнее о китайском комбате смогли рассказать нам старые владикавказцы — друг Пау Ти-сана, ныне полковник в отставке, Павел Иосифович Кобаидзе, старая большевичка Александра Ильинична Сологуб, в боевые августовские дни 1918 года работавшая связной между китайским подразделением и другими отрядами, дравшимися в Курской слободке, бывшие красногвардейцы Иван Федорович Звягин, Курмен Магометович Козырев и многие, многие другие.

Людей, знавших Пау Ти-сана, мы встречали не только в Орджоникидзе. В Тбилиси нам рассказывала о нем Вера Эрнестовна Гегечкори — жена грузинского героя гражданской войны Саши Гегечкори; в Ереване — генерал-майор Алексей Кириллович Кесаев, начавший свой боевой путь подростком в революционном осетинском отряде своего отца, Кирилла Кесаева; в Ташкенте — Ида Львовна Турич, муж которой, Богдан Макарович Балаев, в двадцатых годах был комиссаром Владикавказского китайского батальона; в Москве — Тамара Михайловна Резакова, в прошлом сотрудница издававшейся во Владикавказе большевистской газеты «Народная власть».

Так на основе многих описаний сложился образ Пау Ти-сана — крепкого, быстрого, излучающего энергию человека лет тридцати, с живым интеллигентным лицом и прямым, смелым взглядом пронизательных черных глаз. Всегда подтянутый, в черной кожаной тужурке, он не расставался с маузером, подарком С. М. Кирова, и короткой пенковой трубкой.

В отличие от других своих соотечественников, заброшенных ветром революции к подножию Казбека и обходившихся полутора — двумя десятками русских слов, Пау Ти-сан говорил по-русски совершенно свободно. Это поражало всех встречавшихся с ним.

Нам излагали дореволюционное прошлое Кости, как звали китайского командира друзья, в самых различных вариантах. Говорили, что какой-то генерал не то после ихэтуаньского восстания, не то после русско-японской войны привез Пау Ти-сана подростком в Тифлис, что Костя учился в гимназии, а потом бежал из генеральского дома, попал в Петроград и там примкнул к революции...

Слышали мы, будто Пау Ти-сана ребенком привез в Петербург ученый путешественник — не то географ, не то геолог.

Рассказывали, что Пау Ти-сан в юности жил во Владивостоке, плывал матросом на судах дальнего плавания, объездил весь мир, знал английский язык не хуже русского. Трудно сейчас установить, что в этих толках о прошлом Пау Ти-сана выдуманно, а что нет.

Зато боевая деятельность Пау Ти-сана проходила на глазах у всех. И тут разнобоя в мнениях не было: здорово воевал, удивительной отваги был человек и организатор прекрасный.

(Окончание следует)

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Н. МЕЛЬНИКОВ

★

ОНИ ЖИВУТ В ТЕМИР-ТАУ

Мне казалось, что за окном еще ночь, но в мою комнату уже кого-то вселяли. В глаза ударил электрический свет, затем раздался голос:

— Скоро шесть часов, молодой человек. Пора вставать.

Здесь, в доме для приезжих, койки не пустовали. Вчера моим соседом был минчанин, а сегодня уже кто-то другой.

Приезжий оказался шумным и общительным человеком лет пятидесяти, без единого волоска на голове. Еще не сняв пальто, он сообщил, что приехал в командировку из Харькова, на совещание строителей, и тут же с возмущением пожаловался, что тащился почти пять дней, а регламент для выступления ему установили пятнадцать минут.

Он с силой толкнул ногой чемодан под кровать и сказал:

— Ничего не выйдет у вас, дорогой товариш. Буду говорить, сколько захочу.

При этом он погрозил мне пальцем, будто именно я урезал ему регламент.

Я мог бы ошарашить его, сказав, что совещание строителей вовсе отменили в связи с тем, что вчера в Караганде началась сессия республиканской Академии наук. Но я молчал — пусть, думаю, бедняга отдышится с дороги.

На столе появились хлеб, копченая колбаса, сахар. Пришлось и мне встать — все равно такой спать не даст.

Я умылся ледяной водой из-под крана и выложил на стол свой хлеб, свою копченую колбасу, свой сахар.

И вот мы сидим за столом друг против друга. Узнав, что я впервые в здешних местах, и осведомившись, по какому делу я прибыл, харьковчанин забыл про злополучный регламент. Он широко и торжественно заулыбался и зачем-то протянул мне руку для пожатия.

— Вам очень повезло, что вы меня встретили,— сказал он с восторгом.— Я большой патриот Казахстанской Магнитки. Беру вас на абордаж.

Я молчал, не разделяя его восторга: слишком бесцеремонно меня подняли с петухами.

— Главное в вашем деле,— восторженно продолжал харьковчанин,— это постичь масштаб. Иначе вы потеряете время и ничего не отразите. Запомните и задумайтесь: здесь предстоит уложить сто шестьдесят тысяч кубических метров огнеупорной кирпичной кладки и четыреста шестьдесят тысяч кубометров простого кирпича. Постигаете? Обыкновенным людям, таким, как мы с вами, надо смонтировать двести десять тысяч тонн металлоконструкций и двести тысяч тонн другого металлургического оборудования. Доходит?

— Доходит,— отвечаю я.— Только не двести, а триста тысяч. Обо всем этом я уже читал в газетах.

— Читать мало, надо постичь.

Он сердито похлопал себя ладонью по затылку — на собственной, мол, шее испытать надо.

— Помножьте сотни тысяч тонн металла на пургу, ветер, буран и на всякую другую метеорологическую чертовшину,— шумел харьковчанин.— На месте вот этого дома два года назад была жуткая степь и были голодные волки.

Я заметил, что про это я тоже знаю. Харьковчанин рассердился пуше прежнего:

— Не перебивайте.

— Послушайте,— сказал я довольно резко.— Между прочим, совещание строителей отменили. Вчера в Караганде открылась сессия республиканской Академии наук.

Слова мои не сразу дошли до харьковчанина. Он снова заговорил было о кубометрах бетона, но вдруг умолк и уставился на меня нехорошими, помутившимися глазами.

— Отменили?

— Да.

Слишком резко для своих лет он сорвался с места, схватил пальто, шапку и выбежал в коридор. Там он что-то кричал в телефон, потом долго молчал, потом вернулся и, не глядя на меня, полез за чемоданом под кровать.

— Куда вы?

— В Караганду. Попробую пробиться на сессию.

— Почему бы вам денек не отдохнуть? — посоветовал я.

— Я не на курорт приехал,— ответил он и уже повеселевшим голосом объявил: — Я скоро вернусь. Не с трибуны, так на строительных площадках расскажу о нашем крупноблочном строительстве. Нам есть что рассказать. Надеюсь, и с вами мы еще встретимся!

Последние слова его прозвучали угрожающе.

— До свидания,— сказал он уже в дверях.— Задумайтесь над тем, что я вам сказал: главное — масштаб.

— Обязательно задумаюсь,— пообещал я.

Вскоре и я вышел из дому. Было еще темно, горели фонари, светились витрины и окна домов на центральной улице — самой оживленной улице нового Темир-Тау. Она широка, как Садовая в Москве.

Откуда-то разносилась танцевальная музыка, подхваченная степным ветром, прорвавшимся в город.

Здесь нет еще названий улиц. Город поделен на кварталы. Одни кварталы — еще лишь на ватмане и на синьках. А вот в 99-й, 112-й, 115-й, что ближе к строительной площадке Большого завода, уже приходит почта. Там пятиэтажные, четырехэтажные и трехэтажные дома с мачтами телевизионных антенн. Караганда показывает Темир-Тау новые фильмы, пьесы, концерты. Сотни и сотни светящихся окон озаряют темную степь электричеством.

Есть чему поучиться у юного Темир-Тау. Здесь, как правило, семья получает отдельную квартиру. Счастье так велико, что к нему не сразу привыкают.

Недавно я пошел к бригадиру монтажников Хохлову домой. Поднялся на второй этаж, звоню. Когда открылась дверь, спросил:

— Хохлов здесь живет?

— Так это ж я. Не узнаете?

И хотя в коридоре было светло, я не сразу узнал Хохлова. Обычно я видел его в низко надвинутой на лоб шапке-ушанке, в ватнике и валенках, с лицом кирпичного цвета от ветра. Теперь он стоял передо мной в полосатой пижаме, мягких домашних туфлях и будто помолодевший.

— Душ принял,— пояснил Хохлов.— А вообще это я и есть.

Он ввел меня в большую комнату с круглым столом, кожаным диваном и столиком, на котором стоял радиоприемник.

— Это у нас столовая,— объяснил он,— а вот спальня.

Вторая комната была поменьше. В ней стояли две детские кровати, двуспальная кровать и гардероб.

— Вот и третья комната,— сказал Хохлов.

Посреди пустой комнаты стоял столик, а на нем маленький детский бильярд.

— Всех нас четверо,— рассказывал Хохлов.— Не привыкли мы еще жить в отдельной квартире, вот и живем пока в двух комнатах. Да и детям боязно одним спать.— Он помолчал и в заключение пожаловался: — Курить жена в коридор выгоняет. Хотел совсем бросить, но пока не вышло.

А я подумал, что привычка жить в тесноте неопасная, от нее семья Хохлова куда быстрее избавится, чем от дыма его папирос.

Когда утром, и днем, и вечером видишь на улицах и даже в кино девушек не с изящными дамскими сумочками, а со штукатурными мастерками в руках, то больше не удивляешься, что всего два года тому назад здесь «выли голодные волки», а сейчас звучит танцевальная музыка.

От города до строительной площадки Большого завода три километра, а то и больше. Там, на домне, у меня в числе прочих дел назначено свидание с секретарем комитета комсомола Ковалевым. Больше недели я жил в Темир-Тау, а так и не познакомился с ним. Ковалев вечно был в бегах. Вчера поздно вечером удалось связаться с ним по телефону, договорились утром встретиться на домне.

Пока идешь городом, дома еще как-то охраняют тебя от ветра. Но вон за углом последнего дома начинается степь.

На сумасшедшей скорости меня обогнала трехтонка. Я не разглядел, с каким грузом. Заметил только, что загрузили ее прямо-таки под небеса. В ту же минуту раздался сдавленный, будто собачий, визг, затем грохот. Впереди дорога сворачивала круто вправо. Трехтонка, злодейски нарушив правила уличного движения, перекрыла левую сторону дороги. Задними колесами она сидела в кювете. Вокруг валялись оконные рамы. Человек в демисезонном пальто, сапогах и кепке энергично отчитывал другого, в белом замызганном полушубке.

— Тебе что, жить надоело — на поворотах такие номера откалываешь!

Человек в полушубке защищался:

— Ты спроси начальника, почему вместо сорока машин двадцать на станцию выслал! Вот и приходится гонять.

Любопытство не позволило мне пройти мимо, за что я скоро и был наказан.

— Собаку задавил? — спросил я.

— Какой черт собаку! — ответил человек в кепке.— Себя чуть не угробил, и меня чуть не сшиб.

Я разглядел его. Это был совсем еще юнец — подросток с ярким румянцем и голубыми глазами. Весь его облик никак не вязался с начальственным тоном, перед которым явно спасовал даже такой бывалый человек, как водитель трехтонки.

— Ну, чего стоишь? — набросился паренек на шофера.— Выводи машину, а мы рамы оттащим с дороги.

Шофер покорно пошел к кабине. Я тоже не посмел ослушаться, хотя и спешил по своим делам.

Я взялся за раму, но не рассчитал ее тяжести и плюхнулся на землю вместе с ней.

— Ты что, пьяный, что ли, с утра? — удивился юнец.

С двух сторон нам гудели грузовики и автобусы. Им приходилось притормаживать, и редко кому из проезжающих удавалось удержаться и не обругать нас.

Мы освободили дорогу, оттащили рамы от колес. Кювет оказался неглубоким, пустячным. Шофер раскачал машину, нажал на газ, и трехтонка, точно выпорхнув на дорогу, встала у обочины.

После этого шоферу было приказано лезть в кузов, а мне подавать рамы. Я хотел возразить и сказать, что у меня нет времени, но не успел и рта раскрыть.

— Давай, давай, не мешкай! — прикрикнул на меня паренек. — Приезжий, что ли?

— Приезжий.

— Ничего, привыкнешь.

Я не знал, к чему, собственно, мне нужно привыкать, но, странное дело, даже не сообразил, что могу просто взять и уйти, и молча принялся таскать рамы. Шофер же, принимая от меня первую раму, должно быть, из сочувствия ко мне, обложил степь на чем свет стоит.

Рассвело, а рамы, казалось, не убывали. Я взмок до одурения, расстегнул пальто, снял перчатки и то и дело шапкой утирал лоб и глаза. С каждой рамой я управлялся в несколько приемов: с земли принимал ча живот, нес к грузовику, опускал ее на край борта машины и толкал к протянутым рукам шофера. Наш начальник управлялся в один прием.

— Скоро конец, — подбадривал он меня.

А мне теперь было все равно. Я чувствовал, что мог бы таскать еще и еще. И, как бы в подтверждение этих мыслей, я услышал голос своего мучителя:

— Поначалу всегда трудно. Привыкнешь.

Но вот уже перекинут и завязан канат. Шофер в последний раз победно ругнул степь и подошел к нам.

— Закурить не найдется?

Я вытащил пачку сигарет. Наш юный начальник отказался, сказав, что не курит.

— Бери всю пачку, — предложил я шоферу. — У меня еще есть.

— Это зачем? — усмехнулся он. — У нас, на Магнитке, неплохо зарабатывают. С голоду не умираем.

Я ответил, что не собирался обижать ни его, ни Магнитку, и что он может не брать ни одной, и что я от этого тоже не умру.

— Да я сигарет не курю, — схитрил шофер и, пожав нам руки, прыгнул в кабину.

Мы немного постояли, поглядели грузовику вслед.

— На какую работу прибыл сюда? — услышал я вопрос.

Я сказал, что приехал из Москвы по литературным делам, и, говоря откровенно, думал, что в ответ услышу извинения — простите, мол, товарищ корреспондент, что заставили вас поработать. Но не таков был мой новый знакомый. Он и глазом не моргнул и в свою очередь представился:

— Секретарь комитета комсомола Ковалев. — И добавил: — Вот и встретились.

В степи не до разговоров, особенно когда ветер поднимает с земли ледяную пыль и горстями швыряет ее тебе в лицо. И все-таки мы перекинулись несколькими фразами. Я узнал, что Ковалев тридцать восьмого года рождения, родился в деревне Бычки, Калужской области, окончил семилетку и строительный техникум. Потом мы шли молча, придерживая воротники пальто.

Я знал по опыту, что спешить в степи не рекомендуется. Долго не протянешь, не хватит воздуха. Начнешь хватать его ртом, а он все равно комом застрянет в глотке. Но у Ковалева были, видно, свои правила ходить по степи. Чуть подавшись вперед, он, казалось, лбом пробивал

себе дорогу и широкими шагами мерил степь. Я чувствовал, что еще немного — и оторвусь от него.

Дорогу к строительной площадке перерезал овраг, крутой и глубокий. Ковалев, не задумываясь, сел и поехал вниз. Я последовал за ним, благо на это усилий не нужно. Садись и лети. Вот только вылезать не хотелось. На дне оврага не было ветра, царила тишина. Но сверху раздался голос Ковалева.

— Вы живы?

— Жив,— отозвался я.

Наверх пришлось карабкаться почти на четвереньках.

Дальше мы шли рядом. Я хотел спросить Ковалева, зачем нужны эти бешеные скачки с препятствиями, когда чуть в сторону овраг не крут — там и ходят все люди, но решил промолчать. Выбрались — и на том спасибо.

Впереди здание ТЭЦ с трубой, расписанной черными и белыми квадратами, а дальше — домна. Снег летел и сверху и снизу. В этом перекрестном белом огне силуэты домны и три ее каупера, казалось, плыли по степи.

Мы подошли к одноэтажному зданию столовой. На дверях — объявление, извещающее о том, что сегодня в пять часов комсомольское собрание. Повестка дня: выборы делегатов на городскую конференцию. Однажды собрание уже сорвалось, не собрался кворум. Объявление продолжало висеть, только число было переправлено.

— Никуда не годится,— сказал Ковалев, глядя на объявление.— На такую повестку дня опять никто не придет. Ради одного вопроса кому охота оставаться в степи, а потом домой в темноте топать. Надо такую повестку, чтобы по крайней мере восемьдесят процентов явилось. Пойду разыщу комсорга. А вы куда?

Я ответил, что договорился с начальником побывать у него на приеме, а вечером буду на комсомольском собрании.

— Ну, значит, увидимся,— сказал Ковалев.— Тогда и поговорим. У меня вечер сегодня свободный.

На том и разошлись. Ковалев пошел в одну сторону, я — в другую, к кауперам. Еще несколько дней назад я входил в каупер через небольшую дверцу прямо с земли. Там под-домашнему горели электрические лампочки, а в обеденное время кто-то уплетал бутерброд с колбасой. Теперь работа перешла наверх. Под стать монтажникам, огнеупорщики стали лазить по узенькой железной лестнице и исчезать в люках. Пройдет время, и навсегда захлопнутся люки. Температура воздуха в кауперах дойдет чуть ли не до двух тысяч градусов.

А пока здесь всегда многолюдно, особенно у тепляка, обогревающего кирпич для футеровки. Одни строят, другие принимают работу. Споры неизбежны, ведь строят домну разные организации, или, как их называют, субподрядчики. Хозяева же — домностроєвцы. А они-то уж всегда начеку. Незаметного вида человек сунется в каупер, приложит градусник к кладке и — пиши пропало, если температура ниже пяти.

Кто-то схватил меня за рукав и потянул в сторону.

— Осторожно, товарищ, идите сюда.

Я поднял голову и не увидел неба. Над головой покачивалась черная труба, похожая на половину гигантского спасательного круга. Меня так и шарахнуло в сторону.

— Кольцевой воздухопровод,— пояснил мне тот же голос.

Я узнал монтажника Юрченко. Для корреспондента он просто клад. Его услужливость стала мне понятна, когда я узнал, что он увлекается цветной фотографией и посылает свои снимки в какие-то редакции. В моем лице он видел коллегу.

— Двенадцать тонн весу,— продолжал Юрченко.— По схеме надо вести монтаж в шесть приемов, а мы ведем укрупненным способом — в два приема. Кто знает, какая будет завтра погода. Степь...

Я тоже не знал, какая будет завтра погода, но и сегодня чувствовал себя решетом — до того продувало.

Воздухопровод, покачиваясь, медленно уплывал вверх. Высоко на домне, на висячем узеньком мостике, его ждали четверо монтажников. Лиц отсюда не разобрать.

Про эти двенадцать тонн я слышал и раньше. О них с грустной усмешкой рассказывал мне Хохлов, у которого они ни на минуту из головы не вылезали.

Сейчас Хохлов о чем-то переговаривался с крановщицей. Разумеется, не словами: криком кричи — не услышат друг друга. Он объяснял что-то короткими, решительными движениями рук. И вот крановщица останавливает подъем. Весь кран чуть заметно скользит по рельсам. Хохлов удовлетворенно кивает головой и — снова подъем.

— Кто наверху работает? — спросил я Юрченко.

— Даурбеков, Матюхин, Пахомов и Фирсов.

Фирсова я знал. Верно, знакомство наше получилось, прямо сказать, неласковое. Как-то после обеда, в теплушке, где монтажники покуривали у печки, Фирсов громким матом отразил просьбу девушки-каменщицы чуть-чуть подвинуться. Девушка со слезами вылетела из теплушки. Я не выдержал и сказал Фирсову, что хорошо бы не ругаться, но получил незамедлительный ответ:

— Я не граф, и она, между прочим, не графиня.

Наш поединок оборвал Хохлов.

— Ты со своей сестрой тоже так разговариваешь? — спросил он у Фирсова.

— У меня нет сестры.

— Нахал ты,— сказал Хохлов.— Услышу еще раз такое — пеняй на себя.

Дважды полукруглая махина подплывала к монтажникам и уходила из-под носа, пока наконец ее не удалось ухватить и благополучно опустить на кронштейны.

Я перестал вдруг слышать собственный голос. Его поглотило режущее, свистящее шипение электросварки. В нескольких шагах от меня лежала вторая двенадцатитонная половина воздухопровода. Из нее фонтаном высекались желтые искры, прыгали ослепительной голубизны язычки.

Сейчас монтажникам было не до меня. Я пожал руку Юрченко, но он пошел проводить меня до конторы.

— Мощная штука — наша домна,— сказал он.— Сорок три километра трубопровода укладываем. Море воды потечет. Можно было бы двести пятьдесят тысяч человек напоить.

Еще раньше Юрченко посвятил меня в «тайну» будущей ТЭЦ — этого уникального сооружения. Она будет работать без энергетического топлива, на одних отходах: на коксовом и доменном газе и на угольной пыли. Эта ТЭЦ будет первой и пока что единственной в Союзе.

У конторы Юрченко выгащил из-за пазухи пачку цветных фотографий. Их можно было не комментировать: я увидел первые палатки, первую ноябрьскую демонстрацию, установку колонн горна в распутицу.

— Ох и трудно было! Двадцать две тонны каждая,— вставил Юрченко.

А вот на фотографии повис громадный, точно раскрывшийся, парашют — это купол каупера.

— Также досталось. Как-никак, восемнадцать тонн.

Я посмотрел фотографии, все до одной. Открытие первого кинотеатра

и первой булочной, баня, газетный киоск. Был в этих фотографиях только один технический грех. Почему-то снег получался зеленоватым, зелеными были небо и дома. Но я словно не замечал этого — не хотел расстраивать Юрченко. Заговорил он сам:

— Зелень все дело губит,— сказал он.— Не пойму, отчего бы это. Но ребятам нравится. Простят — отбоя нет.

Я, как умел, успокоил Юрченко, сказав, что зелень ничего не испортила. Главное, чтобы ребятам нравилось.

— Я тоже так думаю,— согласился Юрченко, и мы расстались.

Перед кабинетом начальника толпился народ. Я протиснулся к двери и вошел. Начальник, Иван Денисович Комаров, помахал мне и указал на стул рядом с собой. Его кабинет нельзя было назвать кабинетом в том смысле слова, в каком оно живет в нашем представлении. Небольшой канцелярский стол, по стенам скамейки, несколько стульев и еще стол, за которым проводились оперативки.

Комаров, человек средних лет, с высоким лбом и цепкими глазами, сидел за первым столом. По левую руку от него поблескивали два телефона, по правую стоял стакан со множеством карандашей.

Я застал конец разговора не то с прорабом, не то с бригадиром.

— К черту вся работа и вообще все,— мрачно говорил посетитель, опустив голову.

— Кирпич будет,— увещевал его Комаров.

— Когда?

— К вечеру.

— Когда к вечеру? Мне через два часа понадобится.

— Брешешь, через два часа не понадобится.

— Ну, через три.

— Тебе он только завтра понадобится. Так ведь?

Посетитель молчал.

— Ну вот, а к вечеру кирпич будет. Он уже на станции,— сказал Комаров и развел руками, давая понять, что разговор окончен.

Не успел уйти один посетитель — в дверях уже другой, на сей раз девушка в ватнике и сапогах.

— Что же это получается, Иван Денисович? — начала она с порога.

— В чем дело?

— Мне палец пришибло. Три дня бюллетенила. А бухгалтер денег не платит.

— Почему?

— Говорит, что нет акта от бригадира, может, я нарочно палец пришибла.

— Кто бригадир?

— Зуев.

— Скажи Зуеву, что он шляпа,— вздохнул Комаров.

— Ладно, скажу. А с деньгами-то что будет? Заплатят?

Комаров нажал на столе кнопку. В дверях появилась секретарша.

— Позовите бухгалтера.

В приотворенную дверь заглянуло несколько пар глаз, но тут пришел бухгалтер.

— Надо уплатить ей по бюллетеню,— сказал Комаров.— Она не виновата, что бригадир шляпа.

— Не могу,— ответил бухгалтер.— Нужен акт.

— Я отвечаю.

— Тогда напишите.

На столе — несколько небольших блокнотиков. Комаров вырвал листок, что-то написал на нем, расписался и протянул бухгалтеру. Тот, удовлетворенный, кивнул девушке на дверь, и они оба ушли. Снова появилась секретарша.

— Иван Денисович, женщина с ребенком давно дожидается. Разрешите без очереди пустить?

— Пусть войдет.

У женщины на руках младенец в ватном конверте. На ней пальто с меховым воротником, платок, высокие ботинки.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— ответил Комаров.

— У меня кончается декретный отпуск, на работу скоро выходить, а валенок нет.

— Кем работаете?

— На подсобной.

— Получил приказ давать валенки только с третьего разряда, а мороз-то один для всех.— Он опять вырвал из блокнота листочек, написал что-то, расписался и подал женщине.

— Пойдете получить. Все?

— Ватник еще.

Опять листочек из блокнота. Комаров писал, не глядя на бумагу.

— Теперь все?

— Нет.

— Что еще?

Женщина помолчала, но наконец решилась:

— Комнату.

Комаров, я, да и сама просительница рассмеялись.

— С этого бы и начинала,— сказал Комаров.

— Боязно было. Вдруг откажете.

— Где работает муж?

— На коксохиме.

— Получите квартиру,— сказал Комаров.— Сейчас два дома принимаю.

— Ей-богу? — вырвалось у женщины.

— Ей-богу,— засмеялся Комаров.— Не веришь, дожись конца приема, поедем, покажу.

— Да что вы, верю.

— Тогда иди.

Ее место занял парень в плаще. Под плащом — пальто. Здесь многие ходят так, спасаясь от ветра.

— Я насчет квартиры,— заговорил он.— Женился.

Комаров недоволен. Он отвернулся, глядит в окно.

— Нет чтоб сначала о жилье подумать, а потом жениться,— говорит он не сразу.— Мы так поступали.

— Иван Денисович! — возмущился парень.— Месяц назад я приходил к вам и говорил, что хочу жениться, как быть с квартирой. Вы же мне и сказали — женись, сказали, тогда и приходи.

— Так и сказал?

— Так и сказали.

— Не помню.

— Я ж не буду врать.

— Ладно,— соглашается Комаров.— Сказал не сказал, а квартиру получишь.

— Когда?

— На этой неделе.

Парень указал на меня:

— При свидетелях говорите.

И снова входили и выходили люди, снова отрывались листочки из блокнота. При мне Комаров отказал только одному — тот прогулял два дня и пришел за авансом.

— Не дам,— сказал ему Комаров.

— Так я ж без гроша сижу.

— Знаю. Прогуливать умеешь, сумей и прожить без гроша. Все. Иди. В дверях секретарша.

— Пришли, Иван Денисович.

— Кто пришел?

— Да те самые.

— Пусть войдут.

Вошел молодой человек, за ним девушка.

— Зачем вызвал, знаете? — спросил Комаров.

— Нет, — ответил молодой человек.

— Тогда придется послушать. — Комаров угрожающе стукнул ладонью по столу и, понизив голос, продолжал: — В общежитии позволяете себе целоваться. Ладно еще он, но ты — девушка, тебе не стыдно? Еще успеешь нацеловаться за свою жизнь. Чтобы это было в последний раз. Выгону без всяких разговоров.

Молодой человек вытащил из-за пазухи какую-то бумагу, развернул ее, положил перед Комаровым.

— Прошу ознакомиться.

Я тоже заглянул в бумагу. Брачное свидетельство по всей форме, с гербовой печатью.

— А теперь, — сказал молодой человек, — прошу извиниться перед моей супругой.

Супруга не выдержала и всхлинула. Комаров секунду-другую сидел, точно оглушенный, потом встал, зачем-то поправил галстук и протянул молодой супруге руку.

Когда за молодоженами закрылась дверь, он грустно сказал:

— Осечка.

Начинался обеденный перерыв. Больше никто не входил. Я воспользовался этим, и мы разговорились. Комарову было тридцать семь лет, учился он в Киеве, строил домны на Урале, сюда приехал в командировку, но застрял.

— Надолго? — спросил я.

— Пока не построим Казахстанскую Магнитку, не уеду. А ведь это целый металлургический комбинат. Лет-то пять наверняка проживу здесь.

— Вы женаты?

— Еще как! Жена, двое детей, теща.

— И все здесь, с вами?

— Конечно. Куда я, туда и семья. С войны еще так заведено. Мы на войне поженились.

Зазвонил телефон, Комарова вызывали в трест на оперативку. На прощание он спросил:

— Вы как, пропесочивать будете нас?

— За что?

— Между нами говоря, есть за что. ТЭЦ должны были пустить в пятьдесят восьмом — и не пустили. Конечно, не одни мы виноваты. Поставщики подводят. Более трехсот заводов выполняют наши заказы. Тридцать шесть совнархозов пекутся о нас. Да только в срок не всегда получается.

Мы вместе вышли на улицу. Комарова поджидал «газик».

Он укатил, а я пошел в столовую. На дверях — объявление о комсомольском собрании, но уже другое. Нескольким человеком читали его. Первый пункт повестки дня гласил: «Вопросы дня (У кого что болит)». Второй: «О поведении комсомольца Ивлева». Третий: «Выборы делегатов на городскую конференцию».

Странный шум доносился из столовой. Я распахнул дверь, и меня оглушил звенящий гром подносов. Ребята в форме ремесленников же-

лезными ложками били по железным подносам. Заведующая, толстая женщина в белом халате, пыталась что-то втолковать ребятам, но ее не было слышно.

— Что тут такое? — спросил я.

— Суп не готов, — объяснил кто-то.

Джаз на подносах продолжался до тех пор, пока заведующая не вынесла первую тарелку с супом. Тут же все утихло, но разбушевалась сама заведующая:

— Я этого так не оставляю! Я знаю зачинщиков! — кричала она.

Но ее никто не слушал. Мирная, тихая очередь выстроилась за супом. А заведующая все шумела и шумела. Неожиданно перед ней появился обычно тихий паренек — комсорг домны, чеченец Габдуллаев.

— Вы первая зачинщица! — закричал он и топнул ногой.

Я несколько раз видел Габдуллаева, но никак не подозревал за ним способности топтать ногами.

— Как вы смеете? Почему вовремя суп не готов? — продолжал он. — Люди есть пришли, им в степи работать, а вы еще жаловаться! Вы тоже с опозданием обедаете? Что-то непохоже. Посмейте только еще раз опоздать!

Он задохнулся от собственных страшных слов, еще раз топнул ногой и метнулся к выходу.

Спустя несколько дней, когда мы с Габдуллаевым шли по строительной площадке мимо столовой, нам повстречалась заведующая. Она приветливо поздоровалась с Габдуллаевым, сладко улыбнулась ему и сказала:

— Милости просим.

Габдуллаев строго глянул ей в лицо, а мне сказал:

— Вот что значит гнев народа. Образцовый порядок теперь в столовой.

В пять часов вечера я пошел на комсомольское собрание. Красный уголок с трудом вместил всех, кто явился. Сидели на табуретках, на стульях, на досках, положенных на табуретки, просто стояли. Я поискал глазами, где бы сесть, но убедился, что это безнадежно, и тоже притулился у стенки. На сцене Габдуллаев вел регистрацию, кто-то возился у радиоприемника. Сквозь треск и шум прорывалась музыка. Тускло горели две лампочки: одна над сценой, другая посреди потолка.

По вечерам со светом здесь не всегда благополучно. Лампочки горят то тускло, то мигают, то вовсе гаснут.

Ко мне подошел Ковалев и потащил куда-то за собой. Он усадил меня на доске между двумя девушками, где, должно быть, сидел сам.

— Вот это Катя, — познакомил он меня с соседкой слева, — а это Тамара, — указал он на девушку справа.

— А вы куда сядете? — спросил я.

— Устроюсь, — ответил он и исчез.

Скоро его выбрали в президиум. Ковалев улыбнулся мне оттуда: говорил, мол, что устроюсь.

Габдуллаев не без гордости сообщил, что на собрание пришел представитель стройкома, и его единогласно тоже выбрали в президиум.

Седовласый, тихий на вид человек в шинели прошел на сцену.

Катя с первой же минуты знакомства забросала меня вопросами: кто я, откуда, сколько времени пробуду у них и даже сколько мне лет. Словом, мы как бы обменялись ролями.

Тем временем собрание началось, и Катя притихла.

В президиуме почти все сидели в ватниках. Только на Ковалеве демисезонное пальтишко. Перед ребятами лежали шапки-ушанки. Перед

Ковалевым — кепка, а перед представителем стройкома — фуражка с зеленым кантом.

Собрание началось после короткого вступительного слова. Первым вышел на сцену большеголовый парень с простуженным голосом.

— Нет,— заявил он, будто продолжал какой-то разговор.— До каких пор мы будем терпеть такое от наших поставщиков? Пока подходящая погода, мы готовы работать без выходных. А что получается? Смена приходит, а бетона нет. Вместо семидесяти кубометров дают двадцать или десять, а то и вовсе не дают. Ребята соглашаются прийти во вторую смену. Опять впустую. Приходят в третью. Бетона нет. Так весь выходной и проходили. Поехал я сам на завод. Нашелся там один тип... «Что,— говорит,— бог-червонец спать не дает? То-то волнуешься!» Ну я, конечно, сказал ему, что он дурак, что мы ведем работы по доменной печи, по литейному двору, по газопроводу, что, наконец, монтажникам из «Стальконструкции» из-за нас делать будет нечего. Короче, надо за них взяться. Ведь живут же под носом, а не где-нибудь за тысячу километров. Не дело это — на ударной стройке выполнять нормы за счет уборки мусора.

Одобрительные возгласы проводили его со сцены.

— Дайте мне сказать,— попросила слова девушка из задних рядов.

— Иди сюда,— предложил Габдуллаев.

— Я отсюда могу. Больше пройдешь, чем скажешь.

— Пусть с места говорит,— поддержали ее.

И девушка сказала:

— Нам наряды на четырнадцать рублях закрывать стали. Разве так можно?

— А куда тебе больше, на вино, что ли? — сострил кто-то, но Габдуллаев строго постучал карандашом.

— Ты где работаешь? — спросил он.

— Каменщицей на кауперах. Еленой Александровой звать... Бригадир сказал, что больше четырнадцати не полагается. Как же это — не полагается? Раньше полагалось, а теперь нет? Мы разве виноваты, что новенький мастер вчера смену загубил? Мы-то при чем тут?

Габдуллаев о чем-то посоветовался с стройкомовским представителем, тот встал, кашлянул в кулак и неожиданно громким, металлическим голосом сказал:

— Проверю лично это дело. Завтра доложу на стройкоме.

— Не поможет — пойдем в партбюро,— пообещал Габдуллаев.

— Можно сказать? — спросил еще один женский голос.— Я тоже с места. У нас в общежитии пять штепсельных розеток на всех. Вернешься с работы — вставай с чайником в очередь. Тут и в кино не сходишь.

— А ты не ходи,— снова пошутил кто-то.

Мне уже приходилось слышать такие разговоры. Недавно я был в одном общежитии. Постучался и вошел в комнату. Четыре девушки заслонили собой стол, как футболисты ворота, когда им бьют штрафной. Выстроились стенкой и тарачат на меня испуганные глаза. Оказалось, что у них на столе стоит табуретка, на табуретке плитка, на плитке чайник. Шнур от плитки тянулся к потолку и был прикреплен английской булавкой к висячей лампе. Так, контрабандой, они готовили себе ужин и насмерть перепугались, увидав меня. Решили, что пришел монтер или комендант.

— ...И еще,— продолжала девушка,— нам нужен гардероб.

И тут опять раздался ехидный вопрос:

— А у тебя платьев много?

— Да хотя бы одно, нас-то четверо. Да и мало ли зачем еще нужен гардероб.

— Про валенки скажи,— подсказывали ей.

— Сейчас скажу. В самом деле, товарищи, ведь не только у нас в общежитии такое положение — одна сушилка на всех. Значит, из-за валонок опять в очередь вставай. А в комнате на батарее только одна пара укладывается. Надо что-то придумать.

Габдуллаев ответил, что тут, сколько ни думай, ничего не придумаешь, что надо ждать пуска ТЭЦ.

— Надо терпеть, — сказал он. — Вы же сами знаете, что пока у нас единственная кормилица — ГРЭС. Она обслуживает и нас и весь угольный бассейн. Что мы можем от нее еще требовать? Пусть ТЭЦ — мы и заживем. А вот гардеробы будем требовать.

Снова встал бывший пограничник, кашлянул в кулак и сказал, будто отдал команду:

— Гардеробы должны прибыть.

Сменяя друг друга, выходили или говорили с места то девушки, то парни. Круг вопросов все разрастался: говорили о нехватке учебников, плохой работе бани, введении дополнительных сеансов в кино, плохой отгрузке кирпича, о чем я уже сегодня слышал на приеме у начальника, о необходимости постройки стадиона.

Парнишка, остриженный наголо, с форменной фуражкой ремесленника в руках, доказывал собранию, что нужно построить второй тепляк для обогрева кирпича.

— Мы запорем футеровку, если не построят второй тепляк, — говорил он. — Сейчас мы укладываем пять кубов, а это не предел. Пусть построят второй тепляк, и мы все семь кубов выложим.

Я слушал паренька и спрашивал себя: сколько ему может быть лет? Шестнадцать, от силы семнадцать. И подумал о том, что такой человек и сам стадион построит. И еще я подумал, что на редкость удачно сформулирован первый пункт повестки дня. Людям предлагалось назвать все, с чем трудно, а порой невозможно ужиться.

На сцену вышел вихрастый парень. Хотел он того или не хотел, но с первых же слов рассмешил собрание.

— Я хочу рассказать о своих семейных делах, — начал он и тут же наскочил на обидную реплику.

— Что, изменила, что ли? — спросил кто-то.

Кругом смеялись. Парень подождал, пока зал не утих, и продолжал:

— Ко мне должна приехать жена, а начальство отказывается дать квартиру, говорит, что у других жены уже приехали.

— А ты бери ссуду и сам строй.

— Ничего у меня не выйдет. Я в вечернем институте учусь. Обидно другое. Есть такие, что получили квартиры, а им они вроде не нужны, потому что сдают комнаты.

— Кто сдает? — спросил Ковалев. — Говори адрес. Выселим ко всем чертям!

— Мне-то от этого какая польза? Ну выселишь. Я-то все равно не получу, а жена приедет — так хоть сниму.

— Нет, погоди, давай разберемся, — сказал Ковалев и встал. — Ты говоришь, что тебе обидно. Верю. А почему же не желаешь дать по рукам спекулянтам? Мало того, сам же хочешь стать их пособником. Спекуляция комнатами — это преступление. Я не знаю, кто сдает комнаты, а ты знаешь. Помогите покончить с этим, а не покрывайте преступников.

Парень с недоумением смотрел на Ковалева — видно, он не ожидал, что дело повернется против него.

— Чего вы ко мне привязались? — сказал он, махнул рукой и пошел со сцены.

— Все равно скажешь про спекулянтов,— бросил ему вдогонку Ковалев и обратился к собранию: — У меня к вам вот какое дело.— Он покосился на Габдуллаева и спросил: — Даешь слово?

Габдуллаев поднялся.

— Слово имеет товарищ Ковалев.

Тот продолжал:

— Комитет комсомола получает много писем от ваших родителей. Родители спрашивают о вас, о своих детях. Вот образчик одного письма.— Он вынул из кармана конверт, из конверта — исписанный листок.

Из зала кто-то попросил:

— Фамилию скажи, где работает.

Ковалев поднял руку, требуя тишины.

— Дело не в том, кому пишут, а что пишут,— сказал он.— Письмо от всей семьи. Сначала пишет мать: «Прошу сообщить, что случилось с моим сыном. Мы получили от него только одно письмо. Сейчас зима, есть ли у него валенки?» А вот что пишет отец: «Где наш сын, ша-лопай?..»

Дружный смех прервал чтение, но кругом зашикали, и Ковалев продолжал:

— «Может, он, подлец, сбежал?»

Опять взрыв смеха.

— И вот что пишет младший брат: «Напиши, как ты живешь. Если хорошо — рванем всем классом к тебе».

Раздались голоса из зала:

— Назови фамилию.

— Чего скрываешь?

Но Ковалев фамилии не назвал.

— Теперь каждому должно быть ясно,— сказал он,— что о вас могут подумать, если вы не будете писать домой. На завтра я кое-кого вызвал в комитет и заставляю, как школьников, сидеть и писать письма. Ведь не дети. Стыдно!..

Габдуллаев объявил десятиминутный перерыв. Я хотел выйти покурить, но куда там — не проберешься. Девушка справа — Тамара — спросила:

— Значит, вы из Москвы?

— Да.

— Интересно.

— А вы откуда? — спросил я.

— Из Краснодара.

— Давно?

— С первых дней.

— Трудно было?

Девушка пожала плечами.

— Сама не знаю. То трудно, то легко.

Я потом не раз встречал Тамару и на домне и в городе, и уж не знаю, чем заслужил ее доверие, но перед моим отъездом она дала мне прочитать свой дневник, сказав при этом:

— С этим все покончено.

— С чем? — не понял я.

— С ним. Сергеем. Там много о нем.

Как явствовало из дневника, Сергей был веселым парнем, высокого роста и атлетического сложения. «Он уверял меня,— писала Тамара,— что предполагает на стройке веселиться под гармонь или патефон. Но я не верю ему. Он все больше и больше мне нравится, а я ему, кажется, наоборот. Я даже сделала брови, но Сергей не одобрил».

Я листал исписанные фиолетовыми чернилами страницы, и мне становилось ясно, почему Тамаре бывало то легко, то тяжело. «Живем в палатках,— писала она,— учусь на крановщицу. Сергей стал каменщиком, жалуется, что трудно. Я сказала ему, что он хлюпик. Он стал делать вид, что не замечает меня, я в ответ делаю то же. Однажды я была одна. Сергей пришел выпивши. Я стала просить, чтобы он ушел, потому что терпеть не могу пьяных. Но, видно, тогда еще любила его и не сумела выгнать. Случилось то, чего больше всего боялась мама. Лучше мне умереть».

Несколько страниц в тетради оставлены чистыми, потом снова запись: «Работаю крановщицей на домне. Какое счастье, что там, под небесами, никто не видит, что я часто реву белугой. Только такие думы мне уже теперь часто кажутся просто ерундой, когда перед глазами будущая Магнитка».

...Габдуллаев постучал карандашом по столу, и собрание продолжалось. Предстояло разобрать персональное дело комсомольца Ивлева, парнишки лет восемнадцати, с оттопыренными ушами и бледным лицом. Габдуллаев охарактеризовал его как заядлого прогульщика, и собрание должно было решить — достоин он быть комсомольцем или нет.

— Пусть Ивлев расскажет нам,— говорил Габдуллаев,— почему он прогулял десять дней.

Ивлев стоял с поникшей головой. Выступил бригадир, у которого он был под началом, и сказал, что приехал Ивлев хорошим парнем, давал норму, ничего худого за ним не наблюдалось, что же теперь произошло — понять невозможно.

— Говори, Ивлев, чего молчишь! — потребовали голоса с мест.

Ивлев молчал, не поднимая головы. Стали выяснять, с кем он живет в общежитии. Не то что соседа по комнате не нашлось, тут вообще не было ни одного человека из того дома, в котором жил Ивлев. Он жил с теми, с кем приехал из Ивановской области. Товарищи его работали не на домне, а на других участках.

— Мы что, на тебя смотреть пришли? — крикнула Тамара.— Ненавижу лодырей. Гнать его из комсомола.

Внезапно погас свет, но никто не обратил на это внимания, и собрание продолжалось. Снова Габдуллаев спросил Ивлева, почему тот прогуливал, и сейчас, в темноте, Ивлев вдруг ответил:

— Штаны проиграл в карты, потому и прогуливал.

Кто-то хихикнул, а кто-то заметил:

— Уважительная причина.

Посыпались вопросы:

— С кем играл?

— Сколько всего проиграл?

— Почему молчал?

Ивлев ответил только на последний вопрос:

— Что ж, я совсем совесть потерял — при всех про штаны говорить?

Габдуллаев потребовал назвать «партнеров».

— Кому проиграл? — спросил он в упор.

Но Ивлев только пробурчал:

— Ясно, не себе.

— Нам надо знать кому,— настаивал Габдуллаев.

Ивлев наотрез отказался говорить.

Слово взяла Тамара. Она говорила с места.

— В свое время,— сказала она,— мы нагледелись на таких типов. Они ничего общего не имеют с нами, им наплевать на нашу стройку. Мое мнение такое: если Ивлев честно не расскажет, как он дошел до

жизни такой, нет ему места в комсомоле. Хватит с такими миндальничать!

— Верно говорит! — похвалил кто-то Тамару.

— Послушай, друг, — раздался из задних рядов чей-то бас. — Пойми, что дело не только в тебе. Нам надо знать, с какой дрянью ты связался. Помочь тебе надо другую жизнь начать.

Ивлев замотал головой и проговорил:

— Я один во всем виноват.

Из-за стола президиума вышел Ковалев.

— Мы все хорошо помним первые дни жизни в степи. Но сейчас я хочу кое-кому напомнить то, что нельзя забывать. Все помнят нашего друга Николая Дюкова, убитого хулиганами ни за что ни про что. Помните?

Из зала тихо ответили:

— Конечно, помним.

Ковалев продолжал:

— А я так до сих пор слышу траурную музыку. Не было еще нашего города — кругом степь. И вот в степи музыка... Настоящий был парень Дюков. Послушай, Ивлев. А ведь ты трус. Нам с тобой не по пути.

— Я не трус! — закричал Ивлев. — Все скажу!

И он рассказал, что не хотел играть, не умел, а его «прижали» и заставили. И, чтобы доказать свое чистосердечное признание, он назвал имена тех, кто довел его до такой жизни.

— Я не трус, — снова и снова повторял он. — Нельзя меня выгонять.

И та же Тамара, что несколько минут назад требовала его исключения, снова взяла слово и сказала:

— Нельзя его исключать.

К этому выводу пришло и все собрание. Ивлеву вынесли строгий выговор с предупреждением, с занесением в учетную карточку. Также приняли решение — немедленно перевести его в другое общежитие, а дело о его «дружках» передать в комсомольский штаб города.

Я вспомнил слова харьковчанина о тысячах тонн металла, помноженных на метель и буран, и понял, что не только в тоннах металла и метеорологической чертовщине заключен масштаб и успех великих свершений, но он прежде всего в широте человеческой души — в самом человеке, постигшем великую цель, в человеке, суровом и нежном, в таких, как Тамара, Ковалев, Габдуллаев и их друзья.

Остался третий пункт повестки дня: выборы делегатов на городскую конференцию.

С места, перебивая друг друга, стали называть имена.

— Говорите по-одному, — сказал Габдуллаев.

Длинных характеристик давать не пришлось. Собрание всякий раз дружно реагировало:

— Стоящий парень! Правильно!

Габдуллаев закрыл собрание. Ко мне подошел Ковалев и спросил:

— Поехали?

— Поехали.

На улице подвывали четыре крытых грузовика. Но они не могли вместить всех, и многие двинулись пешком через степь, благо метель к ночи улеглась.

Ковалев позаботился о местах, и мы с ним забрались в кузов. Кто сидел на лавках, кто пристроился к сидящим, на колени, кто просто стоял.

— Как министры, едем, — заметил кто-то.

— Могли бы так каждый день, — сказал Ковалев. — Жить надо по-

человечески — всем вместе, а не в разных концах. Хоть убейте, не могу понять людей. Работают вместе, а живут по разным углам.

— Почему? — спросил я.

— Не желают переселяться, — ответил Ковалев. — Раз, мол, я с Ивановым или Петровым приехал, с ним и буду жить. А то, что Иванов или Петров работает на ТЭЦ или в жилстрое и, бывает, его неделю и не увидишь, потому что в разные смены ходят, — это неважно. Жил бы Ивлев со своими — разве такое с ним случилось бы? У меня от этих капризов голова трещит.

Из темноты кто-то сострил:

— Тройчатку прими.

Ковалев обозлился.

— Я же о тебе забочусь, — сказал он, видимо, зная, с кем говорит.

Скоро грузовики подкатили к тресту, и народ разошелся по домам.

— Так мы с вами и не поговорили, — сказал я Ковалеву.

— Хотите завтра?

— Хочу.

— Тогда у меня к вам просьба. Пойдемте вместе в одно общежитие. Часа в два можете?

— Могу.

— А потом пойдем в комитет, запремся там и поговорим. Я на пять часов вызвал кое-кого письма родителям писать. Новую Магнитку строят, а простых вещей не понимают.

Я не удержался и спросил:

— Чье письмо вы читали на собрании?

— Вам скажу. От родителей монтажника Фирсова. Знаете такого?

— Знаю. Он, мне кажется, не только плохой сын. Паясничает, хулиганит.

Ковалев возразил:

— Я не согласен. У него личная драма.

— Какая еще драма?

— Самая настоящая.

И Ковалев поведал мне историю печальной любви Фирсова к одной дивчине. В этой истории не было ничего исключительного. Фирсов влюбился, а его не любили. Вот и все.

— Я даже на комитет хотел ее вызвать, — рассказывал Ковалев.

— За что?

— А вот послушайте. Фирсов с восьми метров упал, месяц в больнице лежал, а она ни разу его не навестила. Я и хотел ее на комитет вызвать, а потом подумал и решил: может, она права — не любит, и точка. — Ковалев умолк, задумался, потом протянул мне руку. — Завтра в два в комитете.

От треста до моего общежития рукой подать. Окно в моей комнате не светилось. Значит, никого не вселили. Дежурная встретила меня вопросом:

— Неужто в кино ходили?

— Нет. А что?

— Не ходите. Раздевают.

Все это было враньем, но, по мнению дежурной, любезностью. Я пробыл в Темир-Тау почти месяц, ходил ночами и благополучно возвращался домой. Я ни разу не встретил на улице разбушевавшегося пьяного. Однажды шел этакий вокалист, распевая на всю улицу «Ревела буря, дождь шумел», увидел человека с красной повязкой, остановился и храбро сказал:

— А я пою.

— Вижу, — отозвался патрульный.

— Ну и что?

— Ничего.

— То-то,— пробормотал вокалист и побрел дальше молча — петь ему, видно, расхотелось.

Это не значит, что в Темир-Тау не пьют вина. В магазинах продают — значит, и пьют, но без «фокусов», а не то угодишь в комсомольский штаб. Там на первый раз протокол составят, а повторится — препроводят в милицию, где такого фокусника ждет несколько верных суток ареста.

В моей комнате было темно и тихо. Я зажег свет, снял пальто, ботинки и — на кровать. Спать не хотелось. Хотелось лежать, не двигаясь, и просто ни о чем не думать. Должен же кончиться и мой рабочий день. Но не тут-то было. За стенкой раздавались громкие голоса. Из моей комнаты в соседнюю вела дверь, забитая гвоздем. (Дом для приезжих состоял из четырехкомнатных квартир, временно отданных командировочным.) Я хотел заставить себя не прислушиваться к голосам за стенкой, но не мог.

— Вопрос исчерпан,— басил кто-то.— Завтра меня здесь не будет. Все.

— Никогда не поверю,— произнес высокий тенор.— Уезжать нельзя. Поверь мне.

И опять возмущенный бас:

— Как ты не понимаешь, что я не могу больше показываться на домну? Понимаешь, что значит запороть смену? С какими глазами я приду туда?

— Ты не виноват,— стоял на своем тенор.— Виновато начальство. Они не смели пускать тебя одного первый раз, да еще в ночную смену. Одевайся и иди. Теперь все будет хорошо.

— Чудак ты,— сказал бас.— Пойти, чтоб надо мной девчонки смеялись.— И, помолчав, сам же себе возразил: — Правда, им не так уж смешно. Они на мне здорово погорели. Им наряды на четырнадцать рублях закрыли.

Я встал с постели. Захотелось увидеть человека, из-за которого каменщице Елене Александровой снизили заработок. Несмотря на позднее время — часы показывали пять минут первого,— я надел ботинки и — в коридор.

— Можно? — постучался я в соседнюю дверь.

— Пожалуйста.

На меня удивленно смотрели два человека. Я вошел и сказал:

— Простите, что врываюсь так поздно. Правда, вы сами спать не даете. Как раз сегодня о ком-то из вас шел разговор на комсомольском собрании. О ком — не знаю.

— Обо мне. О ком же еще,— хмуро пробасил длиннолицый молодой человек.

— Как же это у вас получилось? — спросил я.

Тут из-за моей спины послышался предостерегающий голос:

— Молчи. Лучше не рассказывай. Ведь это корреспондент. Такое пропишет..

Я оглянулся и увидел на кровати третьего обитателя комнаты — большого, грузного человека, укрытого одеялом. Он лежал, повернувшись лицом к стенке.

— Вы угадали,— сказал я ему, вернее его затылку.— Я действительно корреспондент, но никого прописывать не собираюсь. Просто был на собрании и слышал разговор.

Заговорил тот, у которого был высокий голос:

— Он ни в чем не виноват. Вчера утром только приехал, а его в ночную смену одного сунули. Расскажи, Володька.

И Володька нехотя стал рассказывать.

— Вы, наверное, на кауперах бывали?

— Бывал.

— Значит, знаете — там идет футеровка. Кирпич должен иметь плюсовую температуру, иначе раствор не возьмет. Я с ходу не разобрался: вижу, кирпич поступает из тепляка, ну, думаю, все в порядке. К перерыву пришел контролер, измерил температуру и зарубил все. Шум, ругань, стали тепляк до нужной температуры разогревать. А план сорван. Короче, весело...

Володя смотрел на меня обиженными глазами, печально поджав губы.

— Вы инженер?

— Да. Уже три года в Челябинске работал на домне. На строительстве первый раз. Но все равно позор.

— Никакого позора не вижу.

— Вот и я то же самое говорю, — подхватил Володин приятель. — Не имели права тебя одного пускать в ночь.

Володя махнул рукой и сказал:

— Зачем зря говорить, Василий Петрович? Я же не маленький.. Все решено. Завтра утром уеду.

— А вас надолго сюда прислали? — спросил я.

— На месяц, — ответил он и усмехнулся. — Один день уже отработал. Хватит.

— Тогда и я уеду, — сказал Василий Петрович.

На вид они были ровесники. Но почему-то Василий Петрович обращался к Володе запросто, а тот величал его по имени-отчеству и на вы.

— Вы вместе работаете?

— Нет, — ответил Василий Петрович. — Я взрывник.

— И тоже в командировке?

— Нет. Живу здесь, потому что жду квартиру. Получу — и жена приедет.

— Когда же вы успели подружиться с Володей?

— Вчера вечером, — ответил Василий Петрович. — А он, нахал, хочет уехать.

Володя тихо, почти шепотом, спросил не то нас, не то себя:

— Совесть-то у меня есть, наконец?

Второй раз за сегодняшний вечер я слышал это слово — «совесть». На комсомольском собрании, когда погас свет, его произнес Ивлев. Теперь Володю мучила совесть, что он загубил смену.

— Мне кажется, — сказал я, — что вы никогда не простите себе, если уедете. В сущности, пока еще ничего не случилось. А вот уедете, тогда вас действительно замучит совесть. И домашних только напугаете.

— Я один живу, — ответил Володя. — Мои родители в Москве. Случись это при них, такое бы подняли!.. — Он хотел еще что-то сказать, но не успел. Вошел человек в кожаном пальто и подошел прямо к нему.

— Вы больны, Рязанов?

— Нет.

— А почему не на домне?

— Я уезжаю, Дмитрий Сергеевич.

— Куда?

— В Челябинск, домой.

Дмитрий Сергеевич огляделся, нашел стул и сел.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Я думал, вы заболели. Мне звонили с домны, что вас нет.

— Нет, я здоров, — сказал Володя. — Но вы же знаете, что вчера случилось.

— Знаю.

— Как же я туда покажусь?

— Виноват я,— сказал Дмитрий Сергеевич.— Обрадовался, что при-
слали еще одного инженера, и упустил из виду, что вы первый раз на
стройке. Так что одевайтесь, пойдем сейчас вместе.

— Я завтра уеду,— проговорил Володя.

И хотя он настаивал на своем, мне казалось, что уезжать ему не хо-
чется. Как ребенок, он ждал решительных слов от взрослых. У нас с Ва-
силием Петровичем не нашлось этих слов. Мы говорили с Володиной роб-
ко и даже нежно, будто боялись обидеть его. Человек в кожаном пальто
ничего не боялся.

— Вас пороть надо,— сказал он.— Если бы вы были старый, опыт-
ный, уважаемый инженер — еще туда-сюда. Взял да вернулся — мол,
поругался там, посылайте другого. Но вы подумали, как посмотрят на
вас товарищи? Что вы скажете им, почему уехали?

— Скажу честно, как было дело.

— Несерьезно. Выкиньте это из головы. У подъезда машина. Я жду
вас. Мы и так опоздали.

Он встал и быстро вышел.

— Ну вот и хорошо,— сказал Василий Петрович.

— Счастливо оставаться,— сказал я и пошел к себе.

Было слышно, как Володя торопливо натягивал сапоги, потом что-то
искал, бегая по комнате, потом хлопнула дверь. Еще раз я мысленно
пожелал ему удачи, разделся и лег спать, твердо решив, что на этот раз
буду спать — и конечно! Кого бы ни вселили, что бы ни случилось —
ни за что не встану.

Где-то по соседству слушали последние известия из Москвы. В Мос-
кве сейчас, значит, десять тридцать вечера, а у нас половина второго
ночи.

Утром, когда я проснулся, моим глазам представилась такая кар-
тина: на диване сидел парнишка — круглолицый блондинчик, на кро-
вати, свесив с колен руки, устало сгорбился мужчина в видавших виды
сапогах. На столе стоял чайник, а рядом — банка с мясными консерва-
ми и хлеб.

— Только приехали? — спросил я.

Человек с усталым лицом невесело усмехнулся:

— Как раз сегодня круглая дата. Второй месяц пошел, как тут жи-
ву. Переселяют из комнаты в комнату, с этажа на этаж. Московская
кинохроника приехала. Хотят жить непременно все вместе, в одной ком-
нате, вот меня и попросили.

Он оказался геологом из Алма-Аты. Он, начальник партии, и пар-
нишка-рабочий являли собой всю партию. Задание у партии было
простое: взять пробу местного строительного камня — пять тонн.

— Взорвать-то мне взорвали, а вот взять да упаковать некому,— жа-
ловался начальник.— Вот прислали Виктора, а что он может один сде-
лать? Поковыряется день, а за ночь опять все снегом занесет.

Я слушал и ушам своим не верил. Неужели здесь, где стройка рас-
полагает десятками тысяч рабочих рук и самой современной техникой,
человек должен месяц сидеть, чтобы отправить ящики с породой?

— Зачем вообще нужна эта проба? — спросил я.

Геолог пояснил:

— В свое время мы уже брали камень на анализ. Выдержал испы-
тание по всем статьям. Из него за два года черт-те что понастроили.
И вдруг одна вышестоящая организация опровергла наши показатели,
вот нам и приказали: поезжайте, ребята, и привезите камушек.

— Ну, а вы-то сами как считаете?

— Пустой номер.

— В каком смысле?

— В таком, что камень по всем показателям хороший, в том числе и по морозостойкости, из-за которой весь шум подняли.

— Почему же ваши данные опровергли?

— Почему? Лаборантка что-нибудь напутала, вот и опровергли. А здешнее начальство прекрасно понимает это и махнуло на нас рукой.

Молчавший до сих пор Виктор заговорил неожиданно звонким голосом:

— Это же форменный бюрократизм. Хуже быть не может — работать целый день, и все впустую.

— Правильно,— сказал начальник равнодушно.— Такая стройка, а добиться бульдозера и бригады рабочих нельзя.

Видно было, что ему все надоело и он смирился перед судьбой.

— Дайте указания, я сам пойду к начальству,— сказал Виктор.

— Даю тебе указание. Иди на участок, а я на телеграф. Пошлю телеграмму, чтобы нас отозвали.

Я наскоро оделся, умылся, выпил чаю — и на улицу. В два часа я был в комитете комсомола, и оттуда Ковалев повел меня в девяносто девятый квартал, в одно из общежитий.

— Какое у вас там дело?— спросил я.

— Даже не знаю, как вам сказать. Сами все увидите.

Дома в девяносто девятом одноэтажные, аккуратненькие, стоят в заснеженных палисадниках. Мужские и женские общежития на один лад: просторные, светлые прихожие и длинные, широкие коридоры со множеством дверей по обе стороны.

Ковалев привел меня в женское общежитие. В прихожей и в коридоре — ни живой души. Ковалев отыскал нужную ему комнату и постучал.

— Одну минуточку,— раздался за дверью голос.— Теперь можно.

Мы вошли.

В комнате с застеленными койками стояла стройная девушка в красном свитере и серых брюках. Она застыла в позе из журнала «Моды», изящно положив руку на талию, чуть склонив голову, с улыбкой на крашенных губах, такой же застывшей, как и вся она. Наверно, чтобы приготовить эту позу и эту улыбку, она и просила нас подождать минуточку.

— Здравствуйте,— сказал Ковалев.

— Здравствуйте,— ответила девушка.— Прошу садиться.

Мы сели. Девушка тоже села, положив на стол руки с тонкими пальцами и яркими, как и губы, ногтями.

— Если не ошибаюсь, Нина Тищенко?— спросил Ковалев.

— Угадали.

— Вы не больны?

— Нет.

Обычно Ковалев всем говорил ты, а тут — сама вежливость.

— Я секретарь комитета комсомола.

— Очень приятно. Чем могу быть полезна?— спросила Нина.

— Как раз об этом я и хотел спросить у вас,— сказал Ковалев.— Почему вы не занимаетесь ничем полезным? Почему не работаете?

Нина вздохнула и ответила:

— Вы только с этим ко мне пришли?

— Только.

— Жаль. Но ничего не поделаешь. Так вот, товарищ секретарь комитета комсомола. Работать я не буду. Не умею. Да и, кстати, я не комсомолка.

— Это не имеет значения,— сказал Ковалев.

— Потом,— продолжала Нина,— работать маляршей или каменщицей нелепо. Для чего, спрашивается, я окончила десять классов?

— А как вы думаете, для чего?— спросил я.

— Ну, думала, попаду в институт в какой-нибудь. Не вышло.

— А сюда зачем приехали?— допрашивал уже теперь я.

— Воспитываю родителей. Понятно?

— Нет.

— Они притесняли меня. Каждый день скандалы — не приходи поздно, займись делом. Одним словом, надоели до черта. Я взяла и махнула, и не куда-нибудь, а сюда, за три тысячи километров. Теперь почти каждый день авиапочта — умоляют вернуться.

— Значит, воспитали?

— На все сто.

— Кто здесь еще живет в комнате?— спросил Ковалев.

— Еще три девушки из отделстроя. Крутятся с утра до вечера. Две из них еще в заочном институте учатся. Третья — в техникуме. Одним словом, готовят себя в старые девы.

Ковалев прервал ее:

— Очень нужен человек в детский сад. Вы бы не пошли воспитательницей?

Нина залилась смехом. Я с недоумением посмотрел на Ковалева: нашел, чудак, воспитательницу.

— Тогда все,— сказал Ковалев.— Придется вам в ближайшие дни уехать. Мы ждем новых людей, а размещать их негде.

— Неужели я могу спасти положение?

— К сожалению, вы не единственная такая,— ответил Ковалев и, не попрощавшись, пошел к двери.

Когда мы вышли на улицу, Ковалев воскликнул:

— Какая обида! Такая красивая — и дура!

Я так и не понял, почему Ковалев не хотел идти один к Нине Тищенко.

— И все-таки это не выход,— вдруг сказал Ковалев.— Отправить ее домой — это называется умыть руки. Надо подумать.

Мы шли по центральной улице. Погода похожа на весеннюю. Просторное голубое небо без единого облачка, яркое, слепящее солнце, а главное — нет ветра. И опять, как и вчера, откуда-то неслась танцевальная музыка.

— Я знаю, что надо сделать,— продолжал о своем Ковалев.— Я заставлю Нину прийти на комсомольское собрание отделстроя. Там уж она не отвертится. Возьмут ее в оборот, будь здоров.

Скоро мы расстались. Ковалев пошел обедать домой, я — в столовую. На пять часов он вызвал монтажника Фирсова и еще нескольких человек писать письма родным. Я сказал, что тоже приду, ведь, в сущности, он пока еще ничего мне о себе не рассказал.

Ковалев помолчал, потом задумчиво произнес:

— Родился я в тысяча девятьсот тридцать восьмом году...— Он поглядел на меня и спросил:— Кажется, я уже вам это говорил?

— Говорили.

— Тогда в пять часов в комитете.

Напротив здания треста установлена Доска почета, вывешены «молнии» комсомольских постов и плакаты местного «Крокодила». Я прочитал первую «молнию»: «Есть у вас совесть, товарищ начальник автобазы? Почему вчера на разгрузку деталей сборных домов вы выслали не сорок обещанных машин, а только двадцать?» Я вспомнил вчерашнюю встречу с Ковалевым. До сих пор у меня поламывало в лопатках.

Рядом с «молнией» висели рисунки «Крокодила». На первом была изображена стена. Вместо кирпича она была сложена из сладко спавших руководителей кирпичного завода. Подпись гласила: «И в воде мы не утонем, и в огне мы не сгорим».

На другом плакате толстый человек чайной ложкой наливал бетон

в кузов самосвала. И подпись: «Нам с бетоном не чай пить, а домну строить. Опомнитесь, товарищи!»

Так комсомольские посты ответили на вчерашние события.

В столовой не оказалось ни одного свободного столика. Я решил чем-нибудь подкрепиться в буфете. Там стоял парнишка в ватнике и валенках. Ушанка и большие рукавицы засунуты за пояс. Парнишка разглядывал выставленные за стеклом блюда.

— Возьмем курочку на пару?— предложил он.

Я поглядел на увесистую курочку, на парнишку — невысокого крепыша — и спросил:

— Осилим?

— Запросто.

Мы взяли курицу, по бутылке кефира, хлеба и здесь же, у буфета, стоя, принялись трапезничать.

— Где работаешь?— спросил я своего нового знакомого.

— В жилстрое-два.

— Давно?

— Скоро год. После ремесленного.

— А кем работаешь?

— Плотником. Работенка приличная. Заработать дают.

— Сколько получаешь?

— До тысячи. У нас наряды аккордные. Простоев не бывает, да и дома сдаем досрочно. Прогрессивка есть.

Скоро я уже перестал сомневаться, осилим ли мы курицу. У парнишки был отличный аппетит, ел он, я бы сказал, вдохновенно и с толком, запивая кефиром.

Приятно было смотреть на него.

— Откуда приехал? Издалека?

— Я смоленский. Гжатского района.

— Скучаешь?

— Некогда. Утром — на работе, вечером в восьмой класс хожу. А вы, наверно, из газеты?

— Почему так решил?

— Интересуетесь больно.

На прощание он просил меня заходить в жилстрой.

— Спросите там Тверского,— небрежно бросил он.

Этим он, должно быть, хотел сказать, что в жилстрое его все знают, что он, мол, здесь не последний человек.

Я и сам убедился в этом, когда уезжал из Темир-Тау и прочитал в многотиражке сообщение о том, что одной из плотницких бригад жилстроя присвоено звание бригады коммунистического труда. Среди подписавших обязательство быть достойными высокого звания стояла подпись и паренька из Гжатска.

— Так вы заходите,— уже на улице повторил он свое приглашение.— К нам из редакции одна девушка часто бегаёт. Ксеней зовут.

На этом мы и расстались.

Ксению из местной многотиражки я знал. Наши дороги часто сходились. То мы встречались на оперативках в жилстрое, то на строительной площадке завода, то у каменщиц в котловане будущего больницы городского. Она перепрыгивала через ямы и бревна, карабкалась по шатким мосткам, туда, где сам черт голову сломит. Не по-зимнему легко одетая, Ксения вечно спешила куда-то и вечно была недовольна своим редактором — грузным, полным человеком в очках с толстыми стеклами и добрым лицом, любителем поэзии.

Наверно, он сам когда-то писал стихи, потом разуверился в своем таланте и с головой ушел в газету. Он был влюблен в стройку, в жену, в пятилетнего сына, которого в глаза и за глаза величал по имени-от-

честву, и, конечно, в стихи. Когда случалось нам оставаться одним, даже на улице, он брал меня под руку, прерывал начатый разговор и принимался читать Заболоцкого. Он проглядел в газетах сообщение о его смерти. И когда я случайно в редакции упомянул об этом, стекла редакторских очков затуманились.

Перед ним на столе лежал отпечаток очередного номера. Он склонился над ним, прикрыв глаза ладонью, как козырьком, будто читал полосу. Но все, кто был в комнате, понимали, что редактор плачет, и шепотом стали спрашивать меня: кто умер, что за поэт?

— Заболоцкий, черт возьми!— вдруг закричал редактор.

Возвращаясь из столовой мимо новой, еще недостроенной школы, я услышал знакомый голос:

— Остановитесь!

С третьего этажа мне махал харьковчанин.

— Подождите минуточку,— попросил он и скоро появился, но не из двери — дверь была заколочена,— а из окна.

— Почему вы здесь?— спросил я.— Вы же уехали в Караганду на сессию Академии?

— Уже вернулся. Повидал, кого надо, и вернулся. Большое дело затевается: канал Иртыш—Караганда. Слышали?

— Слышал.

— Слышать мало. Четыреста пятьдесят километров длины. Постигаете?

— Ну, а ваши собственные дела как?— спросил я.

— Горю. Сначала, как вам известно, урезали регламент, потом вообще отменили совещание. Я решил рассказать людям о наших достижениях прямо здесь, на площадках. И опоздал. Они давно применяют наш способ: первые смены монтируют внутренние стены, лестничные марши, площадки, а вторые смены...— Он не договорил, махнул рукой и вздохнул.— Но я доволен. Нам тоже есть чему тут поучиться. Я чувствую себя помолодевшим на десять лет.

В пять часов я пришел в комитет комсомола. Толкнул дверь — заперта, а в комнате голоса. Стал стучать.

— Откройте!

— Не можем. Нас заперли.

— Зачем?

— Письма писать домой.

— А сам-то где?

— В старый город поехал. Сказал, через час приедет.

— Желаю успеха.

— Спасибо.

Так были наказаны покорители степей. Сидят взаперти, мусолят во рту карандаши и пишут письма родителям.

Я был зол на Ковалева. Мог бы подождать меня — может, вместе поехали бы в старый город. Туда всего двадцать пять минут на автобусе. Меня не покидало чувство, что я могу упустить что-то очень важное.

Кстати, несколько слов о старом Темир-Тау. Двадцать лет назад он назывался поселком Самарканд и его немногочисленные жители (двести человек) не ведали и не гадали, что их глухому степному поселочку суждено будет стать крупнейшим промышленным центром республики.

Почему это произошло?

Поселок Самарканд находился недалеко от реки Нуры. В то время Карагандинская Кочегарка испытывала острую нужду в электроэнергии. Долина реки Нуры оказалась самым подходящим местом для строительства плотины. В 1939 году Нура, перекрытая плотинной, образовала

огромное водохранилище, необходимое для электростанции. Скоро шахты Караганды получили первый ток.

Громадные залежи руды, коксующегося угля, марганца, извести, хранящиеся в здешних недрах, решили дальнейшую судьбу поселочка Самарканд. Его переименовали в город Темир-Тау, что в переводе на русский язык означает «Железная гора». Здесь был построен завод синтетического каучука, затем металлургический завод. В 1944 году Казахстан получил свою сталь.

Старый Темир-Тау пока что является хозяином положения: там горком партии и горсовет, там Дворец металлургов и книжный магазин, там улицы имеют названия.

Но уже теперь четвертая часть всего здешнего населения живет в восточной стороне, то есть в новом Темир-Тау, поближе к строительной площадке будущего металлургического комбината.

В грядущее семилетие старому Темир-Тау придется уступить свою главенствующую роль юному Темир-Тау. Их свяжет трамвай. Но пока его еще нет, и сообщение между двумя городами автобусное. Собираясь поехать в старый Темир-Тау, я тшетно прождал сорок минут автобуса и ушел ни с чем. К вечеру началась гололедица. Она-то и замедлила движение. Я пошел в трест и уже не жалел, что не поехал в старый город. К тому же, как выяснилось, Ковалева вызвали в горком комсомола, для того чтобы дать взбучку: еще не все управления выдвинули делегатов на городскую конференцию.

На третьем этаже треста — парткабинет. Я часто заходил туда. Когда долго не бываешь в Москве, читаешь или просматриваешь все газеты, какие есть, — лишь бы из Москвы. На втором этаже, где помещалось начальство, всегда было тихо, люди говорили вполголоса, а сейчас эту привычную тишину нарушал звонкий, я бы даже сказал скандальный, мальчишеский голос. Я заглянул в приемную, чтобы узнать, что там происходит, и оторопел. В замызганных сапогах и в ватничке, Виктор — уже знакомый мне рабочий из геологической партии — бил кулаком по секретарскому столу.

— Ты позовешь мне начальника или нет?

— Потихе, слышишь? — увещевала его перепуганная секретарша. — Скажи, зачем тебе к начальнику? По какому делу?

— По государственному.

— А кто ты такой?

Виктор, не моргнув, соврал:

— Помощник начальника геологической партии. Говори, где начальник?

— Занят.

— Я тоже занят, — сказал Виктор и направился к кабинету начальника, но секретарша метнулась и успела заслонить собой дверь.

— Не пушу.

— Пустишь.

— А ты не хулигань.

— Разве я хулиганю? Мне нужен начальник.

Тут и я решил вступить за Виктора.

— Послушайте, девушка, у него и правда важное дело, — сказал я. Но секретарша стояла на своем:

— У всех важные дела.

Внезапно дверь открылась. На пороге стоял начальник.

— Что здесь за шум?

— Вот рвется к вам, ничего не могу с ним сделать.

— Кто рвется? Вы что, порядка не знаете?

— Знаю, — сказал Виктор. — Вы мне скажите, товарищ начальник, на

кого я работаю, на папу римского или на Советскую власть? Который день один ковыряюсь в степи! Пять тонн камня — разве мне поднять? В ваших же интересах покончить с этим делом. Я о пробах говорю, опростованных.

— Ты кто?

Ответила секретарша:

— Говорит, помощник начальника геологической партии. Врет, конечно, разве не видно?

— Я рабочий партии, — сказал Виктор. — Так это ж дела не меняет. Цельный месяц история тянется. Разве ж можно так жить?

— Вера, — обратился начальник к секретарше, — срочно отпечатайте приказ камнедробильной фабрике. Пусть немедленно отгрузят породу. Геологи им укажут, что и как надо брать.

Прежде чем уйти, он сказал Виктору:

— Врать, конечно, не надо ни при каких обстоятельствах.

Виктор помахал секретарше шапкой и громким шепотом сказал:

— Прощай, бюрократия!

В этот вечер я так и не встретил Ковалева. Через час в комитете комсомола мне передали от него записку: «Простите, встретимся в другой раз. Ковалев».

Ни в следующий раз, ни в другие наши встречи он так ничего и не успел рассказать мне о себе. Только как-то спросил вдруг:

— Знаете, кем я хочу стать?

Я, не задумываясь, ответил:

— Политработником.

— Нет. Я скажу, только не смейтесь. Дипломатом. Не верите?

— Нет, почему же, верю.

Наступал вечер. С трех сторон из города степью шла на домну вторая смена. Люди шли гуськом, молча, чуть подавшись вперед, пробиваясь сквозь невидимую, но плотную, тугую, обжигающую стену ветра. Ни к ватникам, ни к шапкам снег не прилипал. Обдуваемый ветром, снег забивался только в швы одежды. Сама одежда оставалась чистой.

Впереди овраг, тот самый овраг, в который ныряешь, как в бездну. Я с сожалением и с грустью подумал о том, что придет день, когда я в последний раз нырну и вынырну из этого оврага и надолго, а может, навсегда покину Темир-Тау. Я говорю — с сожалением и грустью, потому что не представляю себе, что никогда больше не встречу Ковалева, Тамару, монтажников Хохлова, Фирсова, плотника Тверского. Я чуть было не проговорился перед читателем и не назвал их подлинные имена и фамилии. Ведь они просили меня не называть их. Иные даже взяли с меня честное слово.

Я сдержал слово. Имена и фамилии в моих записках вымышленные. Но не в том суть. А суть в том, что есть на свете такая страна — Казахстан, есть Казахстанская Магнитка и есть люди, которые строят ее и которых нельзя выдумать, сколько ни старайся.

Конечно, о них еще не раз напишут газеты, им посвятят повести, романы и кинофильмы. А когда Карагандинский металлургический комбинат даст стране первый чугун, и помину не будет об этом овраге и этой пустынной дороге, никто не заговорит уже о нехватке штепсельных розеток и сушилок для валенок. Вот тогда интересно будет посмотреть на Ковалева и Тамару, Фирсова и Виктора и узнать, сумел ли Ковалев заставить Нину жить по-человечески. Ну, а пока... Пока был вечер, и первая смена покидала домну.

ПУБЛИЦИСТИКА

Б. ЯКОВЛЕВ

★

ПО ВЕЛИКИМ ЗАВЕТАМ

В дни работы XXI партийного съезда один из его делегатов, писатель Шараф Рашидов, поделился своими мыслями и впечатлениями с читателями «Правды». «Входишь в зал — на тебя смотрит Ленин, — писал Ш. Рашидов. — Вглядываешься в дорогие, знакомые с детства черты его лица, в острые, умные и по-отечески ласковые глаза — скульптура словно оживает, видишь совсем близко живого Ильича. Так и хочется говорить с ним, рассказать ему о славных делах партии, созданной и закаленной им, идущей по предначертанному им пути».

Те же чувства высказали съезду уже не сыновья и даже не внуки, а правнуки Ильича — юные пионеры, члены детской коммунистической организации его имени. Приветствуя съезд, они заявили:

Кажется нам, что товарищ Ленин
Где-то рядом, здесь, среди нас,
Слушает слово съезда с волнением,
Смотрит с знакомым прищуром глаз.

Без сомнения, то же чувство испытывали многие участники съезда: Ленин не только слушал делегатов, он как бы говорил с ними, ибо «набатный ленинский язык», мудрое, проникновенное ленинское слово слышалось в речах и выступлениях на съезде.

Предначертаниями Владимира Ильича, поставившего перед советскими людьми великую цель создания коммунистического общества, начал Н. С. Хрущев первый раздел своего доклада, посвященный победам нашего народа. Ссылкой на ленинский призыв к большевикам никогда не успокаиваться на достигнутом, идти вперед, добиваясь новых успехов и новых побед, завершается этот раздел.

Ленинские указания о необходимости творчески подходить к решению задач коммунистического строительства, ленинские принципы коллективности партийного руководства, ленинские определения роли профсоюзов и комсомола, ленинское единство коммунистических и рабочих партий... Идеи ленинизма, сказано в докладе, имеют для победы коммунизма такую же животворную силу, как солнечные лучи, как свет и тепло для растений, для жизни на земле. «Как сама жизнь беспредельна в своем прогрессивном движении, в своих многообразных проявлениях, так безгранична в своем развитии и обогащении новым опытом и новыми положениями марксистско-ленинская теория». Это доказывают материалы съезда, воплощающие коллективную мудрость партии, достойной имени своего великого учителя.

Если собрать воедино все работы и высказывания Ленина, на которые ссылались делегаты съезда, получилась бы большая книга ленинских заветов о путях коммунистического строительства.

Недаром в заключительном слове Н. С. Хрущев сказал, что, когда он слушал выступления делегатов, ему вспомнились слова Ленина на VIII Всероссийском съезде Советов, где обсуждался первый народнохозяйственный план — план электрификации России. Ленин призвал тогда советских людей превратить съезды «не в органы ми-

тингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству». И партия делает именно то, что рекомендовал Ленин. Ленинским духом деловитости, конкретности, творческого подхода к назревшим вопросам коммунистического строительства была проникнута вся работа XXI съезда, в решениях которого творчески развиваются идеи Ленина.

Единодушно принятый съездом план развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы охарактеризован в резолюции съезда как практическое воплощение ленинской генеральной линии партии на современном этапе.

Материалы съезда напоминают о мыслях Владимира Ильича и по ряду отдельных задач коммунистического строительства, особенно актуальных и животрепещущих в наши дни. Конкретные высказывания Великого Зодчего коммунизма, как и его основополагающие программные труды, исполнены гениальных предвидений и прежде всего «любви беззаветной к народу», как поется в старой революционной песне, под гордые звуки которой тридцать пять лет тому назад советские люди провозжали своего учителя в последний путь.

1

«Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила».

В. И. Ленин (1920).

Комплексная механизация и автоматизация производства. Специализация и кооперирование в промышленности. Так озаглавлен один из подразделов решений съезда, характеризующих главное направление дальнейшего технического прогресса в народном хозяйстве.

При жизни Ленина еще не существовало автоматизированных цехов и предприятий, не было промышленного использования полупроводников. Многие талантливые конструкторы и изобретатели наших дней родились уже после смерти Владимира Ильича, но воспитались они как строители коммунизма и сформировались как ученые на его идеях и трудах. Ленин не писал о достижениях электронно-вычислительной техники, но ведь они стали возможными лишь после открытия электронов в атоме, теоретические последствия которого рассматриваются в «Материализме и эмпириокритицизме».

«Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней»,— предсказывал Ленин в 1908 году. За прошедшие с того времени полвека наша наука блистательно доказала справедливость ленинских слов. Ленину не довелось видеть советскую атомную электростанцию, слышать радиосигналы советского спутника Земли, но он совершил так много, чтобы осуществились эти великие достижения науки.

Ленину принадлежит приоритет в разработке философской основы современных научных открытий. Весной 1913 года он заявил в статье «Три источника и три составные части марксизма», что новейшие открытия естествознания — радиум, электроны, превращение элементов — «замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса».

Советский ученый-радиотехник П. А. Остряков, рассказывая о беседе с Лениным по поводу изобретения, связанного с микроколебаниями в электронной структуре материи, вспоминает, что, в то время как он излагал все это Владимиру Ильичу, ему пришлось коснуться проблем электронной теории, строения вещества электромагнитных волн. Ответные реплики Ленина приводили ученого порой в смущение. Откуда Ленин все это знает? — недоумевал он.

«Лишь через несколько лет,— пишет П. А. Остряков,— я прочел классическую работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», книгу, столь необходимую для каждого инженера, и увидел, что мое изложение электронной теории на самом деле не требовалось. Эрудиция Владимира Ильича как теоретика-физика была столь же необъятна, как и социолога».

Ленин неоднократно указывал, что социализм делает всенародным достоянием «все чудеса техники, все завоевания культуры». Он призывал не жалеть никаких средств «на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники...»

Зимой 1918 года в речи на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун Ленин напомнил, что чудовищные ужасы первой мировой войны показали людям, «какие силы создала современная техника, и как растрачиваются эти силы в ужаснейшей, бессмысленнейшей войне». «Единственным средством спасения от этих ужасов являются те же самые силы техники», — такой вывод сделал Ленин из опыта первой мировой войны.

Как актуальны эти слова в наши дни, когда обезумевшие милитаристы угрожают человечеству еще более чудовищными средствами его истребления! А ведь современная техника может создать невиданное изобилие продукции, покончить с нуждой и нищетой населения капиталистического мира.

Ленин неутомимо способствовал ускорению технического прогресса во всех областях отечественной индустрии, активизации научной мысли, приближению науки к практической жизни.

В декабре 1920 года Владимир Ильич рассказал делегатам VIII Всероссийского съезда Советов о достижениях советских изобретателей, механизировавших «каторжную, — по ленинскому выражению, — работу» торфодобычи, и сформулировал такой обобщающий вывод: «Нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире».

В трудных условиях гражданской войны Ленин делал все возможное для поддержки пылливой научной и технической мысли. В «Тезисах о производственной пропаганде» (которые и сегодня во многом определяют направление советской научно-популярной литературы, кинематографии, радиовещания, искусства плаката) он писал: «...Систематизирована, расширена, развита должна быть работа по выдвиганию способных... изобретателей из среды рабочей и крестьянской массы».

О ленинской поддержке новаторов вспоминает и один из старейших коммунистов-хозяйственников — Ф. В. Ленгник. Он рассказывает об исключительно заботливом отношении Владимира Ильича к изобретателям. Безмерно загруженный бесчисленными делами во всех областях партийной и советской жизни, Ленин часто обращался в ВСНХ по поводу заинтересовавших его технических открытий и настаивал на экстренных мерах для ускорения отзыва, фабрично-заводской проверки, а в случае целесообразности — быстрее осуществления изобретения.

Особенно много сделал Ленин для поддержки изобретателей в радиотехнике, без успехов которой были бы невозможны и достижения современной радиоэлектроники. Зимой 1920 года, в напряженный период гражданской войны, Ленин писал М. А. Бонч-Бруевичу, которого он называл «крупнейшим работником и изобретателем в радиотехнике»: «Пользуюсь случаем, чтобы выразить Вам глубокую благодарность и сочувствие по поводу большой работы радиоизобретений, которую Вы делаете... Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам».

По-ленински заботливому отношению партии к деятельности изобретателей и новаторов обязана советская наука всеми огромными достижениями наших дней — будь то самый мощный в мире ускоритель заряженных частиц с энергией до десяти миллиардов электроновольт, или межконтинентальные баллистические ракеты, искусственные спутники Земли и искусственные планеты, или первые и величайшие в мире атомные электростанции, атомный ледокол.

Высоко оценил Ленин работу группы советских химиков, которая во главе с И. М. Губкиным «с упорством, приближающимся к героическому», как писал Владимир Ильич, «развила не только обстоятельное научное обследование горючих сланцев и сапропеля, но и научилась практически готовить из этих ископаемых различные полезные продукты, как-то: ихтиол, черный лак, различные мыла, парафины, серно-кислый аммоний и т. д.». И Ленин предсказывал, что подобные исследования и открытия советских ученых составят прочную основу нашей химической промышленности, которая со временем «будет давать России сотни миллионов» рублей.

Задачи небывалого еще масштаба выдвинуты партией перед химической промышленностью в наши дни. За предстоящее семилетие общий объем химической продукции увеличится примерно втрое, а производство, скажем, синтетических волокон — в двенадцать-тринадцать раз, пластических масс и синтетических смол — более чем в семь раз. Это позволит, как отмечается в решениях съезда, значительно расширить выпуск высококачественных и дешевых предметов народного потребления.

2

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я за коммунию» (т. е. за коммунизм)».

В. И. Ленин (1919).

Механизацию и электрификацию сельского хозяйства съезд рассматривает как одно из решающих условий выполнения заданий по развитию сельского хозяйства на 1959—1965 годы.

Идею механизации сельского хозяйства Ленин вынашивал десятилетиями. В конце прошлого столетия он писал: «Машины в громадной степени повышают производительность труда в земледелии, которое до современной эпохи оставалось почти совершенно в стороне от хода общественного развития». Только техническая реконструкция советской деревни, осуществленная партией по ленинским планам, помогла решить вставшие перед ней труднейшие задачи.

«Целиники»... Этого слова, конечно, нет у Даля. Нет его и в словаре Ушакова. Оно возникло совсем недавно, в дни, когда по призыву партии миллионы юношей и девушек двинулись поднимать целинные земли Казахстана и Алтайского края.

Наш народ издавна мечтал о подъеме целины. Разработка миллионов гектаров новых земель — особая заслуга ленинского Центрального Комитета КПСС. В разделе решений съезда, посвященном социалистическому сельскому хозяйству, в числе крупных экономических и политических мероприятий, проведенных партией за последние годы, по праву отмечается освоение огромных площадей целинных и залежных земель, значительное расширение посевных площадей в стране. И эту большую народнохозяйственного значения проблему, успешное решение которой оказалось возможным только при нынешнем уровне сельскохозяйственной техники, изучал Ленин.

В конфискованной царской цензурой книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин писал, что освоение целинных земель станет доступным только после свержения самодержавного строя со всеми его крепостническими пережитками. «Условием широкой утилизации громадного колонизационного фонда России: — разъяснял тогда Владимир Ильич, — является создание действительно свободного, вполне освобожденного от гнета крепостнических отношений, крестьянства в Европейской России. Непригодным в значительной своей части этот фонд является в настоящее время не столько в силу природных свойств тех или иных окраинных земель, сколько вследствие общественных свойств хозяйства в коренной Руси, свойств, обрекающих технику на застой, население на бесправие, забитость, невежество, беспомощность... Россия обладает гигантским колонизационным фондом, который будет становиться доступным населению и доступным культуре не только с каждым шагом вперед земледельческой техники вообще, но и с каждым шагом вперед в деле освобождения русского крестьянства от крепостнического гнета».

Эти строки написаны в 1907 году. Прошло десятилетие, и Россия совершила уже не шаг, а гигантский исторический скачок вперед, освободивший русское крестьянство от всех и всяческих пережитков крепостнического гнета. Далеко шагнула за эти годы и земледельческая техника.

Пока шла гражданская война, Ленин не мог поставить перед народом задачу освоения целинных земель. Но вот взят Перекоп, разгромлен Врангель. Гражданская война подходит к концу, и уже 6 декабря 1920 года в речи на собрании партийного актива Москвы Владимир Ильич говорит, развивая планы технической реконструкции советского сельского хозяйства: «...У нас есть один миллион десятин целины, которой мы не поднимем, так как не имеем рабочего скота, не имеем необходимых орудий, а трактором эту землю можно поднять на любую глубину».

Спустя несколько дней, выступая на коммунистической фракции VIII Всероссийского съезда Советов, Ленин снова подчеркивал необходимость возможно скорее освоить «целинную превосходную землю».

Задача была поставлена Лениным, но для ее решения недоставало основного условия: могучей сельскохозяйственной техники — тракторов, в которых Владимир Ильич видел важнейшее средство «для радикальной ломки старого земледелия и для расширения запашек».

В разоренной шестилетней войной стране тогда не было своих тракторов. Ленин предполагал получить их от концессионеров и тем ускорить ход социалистического строительства. Концессионеры не приняли условий Советской власти. А советские люди построили по ленинским планам миллионы своих тракторов и подняли целинные земли, которые уже дали столько хлеба народу.

Примечательно, что на том же VIII съезде Советов Ленин говорил и о «богатайшем Алтайском крае», ставшем ныне одним из основных плацдармов освоения целины. В своей речи на XXI съезде партии Н. И. Беляев напомнил о том, что В. И. Ленин, наделенный гениальным даром предвидения, беседуя с делегатами VII Всероссийского съезда Советов, говорил и о Казахстане:

— Богатый край, большие возможности. Надо поднимать этот край и, безусловно, будем поднимать и поднимем.

Ленин видел сквозь годы и десятилетия. Партия воплотила в жизнь и эти ленинские мечты.

К у к у р у з а... «Парицей полей» именуют ее с недавних пор в народе.

Центральный Комитет партии упорно и последовательно, наглядно и убедительно боролся все эти годы за возделывание кукурузы на колхозных и совхозных полях.

При жизни Ленина советская агрономическая наука еще не рекомендовала квадратно-гнездового посева, а советская техника еще не дала множества машин, которыми вооружены сейчас наши кукурузоводы. Но Владимир Ильич видел все преимущества кукурузы. К сожалению, его высказывания по этому поводу, опубликованные впервые на страницах «Правды» 15 апреля 1930 года, не вошли даже в дополнительный — 36-й том 4-го издания Сочинений и все еще не получили заслуженной известности.

1921 год... Только что черной бурей суховеев пронесся над Поволжьем страшный голод. На учете государства каждый пуд, каждый фунт хлеба и особенно семян. 17 октября Владимир Ильич адресует тогдашнему председателю Госплана Г. М. Кржижановскому письмо, предназначенное всем членам Совета Труда и Обороны. «Пустить в «круговую», чтобы все прочли и расписались в прочтении», — надписывает Владимир Ильич. В письме он заявляет, что ему представляется несомненной недостаточность отрицательного заключения сельскохозяйственной секции Госплана «по вопросу о кукурузе». «Преимущества кукурузы... в целом ряде отношений, видимо, доказаны», — пишет Ленин. — Раз это так, надо принять меры более быстрые и более энергичные». И Ленин предлагает тотчас же «выработать ряд очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы и обучения крестьян культуре кукурузы...» Он считает нужным немедленно провести «обсуждение этих вопросов с обязательным привлечением всех оттенков мнений насчет кукурузы».

При скудных средствах тех лет не удалось тогда же осуществить намеченную Лениным программу «очень точных и очень обстоятельно обдуманных мер для пропаганды кукурузы». Эту программу партия разработала и осуществила уже в наши дни.

3

«Социалистическая революция это невиданный в истории человечества переход к улучшению его жизни...»

В. И. Ленин (1917).

Благосостояние советского народа... Его неуклонному росту посвящен специальный раздел решений съезда, хотя все эти решения проникнуты истинно ленинской заботой о благе народа, трудящихся, сотен миллионов людей.

Задолго до победы нашей революции, в конце прошлого века, в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения Ленин составляет проект программы партии и в четвертом пункте ее заявляет, что при социалистическом производстве «все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны идти на пользу самим трудящимся». Когда несколько лет спустя Плеханов в своем проекте программы партии отметил, что социалистическое общество обеспечит благосостояние его членов, Ленин противопоставил этой неясной, по его оценке, формулировке неизмеримо более широкое программное требование обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов социалистического общества.

Главную задачу социалистического строительства, его благородную и возвышенную цель Ленин видел в улучшении жизни трудящихся. Весной 1918 года, выступая на I съезде советов народного хозяйства, Ленин заявил: «Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния».

Ленин неизменно разъяснял, что при социализме вся лучшая современная техника, все лучшие научные и культурные завоевания человечества служат не эксплуатации, а улучшению жизни громадного большинства народа. «Раньше всего должны быть улучшены общие условия жизни...»,— говорит Ленин в ноябре 1920 года на собрании коммунистов Замоскворечья. «Мы не вправе пренебрегать ничем, что может хотя бы немного способствовать улучшению положения рабочих и крестьян»,— декларирует он месяц спустя на VIII Всероссийском съезде Советов.

Ныне XXI съезд партии выдвинул величественную программу роста благосостояния нашего народа. Идеино опираясь на ленинские указания и заветы, она применяет их к новому этапу развития советского общества, подошедшего к преддверию коммунизма.

Съезд решил завершить в предстоящем семилетии начатое за последние годы упорядочение заработной платы рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства. Семилетний план намечает повысить минимальную заработную плату низко- и среднеоплачиваемым работникам и сократить таким образом разрыв в оплате их труда по сравнению с высокооплачиваемыми группами.

В марте 1918 года в «Десяти тезисах о Советской власти» Ленин подчеркнул необходимость «постепенного выравнивания всех заработных плат и жалований во всех профессиях и категориях». Год спустя, на VII съезде партии, Ленин с гордостью заявлял от имени правительства: «...Для выравнивания заработной платы мы сделали столько, сколько нигде не сделало и не может сделать в десятки лет ни одно буржуазное государство».

Ныне XXI съезд принял и по этому поводу решения, исходящие из теоретических положений ленинизма.

То же относится и к разработанной партией программе сокращения продолжительности рабочего дня и рабочей недели. Съезд решил установить в Советском Союзе самый короткий в мире рабочий день и самую короткую рабочую неделю.

Ленин предвидел такие социалистические преобразования труда. В брошюре 1903 года «К деревенской бедноте» он отметил, что рабочий класс при социализме

будет трудиться, «имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не больше восьми (а то и шести) часов в день...» Переход советской промышленности к высшей технике Ленин связывал с осуществлением «постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки...»

Жилищное строительство... Только за последние пять лет в советских городах и рабочих поселках построено 216 миллионов квадратных метров новых жилищ — значительно больше всего городского фонда царской России в 1913 году.

Партия придала жилищному строительству поистине всенародный размах. За 1959—1965 годы намечено построить еще около пятнадцати миллионов квартир. Это будут, как сказано в контрольных цифрах, экономичные, благоустроенные квартиры для заселения одной семьей.

Окончательное решение жилищной проблемы — одной из самых животрепещущих проблем нашей эпохи — было предметом неослабного внимания Ленина. В апреле 1917 года, сразу после возвращения из эмиграции, Ленин в брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы», изданной по постановлению ЦК партии, писал, что жилищный вопрос могут разрешить «только уничтожение частной собственности на землю и устройство дешевых и гигиеничных квартир». По предложению Ленина этот пункт впервые вносился в партийную программу.

Два десятилетия войн, навязанных нашей стране империалистами, а затем восстановления принесенных ими варварских разрушений помешали партии осуществить полностью и этот пункт партийной программы. А Ленин возвращался к нему неоднократно. В книге «Государство и революция» он отмечал, что в переходный период от капитализма к социализму предпринимаемая пролетарским государством сдача квартир, «принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату, предполагает и внимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир».

Накануне Октябрьской революции в брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» Ленин писал, что большевики при помощи инженеров построят множество «хороших квартир для всех». О мерах, необходимых «для постройки новых хороших домов для бедноты», Ленин говорил и в статье «Как организовать соревнование?». Но не только принципиальные проблемы социалистического жилищного строительства исследовал Ленин. Он высказывался и по его самым конкретным вопросам.

Юго-Западный район столицы... Кто в нашей стране не знает этого грандиозного строительства в той части Москвы, которую народ любовно теперь называет Ленинскими горами! Здесь особенно зримо все то, что достигнуто советскими людьми в жилищном строительстве, его механизации и рационализации, максимальном ускорении и всемерном удешевлении. Еще в 1918 году Ленин провидел строительство и в этом самом районе.

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву старейший русский зодчий И. В. Жолтовский получил записку с приглашением зайти к В. И. Ленину. На небольшом плотном листе бумаги, который и поныне хранится у архитектора как драгоценная реликвия, рукой Владимира Ильича был написан адрес бывшей городской думы на площади Революции и час, назначенный для беседы.

В Москве, как известно, господствуют юго-западные ветры. Учитывая это, архитекторы предложили развивать новое жилищное строительство в юго-западном направлении, в районе Воробьевых гор и Новодевичьего монастыря. «Ленин горячо поддержал эту мысль», — пишет И. В. Жолтовский.

Во время беседы с ним Владимир Ильич уделил большое внимание озеленению города. Он рекомендовал серьезно учитывать при новой планировке Москвы зеленые насаждения. Владимир Ильич заботился о создании для москвичей здорового, насыщенного кислородом резервуара воздуха и для этой цели советовал озеленить берега Москвы-реки. Слушая Ленина, архитектор уже в 1918 году отчетливо представил себе, каким прекрасным городом должна стать новая Москва...

Происходил этот разговор сорок с лишним лет назад — весной 1918 года. Молодая Советская республика находилась тогда в очень тяжелом положении, Москва была в огненном кольце. А Ленин беседовал с архитекторами о будущем озеленении столицы, о строительстве новых домов на ее юго-западе... Трудно найти пример большей революционной стойкости, выдержки, крепчайшей уверенности в неминуемой победе коммунизма.

Производство предметов домашнего обихода... Трижды возвращаются решения съезда к этому немаловажному делу. Они отмечают, что лишь за один 1958 год производство предметов культурно-бытового назначения увеличилось по сравнению с 1913 годом более чем в сорок пять раз. К концу семилетки выпуск бытовых изделий, машин и приборов, облегчающих домашний труд женщин, удвоится. Никогда еще в таких масштабах партия не выдвигала перед промышленностью подобную задачу. И здесь она следует ленинским предначертаниям. Ведь Ленин в 1913 году на страницах «Правды» предугадал, что при социализме электрификация избавит миллионы женщин от необходимости «убивать три четверти жизни в смрадной кухне».

Проблема полного освобождения женщины от «домашнего рабства» волновала Ленина и в послеоктябрьское время. Гневно писал он в «Великом почине»: «Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроездивательною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею».

За предстоящее семилетие партия сделает все возможное, чтобы советские женщины, как требовал Ленин, не были «задавлены самой мелкой, самой черной, самой тяжелой, самой отупляющей человека работой кухни и вообще одиночного домашнего хозяйства». В немалой мере послужат этому и почти двукратное расширение за семилетие детских садов, и доведение численности учащихся в школах-интернатах не менее чем до двух с половиной миллионов, и всестороннее развитие столовых, прачечных и других предприятий бытового обслуживания. Ленинская забота о «женской половине рода человеческого» отличает и эти пункты решений съезда.

4

«...Цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов...»

В. И. Ленин (1920).

Советская литература и искусство... Ни на одном из двадцати предшествующих партийных съездов партия не уделяла им столь пристального внимания. Двадцать первый съезд, снова подчеркивая важную роль в коммунистическом строительстве и воспитании нового человека, принадлежащую литературе и искусству, призвал их деятелей крепить связь с жизнью народа, полнее отображать его борьбу за построение коммунизма.

Решения съезда опираются на многочисленные ленинские высказывания о связи искусства с народом, ленинский наказ советским художникам действовать «в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни», «наблюдать, как строят жизнь по-новому» и образно повествовать об этом.

Глубоко знаменательно, что съезд требует от деятелей литературы, театра и кино, музыки, скульптуры, живописи наряду с решением других значительных задач активно помогать партии и государству формировать высокие эстетические вкусы. Эта задача впервые выдвинута с такой четкостью в партийных документах последних лет.

В самом первом проекте программы партии, сжатом наброске ее будущего кредо, Ленин писал, что социализм призван полностью удовлетворить не только матери-

альные, но и духовные потребности рабочих, создав условия «для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства».

В начале века, непримиримо выступая против тогдашних ревизионистов — «критиков Маркса», Ленин писал, отстаивая от их клеветнических и фальсификаторских наветов марксистское требование уничтожения различий между городом и деревней: «Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища доступными всему народу...»

Ленинские идеи «монументальной пропаганды», отеческая ленинская забота о Горьком, Серафимовиче, Демьяне Бедном, Луначарском и других советских писателях, ленинские беседы об искусстве с художниками, скульпторами, архитекторами, общественными деятелями утверждали великую воспитательную роль искусства, предъявляли к нему высокие эстетические требования.

Московским архитекторам Ленин говорил о необходимости при реконструкции столицы сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. Он советовал «исходить от прекрасного, беря его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества».

Бережно сохранить и творчески превзойти лучшие достижения художественного гения человечества, сделать эти достижения достоянием широчайших народных масс — такова одна из заложенных Лениным основ политики партии в области искусства.

В статье «Очередные задачи Советской власти» Ленин предложил вознаграждать передовиков социалистического строительства не только повышением заработка, но и «предоставлением большого количества культурных или эстетических благ и ценностей...»

К величайшей художественной взыскательности, творческой требовательности, без которой нет и не может быть художественного совершенства, обязывают деятелей советского искусства все эти ленинские высказывания.

Ленин считал, что советские люди имеют право «на настоящее великое искусство». Он предсказывал, что на почве советской культуры должно вырасти и вырастет «действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию». Утверждая таким образом идеи художественного новаторства советского искусства, Ленин в то же время был непримиримым врагом формализма, декадентства, футуристического эпатирования, безыдейного и чуждого народу всяческого лжеискусства — «заумного», по терминологии тех лет, и «абстрактного», по современному западному словоупотреблению. «...Махровая глупость и претенциозность», — так сурово отзывался Ленин о футуризме в поэзии. Не менее резко высказывался он о всякого рода модернистских фокусах в живописи и скульптуре.

С такой же силой, с какой ненавидел мещанство в быту и политике, презирал он и мещанскую безвкусицу в искусстве. «Делайте красиво, но только помните, без мещанства!» — учил Ленин советских художников.

Эстетические идеи и принципы Ленина бережно хранит партия. Новое тому доказательство — решения и материалы XXI съезда, в которых, как мечтал Маяковский, речь о задачах советского искусства идет на равных правах «с чугуном... и с выделкой стали», с величайшими задачами развития социалистической экономики, техники, культуры.

Четыре с лишним десятилетия назад, 9 декабря 1918 года, Ленин выступил с большой речью на III съезде рабочей кооперации. Только что миновала первая годовщина Советской власти. Бушевала гражданская война. Погибли Урицкий и Володарский, двадцать шесть бакинских комиссаров, а Ленин лишь недавно поправился после тяжелого ранения эсеровской пулей.

В это сложное и трудное время Владимир Ильич неутомимо развивал гениальные планы социалистического строительства. Обращаясь к кооператорам, многие из которых в те дни были идейно еще крайне далеки от нашей партии, он заявил:

«Раньше западные народы рассматривали нас и все наше революционное движение, как курьез. Они говорили: пускай себе побалуется народ, а мы посмотрим, что из всего этого выйдет... Чудной русский народ!»

И вот этот «чудной русский народ» показал всему миру, что значит его «баловство».

В сохранившейся стенограмме ленинской речи рядом с записью этих слов помечено: «аплодисменты». Сейчас ленинской партии аплодирует все передовое и прогрессивное человечество, ибо никогда еще перед ним не представляли в таком величии достижения «чудного русского народа» и всех его многонациональных братьев, пошедших за ним в Октябре.

Пройдут годы. Партия выдвинет перед советскими людьми новые задачи, еще грандиознее нынешних. И опять мы обратимся к неисчерпаемой сокровищнице ленинских идей, снова будем советоваться с Лениным, как он сам учил советоваться с Марксом. И на грядущих партийных съездах — ближайшем Двадцать втором в 1961 году, а потом на Двадцать пятом, Тридцатом, Пятидесятом — среди нас по-прежнему будет незримо присутствовать Великий Делегат.

И тогда, как мы делаем это сегодня, наши потомки повторят такие сердечные и взволнованные, а потому так волнующие слова поэта:

Товарищ Ленин,
 по фабрикам дымным,
 по землям,
 покрытым
 и снегом и жнивьем,
 вашим,
 товарищ,
 сердцем
 и именем
 думаем,
 дышим,
 боремся
 и живем!

ЕКАТЕРИНА СТРОГОВА

★

СТРАТЕГИЯ БОЛЬШОЙ НАУКИ

1. МЕЧТАТЕЛИ

В 1931 году по поручению одной московской редакции мне пришлось побывать в довольно необычном двухэтажном особняке на Кропоткинской набережной, отведенном правительством инженеру В. Н. Авдееву; он подписывал свои работы «Анова». Этого человека совершенно не удовлетворяло устройство нашей планеты. Гигантские карты покрывали стены полутемных залов от потолка до пола, на низких подставках размещены были земные рельефы. Но контуры нашей страны выглядели здесь странно и незнакомо.

Я смотрела на карты инженера Авдеева с трепетом и восхищением, как смотрят на овеянную романтикой испещренную каналами карту Марса: Дон впадал здесь в Каспийское море, у Тулы и у Калуги я заметила обширные водные зеркала. Инженер взбалтывал океаны и свободно перераспределял воду на земле так, как это было выгодно для человека: уводил ее оттуда, где она не нужна, и заливал водой пустыни или мертвые пространства, болота, замочаженные низкие места.

В сердце Сибири зияли кроваво-красные пятна: это были запланированные инженером будущие сибирские моря. Гигантскими плотинами перегораживал Анова устья сибирских рек, швырял их вспять, и они разливались могучими морями, кардинально меняя суровый климат Сибири.

— Природа смягчится! Морозы отступят! — говорил вещим голосом высокий старик с глазами одержимого, похожий среди своих карт-миражей на властелина морей — Посейдона.

В те годы в стране нашей было множество всевозможных мечтателей, фанатически преданных своей идее. Их у нас всячески поощряли; им отпускали средства, давали помощников. Слово «мечтатель» перестало быть ругательным. Тогда трудно было еще разобраться, что из этих, часто полужантаслических, мечтаний осуществимо, что нет, и в какие сроки осуществимо, но государство находило в идеях мечтателей какое-то рациональное зерно, то, что было технически реально и экономически выгодно. Разумные идеи облекались в плоть и кровь инженерных проектов.

Мы, советские журналисты, писали в годы первых пятилеток скорее шутливо, чем всерьез, что вот настанет время, когда любой город будет вносить коррективы в свой климат, любая область сможет захотеть завести у себя собственное море — и море будет создано, и правительственная комиссия полетит на самолете за тридевять земель, куда-нибудь в Сибирь, принимать это новое море.

Это было около тридцати лет назад. А сейчас новые моря уже стали довольно обычной деталью строительства гидроэлектростанций, сначала на Волге, а потом и в Сибири. Кажется, мы даже чрезмерно увлеклись созданием морей — иногда ценой потери плодородных земель и драгоценных лесов.

Авдеев был мечтателем. Но и раньше и позже него столько людей жаждало вмешаться в дела природы, исправить допущенные на Азиатском материке грубые ошибки!

Инженер М. М. Давыдов более продуманно и убедительно разрабатывает в деталях, с расчетами, идею: бросить часть воды сибирских рек — Оби и Иртыша — на засушливые поля Средней Азии и Казахстана. Давыдов предлагает построить грандиоз-

ный Главный сибирский магистральный канал длиной 1400 километров, от будущего Каменского водохранилища на Оби на запад, к Тургайским воротам, к водоразделу; отсюда живительные сибирские воды должны устремиться на юг — к бассейну Аральского моря. Будут построены мощные электростанции, орошено 10—12 миллионов гектаров земель в Западной Сибири (в том числе Кулунда) и добрые четыре миллиона гектаров Приаральских и Тургай-Иргизских степей. А если не хватит в Оби воды — могучий Енисей придет на помощь: он сможет дополнительно подпитывать Обь из верхнего бьефа Осиновской гидроэлектростанции через древний волок, издавна соединявший верховья рек Кеть и Большой Кас. Здесь шли когда-то, прокладывая великий русский путь на Восток, казаки-землепроходцы, и здесь же в конце XIX века был построен по волоку канал, впоследствии заброшенный.

Заглядывая на тридцать — пятьдесят лет вперед в наше будущее, Давыдов решил пересмотреть и реконструировать климат нескольких республик на десятках миллионов гектаров. Из великих сибирских рек он, кажется, ни одной не оставил в покое.

Инженер А. И. Шумилин уже давно стремился сделать жилым весь Азиатский материк. Он предлагал перегородить 85-километровой плотиной Берингов пролив, соединив тем самым накрепко два материка, поставить сотни сверхмощных пропеллерных насосов и начать перекачивать в холодный Северный Ледовитый океан целые потоки воды из Тихого океана. Он хотел создать новое искусственное теплое тихоокеанское течение: можно завернуть его на запад и пустить вдоль побережья Азии — по Северному морскому пути.

Появлялись различные проекты, как растопить вечную мерзлоту. Нельзя ли, например, применить здесь токи высокой частоты? Но насосы Беринговой плотины требовали чудовищных, геологических количеств энергии так же, как и оттаивание мерзлоты, и осуществление этих проектов приходилось отложить по крайней мере до того момента, когда человечество овладеет термоядерной энергией.

Взвесить осуществимость своих идей, рассчитать их во времени не так-то просто.

Сейчас показалась бы забавной статья, напечатанная в журнале «Наши достижения» в 1932 году, в которой автор с глубочайшей уверенностью говорил о том, что еще до конца второй пятилетки нам удастся полностью разделаться со всеми пережитками капитализма в сознании людей. Всем так хотелось верить, что это будет очень скоро!

Среди материалов, изданных Госпланом СССР в 1932 году, к Первой всесоюзной конференции по размещению производительных сил, была тоненькая брошюрка — соображения, представленные крупнейшим советским физиком Абрамом Федоровичем Иоффе. Идея свои об использовании энергии солнца, ветра, атома и грозových туч, а также приливов и отливов академик предполагал осуществить во второй пятилетке или несколько позже. Все это было похоже на заявку на фантастический роман, но государство относилось к идеям большого ученого совершенно серьезно и с полным уважением.

«Получение энергии за счет атмосферного электричества, в частности, использование зарядов облаков в виде длительного электрического тока вместо молнии, не является совершенно безнадежным», — писал А. Ф. Иоффе. Он ставил перед плановыми органами вопрос о регулировании климата: научившись управлять электрическими зарядами грозových туч, можно будет усиливать или вызывать снегопад и дожди в горных местностях и таким образом резко увеличивать водные ресурсы.

Я помню статью Иоффе, опубликованную в те же примерно годы. Ученый рисовал светлый облик будущего социалистического города. Весь он помешался в одном огромном, но легком и прекрасном дворце — фаланстере. Солнечные батареи, установленные на вогнутой, покрытой белой жстью крыше, должны были в изобилии доставлять энергию жителям этого дворца и делать их жизнь поистине волшебной. Превращение солнечной энергии в электрическую обеспечивалось полупроводниковыми термоэлементами, о которых, впрочем, все имели в то время самое смутное представление. Академику тогда изрядно доставалось, его называли беспочвенным фантазером, инкриминировали уход от действительности.

Шли годы, десятилетия, но ученый, движимый своей мечтой, превратившейся в уверенность, несмотря ни на какие помехи, продолжал упрямо трудиться с группой

учеников над проблемой полупроводников. И мечта победила. Сейчас полупроводники постепенно проникли во все уголки нашей науки, и скоро нельзя себе будет представить без них ни радио, ни телевизора, ни звукового кино, ни математических машин, ни радиорелейных линий.

Но сколько всяческих странных, мертворожденных идей было отброшено, погнбло!

Как, например, все увлекались шаровыми поездами! На обычные колесные поезда людям было просто противно смотреть, они представлялись нелепым пережитком прошлого; казалось, в будущем всё решительно должно кататься на шарах. А где теперь эти шары?..

Известный физик, профессор Я. Г. Дорфман, писавший о будущем науки и техники, считал, что люди будут летать на стратопланах и дирижаблях: огромных воздушных кораблях из застывшей пузырчатой пенообразной пластмассы или легчайшего пенометалла, наполненных гелием. Дорфман предлагал использовать их как грузовики на строительстве очень высоких плотин и для сооружения мощных ветростанций в горах, где-нибудь на Памире, Тянь-Шане, в Саянах. Грузовые дирижабли могли бы подавать вверх строительные материалы, тяжелое оборудование.

Эта идея не осуществилась. Но кто знает, может быть для ее осуществления просто не настало еще время? Ведь созданы же у нас пеностекло и пеноматериалы, о которых пишет Дорфман. Будут скоро и дома из разноцветных пластмасс, которые так нравились всем нам в статье профессора в те годы.

Претворение в жизнь мечтаний ученых, инженеров обычно так сильно отличается от первого их варианта, коллкативная мысль вносит в этот вариант столько изменений и усовершенствований, что о первом авторе чаще всего просто забывают.

2. МЫ ДОЛЖНЫ СПЕШИТЬ!

Когда год назад я пришла в Оргкомитет нового, Сибирского отделения Академии наук СССР, на Ленинский проспект, дом № 14, в Москве, то все три академика — создатели этого отделения: М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович и С. Л. Соболев — гостеприимно предложили мне побывать у них в Новосибирске года через два.

— Раньше нечего еще будет смотреть! — сказал очень строго Сергей Алексеевич Христианович.

Но я отправилась в Сибирь немедленно: очень хотелось увидеть самые первые шаги большой науки в Сибири. И не пожалела об этом.

На Советской улице в Новосибирске еще издали, приближаясь к дому № 20, где пока размещалась будущая академия, я услышала грохот и лязг, будто там работало несколько прокатных станов. Каждую минуту сюда подъезжали машины, сгружали свежие золотистые доски, кипы книг, огромные ящики с аршинными надписями: «Осторожно! Аппаратура!», «Стекло! Не кантовать!» Из дома увозили старую, подержанную мебель каких-то новосибирских учреждений.

В здании были взломаны полы. Хорошенькие девушки в комбинезонах и не очень ловкие молодые люди таскали на носилках вниз строительный мусор и вверх — ящики с аппаратурой. Это был субботник ученой молодежи, математиков и биологов, недавно прибывших из Москвы и очень спешивших подготовиться себе лаборатории. Субботник, как они сообщили, несколько затянулся и незаметно превратился в месячник. В стенной газете Сибирского отделения я прочла о радостном событии: у перебравшихся в Сибирь ученых появился первый новорожденный младенец, первая сибирячка. Рядом была помещена фотокарточка улыбающегося отца — молодого математика. У юных биологов, наоборот, как мне рассказали позже, действовал неписанный суровый договор: не предаваться подобным семейным утехам, пока не удастся добиться хоть каких-нибудь результатов в науке!

Я заглядывала в пустые, с ободранными стенами и вывороченными полами кабинеты и обнаруживала первые ростки сибирской науки. В одной комнате, набитой битком молодежью, математики читали лекцию об электронно-счетных машинах, их слушали биологи, физики, геологи, экономисты. Кто-то из генетиков задал вопрос: когда и как смогут сибирские математики с их вычислительным центром включиться в раз-

работку проблем наследственности? И математики с величайшим страданием на лицах отвечали, что первая машина, к сожалению, видимо, будет не раньше, чем через год, но их уже осаждают со всех сторон всяческими запросами.

В другой комнате я с радостью увидела стеклянные сосуды с признаками какой-то жизни. В одной банке кишели крохотные мушки, в другой важно присутствовала, слегка пошевеливаясь, пара усатых тупомордых аксолотлей. Их недавно доставили сюда самолетом, держа на коленях, как малых ребят, сотрудники Института генетики. Эти существа очень заманчивы для науки, объяснили мне.

Этажом ниже говорили уже о весенней посевной, хотя в Новосибирске в марте трещали тридцатиградусные морозы. Надо было готовить к отправке в Москву для облучения нейтронами картофель, кукурузу, семенной материал. Предстояло уже в этом году выводить на опытных полях Института цитологии и генетики под Новосибирском новые сорта, испытывать разительное действие радиации на наследственность.

— У нас очень мало времени, мы должны спешить! Мы должны как можно скорее дать результаты на полях, дать отдачу, принести пользу науке и хозяйству!

Это я слышала во всех лабораториях, которые существовали пока еще только «в завязи», на три четверти в нераспакованных ящиках на Советской, дом 20. Все мечтали о том времени, когда в двадцати пяти километрах от Новосибирска, в академическом городке, будет построено четырнадцать новых современных научно-исследовательских институтов.

В марте я ездил на строительство научного городка. Последние километры дороги шла чудесным приобским бором; он стоял по колено в снегу, голые березки кое-где вплетались в его густую зелень. Издали они выглядели, как пряди седых волос. В будущем городке на тридцатипятиградусном морозе краны осторожно укладывали большие бетонные плиты временных дорог: надвигалась весенняя распутица, надо было торопиться.

На строительстве жилых домов кран высоко приподнимал огромный заостренный слиток блестящего металла и бросал его вниз, на землю: это работала клин-баба, со звоном раскалывавшая мерзлый грунт под фундамент. А земля здесь промерзает метра на полтора — два! Где-то в лесу ухали взрывы — это готовили котлован под будущий Институт геологии. А Институт гидродинамики — самый первый — уже вылезал из-под земли: показались на поверхности его кирпичные стены.

Работы еще не разворачивались по-настоящему: все ждало весны.

Весной сюда должны были приехать тысячи молодых людей: целые кипы заявлений добровольцев лежали у начальника строительства.

Я возвращалась обратно сквозь приобский бор. В просветы деревьев виднелось скованное льдом просторное Обское море. Через год или два здесь будут намыты песчаные пляжи, построены пристани, стадионы. Далеко-далеко виднелись неясные очертания высокой плотины Новосибирской ГЭС; она уже давала ток сюда, на строительство. И эту станцию строит тоже молодежь, приехавшая из разных концов страны.

Сотни тысяч юношей и девушек — рабочих, техников, агрономов, ученых — переберутся на Восток в ближайшие семь лет. Это — огромное народное движение. По размаху его можно сравнить разве только с великим переселением народов.

Что заставляет людей бросать семью, привычную работу? Что срывает с места и гонит в далекую, неудобную, холодную страну десятки, сотни тысяч молодых людей — покорителей целины, неутомимых искателей новых месторождений металлов, алмазов, угля, строителей сверхмощных электростанций и новых морей? Это — великое беспокойство, великая страсть открывания и освоения новых стран и земель.

Ученые, естественно, оказываются в первых отрядах пионеров, призванных за неслыханно короткий срок пробудить к жизни несметные сокровища доброй половины Азиатского материка. Ученые покидают столицу, свои кабинеты, лаборатории и сами вызываются ехать на Восток, на подвиг, на единоборство с могучими силами природы.

Целые научные школы, целые коллективы ученых, аспирантов и только что окончивших студентов поднимаются и едут созидать своими собственными руками самую передовую, самую современную науку, подчас на голом месте. В Сибири почти не было ученых-математиков, было вопиюще мало экономистов и ни одного экономиче-

ского института, не хватало химиков, не существовало хирургии сердца. Да мало ли чего еще не хватало Сибири!

В Москве, в Академии наук, происходили выборы в Сибирское отделение. Восемь академиков и двадцать семь членов-корреспондентов получила Сибирь, а ведь до этого дня здесь работал один-единственный член-корреспондент и не было ни одного академика.

Страсть познания сокровенных законов природы и ее покорения, страсть созидания владеет каждым настоящим ученым; она не дает ему покоя всю жизнь, до глубокой старости.

Из маленького, узкого, интимного мирка человеческие чувства вырываются на большие, широкие просторы нового, коммунистического мира. Но как слабо еще эти новые чувства и отношения людей показывает наша литература!

Покорение сибирских недр, сибирских рек и лесов — героика и романтика второй половины XX века — станет делом нескольких поколений. И темой больших романов и больших полотен наших художников.

3. ЦАРИЦА ВСЕХ НАУК

Академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, с его высокой, всегда необычайно собранной и устремленной вперед фигурой, на трибуне первой сессии Сибирского отделения напоминал полководца, который посвящает собравшихся на военный совет в свои замыслы перед боем. Он говорил, применяя некие стратегические выражения, о необходимости создавать своего рода «кулаки» в науке, концентрировать силы, сосредоточивать главный удар на основных, ключевых проблемах, «наваливаясь», где надо, всем комплексом наук. Разве не так было, когда в великом напряжении лучших умов страны, коллективной мыслью создавались искусственные спутники Земли? Разве не так бьются ученые над овладением термоядерной энергией? Ведь именно у нас, в социалистической стране, стране коллективной мысли, коллективного творчества, как нигде в мире, в широчайших масштабах должны развиваться именно такие коллективные методы работы ученых.

В великом содружестве наук — сила прогресса. Недаром решения, казалось бы, неразрешимых вопросов возникают часто в сопредельных областях, на стыках двух или нескольких наук.

Сессия нащупывала и намечала стратегию и тактику наступления большой науки на могучие силы сибирской природы, которую надо покорить в самые кратчайшие сроки, ибо в освоении Сибири — будущий расцвет всей нашей страны. Официально в повестке стояло обсуждение семилетнего плана работы отделения. Но докладчики не могли не заглядывать гораздо дальше вперед. Мы все в зале ощущали просторы большой перспективы на 25—40 лет вперед — до самого XXI столетия. Однако это не были те, часто несколько наивные, мечтания о будущем, которые придавали романтический оттенок надеждам и планам ученых в первые пятилетки. Это была мечта миллионов, мечта всего народа, обоснованная и организованная в план.

Великие перемены требуют напряженных темпов и очень точного расчета. Романтика претворяется в формулы, цифры и чертежи.

Я слушала доклады на сессии и думала о том, как изменилась наука, как изменились ученые.

Самой отвлеченной наукой казалась еще недавно математика. Но возглавили замечательное движение на Восток именно математики — М. А. Лаврентьев и С. Л. Соболев — и механик С. А. Христианович. Это подлинные советские ученые, которые несколько не склонны к созерцательно-кабинетному творчеству, хотя каждый из них и внес свой вклад в сокровищницу высокой теории. Все они, вместе с окружавшей их ученой молодежью, настроенной вначале несколько романтично, отдавали себе отчет, что путь к большим теоретическим и экспериментальным исследованиям в Сибири должен пройти через строительство, через огромную, тяжелую организационную работу, которая ляжет в первую очередь именно на их плечи. Впрочем, романтику-то надо искать именно там, где трудно, где надо бороться!

Знаменитый французский математик Анри Пуанкаре любил говорить, что его наука доставляет ему высшее духовное наслаждение, восторг виртуоза, «воплощающего воедино правду и красоту». Он приравнивал математику к живописи, музыке и относился к ней несколько мистически.

Математика, по убеждению Пуанкаре, стремится стать наукой только о количестве, отвлекаясь от качества. Недаром он писал о математиках: «Они восхищаются нежной гармонией чисел и форм... Разве испытываемая ими при этом радость не отмечена эстетическим характером, хотя чувства в этом не участвуют? Не много избранных, полностью вкушающих эту радость. Но разве это не участь самых тонких искусств?»

Михаила Алексеевича Лаврентьева я встречала много раз в будущем академическом городке, куда он переехал первым, пока в просторную сибирскую бревенчатую избу, построенную на высоком холме, среди леса над речкой Зырянкой. Академик в длинной кожаной куртке и бутсах, вооруженный большой сучковатой палкой, шагал неутомимо по пригоркам и оврагам, часто по пояс в грязи, прикидывая и вымеривая, как, где лучше расположить свои испытательные полигоны и экспериментальные корпуса.

Сергей Алексеевич Христианович, с его энергичной, суховатой, всегда подтянутой фигурой, напоминает директора завода или мастера большого цеха. Я его не представляю себе иначе, как где-то на испытательном стенде или на заводе, где осваивают его новые турбины.

Сергея Львовича Соболева я помню давно, когда он был еще самым юным академиком — комсомольцем. Он так и остался вечно юным спортсменом в свои пятьдесят лет. Академику Христиановичу исполнилось пятьдесят лет тоже в 1958 году — возраст творческого расцвета ученого, возраст больших свершений.

Академик Лаврентьев рассказывал как-то на встрече с писателями, что среди руководителей крупных предприятий в Советском Союзе есть довольно много бывших математиков, которые переквалифицировались на новую для них область техники, но остались в то же время и хорошими математиками.

При коммунизме люди, вероятно, смогут чаще, чем мы, изменять свою специальность. Математикам это легче, чем кому-нибудь другому. Уже сейчас они умеют быстро входить в курс нового дела и даже обгонять прямых специалистов, могут свободно переходить от одной области техники к другой — ведь одни и те же уравнения описывают самые разнообразные явления.

Математика недаром была когда-то названа Гауссом «царицей всех наук». Она пронизывает и ведет вперед все современные науки.

Атомная физика, химия, биология — передовое естествознание, вооруженное новейшими математическими методами, окрыляет другие науки и технику. Вряд ли кто-нибудь из наших ученых станет называть науку проявлением «высшего разума» или «музыкой сфер». В Сибири математика будет играть роль мощного катализатора, ускорителя процесса строительства коммунизма. Это относится и к высоким теоретическим проблемам и к вычислительному центру. Недаром создание электронно-счетных машин приравнивают по масштабам к промышленному перевороту!

Просто невозможно перечислить, сколько надежд возлагается на будущий сибирский математический центр и какие вопросы он должен будет решать!

Современные усовершенствованные электронно-вычислительные машины способны не только с потрясающей быстротой производить различные вычисления, но могут выполнять и некие высшие логические функции: сопоставлять различные варианты решения задачи и выбирать из них наилучшие, оптимальные. Эта способность оказывается необычайно ценной и для других наук, и для промышленности, и для экономики.

Химия должна совершить поистине сказочный скачок за семилетие. Химические заводы-гиганты будут созданы в Сибири. Ученые должны дать этим заводам с первых же дней их существования современную совершенную технологию. И тут огромная роль принадлежит ритму, скорости реакций, темпу технологического процесса. Ускорение процессов на больших химических заводах сулит нам миллиарды. И перед

учеными вырастает проблема подхлестывания, подбадривания, катализа — и в переносном и в самом прямом смысле слова. Недаром в Сибири среди других химических институтов создается и специальный Институт катализа.

До сих пор это было слабым местом нашей химии. Поиски новых катализаторов шли медленно, ощупью, эмпирически. Сибирь в этом семилетии не может довольствоваться такими темпами.

И можно, оказывается, сразу от эмпирики перейти к строго научному поиску новых катализаторов. Машина со сверхъестественной скоростью перебирает «в уме» множество вариантов и с совершенной научной точностью, отбросив все негодное, выдает наилучший, оптимальный вариант нужного катализатора. Конечно, рядом будут построены экспериментальные корпуса химических институтов для поисков и широчайших испытаний новых катализаторов на опыте.

А государственный план? А межотраслевые связи и соблюдение закона пропорциональности в планировании? А выбор наиболее разумного технологического процесса на предприятии? Везде нужны машины! Машина безошибочно предложит вам из многих вариантов размещения производительных сил наиболее рациональный и наметит самый перспективный вариант плана. Она даст ответ об эффективности капиталовложений, посоветует, как наилучшим и кратчайшим способом организовать железнодорожные перевозки, выбрать трассу новой линии или как расставить станки в цехе.

Этому авторитетному «консультанту» будет предоставляться внеочередное слово на любой научной дискуссии, на любом совещании по размещению производительных сил. Такой ученый «советчик» должен занять свое место при каждом совнархозе нашей страны. В Новосибирском совнархозе в мае 1958 года группа ученых уже трудилась над составлением оптимального баланса для области. При Институте экономики будет специальная лаборатория по применению математики и современных статистических методов с собственным вычислительным центром. Недаром сейчас все больше требований поступает на экономистов-математиков нового профиля.

Вот это и называется синтезом, великой взаимопомощью всех наук!

За границей, как известно, очень увлекаются всевозможными машинными забавами: засаживают машины за игру в шахматы, в домино, за такие игры, где может быть создана своя теория, своя тактика и стратегия. Но, увы, эта забавная стратегия очень легко переходит в настоящую стратегию войны.

У сибирских математиков на первом плане задачи созидательные; они должны поднять на дыбы, оживить полматерика, включить его сокровища в общий поток богатств коммунизма. Это невозможно без участия самой высокой теории.

Вряд ли был бы возможен такой расцвет наук на Востоке, если бы академическое отделение создавалось на голом месте. Силы в Сибири копились долго. Здесь росла и совершенствовалась тяжелая промышленность — крупнейшие машиностроительные заводы, выпускающие уникальные станки-гиганты, гидропрессы и мощные турбины для сибирских электростанций и для зарубежных стран Востока. Существовали небольшие филиалы Академии наук в Новосибирске, в Восточной Сибири, в Якутии и на Дальнем Востоке.

Сибирские ученые стремятся к самому тесному симбиозу науки с техникой, с сибирскими предприятиями и стройками. Только так промышленность сможет достичь богатырского размаха в семилетке. Математическому центру Сибирского отделения придется участвовать в создании крупных сооружений Сибири. Разве можно считать нормальным, что до сих пор величайшие сибирские плотины проектировались где-то за тысячи километров, в Москве или Ленинграде?

4. СТРАНА ВЫСОКИХ ПАРАМЕТРОВ

К весне 1958 года в Сибирь съезжалось все больше и больше народу. Из Львова потянулась группа ученых — сложившаяся здесь за последние десять лет школа приборостроения. Эта группа положила основу будущего Института автоматики и электрометрии во главе с членом-корреспондентом Академии наук К. Б. Карандеевым. Ученых увлекал сибирский размах: заняться сразу в огромных масштабах автоматиза-

цией производства. Московские химики договаривались с новосибирскими заводами и начали разработку не терпящих отлагательства тем в заводских лабораториях. Экономисты связались с совнархозом и уже вели исследования на предприятиях.

А чем занимаются сейчас такие науки, как механика, гидродинамика, которые всегда были где-то на грани высокой математики, физики и инженерии?

В старину мы говорили, стараясь показать предельную скорость: «быстрее ветра» или во «мгновение ока». Но скорость ветра — это 30—40 километров в час, а современный самолет покрывает за это время тысячу и даже две тысячи километров. «Мгновение ока» — это 0,1—0,2 секунды, но за эти доли секунды электронная машина успевает совершить 10—20 тысяч операций.

Едва мы достигли сверхвысоких скоростей в авиации, как только мы поставили задачу создания спутников Земли и ракет дальнего действия, так перед механикой и газовой динамикой выросли совершенно новые трудности: на поверхности движущегося с такой скоростью тела возникают огромные температуры, создается лучистый теплообмен, происходит испарение вещества. Оказалось, что надо пересматривать привычные представления и нормы теории прочности. Ученые снова почувствовали себя как бы у порога неизвестного, у начала новых проблем. Возникли одна за другой увлекательнейшие задачи, например, как затормозить и вернуть невредимым на Землю из межпланетного пространства запущенный туда спутник. Задачи таких масштабов под силу только коллективной мысли ученых разных специальностей: и механиков, и ядерщиков, и теплофизиков, и химико-физиков из будущего Института кинетики и горения.

Пока еще химические заводы-гиганты в Сибири не развернулись, отделению надо срочно заняться новой проблемой — проблемой прочности пластических масс.

Естественно, что в Сибири, стране сверхмощной энергетики, ученые примут участие в создании паровых и газовых турбин на 200 и 300 тысяч киловатт. Турбины эти причиняют много неприятностей в работе: при нестационарном температурном режиме, при резких остановках наступает деформация лопаток.

Институт механики в содружестве с Институтом кинетики и горения и с химиками будет заниматься разработкой нового типа турбин, предложенного академиком Христиановичем. Газовые турбины уже не удовлетворяют ученых: коэффициент полезного действия их низок, кроме того, в них невозможно использовать газы с температурой выше 700 градусов. Академик Христианович разработал принципы парогазовых установок с коэффициентом полезного действия 37—40 процентов. Но надо еще продумать новые модели камер сгорания в этих турбинах, требуется экспериментальный турбо-компрессорный корпус, нужна исследовательская работа. Между тем Ленинградский совнархоз уже хочет налаживать выпуск парогазовых турбин Христиановича мощностью 200 тысяч киловатт на Металлическом заводе.

Институт механики Сибирского отделения неплохо начинает свое существование с разработки новой турбины!

И вот еще новый альянс наук: услышаны давние мольбы горняков и геологов, и в Сибирском отделении будут изучаться теоретические проблемы горной механики. Уже несколько лет этими темами занимается с группой сотрудников в Москве академик Христианович. Но в Москве изучать горную механику довольно затруднительно за неимением добропорядочных гор, кроме разве Ленинских. В Сибири это значительно легче.

Горное давление, которое доставляет столько мук горнякам своими неожиданными фокусами — обвалами, внезапными выбросами газа и угля, — пока еще не изучено по-настоящему с физической и с механической точек зрения. Ведь до сих пор горняки пользуются на практике при расчетах, хотя бы для крепления, старыми, приблизительными эмпирическими формулами. Время вмешаться большой теоретической науке и сюда.

А как ждут этого горняки и геологи! Ведь горное давление связано и с проблемой горообразования. Это большая механика земной коры. Многое станет куда яснее, когда будет получен отчетливый ответ на вопрос, какими законами управляется горное давление. Только тогда мы сможем управлять им активно и сознательно, заставить его покорно служить человеку. И тут раскрываются необыкновенно

заманчивые перспективы для практики, для техники. Научились же мы с таким эффектом применять давление при добыче нефти.

Кстати, это еще один пример того, как человек может в несколько раз ускорить привычный технологический процесс. Всего пятнадцать лет назад нефть добывали самым неприятным, пассивным способом — брали буквально что бог послал и выбирали из пласта всего-навсего 15—20 процентов нефти. Разве это не расточительство? Но человек решил вмешаться в подземные дела. Сейчас везде применяется довольно энергичный нажим на природу — гидромеханическое воздействие на нефтяной пласт. По контуру скопления накачивают воду, чтобы повысить давление на нефть, и выбирают ее уже на 70 процентов. Но можно выбрать и всю нефть, если, кроме того, увеличить фильтрационную способность пласта, применив гидравлический разрыв.

Под землю подают вязкую жидкость под большим давлением, от этого земля в глубине трескается, а в образовавшиеся трещины-щели накачивают песок. И песок этот становится коллектором, собирающим, как бы сосушим отовсюду окружающую нефть. Но сибирские ученые ставят вопрос: нельзя ли еще более активно управлять горным давлением?

Сейчас делаются попытки даже и химически воздействовать на состав нефти под землей. Возможно и такое вмешательство в жизнь земных недр. Тут человек сможет давать совсем новые заказы природе.

Несколько лет назад я слышала доклад академика А. М. Терпигорева. Он высказал уверенность, что в будущем мы научимся управлять самыми могучими силами природы, в том числе и горным давлением, и с его помощью сможем просто «выдавливать» уголь и другие полезные ископаемые из земли. Вот когда не нужно будет ни шахт, ни гидродобычи, ни подземной газификации угля!

Сибирь станет страной высоких, стометровых плотин, и тут, естественно, возникают новые для гидродинамики проблемы. При падении воды с такой высоты вдруг начинают быстро выходить из строя лопатки турбин. Значит, требуется вмешательство ученых. И этим будет заниматься академик Пелагея Яковлевна Кочина.

Группа академика Лаврентьева увлечена теорией мощных взрывов.

Летом 1958 года в будущем академическом городке, на специальном полигоне, в дальнем овраге, должны были развернуться опытные работы. Негде жить? Ничего, летом это не проблема, жить можно пока в палатках.

О каких взрывах идет речь? Конечно, это не обычные подрывные работы, которые уже не могут представлять интереса для науки. Это мощные фокусированные, направленные, так называемые кумулятивные взрывы огромной силы. Еще в марте 1958 года на Северном Урале для отвода одной речки было взорвано больше трех тысяч тонн аммонита. Под наблюдением московского академического Института гидродинамики производился опытный взрыв под Ташкентом. На одном из днепровских водохранилищ удалось таким образом создать траншею для подводного газопровода за два месяца вместо года. Китайцы, приступив к великим созидательным работам, уже применяли по четыре-пять тысяч тонн взрывчатки.

Появилась мысль: а нельзя ли создавать целые водоемы, искусственные моря таким способом? И задача эта оказалась по плечу большой науке: нашим ученым уже рисуются грандиозные взрывы 30—40 тысяч тонн взрывчатки, заложенной под землей в виде направленного, удлиненного на многие километры заряда.

Какие же головокружительные перспективы открывает такой метод производства земляных работ в Сибири, где предстоит поистине циклопические сооружения!

Появляется возможность поставить чуть ли не массовое, индустриальное, скоростное производство морей одновременно, одним ударом! А для Сибири это проблема актуальная. Темпы работ повышаются во много раз, получается огромный выигрыш во времени. Именно так можно теперь за очень короткий срок углублять старые и создавать новые русла рек, строить оросительные каналы, трассы всевозможных трубопроводов, а в Сибири сооружается, как известно, нефтепровод длиной в несколько тысяч километров.

Так можно одним приемом вскрывать, делать открытыми разработки руды и угля. Надо всеми способами выводить человека из-под земли, освобождать его от тяжелого труда в шахтах и на рудниках.

Институт гидродинамики должен разработать теорию подземных и подводных кумулятивных взрывов. Здесь теория обещает очень скоро дать блестящую отдачу. Сибирь предоставляет огромные возможности для постановки экспериментов, для участия ученых непосредственно в строительстве.

Позвольте, но почему же именно гидродинамика, наука водяная, должна заниматься теорией взрыва? Оказывается, некоторые материалы, хотя бы металлы, при взрыве ведут себя, как идеальная жидкость. Выясняется, что формулы гидродинамики работают в областях гораздо более широких, чем те, для которых они в свое время создавались!

Но вот с Дальнего Востока поступает сигнал бедствия: немедленно требуется помощь гидродинамики. Нужно заняться внеочередной темой.

Четыре года назад на Курильских островах произошло страшное событие. Рыбаки одного поселка вдруг увидели волну высотой в шестизэтажный дом: гигантские массы воды внезапно поднялись в океане и с бешеной скоростью устремились на остров... Это было подводное землетрясение — цунами. Такие землетрясения не раз приносили опустошения на побережьях и островах Тихого океана. Единственное средство самообороны у жителей прибрежий — вышка на берегу океана, где день и ночь сидит человек и, если на горизонте покажется подозрительная волна, громко бьет в релес.

Геология, гидродинамика хотят взять под защиту рыбаков Тихого океана.

Сибирская наука должна заняться еще одной дальневосточной проблемой. Надо уметь брать то, что чуть не даром предлагает сама природа. Колоссальные, невиданные запасы термальной воды и термального пара на Дальнем Востоке прямо просятся в руки. Столица Исландии Рейкьявик — город вовсе без печей, топок и труб: здесь все делает горячая вода из подземных источников. Вся наша Камчатка могла бы отапливаться точно так же.

— Если знать, где пробурить землю, можно попасть на зону перегретого пара. Пар этот с температурой 200—250 градусов будет вырываться наружу под давлением четырех-пяти атмосфер; ставьте только турбину и получайте сразу и электроэнергию и отопление, — говорит академик Лаврентьев. — Такая электростанция на самой дешевой энергии уже строится и скоро будет пущена на Камчатке.

Находить эти источники и использовать этот пар умеют только ученые. Опять нужна наука: гидродинамика, механика, нужны геологи, физики, химики...

Мне пришлось слушать доклады ученых и на первой и на второй сессиях Сибирского отделения. Мы как бы перелистывали страницу за страницей книгу о недалеком будущем сибирской науки. Книга эта была увлекательна даже при кратком и сухом перечислении десятков и сотен проблем, которые вопиют о разрешении, требуют от ученых немедленной работы. Проблемы, включенные в семилетний план, — это проблемы новейшие и неотложные, проблемы переднего края не только советской, но и мировой науки.

Есть вопросы, которые вообще нигде никогда не изучались. Некоторых наук еще недавно просто не существовало, и они будут делать в Сибири свои первые шаги. И аппаратура для институтов заказывалась такая новая, что иногда она существовала только где-то в синьках у конструкторов.

Все, что меня окружало, было ново: и планы институтов, и проекты академического городка, и науки, и сами люди.

5. ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА

Атомная физика, современная химия с ее великими возможностями — это головные науки современного естествознания. Часто они переплетаются между собой, подходят к решению одной и той же проблемы с разных сторон. Давно создались сопредельные дисциплины: физическая химия, химическая физика.

В центре внимания группы физических институтов Сибири — ядерная физика.

В Сибири появятся свои мощные ускорители новейшего типа для исследования частиц высокой энергии.

Современная ядерная физика будет оплодотворять своей методикой биологию, генетику, медицину, химию, технику.

Существует новая наука: радиационная химия. Облучение может ускорять ход химических реакций, изменять свойства катализаторов. При облучении некоторых металлов резко возрастает их прочность. Наука приоткрывает завесу металлургии будущего. Механики и металлурги вместе с физиками будут искать, какие закономерности здесь существуют, чтобы научиться управлять этими процессами и создавать новые.

А направленные мутации, получение новых нужных человеку признаков у следующих поколений облученных растений и плодовых деревьев? А радиационная медицина, лечение опухолей, рака?

Радиационное направление — один из путей науки будущего. Недаром этот метод принят на вооружение сразу столькими науками. В Сибири будут изучать химию искусственно созданных зауроновых элементов, а их сейчас насчитывается уже десять: последний — с атомным номером 102.

Пока слабо изучены у нас редкие элементы, осколочные материалы, которые получаются при делении ядер. Естественно, очень важно продолжать заниматься радиоактивными веществами и расширять сферу применения излучений и изотопов.

В последние годы химики бьются над получением металлов сверхвысокой чистоты, что так важно для создания полупроводниковых приборов. Известно, что самые минимальные примеси — миллионные и даже миллиардные доли процента! — лишают полупроводники их волшебных свойств.

Сибирь включается во всесоюзную битву за полупроводники. В Институте неорганической химии интересуются германием и проблемой высокой чистоты. Этой темой руководит директор института, член-корреспондент А. В. Николаев.

Конечно, ученые будут изучать, как лучше использовать сибирское и дальневосточное сырье — неисчерпаемые богатства Советского Востока.

Институт органической химии займется созданием разнообразных высокомолекулярных соединений, синтетических волокон и новых красителей для них. До сих пор крашение оставалось слабым местом в этом производстве: красители были непрочны.

Путь возможных интересных открытий в органической химии предвидится сейчас в изучении природных процессов, природных соединений, а они как раз изучены хуже всего. Стоит поучиться мудрости у природы, ее опыту, накопленному за миллиарды лет эволюции органической жизни на Земле!

Предпринимается большое и длительное комплексное исследование флоры Сибири учеными разных специальностей, в том числе и химиками-органиками.

Когда-то в результате подобного исследования были созданы синтетические красители — индиго, ализарин. Надо подглядеть у растений секрет, как делать, например, безвредные красители для пищевых продуктов. Интересно изучать природные смолы в богатейших хвойных лесах Сибири — это может обогатить палитру химика.

На Дальнем Востоке изучают женьшень. Как заманчиво выведать и эту тайну, научиться воспроизводить искусственно животворное вещество этого корня!

Но изучать явления природы и пытаться повторять их — это вовсе не значит слепо подражать ей. Ведь того едва уловимого, кропотливого продвижения вперед, на которое природе понадобились сотни тысяч и миллионы лет, человек может добиться за короткий срок. Овладевая естественными процессами, ученые всегда стремятся их усовершенствовать; еще только мечтая о раскрытии механизма фотосинтеза, они уже знают, что коэффициент полезного действия его — 2—5 процентов — необходимо значительно повысить, он непростительно низок.

Пока что повторение таких природных процессов, как фотосинтез, относится к области фантастики. Но какие потрясающие возможности в будущем: получать бесплатно, с помощью энергии солнца, сахар, крахмал из углекислоты, из воздуха, а в перспективе — просто из известняка. Ведь известняков на земле практически неисчерпаемое количество. Получать органическое вещество из неорганического в про-

мышленном масштабе — это было бы переворотом не меньшим, чем получение атомной энергии!

Синтез все новых и новых физиологически активных веществ — лекарств, стимуляторов роста, гербицидов, способных безошибочно убивать сорняки на поле, не причиняя никакого вреда растениям полезным, — естественно, постоянно интересует ученых.

Ищет постоянных кровных уз с физикой, химией, математикой и современная геология. И геология также стремится стать точной физико-математической наукой. Требуется разрешение кардинальных проблем большой физики нашей планеты, чтобы внести ясность во многие геологические загадки.

Академик Лаврентьев выступил с целой программой развития глубинной геологии. Пора нам начать бурить на глубину до 15 километров; до сих пор самая глубокая скважина едва достигала 8 километров. О том, что там, глубже, мы не имеем почти никакого представления. Какие там температуры, давление, состояние вещества, какие геологические породы? Строятся догадки, идут споры. Например, было бы очень желательно знать, на какой глубине развивается деятельность вулканов. Расхождения во мнениях тут довольно ощутимые: одни говорят — на глубине 10—15 километров, другие с уверенностью называют цифру в двадцать — тридцать раз большую — 300 километров.

У нас, в Советском Союзе, много действующих вулканов, на Камчатке и на Курильской гряде их около пятидесяти. Если мы узнаем, что делается под ними, в глубине земли, то мы сможем делать прогнозы об извержениях вулканов и о землетрясениях. А это уже значило бы, что человечество начинает справляться со стихиями или, по крайней мере, скоро сможет спастись от них. То же относится и к цунами. А ведь Камчатка и Курильские острова — замечательный край (не будь здесь этих стихийных бедствий), и там могло бы жить гораздо больше людей.

Что скрывается в земле на больших глубинах? Наверное, здесь будут обнаружены новые залежи полезных ископаемых, может быть, гораздо богаче тех, что лежат близко к поверхности. Может быть, там откроются вовсе не известные нам явления и состояния вещества.

О земном ядре много лет шли споры, идут они и сейчас. Сколько времени считалось, что ядро раскаленное. По гипотезе О. Ю. Шмидта оно должно быть холодным и очень уплотненным. Сейчас на этой точке зрения стоит, кажется, большинство геологов. Не известно до сих пор, каменное это ядро или железное.

Каким образом удастся бурить скважину на 15 километров глубины? Будет ли это делаться турбобуром, новой усовершенствованной сверхтвердой коронкой? Или ультразвуком? Или с помощью направленного пучка токов высокой частоты? Или скважина будет выжигаться шнурами плазмы? (Впрочем, раньше надо овладеть термоядерной реакцией.) Это пока еще не ясно. Но замечательно уже то, что на сессии сибирских ученых поставлена, как совершенно реальная, задача — проникнуть возможно глубже в недра земли. А это одна из важнейших проблем, стоявших когда-либо перед человечеством. Мы вопиюще мало знаем пока о недрах своей планеты — меньше, чем, например, о поверхности Луны или Марса! Представьте себе только, как тонок тот слой или даже слоик земли, который освоен пока человечеством. Он не толще тонкого листа бумаги, наклеенного на большой глобус. Но и этот слой надо еще изучать да изучать.

Правда, человек перестал уже быть слепым кротом, случайным наталкивающимся на земные клады. Сокровищ земных ищут на основе известных ученым закономерностей их образования, на основе научных прогнозов и составления обстоятельных геологических карт.

В Сибири существовала и существует известная школа геологов, ведущая традиции от академиков Владимира Афанасьевича Обручева и Михаила Антоновича Усова. Оба они заложили основы научного, обоснованного поиска. Учение Усова о геологических провинциях и о металлогенических поясах как бы срывает покровы с земли и помогает отчетливо видеть ее недра, видеть, где искать.

Геология в Сибири не начинается все с азов, на пустом месте. К школе академика Усова принадлежат избранные только что членами-корреспондентами сибиряки: Ф. Н. Шахов и братья Ю. А. и В. А. Кузнецовы. После того как к ним присоединились приезжие из Москвы и Ленинграда, среди сибирских геологов стало три академика,

семь членов-корреспондентов и тридцать докторов и кандидатов наук! Сюда приехал академик Владимир Степанович Соболев, прославившийся тем, что задолго до открытия якутских алмазов открыл их умозрительно, теоретически, по неопровержимым геологическим признакам.

Поискам геологов помогает прежде всего физика. В геологической науке Сибири была сразу предпринята благотворительная реформа: объединение под одной кровлей и в одном коллективе геологов и геофизиков. Эти две, в сущности братские, специальности, почему-то до сих пор разобщенные и привязанные даже к разным ведомствам, по причинам совершенно неуловимым иногда враждовали между собой. Случалось, что геолог и геофизик придерживались диаметрально противоположных точек зрения на одни и те же геологические факты и явления. И это приносило очень большой вред делу. Геофизика — наука чрезвычайно прогрессивная, возникшая на сопредельной линии двух наук и обогащенная их объединенной методикой. Она не может существовать, не обогащаясь постоянно новейшими достижениями ядерной физики, радиофизики, электроники, техники ультразвука. Геофизика с помощью сложнейшей аппаратуры ищет новые месторождения, она ведет разведку магнитную, сейсмическую, гравитационную и электроразведку с самолета, с автомашины, с лодки. От простого обнаружения месторождения геофизика перешла уже и к количественному определению залежей.

Это наука, которая протягивает одну руку геологии, другую — автоматике. Сибирский Институт автоматики и электрометрии взялся разработать для геофизиков различные приборы с автоматическим регулированием — например, сейсмическую установку с выдачей тут же, на месте, готовых, обработанных машиной результатов.

Директор Института геологии и геофизики академик Андрей Алексеевич Трофимук, известный ученый, связавший свое имя с судьбами советской нефти, сказал о Сибири: — В Сибири крепко пахнет нефтью.

Здесь на глубине в две, три, пять тысяч метров таятся миллиарды тонн нефти. Крупные месторождения нащупываются в Усть-Вилуе, на реке Лене. Давно уже обнаружен газ в Березове — в низовьях Оби. Есть нефть и под рыхлым чехлом гигантской Западносибирской низменности. Но поиски были до сих пор распылены и часто направлены на явно неперспективные районы — поближе к железнодорожной магистрали (все в Сибири жмется к этой магистрали!).

Сырье — нефть, газ, фосфориты — сейчас начинает прямо-таки сдерживать рост, расцвет Сибири. И от геологов требуется повысить темпы, сосредоточить усилия на важнейших направлениях.

Сознание глубокой ответственности за судьбы Сибири ощущается во всех выступлениях ученых. Наука должна не только пробудить дремавшие просторы и недра, но и необычайно ускорить темпы их включения в большой обмен веществ всей страны.

Чувство ответственности растет и распространяется постепенно за пределы Сибири, чуть не на весь материк. Ведь Советская Сибирь — форпост Азии. Недаром же нас связывают с нашими китайскими и монгольскими друзьями могучие азиатские реки и крепкие пояса рудных месторождений.

В Китае, под Пекином, тоже строится город науки. Китайцы строят этот городок пока с малой техникой, с корзиночками для переноса земли, но с очень большим энтузиазмом.

Китайцы уже создали у себя небольшой вычислительный центр по чертежам, переданным нашей Академией наук, и группы по оптимальному планированию с участием математиков.

Наши ученые и инженеры помогают обуздывать строптивую реку Янцзы, которая приносила столько горя китайскому народу наводнениями и эрозией, смывая с полей плодородную почву. Создаются электростанции на Янцзы. Паритетной комиссии с участием наших ученых приходится решать вопрос, как бороться с заиливанием плотин на реке, которая несет в своих водах столько земли.

Темпы работ на Янцзы таковы, что вместо намеченных десяти лет их можно закончить за три года.

Несколько лет работает советско-китайская амурская экспедиция, помогающая созданию мощной энергетики на Амуре. Ученые уже решили изменить русло этой реки, сократив таким образом путь до Сахалина.

Президент Академии наук Китая приезжал в Сибирь, чтобы установить прямой контакт и кооперироваться с сибирскими учеными. Договорились о проведении русско-китайской конференции по вычислительной технике и кибернетике. В Новосибирске будет происходить большой Международный математический конгресс.

Настанет время, когда Новосибирск станет одним из крупнейших центров большой науки всего Азиатского материка.

6. ПОРА ПРЕДЧУВСТВИЙ

Один очень крупный наш физик как-то заявил, что он мечтал бы стать сейчас хоть младшим научным сотрудником в каком-нибудь биологическом учреждении.

Я слушала недавно выступление академика Николая Николаевича Семенова в Москве. Он много говорил о синтезе белка. Заняться этой проблемой, идя от химии, от синтеза больших молекул,— мечта его жизни, заявил академик.

Биология переживает сейчас пору больших предчувствий — она накануне великих событий, великого переворота. Именно в XX веке должна быть разгадана извечная тайна природы: человечество создаст живой белок! Наука стоит на пороге этого открытия. Разными путями идут к синтезу нуклеиновых кислот: с одной стороны биохимии, с другой — химии, занимающиеся полимерами и создающие искусственно большие молекулы, каких не существует в природе.

Физика и химия со своими совершенно новыми точными методами оплодотворили биологию, подвигавшуюся до этого такими медленными темпами. Как будто крылья отросли у биологических наук! Любопытно, что сами носители наследственности были открыты рентгеноструктурным анализом, то есть физическим методом. Электронный микроскоп с приспособлением для увеличения контрастности изображения плюс киноаппарат для замедленной съемки помогли людям впервые увидеть на экране живую трепетную клетку, ее деление, расхождение хромосом. А еще недавно биологию лихорадили ставшие теперь бессмысленными споры о роли хромосом.

Мы просматривали в Сибири этот удивительный фильм, снятый польскими учеными. Все ходило смотреть его по многу раз: он поражает воображение, вероятно, так же, как впервые увиденные Левенгуком под микроскопом живые микробы. Ученые показали не только обычный, нормальный процесс деления клетки, но и процессы болезненные, протекающие под воздействием человека. Мы видели, как замирает и останавливается жизнь, как погибает клетка, облученная большими дозами радиации, и как кардинально меняется процесс деления под воздействием химических средств, ядов. Клетка перестает делиться пополам, но хромосомы в ней все-таки делятся, количество их удваивается. Это удивительное явление — полиплоидия — помогает ученым выводить гигантскую гречиху, гигантскую пшеницу.

Сибирь требует от генетиков немедленного разрешения своих, сибирских вопросов. Кукуруза на зерно здесь пока еще не вызревает, нелегко продвигается на Север сахарная свекла. И генетики берутся вывести для Сибири новые сорта кукурузы и полиплоидной сахарной свеклы. Уже действуют теплицы Института генетики под Новосибирском. Еще под снегом были отведены поля под опытные посевы. Для того чтобы ускорить выведение нового сорта, ученые решают подстегивать природу: ведь результат нужен Сибири скорее, скорее, скорее! Кому-то приходит в голову счастливая идея: создать маленький филиал Сибирской академии в Сухуми, с опытными делянками, и попытаться получить второй урожай свеклы за один год.

Время должно быть подвластно науке. Темпы в этом семилетии будут решать исход мирного соревнования социалистической системы с капиталистической.

Сибирские генетики уже работают над такими «проклятыми» вопросами теории и практики, как, например, закрепление наследования растениями новых, с великим трудом выведенных признаков. И уже брезжит надежда, что эта одна из самых трудных в биологии проблем в Сибири будет разрешена.

Ставится дерзкая задача — управлять обменом веществ у растений, а в будущем и у животных. Ферменты, могучие катализаторы жизненных процессов, если овладеть ими, помогут человеку ускорять и даже изменять обмен веществ в живой природе.

Люди уже умеют управлять окраской пушных зверей. И в Сибири скоро будут голубые, серебристые, жемчужные норки.

Применение различных излучений для направленных мутаций — проблема атомного века. Выводить любые, заранее придуманные сорта полезных растений, воздействовать на наследственность животных с помощью радиации — действительность это или фантазия?

Но все это огромная, кропотливая работа, требующая веры, упорства и выносливости. Радиация — опасное оружие в руках человека. Мутации чаще всего оказываются губительными или вредными, и только единичные — нужными, прогрессивными. Требуются тщательный отбор и тысячи опытов в лабораториях, на делянках, утверждение новых сортов на колхозных и совхозных полях. Уходят годы тяжелого труда для окончательного выведения нужного сорта, но спокойная уверенность в победе придает ученым силы. В Сибири в 1958 году опыты уже начались.

Сибирь дает одно задание за другим. Надо вывести, например, хорошие сорта зимостойких, не стелющихся яблонь. И тут поможет облучение. Требуются лучшие сорта вишен и клубники.

Интересные опыты собираются производить с полезными бактериями и грибами. Само собой разумеется, здесь прежде всего — проблема новых антибиотиков и витаминов. Но грибы (это бродильные грибы типа дрожжей) можно заставить синтезировать всевозможные очень полезные для человека пищевые продукты, для этого достаточно подбирать для них необходимый «корм» — субстрат. Производят же, например, в Японии с помощью грибов разные острые деликатесы.

Есть сокровенная надежда, используя полезные бактерии и грибы, получить формы, переходные от неживого вещества к живому. И не на этом ли пути советские биологи вместе с химиками подглядают великую тайну природы — тайну синтеза нуклеиновых кислот, синтеза белка?

Биология, поддержанная физикой и химией, становится все более точной дисциплиной. Постоянная связь с этими науками уже налаживается. Работами сибиряков заинтересовались в Институте химической физики в Москве, у академика Н. Н. Семенова, и сотрудники этого института приезжали в Сибирь налаживать личный контакт с биологами. Член-корреспондент Академии наук Н. П. Дубинин, директор Института генетики и цитологии в Новосибирске, высказывает надежду, что сибирские математики помогут биологам в решении чрезвычайно сложных проблем наследственности и прочно включают биологию в содружество точных наук.

О точности мечтает и профессор Е. Н. Мешалкин, проделавший в Москве столько блестящих операций на сердце. В своем докладе на сессии в Новосибирске он с великой горечью говорил о том, что его наука — медицина — все еще эмпирическая наука, идущая ошупью, в значительной степени искусство, а не наука. Институт экспериментальной биологии и медицины, где директором Е. Н. Мешалкин, хочет заниматься самыми главными врагами человечества — болезнями, которые уносят столько жизней, прежде всего раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями. Здесь стремятся овладеть законами трансплантации, научиться пересаживать конечности, любые органы и ткани от человека к человеку, восстанавливать пораженные болезнью кровеносные сосуды.

В Сибирь согласился поехать С. С. Брюхоненко — создатель искусственного сердца. Здесь будут продолжены работы не только с сердцем, но и с искусственными легкими, печенью, почками.

Институт органической химии должен помочь медикам создать для искусственных органов такие пленки, через которые сможет совершаться обмен газами и солями, смогут выделяться кислоты и желчь.

Общий процесс взаимного оплодотворения наук, поисков точных методов должен немедленно коснуться и медицины.

Профессор Мешалкин на первой сессии обратился с прямой просьбой к ученым-гидродинамикам помочь медикам разобраться в таком загадочном до сих пор вопросе:

что же такое в конце-концов кровяное давление и каковы его закономерности? Тут нужна методика точных наук.

И немедленно попросила слова академик Пелагея Яковлевна Кочина. От имени своей науки — гидродинамики — она приняла этот социальный заказ. Гидродинамика ведь уже занималась когда-то кровообращением, для нее это задача о движении жидкости в эластичных трубах. Но вначале процесс представлялся в сильно упрощенном виде. Сейчас надо к нему вернуться. Тем более, что в Москве к Пелагее Яковлевне уже обращались ученые-медики с такой же просьбой.

Химики здесь же выразили желание принять участие в совместном с медиками изучении окислительно-восстановительных процессов в крови.

Прежде мы всегда представляли себе ученых как чрезвычайно выдержанных и несколько даже суховатых и замкнутых людей. Может быть, раньше люди кабинетной науки и были именно такими. Но с каким искренним увлечением и темпераментом говорила Пелагея Яковлевна Кочина о своем желании заняться проблемой кровяного давления!

Да и все выступления на обеих сессиях Сибирского отделения, где собрались крупные ученые страны, вызвали ощущение удивительной молодости, жизнерадостности, уверенности в своих силах.

* * *

В прошлом году я три раза была в Сибири. Приезжала в Новосибирск в октябре, на вторую сессию Сибирского отделения Академии наук, где обсуждались более близкие планы ученых на 1959 год.

Я снова побывала в академическом городке, видела Институт гидродинамики, подведенный под крышу, другие институты, понемногу выходящие из нулевого цикла, несколько готовых жилых домов, побывала и в лесной коммуне молодых математиков и гидродинамиков, которые отлично разместились в уютных щитовых домиках вокруг добротной избы академика Лаврентьева, и в другой коммуне — в поселке Нижняя Ельцовка, у юных генетиков, которые занимались все лето выведением первого поколения полиплоидной свеклы, а теперь готовили семенной материал для отправки в Сухуми — на второй вегетационный срок.

Жизнь бурлила кругом, институты разворачивали свою работу, дом 20 на Советской улице был отлично отделан и превратился в добропорядочное академическое учреждение. В нем тогда уже работали десятки лабораторий. Из Москвы и Ленинграда переселилось много ученых. Институты готовились переезжать в здание Института гидродинамики в порядке самоуплотнения. Обсуждался план сибирских академических изданий. Предполагалось издавать ряд журналов и свои «Доклады Сибирского отделения Академии наук», причем было твердо решено не мариновать в «Докладах» годами новые открытия и исследования ученых: сдал статью в понедельник, в четверг читай верстку, а в следующий понедельник получи готовый оттиск!

Я слушала наметки академического плана 1959 года и вспоминала первую, майскую сессию.

План сибирской науки на семь лет прозвучал здесь, как прекрасная симфония, посвященная могуществу человеческого разума.

С трибуны первой сессии перечислялись темы, которые недавно годились бы для фантастических романов. Но писатели уже опоздали: ученые обязались сами в течение коротких лет разработать эти темы, исключить их из номенклатуры фантастики. Наши фантасты часто опаздывают. Оказывается, что их идеи о сверхплотинах, сверхтуннелях и сверхсооружениях уже гораздо смелее разработаны инженерами еще до выхода романов. Осталась, кажется, одна тема, которая пока проходит наверняка: межпланетные и межгалактические путешествия.

Между тем ведь и на Земле многие дела человеческие еще далеко не устроены.

Академик Лаврентьев на совещании детских писателей в Сибири обратился с призывом к нашим фантастам от имени ученых: «Пофантазируйте подальше, проникните своим взором далеко за пределы уже известного и осуществленного наукой, чтобы наша молодежь увлеклась новой научной фантастикой, смелыми мечтами о человеческом прогрессе!»

Ведь многое из того, что все так любили в романах Жюль Верна и Уэллса, уже сделано, причем сделано гораздо интереснее и увлекательнее.

Слушая речь академика, я размышляла о судьбах фантастической литературы. Как, в сущности, робко мечтают наши писатели! И что, собственно, так сковывает полет их фантазии? Сейчас масштабы фантастики должны стать, видимо, более крупными, планетарными. Если уж говорить о новой энергетике, то надо говорить об управлении страшными силами вулканов и землетрясений, энергией магмы, бушующей в глубинах Земли. Если уж менять климат Сибири, то менять кардинально.

В зимнее время к Сибири притекают огромные массы воздуха. Здесь формируется злой сибирский антициклон, который роковым образом отражается на климате материка. На последнем Международном астрономическом конгрессе в Москве шла речь об этом чудовищном антициклоне, перемещение которого вызывает даже блуждание земной оси. Ученые как бы «взвесили» его и определили, что над Сибирью нависает 14 миллиардов тонн воздуха!

Смелее замахиваться на стихии, повелевать ветрами, циклонами и антициклонами, управлять горным давлением, наконец, уцепиться за самую ось земную — вот это размах для нашей фантастики!

Впрочем, действительность обгоняет часто мечты и самих ученых. Передо мной книжка М. Васильева и С. Гуцева «Репортаж из XXI века». Это записи рассказов двадцати девяти советских ученых о науке и технике будущего, изданные недавно издательством «Советская Россия». Книжка очень интересна. Но многие проблемы, отнесенные в ней к XXI веку, уже стоят в планах Сибирского отделения Академии на ближайшие семь лет.

Это реальная наука наших дней.

Агроном И. СМИРНОВ

★

НЕ ДОПУСКАТЬ ШАБЛОНА

(По поводу статьи Л. Иванова «Когда сеять?»)

Решения XXI партийного съезда, величественная программа работ, предложенная партией нашему народу, вызвали беспрецедентный прилив творческой инициативы. Каждый советский человек сейчас полон горячего стремления работать еще более производительно, активно помогать в поисках новых резервов, чтобы успешнее выполнялась наша семилетка. Как сказал Н. С. Хрущев на встрече с избирателями, во имя великой цели приятно и хорошо потрудиться.

Такой подъем означает, что любой конкретный деловой совет, разумное предложение, откуда бы они ни исходили, будут обязательно подхвачены, как говорится, на лету и могут вызвать небывалую отдачу. И, конечно, роль в этом деле печатного слова огромна.

Вот какие мысли пришли мне в голову после того, как я прочел статью Леонида Иванова «Когда сеять?» в мартовской книжке «Нового мира». В то же время появилось желание кое в чем возразить автору, по возможности расширить поднятый им разговор.

Прежде всего надо отметить благородную попытку литератора посильными ему средствами оказать помощь сельскому хозяйству одного из обширнейших районов — Западной Сибири. Увеличение здесь валовых сборов зерна, главным образом яровой пшеницы, как известно, особенно ценной благодаря высокому содержанию белковых веществ и отличным хлебопекарным качествам, приобретает первостепенное значение. Пять районов, о которых идет речь в статье, раскинувшихся на безграничных просторах Курумбельской, Барабинской и Кулундинской степей, между реками Обью и Иртышом, производят посевы зерновых культур на площади свыше 14 миллионов гектаров, из них более 11 миллионов гектаров яровой пшеницы.

Эта зона отличается суровыми климатическими условиями. Зима холодная, с морозами до 50 градусов. В степных и открытых лесостепных районах снега выпадает мало, почва промерзает на глубину свыше двух метров, вследствие чего микробиологическая деятельность в ней надолго замирает и медленно восстанавливается. Зимние и весенние месяцы отличаются сухой и ветреной погодой, резкими колебаниями температуры в течение суток. Наибольшее количество осадков выпадает, как правило, в летние месяцы, начиная со второй половины июня. Здесь хватает тепла для выращивания позднеспелых, раннесреднеспелых и даже твердых сортов яровой пшеницы.

С каждым годом сельское хозяйство Сибири становится все более квалифицированным. Однако здесь еще допускается много грубейших нарушений агротехники обработки почвы, сева, уборки урожая, за которые жестоко наказывают стихийные силы природы.

В этих условиях подсказать, где скрываются резервы увеличения валовых сборов зерна, как поднять устойчивую урожайность на два-три центнера с гектара,— большое дело. Это значит получить ежегодную прибавку в 200 миллионов пудов яровой пшеницы! Есть над чем подумать.

Печатается в порядке обсуждения.

Отдельные руководящие работники и специалисты сельского хозяйства Сибири считают, что успех урожая зависит от правильно установленных сроков сева. Л. Иванов пишет: «Правильно выбранный срок сева в условиях Сибири и Северного Казахстана имеет часто решающее влияние на урожай». Придавая этому агротехническому фактору магическое влияние, он спрашивает: «И почему бы действительно Министерству сельского хозяйства вместе с Академией наук не собрать вместе ученых, специалистов, практиков, руководящих работников Сибири и Северного Казахстана и не поговорить, что называется, по душам, найти наиболее правильное решение о сроках сева применительно к отдельным зонам, районам?» Получается, что, если разработать рекомендации сроков сева яровой пшеницы, ежегодные высокие и устойчивые урожаи будут обеспечены.

По нашему мнению, это глубокое заблуждение.

В самом деле, как можно для такой огромной территории с разнообразными естественными почвенными и климатическими условиями разработать, предусмотреть наперед какие-либо рекомендации календарных сроков сева сельскохозяйственных культур?

Если проанализировать ход наращивания температуры воздуха весной в отдельных степных и открытых лесостепных районах Сибири, то легко убедиться в исключительно большом влиянии местных условий. Например, между западными и восточными районами Кулундинской степи разница во времени перехода температуры через ноль градусов достигает в отдельные годы пяти и даже десяти дней. Многолетние данные по Челябинской области также свидетельствуют о значительной разнице в погодных условиях в отдельные годы. В подавляющем количестве лет переход температуры воздуха через +5 градусов наступает в области не ранее третьей декады апреля.

На Всесоюзном совещании работников науки и практики сельского хозяйства, проходившем в зауральском колхозе «Заветы Ленина», Т. С. Мальцев, касаясь сроков сева, говорил, что в колхозе, да и в области, определенных сроков для посева не устанавливают. Свой посевной календарь дает каждая весна. И вообще, как можно без учета всей суммы условий каждой весны, оказывающих влияние на ход развития посевов, руководствоваться только одним фактором, внедрять его в сельскохозяйственное производство?

Сельское хозяйство — сложная и трудная отрасль народного хозяйства. «Нигде, быть может, ни в какой другой деятельности, — говорил К. А. Тимирязев, — не требуется взвешивать столько разнообразных условий успеха, нигде не требуется таких многосторонних сведений, нигде увлечение односторонней точкой зрения не может привести к такой крупной неудаче, как в земледелии» (подчеркнуто мною. — И. С.).

Оценка земледелия, данная корифеем сельскохозяйственной науки К. А. Тимирязевым, особенно верна для районов Сибири, климатические и почвенные условия которой крайне разнообразны. Послушаем, что говорят работники науки и практики, проработавшие много лет в Сибири.

«Путь к устойчивому, высокому урожаю ведет раньше всего через продуманный учет местных почвенно-климатических условий и особенностей, через умелое приспособление агротехники к этим условиям, через установление своей местной агротехники» (Т. С. Мальцев. «Вопросы земледелия»).

«Практика, хотя бы, например, растениеводства, настолько сложна и многообразна, что предугадать, предусмотреть заблаговременно все наперед... трудно» (Т. Д. Лысенко. «Агробиология»).

Для того чтобы решить вопрос о времени сева, о безусловном получении ежегодных устойчивых урожаев, отнюдь не требуется устанавливать шаблоны для целой зоны рекомендации. Здесь делу поможет главным образом тщательное изучение, применительно к местным условиям, потребностей растительных организмов и их реакции на воздействие внешних условий. Вот тогда каждый работник сельского хозяйства будет знать, как надо ему практически действовать в самых разнообразных направлениях, чтобы повышать урожайность и увеличивать валовые сборы зерна и других сельскохозяйственных культур. Сошлемся еще раз на Тимирязева: «Только изучив законы о жизни, только подметив или

выпытав у самого растения, какими путями оно достигло своих целей, мы в состоянии направить его деятельность к своей выгоде, вынудив его давать возможно более продуктов, возможно лучшего качества».

Каковы же главные факторы, оказывающие первостепенное влияние на уровень урожайности?

В Сибири основными сельскохозяйственными зонами являются степные и открытые лесостепные засушливые районы. Поэтому решающую роль в формировании урожая зерна здесь играют запасы влаги и усвояемых питательных веществ, накопленные за предшествующие летние и осенние месяцы. Большое значение имеют и осадки, выпадающие в июне и июле.

Научно-исследовательскими учреждениями Сибири установлено, что если запасы влаги в метровом слое почвы в апреле, мае и июне не падают ниже 100—125 миллиметров, то урожай яровой пшеницы в сто и более пудов зерна с гектара обеспечен. Об этом свидетельствуют хорошие урожаи яровой пшеницы, снятые колхозами и совхозами в степных районах Сибири в 1938, 1941, 1947, 1954, 1956 и 1958 годах. На время массового развертывания сева (в первой декаде мая) в эти годы запасы влаги в почве даже в таких засушливых районах, как Кулундинский и Славгородский, Алтайского края, составляли от 160 до 220 миллиметров. До конца июня эти запасы не сокращались ниже 100—125 миллиметров, несмотря на то, что в апреле, мае и июне количество осадков не превышало обычной нормы.

К сожалению, такие годы редки. Обычно же степные и открытые лесостепные районы Сибири и соседних областей Казахской ССР почти ежегодно в той или иной степени подвергаются засухе. Особенно засушливыми бывают апрель, май и первая половина июня. В эти месяцы выпадает всего лишь от 10 до 25—30 миллиметров осадков. Более значительные дожди начинают выпадать в конце июня — начале июля, когда яровая пшеница выходит в трубку и начинает колоситься. Недостаточное количество осадков весной и летом в этих районах сопровождается высокими температурами, низкой относительной влажностью воздуха и частыми явлениями суховея. Почва в это время иссушается на большую глубину.

От окончательной гибели посевы пшеницы спасают прохладные ночи. Пониженная температура летних ночей благоприятна для растений: она сокращает их дыхание, на которое в жаркие ночи расходуется значительная часть углеводов, накопленных в течение дня. Благодаря уменьшению испарения растения восстанавливают свой водный баланс, падающий в жаркие дни до губельного минимума.

Заметим, кстати, что в опубликованных в свое время в печати многочисленных высказываниях крестьян и специалистов сельского хозяйства, более 50—60 лет тому назад впервые приступивших к освоению земель в этих районах, прежде всего рекомендовалось уделять особое внимание влаге. Предлагалось как можно больше накопить ее еще «за год до посева». Считалось, если земледелец-хлебороб не научится накапливать, сберегать и экономно расходовать запасы влаги в почве, — он, несмотря на многоземелье, «будет вечно находиться в зависимости от капризов погоды».

Может ли человек чем-либо помочь природе больше накопить в почве влаги и питательных веществ для растений? Конечно. Важнейшее средство в этих районах — чистые пары. Даже на удобренных, но хорошо обработанных парах в пахотном слое черноземных почв накапливается на гектаре от 500 до 700 килограммов селитры, более 20 килограммов водорастворимой фосфорной кислоты и 1 250—1 600 тонн воды. Исследования показали, что в Сибири, в отличие от других районов страны, денитрификация (распад азотных соединений) в паре осенью почти не протекает, и накопленные нитраты сохраняются в почве до будущей весны. Это дает возможность производить на парах посевы раньше, чем по другим предшественникам, до восстановления деятельности почвенных микроорганизмов. Кроме того, чистые пары — активная защита против сорной растительности.

Беда в том, что во многих колхозах и совхозах степных районов чистых паров почти нет. Особенно пренебрежительное отношение к этому прогрессивному агротехническому средству проявляется в Алтайском крае, Новосибирской, Омской и соседних

с ними областях. Кстати сказать, паров нет и в упоминаемых в статье Л. Иванова совхозах Омской области. И вот результаты за последние годы:

(В центнерах с гектара)

Совхозы	Урожайность зерновых по годам					В том числе яровой пшеницы				
	1954	1955	1956	1957	1958	1954	1955	1956	1957	1958
„Целинный“ . .	12,6	4,7	15,6	2,7	14,5	—	4,8	15,8	2,7	14,6
„Цветочный“ . .	13,2	6,5	14,6	4,8	14,4	—	6,4	14,6	4,8	14,8
„Розовский“ . .	—	3,0	15,3	2,6	11,3	—	3,0	14,4	2,5	11,6
„Боевой“	10,5	5,3	23,7	8,9	11,1	—	6,8	25,4	8,2	11,1

Цифры эти наглядно подтверждают все еще огромное влияние стихийных сил, «капризов» природы в тех совхозах, где люди не придают значения накапливанию и бережному расходованию влаги в почве. Несколько лучше дела в совхозе «Боевой», в котором значительно выше общий уровень культуры земледелия.

Не менее эффективное средство повышения урожайности и получения устойчивых урожаев — это подготовка ранней зяби под посевы яровой пшеницы и других культур. Практика показывает, что рано поднятая зябь накапливает на каждом гектаре на 300—500 тонн больше влаги и в два раза больше усвояемых питательных веществ. Наряду с этим ранняя вспашка зяби дает возможность вести борьбу с сорняками осенью путем обработки дисковыми лушпильниками или культиваторами.

Влага решает успех урожая. Если в почве не накоплено достаточного количества влаги, то все агротехнические мероприятия, как бы своевременно и хорошо они ни были проведены, не смогут обеспечить высокого урожая яровой пшеницы.

Есть и еще один существеннейший фактор повышения урожайности. Я имею в виду семена.

Показателем высокой культуры земледелия каждого хозяйства является полная обеспеченность собственными первоклассными сортовыми семенами. Особенное значение имеет полноценность семенного зерна для колхозов и совхозов Сибири. И понятно почему: суровая природа предъявляет повышенные требования к семенному материалу. Чтобы полностью использовать богатую почву и все благоприятные условия, создаваемые ее обработкой, здесь должны выращиваться выносливые растения, способные противостоять превратностям погоды. Постоянная забота о первоклассном, здоровом, устойчивом, хорошо вызревшем посевном материале высокого веса, наилучшей всхожести и энергии прорастания — святое дело для сибирских колхозов и совхозов. И люди это отлично понимают.

Трудно поэтому поверить столь неграмотному ответу одного из героев статьи Иванова, агронома Николая Павловича, на вопрос другого действующего лица, Василия Ивановича, о том, каково положение с семенами у них в совхозе. «Первый год своих семян у нас не было — все завозные и из одного элеватора», — вот что заявил Николай Павлович. А между тем в элеваторе могли быть семена самых различных качеств и сортов.

Надо прямо сказать, в районах Сибири, как правило, до сих пор плохо заботятся о семенах. Посевы яровой пшеницы на больших площадях производятся некондиционными — низковсхожими и засоренными семенами. Посевного материала часто не хватает, его завозят из других областей, а семена эти выращены в совсем иных условиях, резко отличных от условий Сибири. При установлении норм высева такого рода «мелочи» нередко не учитываются. Забывают, что здесь полевая всхожесть семян, даже с высокими посевными качествами, значительно снижается по сравнению с лабораторной.

Основными сортами яровой пшеницы в районах Сибири являются: Мильтурум 553 и 321, Альбидум 3700, Гордеиформе 10, Лютесценс 62 и 758, Гарнет и другие.

Высокие урожаи дают как позднеспелые, так и раннесреднеспелые сорта яровой пшеницы. Но высокие урожаи могут быть получены, когда сортовые семена используются умело, со знанием особенностей каждого сорта. Например, высокоурожайный сорт яровой пшеницы Мильтурум 553 является наиболее позднеспелым. Он не полегает, устойчив против осыпания, зерно крупное. Исключительно ценным его качеством является засухоустойчивость в первые фазы своего развития до выхода в трубку. Он хорошо переносит длительные весенние засухи. После выхода в трубку начинает быстро расти и обгоняет в росте другие сорта пшениц. Этот сорт вследствие значительной длины вегетационного периода, естественно, должен высеваться раньше других с расчетом созревания его до ранних осенних заморозков, которые нередко бывают в третьей декаде августа. Чтобы уменьшить влияние засухи на развитие позднеспелых сортов пшеницы, посевы их обычно размещают по парам и ранней зяби, где накоплено больше всего влаги и усвояемых питательных веществ. Научкой установлено, что наибольшее снижение урожайности несут позднеспелые сорта, когда не учитываются эти качества. Запоздание с посевом Мильтурум 553 и других позднеспелых культур связано с риском гибели посевов от осенних заморозков.

Совсем другими качествами обладают раннесреднеспелые сорта яровой пшеницы. Например, вегетационный период Лютесценс 62 короче вегетационного периода Мильтурум 553 на 15—25 дней (в зависимости от условий погоды). Первые фазы развития проходит быстро. Если Лютесценс 62 посеять одновременно с Мильтурум 553, то, не обладая засухоустойчивостью, пшеница этого сорта в условиях жесткой весны при высокой температуре и недостатке влаги быстро пройдет фазы своего развития, сформирует продуктивные органы и уже не в состоянии будет улучшить их даже при выпадении осадков. В этих условиях посевы будут низкорослыми, с мелким колосом, низким урожаем зерна. Другое дело, когда, учитывая сортовые качества Лютесценс 62, произвести посевы этим сортом ближе к началу выпадения осадков, то есть, если сократить жесткий засушливый период. Тогда фаза развития продуктивных органов будет протекать в условиях достаточной увлажненности, этот сорт пшеницы даст высокий урожай. Стебель будет высокий, колос крупный.

Очевидно, что, не обращая внимания на посевные и сортовые качества пшеницы, можно дойти до абсурда: сеять сначала раннесреднеспелые сорта, потом позднеспелые. При этих условиях хороших урожаев, разумеется, добиться трудно.

Крупные резервы увеличения производства зерна заложены в посевных и особенно сортовых качествах яровой пшеницы. Учитывая особенности погодных условий, еще в 1947 году февральский Пленум ЦК ВКП(б) в постановлении «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» отметил: «Считать необходимым в районах Сибири и Зауралья производить посевы в колхозах и совхозах как раннеспелых, так и более позднеспелых сортов с тем, чтобы ослабить напряженность в наиболее ответственные периоды работы — посева и уборки урожая и гарантировать получение более высокого сбора зерна». Этим постановлением разрешается сразу два больших вопроса — организационный и агротехнический.

При определении времени сева необходимо наряду с влагой учитывать и второй фактор — тепло. Сеять позднеспелые сорта пшеницы можно начинать тогда, когда температура почвы достигнет минимальной для прорастания семян пшеницы — от 2 до 3,5—4 градусов тепла. Следует тщательно следить за тем, чтобы в ожидании тепла не была потеряна влага для набухания семян. Наилучшее сочетание этих факторов в различных районах наступает в разное время — в одних раньше, в других позже. Сейчас нет опасности растягивания периода сева из-за каких-либо организационных неполадок. Каждый колхоз и совхоз имеет свою технику, которая вовремя обеспечит посев пшеницы.

На наш взгляд, колхозы и совхозы не нуждаются в шаблонном установлении срока посева. Обратимся к опыту такого авторитета в Зауралье, как Терентий Семенович Мальцев. Считаясь с тем, что несет очередная весна, он каждый раз исходит из особенностей почвы и ее подготовки, характера засоренности участка, сорта и качества семян высеваемой культуры. Имея хорошо подготовленные пары и двухгодичный запас семян, Мальцев в 1952 засушливом году сознательно оттянул время посева скороспелых пшениц почти до конца мая и этим самым парализовал влияние май-

ской и июньской засухи. Скороспелыми сортами яровой пшеницы им было засеяно 60 процентов площади этой культуры. И получен хороший урожай.

Нельзя не сказать еще об одном — погодном факторе Сибири, оказывающем очень большое влияние на производство зерна. Многие забывают, что лето здесь заканчивается в начале третьей декады августа. Дневные и особенно ночные температуры снижаются, испаряемость уменьшается. В связи с этим созревание запоздавших посевов затягивается. Уборка урожая проводится нередко в условиях дождливой погоды. Создается большое напряжение в работе. Оно усиливается с каждым днем еще и потому, что период уборки совпадает с посевом озимых, вспашкой ячи, сдачей зерна в государственные ресурсы.

Кто будет отрицать, что отдельный способ уборки урожая зерновых и других культур является одним из наиболее рациональных? Но если его применять без знания дела и местных условий погоды, шаблонно, без учета состояния урожая на каждом поле или участке, это может привести к большим потерям уже выращенного урожая.

В прошлом году в Новосибирской области во многих колхозах и совхозах отдельная уборка урожая была проведена так, что нанесла большой ущерб. Вместо того чтобы организовать подбор валков, скошенных жатками, через четыре — семь дней, в ряде совхозов они валялись на поле до тех пор, пока не была скошена почти вся пшеница, то есть по 20—25 дней. Это явление наблюдалось и в Коченевском, и в Черелановском, и в других районах. Далее, отдельно скашивались хлеба вне зависимости от их созревания и роста. Затем эти хлеба целый месяц мкли под дождем. Не мудрено, что в результате такой уборки многие колхозы и совхозы области не имеют в текущем году даже семян для посева, большая часть засыпанных семян некондиционна по всхожести и засоренности.

За последние годы к руководству сельским хозяйством привлечены опытные и квалифицированные кадры: главные агрономы районных инспекций сельского хозяйства, директора и главные агрономы совхозов, председатели и агрономы колхозов. Как правило, все это специалисты с высшим и средним сельскохозяйственным образованием. Среди председателей колхозов много талантливых организаторов, накопивших большой практический опыт и добившихся серьезных успехов в развитии колхозного производства.

Колхозы и совхозы имеют мощную технику, которой в короткий срок возможно выполнить большой объем сельскохозяйственных работ. Почти в каждой области, крае и автономной республике имеются научно-исследовательские учреждения, сеть сортоиспытательных участков, метеорологических станций. Во многих местах проведено почвенное обследование земель.

Используя достижения науки, опираясь на знание местных условий и опыт передовиков, руководители колхозов и совхозов способны сами решать все вопросы сельскохозяйственного производства. Думается, что давно уже наступило время предоставить больше инициативы местам в их методах борьбы за высокие и устойчивые урожаи. Это повышает чувство ответственности у людей, причает их к самостоятельным, хорошо взвешенным действиям, способствует развитию инициативы и, что очень важно, устраняет мелкую опеку со стороны вышестоящих инстанций, а следовательно, и исключает шаблонное применение тех или иных агротехнических приемов, в том числе и шаблонных сроков сева.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ОТ ПЕРВОЙ ССЫЛКИ К МАРКСИСТСКОМУ КРУЖКУ

Некоторые новые данные, касающиеся юности В. И. Ленина

Исключенный из Казанского университета за активное участие в студенческом движении, Ленин в декабре 1887 года был сослан в деревню Кокушкино, Казанской губернии.

Период жизни Владимира Ильича в Кокушкине — это период углубленного самообразования, систематического знакомства с произведениями революционеров-демократов, поисков правильного пути революционного движения. В Кокушкине Ленин пользовался библиотекой запрещенных изданий, собранных его дядей А. И. Пономаревым, который имел доступ к этого рода литературе, так как в течение многих лет был цензором в Воронеже и Перми.

Позднее Ленин рассказывал: «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани... Моим любимейшим автором был Чернышевский... Благодаря статьям Чернышевского, я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня»¹.

Само Кокушкино служило красноречивым примером того, как разорялось мелкопоместное дворянство. Хлеба не хватало от урожая до урожая. Зимой 1887/88 года Л. А. Пономарева (сестра Марии Александровны Ульяновой) вынуждена была заключить в Черемышевском волостном суде следующую сделку: «Землевладельца деревни Кокушкино Л. А. Пономарева получает займы сроком до 20 октября 1888 года от помещика деревни Змиевой Г. В. Дыдыкина 160 пудов муки и 40 мер зерна»².

Лаишевский уездный исправник (в этот

¹ См. журнал «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 133—134.

² Центральный Государственный архив Татарской АССР (ЦГА ТАССР). Фонд 464, опись 1, ед. хр. 18, л. 27.

уезд входило и Кокушкино), 1 марта 1889 года сообщал, что крестьянское хозяйство в уезде «быстро идет по наклонной плоскости и года через два совершенно провалится, если не будет урожайных годов». Ежегодные недороды «обессилили платежную мощь землевладельцев, не только из крестьян, но даже и помещиков... В особенности проглядывает беднота в татарских селениях. Они сделались сейчас положительно несостоятельными... плательщиками и несостоятельными землевладельцами»¹.

Находясь в ссылке в Кокушкине, Владимир Ильич все же неоднократно выезжал в Казань, поддерживал связи с радикальной молодежью. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие слова в письме Анны Ильиничны от 20 апреля 1888 года: «Нынче Володя, вернувшись из города, сказал мне, что в Петербурге исключены недавно сорок человек, преимущественно юристов III и IV курсов»².

В сентябре того же года Владимир Ильич переселился в Казань. В письме А. И. Ульяновой, датированном 14 сентября 1888 года, говорится: «Мама с остальными братьями и сестрой переселилась в город (адрес — Первая гора, дом Орловой)...»³ Лаишевский уездный исправник 10 октября 1888 года запрашивал у канцелярии казанского губернатора: «На каком основании Ульянов проживает в Казани?» На это последовал ответ: «Ульянов имеет право проживать в Казани без особого на то разрешения»⁴. Дело в том, что к этому времени здесь был получен циркуляр Департамента полиции, разрешающий участникам студенческих волнений декабря 1887 года проживать в университетских городах, если они имеют там родных или родственников.

О политической жизни Казани тех дней в известной мере можно судить по перехваченному полиции письму участника казанского марксистского кружка П. П. Маслова

¹ ЦГА ТАССР, ф. 1, оп. 3, ед. хр. 7870, л. 5.5 (оборот), 8.

² Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПАИМЛ). Фонд семьи Ульяновых.

³ Там же.

⁴ Государственный архив Куйбышевской области. Фонд 465-с, оп. 3, ед. хр. 4, л. 5 (оборот).

(в советское время крупного ученого-экономиста, действительного члена Академии наук СССР, в течение ряда лет переписывавшегося с В. И. Лениным):

«...Как и прежде, так и теперь Казань представляется, кажется, местом вечных разговоров «хороших». По приезде сюда пришлось, конечно, увидеть то же самое. Разговоры и совещания были в полном разгаре...»¹.

В Казани Владимир Ильич знакомится с М. П. Четверговой, старой народоволкой, которая в 1875 году была арестована в Москве за распространение нелегальной литературы и сослана в Вятскую губернию, в 1881 году она переселилась в Казань, где пользовалась большим авторитетом среди местной радикальной молодежи.

В «Воспоминаниях об Ильиче» А. И. Ульянова-Елизарова отмечает, что в беседах с братом осенью 1888 года часто упоминалась фамилия «Четверговой, пожилой народоволки, о которой Володя отзывался с большой симпатией...» М. П. Четвергова была страстной приверженкой Чернышевского, а, как известно, Владимир Ильич тогда тоже находился под большим влиянием великого революционера-демократа.

Дом, в котором жила Четвергова (ныне улица Мусы Джалиля, 1/36), стоял на окраине Казани, у дороги, ведущей к парходным пристаням. В ее квартиру легко было попасть, не опасаясь быть замеченным полицией. Здесь устраивались собрания молодых людей различных политических направлений и убеждений. Выступавший на этих собраниях М. Л. Мандельштам, близко знавший Александра и Анну Ульяновых по петербургским кружкам, отмечает в своей книге «1905 год в политических процессах. Записки защитника»: «В Казани я организовал кружки молодежи, с которыми занимался по Марксу... В числе слушателей моих лекций был Ленин, тогда еще совсем молодой человек».

Зимой 1888/89 года Владимир Ильич изучал «Капитал» Карла Маркса и «Наши разногласия» Г. В. Плеханова. Он вступил в один из марксистских кружков, созданных в Казани Н. Е. Федосеевым, одним из первых революционеров-марксистов в России.

¹ Центральный Государственный исторический архив СССР в Москве (ЦГИАМ). Фонд Департамента полиции (ДП). VII делопроизводство. 1889 г. Дело 129, т. 1, л. 103.

Чем же занимались эти кружки в пору вступления в них В. И. Ленина? Участник федосеевского кружка А. Выдрин показал на следствии: «Цель кружка состоит главным образом в оказании помощи ссыльным посредством денег и газет, материальной помощи бежавшим из ссылки, образовании членами кружка новых кружков, причем ставилось неперменным условием, чтобы члены нового кружка знали бы только организатора, но не состав нашего кружка, создании тенденциозных и революционных сочинений. Кроме того, членам кружка вменялось в обязанность изыскивать способы к сближению с членами других революционных кружков или партий и по возможности полемизировать с адептами других учений по вопросам, нашему кружку противоположным»¹.

Во время обыска у одного из участников казанского народовольческого кружка К. Я. Барсова была отобрана записка: «В библиотеке спросить Ульянова»². Давая объяснения по этому поводу, Барсов сообщил, что запись эта «есть заметка, сделанная мной для памяти, ввиду необходимости видеться с Ульяновым, бывшим студентом Казанского университета, для того, чтобы спросить его об адресе его родственника Александра Александровича Ардашева»³ (двоюродного брата Ульяновых, учившегося тогда в Петербурге). Это заявление Барсова — первая пришедшая ему на ум версия. Он прекрасно знал адрес матери Ардашева и часто бывал в их доме.

В одном из следственных протоколов читаем показание участника марксистского кружка о том, что ему предлагали «вступить в предназначавшийся быть организованным по инициативе Федосеева и Барсова студенческий хор с целью давать концерты в пользу политических ссыльных. Разговор о хоре имел место под рождество 1888 года»⁴.

В доме Ростовый, в котором жила Л. А. Пономарева, в декабре 1888 и январе 1889 годов, как видно из того же показания, устраивались «вечеринки, сбор с которых назначался к отправке ссыльным. Я припоминаю, прошедшую зимой 89 года в квар-

¹ ЦГИАМ, ДП, VII делопроизводство, 1889 г., д. 129, т. 1, л. 154.

² Там же, III делопроизводство, 1889 г., д. 288, л. 5.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, VII делопроизводство, 1889 г., д. 129, т. 1, лл. 186—188.

тире Дробыш-Дробышевского, хорошего знакомого Федосеева, затем в том же доме, наверно, в квартире Ардашевой была также вечеринка... деньги, не знаю в какой сумме, были переданы Ягодкину»¹.

Все эти дела кружковцев не прошли мимо внимания полиции. Казанский полицеймейстер доносил губернатору, а тот Департаменту полиции о том, что «в квартире Л. А. Пономаревой, имеющей взрослых дочерей, бывают вечера довольно часто, с участием в них молодежи не только из студентов, но и посторонних лиц...»²

В октябре—ноябре 1888 года прогремел на всю Россию судебный процесс над крестьянами чувашами из деревни Старые Урмары, Цивильского уезда, Казанской губернии. Сорок шесть крестьян этой деревни были преданы суду за сопротивление властям при разделе общинной земли.

Издававшаяся за границей нелегальная газета «Самоуправление» в заметке «Корреспонденция из Казани» писала: «...Еще задолго до разбирательства слухи об этом процессе проникли в местное (то есть казанское.— Г. Х.) общество, так что ко дню заседаний в зале суда собралась многочисленная публика»³. Нам удалось выявить документ, в котором указывается, что переводчиком на этом процессе был студент физико-математического факультета Казан-

ского университета Никифор Михайлович Охотников¹. Это тот самый Охотников, которого Владимир Ильич, еще будучи гимназистом, подготовил к экзаменам на аттестат зрелости. К сожалению, пока не найден материал об их встречах в Казани в те годы.

Спустя короткое время, весной 1889 года, другое событие потрясло участников марксистского кружка. Речь идет о взрыве в Цюрихе бомб, предназначавшихся для нового покушения на царя Александра III. В связи с этим в России повсюду произошли обыски и аресты, в том числе и в Казани. Как раз в это время и была отобрана полицией у Константина Барсова записка с фамилией Владимира Ульянова, о которой уже здесь рассказывалось. А из справки Департамента полиции, составленной в 1895 году, видно, что «на Ульянова было обращено особое внимание, как на одного из поднадзорных, проживающих в Казани, которая по сведениям, добытым по известному делу о взрыве в Цюрихе, признавалась местом пребывания особо видных деятелей революционного движения в России»².

Таковы некоторые дополнительные подробности жизни Владимира Ильича в 1888—1889 годах.

Публикацию подготовил
Г. Хаит.

¹ ЦГИАМ, ДП, VII делопроизводство, 1889 г., д. 129, т. 1, л. 154 (оборот).

² Там же, ДП, III делопроизводство, 1889 г., д. 99, л. 4.

³ Газета «Самоуправление» № 3, февраль 1889 г.

¹ ЦГА ТАСР. Фонд 977, Правление, д. 31490, лл. 31—33.

² ЦГИАМ, ДП, VII делопроизводство, 1895 г., д. 339, л. 67 (оборот).

НА ЗАРУБЕЖНЫЕ ТЕМЫ

И. АНДРЕЕВ

★

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС

За последнее время германский вопрос с особой силой выдвинулся на авансцену международной жизни. И это далеко не случайно. Ведь от того, как будет решен этот вопрос, в огромной степени зависят судьбы мира и безопасности в Европе, а следовательно, и во всем мире.

Озабоченный интересами разрядки международной напряженности, Советский Союз выступил с миролюбивой инициативой по германскому вопросу, представив проект мирного договора с Германией и предложив объявить Западный Берлин демилитаризованным вольным городом. Сейчас, вероятно, нет такой страны, где эти предложения не были бы широко известны. Ими заняты правительства и парламенты, их изучают партии оппозиции, их неустанно комментируют корреспонденты и обозреватели газет и журналов. Наконец — и это самое важное — предложения Советского Союза глубоко вошли в сознание широких народных масс, встречены с живым интересом и одобрением, как новое доказательство активной борьбы Советского Союза за упрочение мира во всем мире.

Инициатива, проявленная Советским правительством, фактически уже во многом изменила политическую обстановку в мире. Еще больше сплотились и активизировались силы мира, еще сложнее стало положение вдохновителей «холодной войны». Не случайно и Эйзенхауэр, и Даллес, и Аденауэр, и другие государственные деятели западных держав вынуждены были за последние месяцы столько своих публичных выступлений посвятить предложениям СССР по германскому вопросу. Неспроста государственный секретарь США так стремительно ринулся в феврале в Лондон, Париж и Бонн обсуждать эти предложения с главами правительств Англии, Франции и Западной Германии. Опытные политические комментаторы утверждают, что советская инициатива заставила правящие круги западных держав под давлением общественности призадуматься над кое-какими из своих закостенелых политических концепций, касающихся Германии.

Значение предложений Советского Союза относительно мирного договора с Германией и Западного Берлина было с новой силой подчеркнуто с трибуны XXI съезда КПСС в докладе и заключительном слове Н. С. Хрущева и в резолюции съезда.

Чем все это вызвано? Почему ЦК нашей партии и Советское правительство уделяют такое исключительное внимание проблеме Берлина и германскому вопросу в целом? В чем конкретно состоят эти проблемы и каковы пути их решения, предлагаемые Советским Союзом?

Исторический XXI съезд КПСС, наметивший для Советской страны прямой и ясный маршрут к коммунизму, раскрыл и перед всеми другими народами захватывающую перспективу. Как указывается в резолюции съезда, «осуществление семилетнего плана, а также планов других социалистических стран создаст еще более благоприятные условия для решения основной проблемы современности — сохранения всеобщего мира». Миролюбивые народы, опираясь на растущую мощь лагеря социализма, смогут «заставить воинствующие круги империализма отказаться от планов развязывания новых войн. Таким образом, еще до полной победы социализма на земле... возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни человеческого общества». В то же время резолюция XXI партийного съезда предупреждает: «...в настоящее время возможность развязывания войны империализмом существует и нельзя недооценивать опасность

войны. Поэтому социалистические страны, все миролюбивые силы должны поддерживать величайшую бдительность и усиливать борьбу за сохранение мира».

Один из главных источников, откуда сегодня исходит угроза миру в Европе и во всем мире,— Западная Германия, где возрождается германский милитаризм и реваншизм. Немецкая земля от Эльбы на востоке до Саара на западе, от берегов Северного моря до Баварских Альп, индустриальная мощь Рура, доки Гамбурга — все это находится сегодня снова во власти тех самых монополий, которые вскормили Гитлера, во власти заносчивых милитаристов, живущих идеями реванша.

Конечно, обстановка в мире и соотношение сил сейчас уже далеко не те, что перед второй мировой войной. Создание мировой системы социализма коренным образом изменило лицо земного шара. Иное положение и в самой Германии, на одной трети территории которой существует Германская Демократическая Республика, миролюбивое государство, навсегда порвавшее с милитаризмом, строящее социалистическое общество.

Но нельзя забывать и о другом: германские милитаристы, выступающие сегодня в союзе с агрессивным американским империализмом, все еще имеют возможность распорядиться ресурсами государства, насчитывающего более 50 миллионов населения и стоящего по уровню технического развития и по объему производства многих видов промышленной продукции на втором месте в капиталистическом мире. Нельзя забывать и о том, что безрассудные идеи западногерманских реваншистов поощряются близорукими политиками других стран НАТО, и в первую очередь США; что Западная Германия превращается в главную атомную и ракетную базу Североатлантического блока и бундесвер уже начал получать оружие массового уничтожения от своих заокеанских покровителей. Конечно, германские милитаристы не смогут более никогда добиться осуществления своих реваншистских идей. Но бросить немецкий народ и другие народы в пламя атомной войны они пока еще способны, если миролюбивые государства не примут вовремя необходимых мер, чтобы исключить такую возможность. Именно к принятию таких мер и призывает Советский Союз.

1

Как получилось, что через четырнадцать лет после полной победы в долгой и тяжелой войне, развязанной гитлеровской Германией, перед народами снова встал угрожающий призрак германской агрессии? Разве державы, разгромившие Гитлера, не работали после победы совместной политикой, которая гарантировала бы человечество от новых кровавых авантур со стороны германских милитаристов?

Известно, что такая политика была выработана главными державами антигитлеровской коалиции — Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Англией. Основные принципы этой политики были зафиксированы в ряде союзнических соглашений, заключенных в годы войны и сразу после ее окончания тремя названными державами, к которым в 1945 году присоединилась также Франция.

Чтобы полнее представить себе смысл и значение нынешних предложений Советского правительства о решении берлинской проблемы и о мирном договоре с Германией, необходимо вспомнить, что это за соглашения и какова их судьба.

Еще в разгар войны против гитлеровских агрессоров правительства СССР, США и Англии выработали ряд принципов будущей совместной политики в отношении Германии на период после окончания военных действий в целях поддержания мира. Эти принципы были зафиксированы в соглашениях о безоговорочной капитуляции Германии, о зонах ее оккупации и управлении «Большим Берлином», о союзническом контрольном механизме в Германии, подготовленных в 1944—1945 годах представителями трех держав в рамках Европейской консультативной комиссии. Они были также провозглашены в коммюнике Крымской конференции глав правительств трех держав в феврале 1945 года.

Однако наиболее полно эти принципы отражены в Потсдамском соглашении, то есть в решениях конференции глав правительств СССР, США и Англии, состоявшейся уже после капитуляции гитлеровской Германии, 17 июля — 2 августа

1945 года в Потсдаме, близ Берлина. Участники этой конференции, происходившей среди дымящихся развалин поверженной фашистской столицы, взяли на себя друг перед другом и перед всем миром торжественное обязательство исторического значения — навсегда ликвидировать угрозу германского милитаризма и фашизма и обеспечить мирное и демократическое развитие Германии.

Что же сказано в Потсдамском соглашении? Важнейшие положения его, касающиеся Германии, сводятся к следующему:

1. Полное разоружение и демилитаризация Германии. Уничтожение германского военного потенциала. Наказание военных преступников.

2. Ликвидация нацизма (то есть германского фашизма).

И по тому и по другому вопросу мы находим в тексте соглашения точные обязательства, ясные и совершенно недвусмысленные слова. В частности, там говорится: «Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире».

Цели оккупации Германии: «...Навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма и нацизма». «Уничтожить национал-социалистическую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду».

3. Ликвидация засилия монополий в Германии («В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений»). Огромное значение этого положения станет понятным, если вспомнить, что именно германские монополисты — тиссены, круппы, маннесманы, клекнеры и им подобные — привели в свое время к власти Гитлера, поощряли и финансировали его захватнические войны и преступления против народов.

4. Установление демократических порядков в Германии, подготовка к «окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе». В соглашении особо подчеркивается, что «во всей Германии должны разрешаться и поощряться все демократические политические партии с предоставлением им права созыва собраний и публичного обсуждения».

5. Взимание с Германии репараций в частичное возмещение ущерба и страданий, которые она причинила жертвам своей агрессии.

6. Меры, способствующие постепенному восстановлению единства Германии и ее суверенитета, в том числе:

создание ряда центральных германских административных департаментов (финансов, транспорта, связи, внешней торговли, промышленности и др.);

заявление о том, что «в период оккупации Германия должна рассматриваться как единое экономическое целое»;

решение относительно подготовки мирного урегулирования для Германии (эта задача возлагалась на созданный Потсдамской конференцией Совет министров иностранных дел).

В Потсдаме был также единодушно решен вопрос о передаче Польше древних польских земель к востоку от линии Одер—Нейсе и о передаче Советскому Союзу города Кенигсберга (ныне Калининград), с прилегающим к нему районом. Таким образом были определены восточные границы Германии.

Потсдамским соглашением были одобрены предыдущие соглашения союзных держав, в том числе соглашения по вопросам безоговорочной капитуляции Германии, зон оккупации Германии и союзнического контрольного механизма.

Таково основное содержание Потсдамского соглашения о Германии, заключенного главными державами антигитлеровской коалиции. Это был документ большого исторического значения. Это была программа согласованной политики СССР, США, Англии и Франции, осуществление которой обеспечило бы не только мирное будущее и демократическое развитие Германии, но и длительный, прочный мир в Европе.

2

Однако, подписывая эти соглашения как дань надеждам и требованиям народов, пришедших столько крови в борьбе за разгром фашистских агрессоров и не желавших, чтобы трагедия мировой войны повторилась еще раз, руководители западных держав — в первую очередь США и Англии — замыслили в действительности совсем иную политику в отношении Германии. И жизнь уже вскоре показала всем, что это за политика.

Ныне ни для кого не секрет, что руководители США и Англии никогда не собирались выполнять Потсдамское соглашение. Да и могло ли быть иначе, если еще на протяжении второй мировой войны они фактически продолжали лелеять планы — погреть руки на столкновении между Германией и СССР. Недаром же через день после нападения Гитлера на Советский Союз Гарри Трумэн, который четырем годами позднее, став президентом, подписал от имени США Потсдамское соглашение, сделал свое геростратовски знаменитое заявление: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывает будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». Измена западных держав своим обязательствам и своему союзническому долгу перед Советским Союзом, вынесшим основную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией, началась не с нарушения Потсдамского соглашения. Вспомним печально знаменитое распоряжение Черчилля, которое он, по собственному признанию, отдал командующему английскими войсками в Германии фельдмаршалу Монтгомери в последние дни войны: «Тщательно собирать германское оружие и складывать его, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Фактически всю свою политику в отношении Германии в послевоенные годы западные державы подчинили одной задаче: попытаться использовать эту страну в своих интересах против Советского Союза и лагеря социализма. Нынешний государственный секретарь США Джон Фостер Даллес в своей книге «Война или мир», вышедшей в 1950 году, сформулировал эту задачу следующим образом: «Германия очень важна для Запада потому, что Запад может создать там выдвинутый вперед стратегический плацдарм в Центральной Европе, который будет подрывать военные и политические позиции советского коммунизма в Польше, Чехословакии, Венгрии и других соседних государствах».

Едва успев подписать Потсдамское соглашение, США и Англия, а вслед за ними и Франция приступили к систематическому нарушению важнейших положений этого и других союзнических соглашений по Германии.

Прежде всего руководители западных держав позаботились о том, чтобы в перешедших под их контроль западных зонах Германии была сохранена и восстановлена экономическая база германского милитаризма.

В Потсдамском соглашении говорилось об уничтожении германского военного потенциала, — западные державы сделали все, чтобы сохранить в своих зонах оккупации всю промышленность военного значения, в том числе и заводы, построенные специально для производства вооружения. Действия западных держав, якобы направленные на «уничтожение германского военного потенциала» в западных зонах, носили прямо-таки издевательский характер.

Выкачав из своих зон миллиарды долларов путем захвата золота, патентов и иных ценностей, путем проникновения в германскую промышленность, западные державы в то же время фактически оставили нетронутым военно-промышленный потенциал ФРГ. Согласно сведениям печати, из общего количества демонтированных в Западной Германии заводов военный характер носили всего лишь 7 процентов.

Но сохранены были не только военные заводы. Остались на своих прежних позициях и те, кто владели ими, кто использовал индустриальную мощь Германии для целей агрессии и истребления народов. Игнорируя Потсдамское соглашение, западные державы оставили нетронутыми главные монополистические объединения и крупнейшие группы финансовой олигархии в Западной Германии. Крупп, Тиссен, Флик, Клекнер — имена этих и многих других германских монополистов были занесены в составленный

правительственной комиссией США (комиссия сенатора Килгора) список предпринимателей, непосредственно замешанных в преступлениях Гитлера. Сегодня они по-прежнему хозяева западногерманской экономики. Полутора десяткам магнатов из списков комиссии Килгора принадлежит около 80 процентов всего акционерного капитала в ФРГ.

Как писала австрийская газета «Арбейтер цейтунг» в начале 1959 года, в ФРГ «возникает гигантская концентрация капитала и экономической власти... Концерны, на которых лежит огромная вина за возникновение войны, обладают сегодня большей властью, чем когда-либо».

Западные державы восстановили в оккупированных ими зонах Германии и политическую базу германского милитаризма.

Для начала они превратили в настоящий фарс процесс денацификации, то есть искоренения нацизма, ликвидации влияния фашистов в общественной жизни Западной Германии. Так, в американской зоне оккупации около 200 тысяч человек подозревалося в том, что они активные гитлеровцы, совершившие военные преступления. Из них после «проверки» были объявлены подлежащими суду 900 человек, а отданы под суд... 12 человек и осуждены 6 человек. И мудрено ли: по сообщениям американской печати, в Баварии, например, из числа судей и прокуроров, которым было поручено ведать делами по денацификации, более 80 процентов являлись бывшими фашистами. В результате такой «денацификации» общественная жизнь, административный аппарат, печать, школы Западной Германии остались фактически в значительной степени по-прежнему в руках фашистов, как и во времена Гитлера.

А когда западные державы, став на путь раскола Германии, приступили к созданию в своих зонах сепаратного западногерманского государства, они передали власть наиболее реакционным элементам, насквозь пропитанным духом милитаризма и реваншизма. Судьба 50-миллионного населения Западной Германии была передана в руки таких деятелей, которые по своим политическим устремлениям недалеко ушли от главарей гитлеровской Германии. Среди них прежде всего должен быть назван глава архиконсервативной христианско-демократической партии Конрад Аденауэр, вот уже десять лет занимающий пост канцлера (глава правительства) ФРГ. В докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС была дана меткая характеристика политической физиономии западногерманского канцлера: «Этот «христианин» в одной руке держит крест, а в другую хочет взять атомную бомбу. И больше всего он рассчитывает именно на бомбу, хотя такие взгляды отнюдь не соответствуют ни евангельским проповедям, ни решению национальной задачи немецкого народа».

Аденауэр, как известно, — отнюдь не исключительное явление на боннском политическом горизонте. Созданный под крылышком англо-франко-американских оккупантов, западногерманский государственный аппарат буквально наводнен сверху донизу бывшими деятелями и сторонниками гитлеровского режима. Из 17 министров нынешнего правительства Аденауэра 8 были руководящими деятелями гитлеровского государства или занимали посты в эсэсовских отрядах, в штурмовых отрядах СА или нацистской партии. Среди них министр обороны Штраус — бывший офицер гитлеровского вермахта, еле удравший из окружения под Сталинградом, министр по делам беженцев — реваншист Оберлендер, министр внутренних дел Шредер, организовавший травлю прогрессивных сил в ФРГ.

На дипломатической службе ФРГ подвизаются преимущественно бывшие сотрудники Риббентропа, на руководящих постах их там, по имеющимся данным, около 80 процентов.

Государственный аппарат ФРГ беспощадно подавляет демократические силы, выступающие против милитаризации и фашизации страны. В 1956 году по требованию правительства Аденауэра была запрещена Коммунистическая партия Германии. Началось также преследование других прогрессивных организаций и деятелей, в том числе социал-демократов и членов профсоюза.

Наконец, в июне 1958 года западногерманский бундестаг принял решение об отмене закона, запрещавшего национал-социалистскую партию (то есть фашистскую). Как говорил Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС: «В капиталистических странах появляются зловещие признаки натиска реакции и фашизма. Именно на этот реакционный путь встала Западная Германия, где запрещена коммунистическая партия,

подвергаются гонению демократические силы и предоставляется полная свобода фашистским и реваншистским организациям».

Создание сепаратного государства из зон, оккупированных США, Англией и Францией, явилось плодом сознательной, заранее обдуманной и спланированной политики раскола Германии. История осуществления этого раскола западными державами, во главе которых все время шли США, весьма продолжительна, и здесь мы, разумеется, можем напомнить лишь о некоторых, самых главных фактах. Вот они, эти факты:

Еще шла война, еще армии союзников по антигитлеровской коалиции проливали кровь в общей борьбе, добывая фашистского зверя, когда в американских газетах 16 апреля 1945 года появилось сообщение о том, что накануне «группа деятелей в составе американского правительства решила превратить Германию после войны в оплот против России».

В мае 1946 года главнокомандующий американскими войсками в Германии генерал Клей в секретном докладе военному министру США предложил детальный план раскола Германии, создания западногерманского федерального правительства и фактического превращения Западной Германии в американский протекторат.

В декабре 1946 года по инициативе США было заключено американо-английское соглашение об экономическом и административном объединении зон оккупации США и Англии в двуединую зону — «Бизонию», означавшее, в частности, переход контроля над Руром из рук англичан в руки американцев. Советское правительство официально предупредило тогда, что создание «Бизонии» — это шаг, ведущий к расчленению германского государства.

Отвергнув советские предложения об ускорении подготовки мирного договора с Германией и о безотлагательном образовании общегерманского демократического правительства, внесенные на сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне (ноябрь—декабрь 1947 года), и сорвав самую эту сессию, западные державы провели в 1948 году в Лондоне целую серию сепаратных совещаний, посвященных обсуждению вопросов о «тесной связи» экономики Западной Германии с экономикой западноевропейских стран и о создании сепаратного западногерманского правительства.

В июне 1948 года в западных зонах Германии была проведена сепаратная денежная реформа, фактически отколовшая Западную Германию от Восточной, которая в валютном отношении стала «зарубежной страной».

В сентябре 1949 года раскол Германии был завершён официальным провозглашением западногерманского государства — Федеративной Республики Германии со столицей в Бонне.

Следующим этапом нарушения западными державами союзнических соглашений о Германии явилось прямое возрождение ими военной мощи германского милитаризма в ФРГ. Долгое время руководители западных держав действовали в этом вопросе тайком, скрывая свои истинные цели от мировой и германской общественности.

Подписав в Потсдаме обязательство «навсегда предупредить возрождение или реорганизацию германского милитаризма», западные державы немедленно приступили к мероприятиям, направленным на восстановление военных сил немецких милитаристов. Основа для будущей западногерманской армии была заложена путем сохранения в западных зонах известного числа гитлеровских военных формирований под видом «рабочих батальонов», «вспомогательных отрядов» и т. п. К началу 1947 года число таких германских частей в Западной Германии превышало 90 тысяч человек, то есть почти равнялось численности армии, которую разрешалось иметь Германии по условиям Версальского договора. Многие десятки высших представителей гитлеровского генерального штаба — генералы и старшие офицеры — возобновили свою деятельность на содержании американского командования, обобщая свой плачевный опыт борьбы против Советского Союза якобы для составления «Истории войны на Востоке».

В 1947 году правительства трех западных держав отказались принять предложения СССР о завершении демилитаризации Германии к определенным, твердо установленным срокам и вообще саботировали рассмотрение вопроса о ходе демилитаризации и ликвидации германского военно-промышленного потенциала. В ноябре 1949 года в Па-

риже на совещании министров иностранных дел США, Англии и Франции подверглись обсуждению планы создания западногерманских вооруженных сил. А через несколько месяцев, в августе 1950 года, Аденауэр верноподданнически представил верховным комиссарам западных держав в Германии секретный меморандум с конкретными планами ремилитаризации ФРГ, на основе которых в ходе сепаратных переговоров трех держав в Нью-Йорке месяцем позже были разработаны условия создания западногерманской армии и ее включения в систему НАТО. Западные державы решили, что настало время форсировать возрождение германского милитаризма.

И все эти годы руководители США, Англии, Франции и боннские лидеры старательно, во весь голос уверяли народы своих и других стран, что они никогда и ни в коем случае не допустят возрождения в Западной Германии сил милитаризма, что они якобы вообще «против вооружения ФРГ».

Но наконец маска была сброшена. На сцене появились соглашения о возрождении армии в Западной Германии в рамках так называемого «Европейского оборонительного сообщества», то есть в военном союзе со странами НАТО. План этот, восторженно встреченный правящими кругами Бонна, был, как известно, провален французским Национальным собранием. Тогда под сильнейшим нажимом были проташены в парламентах соответствующих государств пресловутые парижские соглашения (1955 год), в соответствии с которыми узаконивалась оккупация Западной Германии войсками США, Англии и Франции вплоть до конца XX столетия, официально санкционировалось создание западногерманской армии в 500 тысяч человек. ФРГ превращалась в участника созданного под эгидой США Североатлантического блока (НАТО). Так раскрылись перед всем миром истинные цели политики западных держав в отношении Германии: раскол страны и включение западной ее части в военный блок, нацеленный против СССР.

С одобрения западных держав, и особенно при активном поощрении со стороны США, в Западной Германии создана армия, которая уже сейчас насчитывает 200 тысяч человек и которая, по расчетам германских милитаристов, должна стать сильнее армий Англии и Франции. Во главе этой армии, которую усердно вооружают Соединенные Штаты, стоят испытанные, хотя и не особенно удачливые «мастера» агрессии — генералы, адмиралы и высшие офицеры фашистской армии. В аденауэровском бундесвере нет ни одного генерала и адмирала, который не имел бы в гитлеровском вермахте по крайней мере звания полковника. Все они участвовали в подготовке и проведении агрессивных войн гитлеровцев против европейских народов. Во главе этой новой армии германского империализма стоит генерал Хойзингер, который был при Гитлере начальником оперативного отдела штаба сухопутных сил. Этот Хойзингер в свое время был участником разработки преступного «плана Барбаросса» (план нападения гитлеровской Германии на СССР), а затем лично участвовал в фашистской агрессии против Польши, Франции, Югославии и Советского Союза. Ему принадлежит весьма характерное высказывание о том, что западногерманская армия «стоит перед такими же задачами, как и вермахт в 1939 году».

Следует ли удивляться, что под руководством подобных генералов и такого военного министра, как Штраус, западногерманская армия воспитывается в духе захватнических устремлений, в духе ненависти к миролюбивым странам, как в свое время воспитывался фашистский вермахт. Такое положение явно устраивает если не всех участников НАТО, то, во всяком случае, руководителей США. Ведь недаром же сухопутными силами НАТО в центральной зоне Европы командует гитлеровский генерал Ганс Шпейдель, который в годы войны бесчинствовал во Франции, в Польше, на Украине, а теперь снова расположил свою штаб-квартиру под Парижем!

Наиболее вопиющим проявлением преступной политики создания на западе Германии нового очага милитаризма и агрессии явилось принятое в 1958 году под нажимом США решение НАТО о вооружении западногерманской армии атомным оружием. Это решение вызвало, как известно, бурю протеста не только в странах, уже пострадавших от германской агрессии, но и со стороны самого немецкого народа, в том числе и в Западной Германии, где против атомного вооружения выступили крупнейшие оппозиционные политические партии, профсоюзы, молодежь, интеллигенция и прежде всего ученые-атомники.

25 марта 1958 года западногерманский бундестаг по требованию фракции ХДС—ХСС и под сильным нажимом Аденауэра принял вопреки голосам всех партий оппозиции решение, одобряющее вооружение бундесвера атомным оружием в соответствии со стратегическими планами НАТО. В настоящее время в Западную Германию уже доставлены партии американских ракет, способных переносить ядерные заряды, и вооруженные силы ФРГ обучаются ведению атомной войны. Таким образом, западные державы, которые торжественно обязались в Потсдаме навсегда искоренить германский милитаризм, сегодня вкладывают оружие массового истребления в руки гитлеровских генералов.

Распустив Потсдамское соглашение, правительства США, Англии и Франции снова пытаются делать ставку на преступную мюнхенскую политику натравливания германского милитаризма на Советский Союз. По-видимому, деятели, определяющие сегодня внешнюю политику западных держав, относятся к разряду людей, о которых принято говорить: они ничему не научились и ничего не позабыли. Однако руководителям западных держав, если их хоть сколько-нибудь заботят судьбы собственных народов, следовало бы вспомнить о том, что, как сказал Н. С. Хрущев, «германский милитаризм знает дорогу и на Запад».

Правительства США, Англии и Франции, как известно, любят успокаивать себя и других ссылками на то, что Западная Германия, мол, находится «под контролем» в силу того, что парижские соглашения налагают на нее некоторые ограничения в военной области, в том числе запрет самой производить атомное оружие. Слабое утешение! Оно годится разве только для тех, кто сознательно хочет быть обманутым. Уже весной 1958 года, когда было принято решение об атомном вооружении бундесвера, Штраус прямо заявил английскому лейбористу Кроссмэну: «...Если другие страны, в частности Франция, изготовят свою собственную водородную бомбу, Германия, вполне возможно, тоже будет вовлечена в это». Могут ли после этого политики западных держав в будущем сетовать, что они не были предупреждены насчет дальнейшего развития событий!

Не успев еще завершить атомное вооружение бундесвера — якобы в целях обеспечения «безопасности и свободы» ФРГ, — Аденауэр уже провозгласил с трибуны бундестага: «После этого... мы сможем с перспективой на успех перейти также к самой близкой нашему сердцу работе — побеспокоиться о 17 миллионах немцев в восточной зоне с тем, чтобы они также получили свободу». Другими словами: вот как получим атомную бомбу, тогда и расправимся с ГДР. Ибо «беспокоиться о свободе немцев в восточной зоне» на языке Аденауэра всегда означало лишь одно: поглотить ГДР, уничтожить социалистические завоевания ее народа.

Официальные представители боннского правительства доходят до того, что объявляют население ГДР «частью единого и неделимого народа Федеративной Республики Германии» (заявление статс-секретаря боннского министерства по общегерманским вопросам Тедика).

Руководители ФРГ даже не считают нужным скрывать реваншистский характер своей политики. Аденауэр выступает с открытыми претензиями на польские и чешские земли. В ФРГ, как об этом свидетельствует даже буржуазная печать западных стран, происходит нарочитое и настойчивое разжигание реваншистских настроений среди немцев, переселившихся с Востока, — ведется проповедь агрессивной политики «Дранг нах Остен».

ФРГ, единственная страна, требующая изменения нынешних границ в Европе, намеренно подчеркивает свои реваншистские устремления, отказываясь установить дипломатические отношения со странами, подвергшимися нападению Гитлера, — Польшей, Чехословакией и с другими социалистическими государствами.

Таким образом, продолжение Соединенными Штатами, Англией и Францией в послевоенный период той же позорной политики вскармливания германского милитаризма и натравливания его на СССР, которая в двадцатых и тридцатых годах была отмечена такими вехами, как Локarno и Мюнхен, привело к тому, что сегодня перед народами снова поднялась угроза германской агрессии. «Создается такое положение, что германский милитаризм в третий раз может втянуть человечество в мировую войну... Теперь всем видно, что милитаризм и реваншизм в Западной Германии поднял голову и угрожает миролюбивым народам» (из доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС).

Именно в целях ликвидации угрозы, которая военной тучей нависла над Европой и миром, Советское правительство выступило с предложением о заключении мирного договора с Германией и разработало проект этого договора.

Осуществление советских предложений положило бы конец тому ненормальному положению, когда, несмотря на то, что со времени окончания войны прошло чуть не полтора десятка лет, Германия все еще не имеет мирного договора. Ведь отсутствие мирного договора означает, что немецкий народ до сих пор лишен возможности полностью осуществлять свой суверенитет над территорией Германии. На немецкой земле все еще расположены иностранные войска, а в некоторых ее частях (Западный Берлин) даже официально сохраняется режим иностранной оккупации. Немецкий народ до сих пор не является равноправным членом семьи народов; германские государства не представлены в ООН. Остаются нерешенными и многие связанные с Германией вопросы, имеющие жизненно важное значение для других государств, прежде всего соседей Германии. Из-за этого чрезвычайно осложняется вся международная обстановка в Европе, оказывается под угрозой мир и безопасность европейских народов.

Сейчас, однако, наступил такой период, когда с этим положением мириться более нельзя. Необходимо, пока еще есть время, поставить надежную преграду на пути движения Западной Германии в опасном направлении — к атомной войне. Этого требуют интересы всех миролюбивых народов, в том числе немецкого народа.

Понятно поэтому, что в такой обстановке внимание всего мира привлекла к себе новая инициатива Советского правительства, обратившегося 10 января этого года ко всем государствам, которые своими вооруженными силами принимали участие в войне с гитлеровской Германией, с предложением в двухмесячный срок созвать мирную конференцию и заключить мирный договор с Германией. Одновременно Советское правительство представило конкретный, детально разработанный проект мирного договора.

Какой же договор предлагает Советский Союз подписать с Германией? Какие права признаются за Германией, какие обязательства и ограничения предусматриваются проектом договора?

Прежде всего советским проектом мирного договора предусматривается признание «полного суверенитета германского народа над Германией, включая ее территориальные воды и воздушное пространство». Казалось бы, вполне естественная, даже сама собою разумеющаяся вещь: народ должен быть хозяином своей страны. Но взгляните для сравнения в текст Версальского договора, продиктованного в 1919 году державами Антанты побежденной Германии, и сразу станет ясной принципиальная разница. В договоре империалистических держав мы найдем не положения о суверенитете страны, потерпевшей поражение, а нечто прямо противоположное. По условиям Версальского договора, например, важнейшие реки Германии были объявлены интернационализированными, то есть свободными для иностранного судоходства. Были созданы комиссии из представителей стран Антанты (Англии, Франции, Италии, Бельгии и др.) для управления плаванием по Эльбе, Одере, германской части Дуная. Самолетам победивших держав предоставлялась полная свобода летать над всей территорией Германии и пользоваться всеми германскими аэродромами. Железные дороги и воды Германии объявлялись открытыми для «свободного транзита» поездов и кораблей, грузов и людей, следующих из стран-победительниц.

По условиям советского проекта мирного договора союзные и соединенные державы, заключающие договор с Германией, берут на себя обязательство строить свои отношения с ней на основе «невмешательства в ее внутренние дела, ненападения, равенства». Это важные и принципиальные обязательства, особенно если учесть, что они берутся победителями перед страной, потерпевшей поражение. Ничего похожего, разумеется, не было в Версальском договоре. Напротив, там была предусмотрена целая серия различных форм и методов вмешательства стран Антанты во внутреннюю жизнь Германии — под предлогом и обеспечения выплаты репараций, и контроля над вооружениями, и др. О «равенстве» же сторон и подавно не было речи. Это достаточно ясно видно как из того, что упомянуто о содержании Версальского договора выше, так и из того, что будет сказано ниже.

Предлагаемый Советским Союзом проект мирного договора предусматривает право Германии «иметь свои национальные вооруженные силы (сухопутные, военно-воздушные и военно-морские), необходимые для обеспечения обороны страны». И в этом отношении сравнение с Версалем более чем показательное. Державы Антанты предложили Германии (на бумаге) оставаться фактически полностью безоружной: ей разрешили иметь армию численностью не более ста тысяч человек, причем исключительно «для поддержания порядка внутри страны», то есть для целей классового подавления собственного народа.

В советском проекте мирного договора говорится: «Союзные и Соединенные державы предпримут все необходимое для того, чтобы Германия могла участвовать на равноправных началах в мероприятиях, направленных на укрепление общеевропейской безопасности и создание системы безопасности в Европе, основанной на совместных усилиях европейских государств». Предусматривается также обязательство поддержать обращение Германии о приеме ее в ООН. Продолжая наше сравнение, мы обнаружим, что в отношении будущей безопасности Версальский договор полностью выдавал Германию на милость и усмотрение победителей. В Лигу Наций, созданную одновременно, Германия, как известно, тогда допущена не была.

Советский Союз предлагает в опубликованном им проекте мирного договора: «Все иностранные войска, находящиеся в Германии, должны быть выведены из Германии не позднее чем через год со дня вступления в силу настоящего Договора». (Проект содержит также альтернативное положение о выводе войск в сроки, согласованные между заинтересованными сторонами, с обязательным сокращением в течение шести месяцев численности иностранных войск в Германии на одну треть.) Нет нужды разъяснять, что это — одно из важнейших положений договора, направленное на обеспечение действительной независимости Германии и оздоровление обстановки в Европе. Не случайно ведь парижские соглашения предусматривают оккупацию Западной Германии на 50 лет. По условиям Версаля значительная часть Германии — Рейнская область — подвергалась оккупации на 15 лет с правом дополнительного продления оккупации в случае невыполнения немецкой стороной обязательств по выплате репараций.

В советском проекте мирного договора мы читаем:

«На Германию не налагается никаких ограничений в развитии ее мирной экономики, которая должна служить росту благосостояния германского народа.

Германия не будет также иметь никаких ограничений в отношении торговли с другими странами, в мореплавании, в доступе на мировые рынки».

В проекте говорится также, что Германия и державы, подписавшие с ней договор, будут строить свои отношения на основе принципов *з а и м н о й* *в ы г о д ы*, не допуская в торговле друг с другом дискриминации и искусственных ограничений. Вопрос о репарациях объявляется полностью урегулированным, и союзные державы отказываются от каких-либо дальнейших претензий к Германии в этом отношении.

И эти важнейшие экономические положения отличаются от статей Версальского договора, как небо от земли. Версаль насильственно открывал границы Германии для ввоза любых товаров из стран Антанты, обязывал ее предоставлять свободу транзита таких товаров через свою территорию, давал гражданам, кораблям и судам победивших держав право на такой же режим во всех портах и на внутренних водных путях Германии, каким пользуются германские граждане. Вместе с тем Германия была исключена из Европейской дунайской комиссии. Была также создана репарационная комиссия во главе с французским представителем как орган постоянного контроля над всем хозяйственным организмом Германии. Версальский договор, как известно, налагал на Германию обязательство выплатить ту сумму репараций, которую впоследствии установят победители.

Таким образом, положения представленного Советским Союзом проекта мирного договора с Германией, обеспечивающие права и интересы Германии как независимого, суверенного государства, принципиально отличаются от содержания империалистических договоров типа Версальского (не говоря уже о таком, например, грабительском договоре, как Брестский, навязанный в 1918 году германскими империалистами молодой Советской России).

Если же говорить об обязательствах и ограничениях, которые предусматриваются

для Германии советским проектом договора, то и они не представляют собою какой-либо попытки ущемить национальные интересы Германии в пользу победителей, а продиктованы исключительно интересами обеспечения мира в Европе и мирного развития самого немецкого народа.

Германия должна взять на себя обязательство не применять в международных отношениях силу или угрозу силой, разрешать свои международные споры только мирными средствами. Она должна покончить с идеями и практикой реваншизма: отказаться от всяких притязаний на территории вне ее границ, как они есть на 1 января 1959 года, находящиеся под суверенитетом других государств (Австрия, западные польские земли к востоку от линии Одер—Нейсе, Калининградская область СССР, так называемая Судетская область в Западной Чехии, Эльзас-Лотарингия), не допускать реваншистской пропаганды и существования партий и организаций, преследующих реваншистские цели и заявляющих территориальные претензии к другим государствам.

Чрезвычайно большое значение имеют статьи проекта, в соответствии с которыми со вступлением в силу мирного договора ГДР и ФРГ выйдут соответственно из организаций Варшавского договора и из НАТО и Германия не будет принимать участия в военных союзах, участниками которых не являются все четыре главных союзника по антигитлеровской коалиции — СССР, США, Англия и Франция. Не менее существенно положение, обязывающее Германию не допускать в будущем размещения каких-либо иностранных вооруженных сил и иностранных военных баз на своей территории. Соблюдение этих положений не только явится великим благом для дела мира и стабильности в Европе и во всем мире, но и обеспечит немецкому народу действительную независимость, избавит Западную Германию теперь и объединенную Германию в будущем от судьбы ландскнехта, которого посылают в бой ради корыстных планов и интересов иноземных государств.

Проект мирного договора содержит и известные ограничения для Германии в области вооружения. Суть их сводится по существу к одному: запрещению производить и иметь на вооружении ядерное оружие и другие средства массового уничтожения, включая химические и бактериологические, а также средства доставки ядерного оружия к цели (ракеты, специально сконструированные самолеты, подводные лодки).

Разумеется, это условие в отношении страны, развязавшей вторую мировую войну, не более чем справедливо, особенно если учесть характер послевоенного развития в Западной Германии. Если к тому же учесть, что Советское правительство предложило договориться о том, чтобы в случае создания в Центральной Европе зоны, свободной от ядерного и ракетного оружия, рассматривать территорию участников этой зоны, в том числе и территорию Германии, как исключенную из сферы применения ядерного оружия, то фактически статьи о военных ограничениях, содержащиеся в проекте мирного договора, открывают перед Германией путь к избавлению от угрозы атомной войны.

Наконец, Германия должна обязаться не допускать возрождения, существования и деятельности нацистской (фашистской) партии.

Таковы в основном ограничения, налагаемые на Германию согласно проекту мирного договора. Кто может возражать против них? Только реваншисты, мечтающие о новой войне, или те, кто хочет использовать Германию как орудие в своих агрессивных замыслах.

Мирный договор, который Советский Союз предлагает заключить с Германией, это действительно договор о мире и для мира. Он содержит в себе кардинальное решение германского вопроса в интересах мира и безопасности народов, в том числе и немецкого народа. Выступая с докладом на XXI съезде КПСС, Н. С. Хрущев подчеркнул: «Предложенный Советским Союзом проект мирного договора сочетает обеспечение прав германского народа, его полный суверенитет, все возможности мирного демократического развития с необходимыми мерами сохранения безопасности народов и мира в Европе. Заключение мирного договора с Германией сразу ослабило бы напряженность обстановки в Европе. Оно создало бы прочный правовой порядок, отняло бы почву у реваншистских настроений в Западной Германии, избавило бы германский народ от иностранной оккупации и позволило бы ему решать самому все вопросы внутренней и внешней политики».

4

Особо следует остановиться на том, какое значение будет иметь для дела восстановления национального единства Германии предложенный Советским Союзом проект мирного договора. Некоторые реакционные политики на Западе, в планы которых отнюдь не входит мирное урегулирование с Германией, пытаются опорочить инициативу Советского правительства, утверждая, будто его проект мирного договора «увекочивает раскол Германии». Эта попытка извратить советскую инициативу явно преследует цель затушевать тот факт, что именно политика держав НАТО глубоко враждебна интересам немецкого народа, в том числе и делу воссоединения Германии.

За исходную точку в советском проекте мирного договора берется то положение, которое фактически сложилось в Германии в настоящее время, то есть наличие двух суверенных германских государств. Иначе и не может быть, ибо мирный договор должен основываться на действительном положении вещей, в противном случае это будет не международный документ, а пустышка. Однако все содержание предлагаемого договора рассчитано на то, чтобы облегчить сближение между этими государствами в целях восстановления единства Германии. В соответствии с этим проект предусматривает, что со стороны Германии договор будет подписан обоими государствами — ГДР и ФРГ, а если к моменту подписания будет образован их союз — Германская конфедерация, то договор подпишут представители конфедерации, а также ГДР и ФРГ. «Само собой разумеется,— указывается в ноте правительства СССР правительству ФРГ от 10 января 1959 года,— Советское Правительство признает за правительствами Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики право договориться о любом надлежащем представительстве Германии при подготовке и подписании Мирного договора».

В проекте договора имеется специальный раздел — «Положения, относящиеся к восстановлению единства Германии». В нем, в частности, говорится, что Союзные державы «признают право германского народа на восстановление единства Германии» и будут содействовать достижению этой цели на основе сближения и договоренности между ГДР и ФРГ. Это положение особенно важно, если учесть, что во влиятельных кругах западных держав наблюдаются определенные (хотя и тщательно маскируемые) тенденции вообще отказать немцам в праве на воссоединение и всячески мешать сближению между обоими германскими государствами. Но дело не только в том, что в договоре провозглашается п р а в о немцев на национальное единство. Дело еще в том, что в с о д е р ж а н и е советского проекта договора предусматривает такие меры, которые н е о б х о д и м о осуществить, чтобы это единство стало р е а л ь н ы м ф а к т о м.

Ясно, что все разговоры об объединении Германии останутся беспредметными, если наряду с миролюбивой политикой одного из двух германских государств другое, а именно ФРГ, будет проводить политику подготовки атомной войны. Всем понятно, что пока ГДР и ФРГ являются участниками противостоящих друг другу военных группировок, а на их территории находятся войска других участников этих группировок, объединения Германии быть не может. Не менее очевидно и то, что не могут приступить к объединению два государства, пока одно из них выступает с реваншистскими лозунгами и стремится к ревизии границ, в то время как другое торжественно провозгласило свою границу с соседями границей мира и осуждает все формы реваншизма. Все эти и многие другие препятствия должны быть устранены с пути, прежде чем станет возможным восстановление национального единства Германии. Устранение этих препятствий как раз и предусмотрено в советском проекте мирного договора. Вот почему в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде партии указывается, что «заключение мирного договора будет означать крупный шаг вперед к воссоединению Германии, которому препятствует существующая международная напряженность, в особенности напряженность в отношениях между двумя германскими государствами».

5

Заключение мирного договора с Германией, как это предлагает Советское правительство, означало бы одновременно и разрешение одной из острейших международных проблем наших дней — берлинской проблемы.

Существо ее состоит в следующем. США, Англия и Франция, грубо нарушив Потсдамское и другие союзнические соглашения о Германии, настаивают на том, чтобы продолжала действовать лишь одна удобная для них часть этих соглашений — так называемый четырехсторонний статус Берлина. Опираясь на соглашения 1944—1945 годов, западные державы до сих пор оккупируют Западный Берлин, «превращая его в своего рода государство в государстве, проводя из Западного Берлина подрывную деятельность против ГДР, Советского Союза и других стран — участниц Варшавского договора. США, Англия и Франция свободно пользуются для связи с Западным Берлином коммуникациями, пролегающими по территории и в воздушном пространстве Германской Демократической Республики, которую они не хотят даже признавать» (из ноты Советского правительства правительству США от 27 ноября 1958 года).

Западные державы попали в Западный Берлин только потому, что были союзниками СССР и заключили с ним соглашения о совместной политике в Германии для обеспечения мира. Они нарушили эти соглашения и направили всю свою политику в Германии против своего бывшего союзника — СССР, а теперь претендуют на то, чтобы оставаться в Западном Берлине, используя его в своих агрессивных целях, в целях нарушения мира и подготовки войны. Нетрудно понять, что через 14 лет после конца войны, в условиях, когда уже почти 10 лет существуют два суверенных германских государства, иностранная оккупация Западного Берлина давно стала анахронизмом, она не вызывается никакой необходимостью. США, Англия и Франция ссылаются на «четырёхсторонний статус Берлина», хотя сами более 10 лет тому назад фактически ликвидировали этот статус и раскололи в 1948 году Берлин так же, как годом позднее они раскололи Германию, создав сепаратное западногерманское государство. Настаивая на бесконечном сохранении своих оккупационных прав в отношении Западного Берлина, политики западных держав по существу имеют в виду лишь одно: «право» на агрессивные действия против социалистических государств. «Если говорить по существу, то заинтересованность США, Великобритании и Франции в Западном Берлине только в том и состоит, чтобы использовать этот «фронтный город», как его крикливо именуют на Западе, в качестве плацдарма для враждебной деятельности против социалистических стран. Ничего другого западные державы из своего пребывания в Берлине в качестве оккупантов не извлекают» (из ноты Советского правительства от 27 ноября 1958 года).

Западный Берлин с его населением примерно в 2,2 миллиона человек оторван оккупантами от своего естественного окружения, от жизни миллионов немцев в Восточном Берлине и во всей ГДР и превращен в базу, с которой действуют шпионы, провокаторы и пропагандисты Североатлантического блока. Более 60 органов иностранной разведки, в основном американской и британской, расположились в пределах этого гнойника, созданного западными державами в центре ГДР. В Западном Берлине, как и в ФРГ, на многочисленных постах в полиции, судах и органах городской администрации вновь сидят активные фашисты, подвизавшиеся при Гитлере. США, Англия и Франция фактически превратили Западный Берлин в военную базу НАТО на территории ГДР. Французская буржуазная газета «Комба» писала в декабре прошлого года: «Берлин представляет собой уголок на территории страны советского блока со всеми элементами постоянной опасности — присутствием пропагандистских органов и агентов разведки, наблюдательных и контрольных пунктов военной машины НАТО».

В результате всего этого Западный Берлин стал очагом постоянной напряженности в Германии и потенциальным источником конфликтов, угрожающих миру в Европе. Стремясь покончить с этим нетерпимым положением, Советское правительство 27 ноября 1958 года обратилось к правительствам США, Англии и Франции с нотами, в которых берлинский вопрос был поставлен со всей прямотой и ясностью, твердо, принципиально и в то же время реалистически. Правительство СССР предупредило, что Советский Союз не намерен помогать сохранять в Западном Берлине положение, которое наносит ущерб его законным интересам, его безопасности и безопасности других социалистических государств.

Одновременно Советское правительство внесло конкретное предложение о том, как решить берлинскую проблему, не нанося ущерба престижу какой-либо страны и не давая односторонних преимуществ какой-либо державе за счет другой.

Реалистически учитывая различие в социальном строе и порядках, сложившихся за послевоенные годы в восточной и западной частях Берлина, и не желая давать повод для утверждений, будто его предложение преследует цель обеспечения каких-то односторонних преимуществ для социалистического лагеря за счет западных стран, Советское правительство не выдвинуло предложения объединить весь Берлин в рамках ГДР, хотя с правовой точки зрения это было бы наиболее естественным: ведь Западный Берлин находится на территории ГДР.

По согласованию с правительством Германской Демократической Республики правительство СССР предложило объявить Западный Берлин демилитаризованным вольным городом, в дела которого не вмешивалось бы ни одно государство, в том числе ни одно из германских государств. Статус вольного города должен быть гарантирован Советским Союзом, США, Англией и Францией, ГДР и ФРГ, в соблюдении его могла бы также принять участие ООН. «Если это нужно,— подчеркнул Н. С. Хрущев в своей речи в Берлине 9 марта этого года, — то мы даже согласны, чтобы США, Англия, Франция и Советский Союз или нейтральные страны имели в Западном Берлине какой-то минимум войск, которые обеспечивали бы соблюдение статуса вольного города, но не имели бы права вмешиваться во внутреннюю жизнь города. При наличии таких гарантий никто не посмеет нарушить независимую жизнь вольного города». Правительство ГДР гарантировало бы вольному городу беспрепятственное сообщение с внешним миром как в восточном, так и в западном направлениях, а Западный Берлин обязался бы не допускать на своей территории подрывных действий против ГДР или любого другого государства. Советский Союз заявил также о своей готовности обеспечить промышленность Западного Берлина заказами в объеме, необходимом для стабильности и процветания экономики вольного города, а также поставлять нужные количества сырья и продовольствия.

Предложение о статусе вольного города для Западного Берлина — лучшее доказательство того, что Советский Союз стремится решить берлинскую проблему на согласованной основе, путем переговоров со всеми заинтересованными сторонами, в духе взаимного уважения.

Но нельзя допустить, чтобы решение берлинского вопроса было затянуто и сорвано. С опасным положением, сложившимся в Западном Берлине, должно быть покончено, ибо «если не сделать это, то еще более усилится угроза того, что Западный Берлин может стать вторым Сараево, где в июне 1914 года прозвучал выстрел, который зажег пожар первой мировой войны» (из заявления А. А. Громыко на сессии Верховного Совета СССР 25 декабря 1958 года). Поэтому, предлагая западным державам переговоры о Берлине, Советское правительство в то же время предупредило, что в случае их несогласия пойти на совместные шаги по ликвидации оккупационного режима в Берлине Советский Союз осуществит по договоренности с ГДР намеченные им мероприятия в этом направлении. Речь идет, в частности, о том, что со вступлением в силу мирного договора со всей Германией или с ГДР советские органы сложат с себя все функции по контролю над военными перевозками трех западных держав между Западным Берлином и территорией ФРГ, которые они еще временно осуществляют по соглашению с правительством ГДР, и прекратят дальнейшие контакты с представителями западных держав по вопросам Берлина. ГДР должна стать полным хозяином на своей территории и в своем воздушном пространстве, и тогда «пусть США, Франция и Англия сами строят свои отношения с Германской Демократической Республикой, сами договариваются с ней, если их интересуют какие-то вопросы, касающиеся Берлина» (Н. С. Хрущев). Иначе и быть не может, так как после заключения мира оккупационные права, естественно, утратят свою силу.

Согласованное решение берлинского вопроса предусматривается в тексте советского проекта мирного договора с Германией. Там сказано: «Впредь до восстановления единства Германии и создания единого Германского Государства Западный Берлин будет находиться на положении демилитаризованного Вольного Города на основании своего особого статуса».

Инициатива Советского Союза, направленная на заключение мирного договора с Германией и решение берлинской проблемы, встретила, как уже упоминалось выше, горячее одобрение всех миролюбивых сил. Государства социалистического лагеря заявили о своей полной поддержке советских предложений. Положительно отнеслись к этим предложениям и правительства многих других стран, выступающих за мирное сосуществование и международное сотрудничество.

Активно выступило за заключение мирного договора и согласованное решение берлинского вопроса в интересах всеобщего мира и безопасности одно из двух германских государств — Германская Демократическая Республика. Правительство ГДР заявило о своем одобрении советского проекта мирного договора с Германией и о готовности ГДР участвовать в мирной конференции, а также вести с властями Западной Германии предварительные переговоры о проекте мирного договора. Такая позиция, естественно, вытекает из общей политики ГДР, всегда выступавшей за заключение мирного договора как средства обеспечения мира в Европе, светлого будущего немецкого народа, как важного шага на пути к восстановлению национального единства Германии. В самой ГДР положения, предусматриваемые проектом мирного договора, фактически давно уже выполнены. Для Германской Демократической Республики мирный договор «явится регистрацией и международно-правовым закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле в результате последовательного проведения в жизнь принципов Потсдамского соглашения» (из советской ноты правительству ГДР от 10 января 1959 года).

Анализируя содержание советского проекта мирного договора с Германией, первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт подчеркнул, что оно соответствует национальным интересам немецкого народа, а также, что договор никоим образом не затрагивает факта существования и развития социалистического строя в ГДР, как не меняет он и факта существования капиталистического общества в ФРГ. «Он в равной степени приемлем как для социалистов, так и для капиталистов», — заявил В. Ульбрихт. И это, бесспорно, правильно — если, конечно, капиталисты преследуют мирные цели.

Правительство и народ ГДР горячо поддержали и предложение о создании вольного города Западный Берлин. Хотя такое решение берлинского вопроса предполагает определенную уступку со стороны ГДР, так как Западный Берлин расположен в центре территории ГДР, правительство ГДР, тем не менее, заявило о своей готовности признать статус демилитаризованного вольного города Западный Берлин и вместе с другими заинтересованными государствами взять на себя соответствующие гарантийные обязательства. Правительство ГДР подчеркнуло также, что превращение Западного Берлина в вольный город, центр мирных контактов немцев друг с другом, способствовало бы сближению между обоими германскими государствами. Одновременно оно заявило о своей готовности урегулировать все вопросы, связанные с ликвидацией образовавшегося в Западном Берлине очага опасности, путем переговоров с заинтересованными сторонами таким образом, чтобы это служило делу сохранения мира.

Иную позицию по вопросу о мирном договоре и решении берлинской проблемы заняло правительство ФРГ. Основывая всю свою политику на обострении международной напряженности и гонке вооружений, стремясь играть на противоречиях между великими державами, Аденауэр и его коллеги встретили в штыки предложения о мирном урегулировании германской проблемы и берлинского вопроса путем переговоров и соглашения заинтересованных сторон. Апостолов «холодной войны» не устраивает мир. «Справедливости ради следует отметить, — указывается в советской ноте правительству ФРГ от 10 января 1959 года, — что значительную долю ответственности за создавшееся положение в Германии, в том числе и за то, что Германия остается до сих пор без Мирного договора, несет Правительство ФРГ, поскольку оно взяло курс на ремилитаризацию и тесно связало свою политику с планами военного блока НАТО, которые коренным образом противоречат национальным интересам Германии».

Разумеется, и предложение о превращении Западного Берлина в демилитаризованный вольный город не устраивает боннских руководителей. Ведь это был бы яркий

пример сотрудничества держав в интересах мира, которое одним фактом своего существования разоблачило бы ложь об «опасности с Востока» — то, на чем зиждется нынешняя политика правящих кругов ФРГ. Поэтому-то Аденауэр облыжно утверждает, что предложение СССР об урегулировании берлинской проблемы «представляет собою угрозу всеобщему миру» (!).

Антинациональная политика нынешних руководителей Западной Германии привела к тому, что они выступают в роли противников обеспечения мира для своего народа и самых рьяных защитников иностранной оккупации своей страны. Что и говорить, мало почетная позиция!

По-видимому, и многие влиятельные деятели США, Англии и Франции не очень стремятся решить вопрос о германском мирном договоре. Их больше устроило бы увековечение нынешнего положения в Германии, отсутствие мира с ней. Конечно, об этом не говорится открыто. Оказавшись в стесненном положении перед лицом ясных и конкретных предложений Советского Союза, руководители западных держав вынуждены даже заявлять о своем согласии обсудить с Советским Союзом вопрос о Германии. Однако советский проект мирного договора с ходу объявляется в официальных кругах Вашингтона, Лондона и Парижа «неприемлемым», а каких-либо контрпредложений со своей стороны западные державы тоже не вносят ни по этому вопросу, ни о Западном Берлине. Они ограничиваются туманными призывами обсудить «все аспекты» германской проблемы.

При этом в западных державах нередко прибегают к такому приему, который едва ли может быть истолкован иначе, как намерение вообще загроздить путь к переговорам искусственно созданными препятствиями. Этот прием состоит в том, что назревшие, актуальные вопросы о мирном договоре с Германией и о решении берлинской проблемы искусственным образом увязываются с проблемой объединения Германии, решать которую четыре державы не имеют ни права, ни возможности и которая может быть разрешена лишь совместными усилиями двух государств — ГДР и ФРГ. Государственные деятели западных держав всячески выпячивают требование проведения так называемых «свободных общегерманских выборов» как якобы средства объединения Германии в одно государство. Без таких выборов, утверждают политики стран НАТО, не может быть ни мирного договора, ни германского воссоединения.

Фальшь подобной постановки вопроса — лучшее доказательство того, что в действительности эти политики не хотят ни мира с Германией, ни ее единства. В самом деле, пока в Германии еще существовали предпосылки создания единого демократического государства путем общегерманских выборов и последующего создания общегерманского правительства, именно Советский Союз настойчиво предлагал провести такие выборы. Он предлагал это и в 1947 году, и в 1949 году, и позже, вплоть до января 1955 года, то есть накануне ратификации и вступления в силу злосчастных для немецкого народа парижских соглашений.

Но в то время западные державы и слышать не хотели о выборах и единстве Германии: они были заняты расколом Германии, созданием сепаратного западногерманского государства и вовлечением его в свой военный блок. А когда это было сделано, когда Западная Германия была втянута в НАТО и стала на гибельный путь атомного вооружения, когда были уничтожены всякие предпосылки объединения Германии путем простого акта выборов, — вот тогда-то западные державы и их боннские подголоски вдруг стали требовать «общегерманских свободных выборов» с последующим вступлением объединенной Германии в Североатлантический блок.

Прозрачная политика!

Речь, следовательно, идет не о том, чтобы Германия объединилась как миролюбивое и демократическое государство, а о планах поглощения ГДР и втягивания всей Германии в НАТО. Но кто же может ожидать, что ГДР, которая за эти годы успешно развернула у себя строительство социалистического общества и имеет верных союзников в лице СССР и других участников Варшавского договора, добровольно пойдет на такой акт самоликвидации в угоду Вашингтону и Бонну? Нет, население ГДР никогда не откажется от своих социалистических завоеваний. Столь же напрасным, конечно, было бы ожидать, что СССР станет пособником тех, кто ставит перед собой подобные цели.

В нынешних условиях попытка механически «объединить» два столь разнородных государства, как ГДР и ФРГ, с различным общественным устройством и диаметрально противоположными курсами внешней политики, да еще «объединить» с помощью вмешательства извне, была бы равносильна провоцированию братоубийственной войны немцев против немцев и поставила бы под угрозу мир в Европе и во всем мире.

Единственно возможный путь к восстановлению единства Германии ведет сейчас через уменьшение разногласий между ГДР и ФРГ, через их договоренность и постепенное сближение на мирной, демократической основе. Именно из этого исходит конструктивный, реалистический план создания Германской конфедерации, выдвинутый правительством ГДР. Крупным шагом по этому пути к германскому единству явилось бы и заключение мирного договора с Германией, проект которого предложил Советский Союз.

Вопрос об объединении Германии может быть решен лишь обоими суверенными германскими государствами. Всякое вмешательство в это дело со стороны других государств было бы недопустимо и совершенно бесполезно. Это Советское правительство заявляло уже многократно и со всей необходимой ясностью. Поэтому, когда пытаются вместо предлагаемых Советским Союзом переговоров о мирном договоре с Германией подsunуть разговоры об объединении и о «свободных выборах», то в действительности держат курс на то, чтобы уйти от переговоров и сорвать дело мирного урегулирования с Германией.

Из сказанного, разумеется, не следует делать вывод, будто Советский Союз является противником воссоединения Германии на основе свободных выборов. Все дело в том, кем и при каких условиях будут осуществляться такие выборы. «Мы не возражали и не возражаем против свободных выборов. Но опять-таки решить вопрос должны сами немцы» (Н. С. Хрущев).

На предложение СССР договориться о решении берлинской проблемы путем превращения Западного Берлина в вольный город правящие круги США, Англии и Франции отвечают стремлением во что бы то ни стало сохранить свой оккупационный режим в Западном Берлине. Рассуждения о создании «воздушного моста», угрозы силой «пробиться в Берлин» и даже попытки бряцать ядерным оружием в ответ на предложения СССР о нормализации положения в Берлине — все это наглядно показывает, насколько далеки некоторые деятели западных держав от желания решить проблему Западного Берлина на согласованной, взаимно приемлемой основе, как это предлагает Советский Союз.

Разумеется, воинственные заявления и безответственные попытки накалить международную атмосферу в связи с берлинским вопросом не повлияют на решимость Советского Союза принять все необходимые меры для нормализации положения в Берлине на путях мирного урегулирования с Германией. Они только лишний раз свидетельствуют о том, насколько необходимо устранить очаг военной опасности, образовавшийся в Западном Берлине. «Если за этими угрозами действительно скрывается стремление прибегнуть к оружию, то всякий, кто решится на это, должен будет взять на себя тяжелую ответственность перед человечеством за развязывание новой войны» (из ноты Советского правительства трем западным державам от 2 марта 1959 года).

Советские предложения о мирном договоре с Германией и о решении берлинской проблемы путем провозглашения Западного Берлина демилитаризованным вольным городом отнюдь не представляют собою какого-то «ультиматума», как это пытаются утверждать противники переговоров, противники решения германского вопроса в интересах мира. Советское правительство много раз разъясняло, что оно ищет согласованного решения путем переговоров, что оно не только призывает к рассмотрению внесенных им предложений, но и само готово рассмотреть возможные пожелания и контрпредложения своих партнеров, направленные на решение указанных вопросов.

Интересы мира не позволяют согласиться с бесконечным блокированием стратегиями из НАТО и боннскими паладинами «холодной войны» дела мирного урегулирования с Германией, согласиться с сохранением западноберлинского порохового погреба в сердце Европы. Речь идет об обеспечении мира и безопасности европейских народов, и Советский Союз не ослабит своих усилий в этом направлении. Как подчеркнул недавно Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, Советский Союз и ряд

других государств, воевавших против гитлеровской Германии, готовы подписать мирный договор с двумя германскими государствами или с одним из них. Подписание мирного договора полностью восстановит суверенитет ГДР на суше, на воде и в воздухе, и никто не будет иметь никакого права «пробиваться» в Берлин, расположенный в центре ГДР, без ее согласия. Суверенные права ГДР будут надежно ограждены международными законами. Любая попытка нарушения этих прав, любая попытка агрессии встретила бы достойный отпор со стороны Германской Демократической Республики и ее союзников по Варшавскому договору, включая Советский Союз. Советское правительство сделало на этот счет достаточно четкое предупреждение любителям воинственных заявлений на Западе.

Народы хотят не войны, а переговоров между державами и принятия разумных решений, которые ослабили бы военную опасность и в настоящее время и в будущем. Вот почему предложения Советского Союза о мирном договоре с Германией и об объявлении Западного Берлина вольным городом всколыхнули весь мир. В странах Запада они привели в движение такие мощные общественные силы, что оруженосцам «холодной войны» становится все труднее с ними справиться. Растет сознание опасности и бесперспективности нынешней политики западных держав в германских делах, растут требования нового, реалистического подхода и в первую очередь переговоров с Советским Союзом.

По сведениям швейцарской газеты «Трибюн де Женев», «три американца против одного высказываются за сближение с СССР» и в госдепартаменте якобы ведутся поиски «более гибких решений» германского вопроса. Газета «Нью-Йорк таймс» также признала недавно, что существует «сильное давление здесь (в США.— И. А.) и за границей против внешней политики Соединенных Штатов», что оппозиция в конгрессе требует отказаться от косности в германской проблеме и более положительно реагировать на советские предложения. Об этом же свидетельствует и февральское выступление в американском сенате сенатора-демократа Мэнсфилда, резко осудившего политику правительства США в германском вопросе. Мэнсфилд потребовал, чтобы дело воссоединения Германии было предоставлено самим немцам. Он охарактеризовал требование объединения Германии путем общегерманских выборов как неосуществимый лозунг и «предлог для неподвижности» и указал на абсурдность позиции трех держав в отношении Западного Берлина. Это выступление вызвало исключительно оживленные отклики в США и было положительно оценено новым председателем сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайтом.

В Англии лейбористская оппозиция выступает за отвод иностранных войск из Германии, за переговоры с СССР по Берлину, за соглашение обоих германских государств по вопросам объединения. Английские сторонники мира заявляют: «Народ нашей страны не будет воевать ради того, чтобы не признавать Германскую Демократическую Республику». А по утверждению известной газеты «Обсервер», даже правительство Англии «стремится освободиться от груза прежних твердо установленных позиций вроде настоячивого требования обеспечить воссоединение Германии путем свободных выборов и решительного противодействия всякой «конфедерации» двух Германий». Такие сообщения в печати показательны. Они бесспорная дань возросшему давлению общественного мнения.

Известно, что в результате переговоров, состоявшихся во время визита английского премьера Г. Макмиллана в СССР 21 февраля — 3 марта этого года, Председатель Совета Министров СССР и Премьер-Министр Великобритании пришли к общему мнению, что безотлагательное урегулирование вопросов о мирном договоре с Германией и о Берлине «должно иметь важное значение для поддержания и укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире», и признали необходимость проведения в скором времени соответствующих переговоров между заинтересованными правительствами. Актуальность поднятых Советским правительством вопросов в связи с положением в Германии и Берлине находит, таким образом, все более широкое признание на Западе.

И в Западной Германии против авантюристской политики Аденауэра выступают массовые партии и организации, насчитывающие сотни тысяч членов (социал-демокра-

тическая партия, профсоюзы, молодежные организации, партии буржуазной оппозиции и др.). Даже реакционная американская печать отмечает «глубокую озабоченность» Аденауэра возросшим сопротивлением в ФРГ проводимой им политике. По словам «Нью-Йорк геральд трибюн», западногерманский канцлер не пользуется уже прежним влиянием даже в собственной партии. Миллионы жителей Западной Германии требуют мира и избавления от угрозы атомной смерти.

Народы гневно осуждают тех, кто занят подготовкой новой кровавой бойни. Они властно требуют, чтобы на смену «холодной войне» пришли мирные переговоры и прочный мир. На это и направлены предложения Советского Союза по Германии. Советские предложения о мирном договоре с Германией и о решении берлинской проблемы — это программа прочного мира в Европе. Эта программа должна быть и будет выполнена.

В. БОБОРЫКИН

★

ТРИ ПЬЕСЫ О ЛЕНИНЕ

Появление каждой новой книги о Ленине, будь то воспоминания или рассказы, стихи или пьеса, всегда вызывает самый глубокий и самый горячий интерес у наших читателей и зрителей. Особого внимания заслуживают историко-революционные пьесы Николая Погодина, драматурга, который много лет настойчиво ищет путей наиболее успешного решения темы Ленина.

Три пьесы Н. Погодина — «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты» и недавно появившаяся «Третья патетическая» — озарены желанием художественно осмыслить личность Ленина, художественно постичь мудрость вождя Революции. Это стремление, эта точка зрения писателя объединяют три пьесы в своеобразную драматическую трилогию. Но по способу решения темы, по своей архитектонике, по жанровым особенностям три пьесы довольно резко отличаются друг от друга. В каждой из них образ Ленина раскрывается по-иному, он освещается как бы в трех разных аспектах. Разобраться в том, что именно различает все три пьесы, тем более интересно, что отнюдь не произвольное маневрирование приемами определяло то или иное решение темы. Решения определялись творческим опытом художника, глубиной и смелостью его постижения истории и современности. Каждая пьеса — это этап творческого и общественного возмужания драматурга.

«Человек с ружьем» (1937), была одной из первых в советской драматургии пьес о Ленине. Образ Ленина в пьесах того времени раскрывался в наиболее известных событиях и ситуациях, знакомых каждому советскому человеку. Драматурги старались избегать вымышленных эпизодов и стремились к доскональной передаче исторических фактов, ни на один шаг не отступая от источников и документов. Это объяснялось

в большой мере тем, что сложная проблема воссоздания образа Ленина художественно начала только-только осваиваться. Еще не было того свободного владения материалом, которое дается годами, опытом, зрелостью художественного мышления.

На этом первом этапе перед драматургами, естественно, стояло немало трудностей. В основе даже самых широких драматургических историко-революционных полотен, появившихся ранее, лежали отдельные эпизоды революционной борьбы. А чтобы воспроизвести образ Ленина таким, каким он был в дни революции, ограничиться частными эпизодами было невозможно, иначе безнадежной была бы всякая попытка показать Ленина во весь его рост. Сложнейшие социальные и политические процессы, с которыми связаны имя и вся деятельность Ленина, требовали своего воплощения в драматургическом действии. Успех пьесы о вожде зависел во многом от того, насколько удачно будет выполнена эта сложная задача.

Каждый из драматургов решал ее по-своему.

К. Тренев в пьесе «На берегу Невы» вывел на сцену представителей всех сословий, всех партий и даже различных фракционных группировок этих партий. Продемонстрировав вначале многообразные социальные, политические и бытовые конфликты между этими героями, конфликты, обострившиеся в результате Февральской революции, он провел затем каждого героя через горнило ожесточенной борьбы партий за влияние на массы и в решительном октябрьском единоборстве столкнул выразителей двух главных антагонистических лагерей.

В результате получилось полотно очень широкое, но несколько громоздкое, сложное для воплощения на сцене. Недостаточ-

но гибкая композиция пьесы привела к тому, что образ Ленина как бы выходил за пределы сюжета. Ленин появлялся на сцене в момент, когда исход борьбы был уже очевиден, судьба героев определена и пьеса, в сущности, была дописана. Зритель ощущал величие исторической роли вождя, но в ходе самого столкновения он его не видел.

А. Корнейчук в пьесе «Правда» поступил несколько иначе. Он сразу же столкнул в основном социально-политическом конфликте две главные силы: революцию и контрреволюцию. Стремясь передать размах событий, он начинает действие где-то на периферии, затем постепенно сужает его, одновременно усиливая динамику и напряжение, и в конце концов приводит зрителя к эпицентру борьбы, в Петроград, где стоят друг против друга ударные группы двух готовых к последнему бою армий.

Это дало возможность естественно включить в драматическое действие Ленина — вождя, руководителя революционного лагеря.

Контрреволюционные силы олицетворены в пьесе главным образом Керенским. Но пигмей Керенский слишком ничтожный противник для Ленина, их столкновение не могло внести в пьесу большого драматического напряжения. В результате «Правда» не передавала всего того накала и той сложности борьбы, которые были в действительности и в которых с наибольшей силой проявилось огромное напряжение мысли и воли Ленина.

Н. Погодину в «Человеке с ружьем» удалось найти, пожалуй, более простое, емкое и впечатляющее решение темы.

Ленин не является центральным персонажем пьесы Погодина. Главный ее герой — народ: солдаты, крестьяне, рабочие. Перед глазами зрителя проходит вереница колоритных народных типов. Но основные перипетии народной судьбы драматург раскрывает через судьбу одного главного героя, русского солдата Ивана Шадрина. Поначалу Шадрин не выделяется из целой группы бывших крестьян и мастеровых, нынешних «защитников государства Российского», которые проходят перед зрителями в первой картине. Каждый из них — своеобразная, запоминающаяся фигура. А все вместе они объединены общностью своего положения и своей судьбы. Единодушна их радость по поводу неожиданной для фронта тишины, единодушно и то напряженное

внимание, с которым слушают они статью Ленина, и та враждебная настороженность, с какой они встречают появление в этот момент офицера.

Но постепенно фокус авторского внимания сужается и задерживается на Шадрине. Это воспринимается, однако, как чистая случайность. Шадрин остается для зрителя таким же, как и все другие герои, — частичкой общей солдатской массы. Он ничуть не более примечателен, чем Стамескин, Евтушенко или Лопухов. Поэтому, когда в последующем действии из целой группы солдат перед зрителем остается один Шадрин, то кажется, что он объединяет в себе черты всей этой группы.

Другие персонажи, по мере того как на передний план выдвигается Шадрин, исключаются из действия. Зрителю совершенно не известно, что происходит с ними на протяжении целых одиннадцати картин, пока осуществляется сложный перелом в сознании Шадрина. Но в финальной картине Шадрин снова встречается с ними. При этом встреча происходит, что называется, по одну сторону баррикады. Таким образом, судьба их одинакова, хотя путь, который пройден Шадриным, и отличается какими-то индивидуальными особенностями. Не оставляет поэтому сомнений то, что и Евтушенко и другие товарищи Шадрина, близкие ему по духу, прошли те же самые стадии роста революционного сознания, какие пришлось пройти главному герою.

Изображение этого духовного, политического роста народа и составляет основное содержание пьесы.

В начале пьесы Шадрин умен, рассудителен, душевно независим и в то же время политически совершенно пассивен. Главная его забота: скорей бы ко двору, к своему хозяйству, где он сам себе командир и советчик.

Но вот вихрем событий Шадрин подхвачен и поднят на самый гребень революционной волны. Сначала он лишь оробелый и совершенно сбитый с толку наблюдатель. Только что он жалким рабом стоял перед дворцом всесильного промышленного воротилы. И вдруг этот же воротила вместе с толпой своих собратьев воровато и подобострастно пытается урезонить двух обыкновенных тружеников и в том числе его, Ивана Шадрина. Простой рабочий решительно выметает их из дворца.

Шадрин не находит слов, чтобы передать свое изумление. «Как тебя звать, за-

был я... товарищ дорогой, это скажи дома... никто не поверит. Это ведь сказка».

Сразу тускнеет его еще недавно безудержное стремление «ко двору», и невольно возникает сомнение: мыслимо ли сейчас возвращаться в деревню, хлопотать о покупке коровенки?

И вот Шадрин в Смольном. Еще немало нужно усилий, чтобы преодолеть его страх перед всякой властью, в том числе и перед новой, чтобы убедить его в необходимости самому решать собственную судьбу. Но прочитав декрет новой власти о земле, он начинает уже реально ощущать, что освобождается от связывающих его пут.

И в момент самой острой кульминации разгорающегося в нем чувства освобождения Шадрин встречается с Лениным.

Эта встреча происходит несколько неожиданно для зрителя и в то же время вполне закономерно внутренне. Она включается в действие просто, без искусственно нагнетенной патетики. Шадрин даже не знает, что ведет разговор с Лениным. И Ленин не столько разъясняет ему обстановку, сколько сам обращается к нему с вопросами. Тем не менее Шадрину отчетливо представляется теперь вся картина событий. Этого достаточно, чтобы окончательно погасли его сомнения, чтобы он слился с революционным потоком уже в качестве сознательного и убежденного сторонника революции.

Поэтому теперь закономерно то, что драматург на время отодвигает Шадрина на второй план, а на первый выходит тот революционный авангард, во главе которого высится фигура вождя.

На сцене разворачиваются эпизоды бурной и напряженной работы военного штаба. Проходят и пробегают люди, вспыхивают дискуссии, раздаются телефонные звонки, звучат слова приказов. И вдруг на миг все как бы замирает: «...Пауза. Являются Ленин и Никанор».

Ленин выслушивает рапорты работников штаба, дает советы и распоряжения, решает сложные политические и военные проблемы. Он решительный и твердый руководитель, в его руках все рычаги огромного механизма революции.

В сущности, именно таким и привыкли представлять себе Ленина все, кто знает его по многочисленным воспоминаниям современников. Погодин не расширяет этого представления. Реплики Ленина почти це-

ликом построены на известных его выступлениях. Иные из них даже дословно повторяют то, что говорил Ленин,— например, на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 11 ноября 1917 года, в разговоре с Гельсингфорсом по прямому проводу 9 ноября и пр.

И все-таки перед нами самый настоящий, живой Ленин. Его появление подготовлено всем ходом действия. Оно просто неизбежно. Кто, как не он, мог бы так продуманно расставить революционные силы, так точно определить обязанности каждого руководителя, помочь советом одному, укрепить волю другого, отвести путающихся в ногах революции истеричных лжедемократов.

В «Человеке с ружьем» Ленин недолго остается на сцене. Количество его реплик невелико. И тем не менее значение пьесы трудно переоценить.

Каждому советскому человеку известны титанические усилия Ленина по созданию Коммунистической партии; для каждого из нас изучение трудов Ленина было целой эпохой в жизни, поэтому так высок и благороден тот идейный и нравственный подъем, который испытываешь, когда своими глазами видишь живой образ вождя, когда слышишь знакомые ленинские слова.

Для всего дальнейшего развития нашей историко-революционной драматургии образ Ленина, созданный Н. Погодиным в «Человеке с ружьем», имел огромное значение.

Во второй своей историко-революционной пьесе — в «Кремлевских курантах» — Погодин поставил перед собой задачи значительно более трудные и ответственные.

Здесь Ленин является центральным персонажем. Здесь сложнее драматургическая обстановка, в которой он действует.

В «Человеке с ружьем» главная и почти единственная тема — это тема бурного, радостного, нарастающего движения победоносной революции. Как это ни парадоксально звучит, но в этой пьесе почти нет непосредственного изображения революционной классовой борьбы. Всякий раз, едва только появляются на сцене какие-то силы, могущие помешать движению революции и вместе с тем вызвать острый сюжетный конфликт, драматург тут же отменяет их в сторону.

Не успел появиться среди солдат командир роты и заставить их за чтением крамольных большевистских газет, как его убивает взрывом снаряда.

Не успели финансовые и промышленные тузы сговориться с представителями кайзера о совместной борьбе против большевиков, как Чибисов выгоняет их из особняка Сибирцева, и они вообще исключаются из пьесы.

И эсеро-меньшевистские уговариватели, и переодетый офицер, пытающийся проникнуть в Смольный, и солдаты Керенского, идущие на революционный Петроград,— все они в пьесе только эпизодические противники, не включенные в главный поток действия.

В «Кремлевских курантах» нет такого стремительного движения, как в «Человеке с ружьем». Изменился ритм жизни — изменился и ритм драматического действия.

Революция продолжается. Но теперь наступила совсем иная стадия ее, когда решительным натиском и штурмом не добьешься немедленной победы. Революция разрушила старый мир. Необходимо сделать первые, самые трудные шаги в строительстве нового. Нужно найти самое разумное применение двум силам: развязанному революцией творческому порыву народа и тому культурному наследию, опыту, знаниям, которые были накоплены в прошлом. При этом одних из тех, кто олицетворял эти силы, нужно правильно организовать, других — отыскать среди обломков старой хозяйственной системы, переубедить и заставить работать в новой, весьма нелегкой обстановке.

С воспроизведения этой общей обстановки и начинается пьеса. Ее первую картину можно озаглавить так, как назвал свою книгу Герберт Уэллс,— «Россия во мгле».

На сцене часовня Иверской богородицы. В вечернем сумраке горят ее неугасимые лампы. Проходят бедно и пестро одетые москвичи. Копшится толпа уличных торговцев. Все это разные люди. Их ничто не объединяет. Каждый поглощен какими-то своими заботами, каждый внутренне одинок.

Тоскливо звучит песня беспризорника:

Ах, умру я, умру.
Похоронят меня...
И никто не узнает,
Где могилка моя.

Страшной нуждой и разорением веет от выкриков торговцев:

«— Шрапнель, шрапнель... Крупа приличная, заграничная... Только на вещи».

«— Сапоги фронтовые, десертские, дезертирские, довоенные кожаные сапоги».

«— Кому надо полтавского сала?.. Давайте золотые кольца. На обручальные кольца даю сало...»

Некое духовное лицо добралось до церковного имущества:

«— Кресты золотые, литые, старинные меняю на муку».

С готовностью откликается этот святой отец на реплику прохожего:

«Прохожий. А колокола не меняешь? Духовное лицо. А что, разве есть покупатель?»

Вперемежку с этими выкриками слышны панические реплики обывателей:

«— Прячьте соль! Главное дело, прячьте соль!»

— Про комету слыхали? Будет великой побольше луны, с красным хвостом. Фонопория!»

И, будто венчая эту картину разрухи и опустошения, звучат слова инженера Забелина о часах на Спасской башне Кремля:

«— Да, брат, испортились главные часы государства».

Эта мысль, словно неожиданное открытие, поражает самого Забелина, и он обращается с ней к разным людям. Постепенно Забелин оказывается в центре внимания зрителя. Его мелкие столкновения то с одним, то с другим героем все полнее раскрывают в нем человека, в душевном состоянии которого как бы сосредоточиваются сумрачность и тоскливость всего окружающего.

Однако уже в этой весьма безотрадной картине нет-нет да и проскальзывают штрихи какой-то иной жизни, иных человеческих состояний. Так, на паническое «открытие» Забелина демобилизованный красноармеец отвечает категорично и решительно:

«— Меня не собьешь. Я тертый. А за такие намеки вас могут к стенке прислонить».

Через сцену, отгесняя торговцев в сторону, с боевой песней проходит отряд красных курсантов. С этим отрядом на сцену врывается воздух совсем другой действительности.

И вот во второй картине, как живое воплощение этой новой жизни, появляется решительный, энергичный, оптимистически настроенный коммунист — Саша Рыбаков.

Забелин и Рыбаков выступают здесь как две силы, которые впоследствии, объединившись, обнаружат все свои созидательные возможности. Забелин — это знания, опыт, неподкупная честность,— лучшее, что осталось от русской научно-технической интел-

лигенции прежнего мира. Но в то же время Забелин оравлен недоверием к новому строю, озлобленностью, даже отчаянием. Рыбаков, напротив, полон энергии и уверенности в своих силах и в силах своего молодого государства. Но у него нет знаний и опыта.

Таково расположение сил, внутренние необходимых друг другу, но отчужденных и еще не знающих тех путей, которые должны привести их к контакту. И вот в третьей картине вводится тот центральный персонаж, который способен привести в движение и подчинить общей творческой цели эти столь различные по своему характеру силы. В пьесе входит Ленин.

В отличие от «Человека с ружьем», в «Кремлевских курантах» речь Ленина совершенно лишена цитат из его действительных работ и выступлений. Драматург воспроизводит лишь некоторые лексические особенности речи Ленина, чисто ленинские интонации, особую индивидуальную окраску его языка.

С этим связана и другая особенность «Кремлевских курантов»: в пьесе Ленин действует не только в тех точных исторических обстоятельствах, с которыми были связаны известные его выступления, но и в обстоятельствах, рожденных фантазией драматурга, стремившегося более полно и разносторонне раскрыть облик вождя.

В пьесе Ленин сталкивается с многочисленными персонажами — людьми самой разной социальной принадлежности, разных взглядов и настроений. От драматурга зависело очертить эти эпизодические образы возможно глубже. От него зависело сделать обстоятельства этих встреч естественными и непринужденными — такими, чтобы казалось: встреча произошла случайно, неожиданно и как будто совсем необязательно. И Погодин успешно справился с этим.

Так, в третьей и четвертой картинах Ленин встречается с крестьянами. Это не ходоки, которые специально пришли в Москву решить наиболее важные вопросы, и не участники митинга, ожидающие выступления главы правительства. Просто Ленин приехал в деревню, чтобы поохотиться в ближних лесах, а еще вернее — для того, чтобы на отдыхе обдумать какие-то очень важные государственные дела.

В третьей картине он еще не появляется, но, как справедливо говорят критики, «все здесь уже полно им».

На сцене — тихая, сердечная, располагающая к интимным разговорам обстановка. В лесу, у костра, в ожидании Ленина расположились егерь Чуднов и деревенский звонарь Казанок; немного позже к ним присоединяется Рыбаков. Чуднов должен подготовить охоту. Казанку поручено охранять Ленина. Казалось бы, чисто служебные заботы и дела. Однако разговор ожидающих совершенно лишен официозности. Он исполнен глубокой душевности и теплоты. Они говорят о погоде, о деревенских делах, о сердечной тайне Рыбакова. Немного раньше Казанок вспоминает, как в прошлом году Ленин тоже приезжал охотиться, но выюга сорвала охоту. Ни о каких общих, общегосударственных делах герои не говорят. К проблемам, поднимаемым в пьесе, их разговор не имеет как будто решительно никакого отношения. Но между зрителем и героями возникает глубокий душевный контакт. И потому та любовь к Ленину, которой проникнут их разговор, передается зрителю, завладевает им.

Четвертая картина — в доме Чуднова, где старая и молодая хозяйки тоже ждут Ленина, — по своему настроению контрастирует с атмосферой разговора у костра. Женщины беспокоятся, суетятся, волнуются. Они почти испуганы. Для Анны, матери Чуднова, Ленин, как после она скажет, «это же царь».

Но вот появляется Ленин и едва ли не с первых слов затевает шуточный спор с маленьким сыном Чуднова, Степкой, о том, настоящий он Ленин или не настоящий.

В словах Ленина нет ничего особенного, нет какого-то скрытого смысла. Они ничуть не более мудры и политичны, чем слова любого умного и простого человека, который любит детей и умеет с ними обращаться.

Важно здесь совсем другое. Анна ждала появления очень высокого гостя, которому даже совестно показывать бедно одетых детей: «Сама подумай, такому гостю — и наших анчуток выставлять?» А пришел простой и душевный человек, который как раз с этими «анчутками» и завязал веселую перепалку.

Напряжение разряжается. И эта неожиданная разрядка сразу приводит к той сердечной симпатии к Ленину, которая покорила в сцене у костра. Начавшись контрастом с предыдущей сценой, эпизод в доме Чуднова в конце концов приводит к тому

же эмоциональному итогу — Ленин свой, он очень простой, очень человеческий.

Все последующие диалоги ведутся с такой же непринужденностью, с какой велись они без Ленина в третьей картине. Каждый герой естественно, без всякой внутренней скованности выражает свои чувства и мысли. Роман Чуднов как представитель местной власти несколько смущен тем, что ему приходится говорить с Лениным о вещах, не имеющих отношения к его служебным обязанностям. Рыбаков с нескрываемым торжеством хвастается своими охотничьими успехами. Окончательно сконфуженный, Чуднов со свойственной охотникам изворотливостью сваливает вину за неудачную охоту на Ленина. «А вы, Владимир Ильич, как я понимать могу, нынче охотой совсем и не занимались». Разговор снова идет на самые далекие от политики и от хозяйственных проблем темы.

Собственно говоря, предмет разговора здесь не столь уж и важен. Важна сама атмосфера разговора, безыскусственная, свободная, лишенная малейшей напряженности. Поэтому все, что говорят Ленин и его собеседники, все душевные качества этих людей, обнаруживающиеся вот сейчас, в разговоре, воспринимаются как нечто совершенно реальное, несколько не вымышленное.

Ленин увлечен этой бесхитростной беседой, которая произвольно переходит с одной темы на другую. Его даже удручает неожиданное предложение Романа «откушать чаю» в Пролеткульте и выступить на митинге.

«Ленин. А что? Может быть, не стоит идти в Пролеткульт? Мы здесь чаю напьемся, а? Позвольте мне остаться здесь. И хорошо бы без митинга обойтись».

В ответ на слова Чуднова «...вы... нынче охотой совсем и не занимались» Ленин в увлечении также едва не пускается в оправдания: «— Я сегодня был очень плохим охотником, товарищ Рыбаков, но зато... (И не договорил)».

Разумеется, образ Ленина вырисовывался бы слишком односторонне, если бы драматург ограничился тем, что на протяжении целых двух картин подчеркивал только ленинскую простоту и сердечность. Но Погодин в нескольких штрихах сумел дать своего рода перспективу характера, сумел приоткрыть перед зрителем более сложное и существенное в личности Ленина.

Разговор о мальчишке Степке Ленин заключает словами, в которых нетрудно угадать более широкий взгляд на вещи, чем тот, что свойствен другим героям.

«Ленин. Мальчишки загадочный народ, только мы не умеем с ними обходиться. Уменья мало. Нам многое надо уметь. Нам не уметь нельзя,— съедят».

На вопрос Ленина о лучине Анна отвечает: «Трещит... с ней и то веселей, чем в потемках». А Ленин невесело соглашается: «Да, конечно, веселее». Слова эти сказаны машинально, полузадумчиво, нет нужды искать в них особого смысла. Но интонация, которой они окрашены, выдает глубокую озабоченность Ленина. Недаром в одном из последующих диалогов с Рыбаковым Ленин возвращается к этой теме: «В деревнях люди сидят по ночам при лучине. Вы видели?»

Иначе, чем другие персонажи, смотрит Ленин и на театральные увлечения местного председателя Романа Чуднова.

Для старшего Чуднова эти увлечения — «чистая беда». И тревога его действительно довольно старомодна: «Дети растут, а отец — артист!» А Ленин вполне серьезно убежден: «И чудесно, что артист». Правда, его потешает наивность Романа, который по простоте душевной считает, что быть артистом и «представлять банкира» совсем не трудно. Но он твердо верит в разносторонность развития будущих людей и потому вполне искренне говорит Чуднову: «Мы с вами, товарищ Чуднов, старомодные люди».

Ленинские реплики здесь таковы, что под обыкновенностью их формы угадывается глубокая мысль. Погодин сумел вживе и въяве показать здесь очень важное качество Ленина — способность заглядывать в будущее, способность широкого исторического видения, когда во внешне незначительных фактах вскрываются корни и проявления общественно важных явлений.

Интересны в этом отношении заключительные слова Ленина в четвертой картине.

«Ленин (точно про себя). Надо думать, товарищ Чуднов... думать, передумывать».

Чуднову, разумеется, не очень понятно, что именно имеет в виду Ленин. Но для зрителя, который уловил уже, насколько глубоко и эмоционально воспринимает Ленин каждую деталь, подмеченную им в жизни и поведении крестьян, ясно, что слова эти Ленин обращает прежде всего к самому себе, что это «надо думать», «передумывать»

и составляет главную и постоянную заботу Ленина.

Многочисленные встречи Ленина с героями пьесы можно разделить на две группы. Одну из них составляют встречи с эпизодическими персонажами, встречи, в которых раскрывается положение, характер и сущность определенных социальных слоев. Перед зрителями проходят крестьяне, рабочие, нищая, кустарь — часовой мастер. В этих встречах Ленин выступает главным образом как зоркий и вдумчивый наблюдатель. Его собеседники более полно, чем он, говорят о своих заботах и надеждах, более полно выявляют свое отношение к происходящему. Очень любопытны, например, рассуждения бородатого рабочего о могуществе Советской власти, интересны монологи нищей. Глубоко драматичный конфликт между старыми традициями и требованиями нового времени раскрывает рассказ часового мастера. Ленин своими, чаще всего весьма лаконичными, репликами только направляет разговор по интересующему его руслу, добиваясь, чтобы собеседники его открыли самые глубинные свои мысли.

Другую группу встреч составляют встречи Ленина с главными персонажами пьесы: Рыбаковым и Забелиным. В этих сценах Ленин уже не столько расспрашивает героев, не столько прислушивается к их словам, сколько излагает свои мысли, свою оценку сложившихся обстоятельств, свои надежды и планы.

Любопытно здесь само построение речи Ленина. Погодин умеет найти такие композиционные решения, которые позволяют передать в сравнительно лаконичных высказываниях вождя колоссальный размах его мысли. Характерна в этом отношении одна из последних ленинских реплик пятой картины (беседа Ленина с Рыбаковым). В первой половине реплики Ленин с горечью и болью говорит о разрухе, о страшной нужде, которую испытывает народ.

«Л е н и н. Лучина, — это же было до керосиновой лампы, молодой человек! Вы думали, что означают сии вещи, а? Вчера я получил письмо с Урала. Там, в Златоусте, на оружейном заводе, люди руками вынуждены приводить в движение машины...» А во второй половине реплики, после паузы, Ленин без всякого перехода делится с Рыбаковым своей мечтой: «Я давно размышляю об электрификации России. Как вы полагаете, можно теперь, сегодня, сейчас начинать с электричества?»

Контраст между картиной разрухи, которая так живо воспроизведена в первой части реплики, и тем необычайно дерзким планом, который тут же замышляется во второй части, сначала просто ошеломляет.

В самом деле: лучина и... электрификация России... Но, по мере того как исчезает в сознании зрителя этот разрыв, все более отчетливо ощущает он глубину и смелость ленинской мысли, беспредельность его фантазии и, что особенно важно, неугасающую озабоченность вождя судьбой людей.

Нужно, однако, сказать, что диалог Ленина и Рыбакова в пятой картине не вполне удался Погодину. Сюжетная линия Рыбакова недостаточно прочно, недостаточно органично спаяна здесь с линией главного героя пьесы — Ленина. Необходимо было показать взаимоотношения героев и главным образом то, как Ленин воспринимает Рыбакова. Иначе не очень оправданной оказывается неожиданная откровенность Ленина. Драматург словно забывает о Рыбакове. Он оставляет за ним только роль ошеломленного и бессловесного слушателя, лишая его здесь сюжетной самостоятельности. Рыбаков не столько умный собеседник вождя, с которым Ленин делится самыми своими сокровенными мыслями, сколько пассивный адресат его монолога.

Хочется сказать и о другом. В послевоенные годы Погодин вновь вернулся к пьесе и создал второй ее вариант, который, на наш взгляд, кое в чем уступает первому. В частности, большим изменениям подверглась и эта беседа Ленина с Рыбаковым в пятой картине. В ленинской реплике о лучине (первый вариант) звучала взволнованность человека, глубоко озабоченного судьбой Родины, явно ощущалось эмоциональное отношение к разрухе, вызванной интервенцией и гражданской войной.

«Л е н и н. Это ведь ужасно. Даже бибушки живут хуже, чем до войны. В деревнях люди сидят по ночам при лучине. Вы видели?»

Рыбаков. Приходилось.

Л е н и н. Лучина, — это же было до керосиновой лампы...»

В новой редакции Ленин говорит то же самое, но, если широта обобщений осталась, то эмоциональная окраска речи несколько потускнела.

«Л е н и н. Суть не в старухе, товарищ Рыбаков, но она — права. Если царизм довел страну до полного развала, то помещики и капиталисты гражданской войной и

интервенцией довершили развал до небывалого апофеоза... Деревня вернулась к началу девятнадцатого столетия, к лучине. На заводах Урала, в Златоусте, например, люди вынуждены ручным способом приводить в движение механизмы. Донбасс затоплен белогвардейцами.

Здесь уже слабее ощущается тревога и озабоченность, которыми полны были слова Ленина в первом варианте пьесы. И хотя вслед за этой репликой Ленин более подробно говорит о праве большевика на мечту, это все равно не меняет положения. Да и сами слова Ленина о мечте формулируются теперь значительно суше.

Все это, в частности, хорошо почувствовал МХАТ. В своей возобновленной постановке «Кремлевских курантов» мхатовцы предпочли не целиком воспользоваться новым вариантом пьесы, а взяли многое из первого ее печатного варианта и даже из тех первоначальных редакций, которые сохранились только в музеях некоторых театров.

Диалог Ленина с Забелиным значительно более удачен.

Забелин так же, как и Ленин, — человек интеллектуального труда. У него есть свои достаточно прочные убеждения. Чтобы его переубедить, нужны очень веские и обоснованные аргументы. Ленин отлично понимает: это либо сознательный враг Советской власти, тогда с ним не о чем и разговаривать, либо просто человек, обозленный нуждой и бездельем, которому надо дать настоящее дело, и он перейдет на нашу сторону. Поэтому Ленин сразу и прямо ставит вопрос: «Так что же, саботировать или работать?»

Растерянность Забелина уже в какой-то мере убеждает, что никакой он не враг. Но реплика — «Разве мои советы могут иметь значение?» — еще вызывает сомнение: быть может, он считает, что нынешняя власть не настолько прочна, чтобы ей интересоваться проблемами электрификации?

И Ленин задает второй вопрос: «Кого вы хотите взять под сомнение — нас или себя?»

Но вот разговор об электрификации стал более конкретным. Забелин почувствовал себя в своей стихии. Теперь он главный герой, и Ленин слушает его с вниманием прилежного ученика, твердо зная: Забелин настоящий человек. Тем более сильное возмущение вызывает у него сообщение о том, что до сих пор этот настоящий человек, глупо фрондируя, торговал спичками.

«Ленин. Слушайте, это несчастие! Это стыд и срам, батенька мой! В наше время спичками торговать... За такие штуки надо расстреливать, как хотите!» Гнев Ленина вызван не столько внутренней позицией Забелина, сколько нелепым, преступным «уклонением» от творчества на пользу революционному народу.

Встречей Ленина с Забелиным по существу завершается цепь эпизодов, которые условно можно озаглавить «Ленин и народ». Зритель поверил во взаимопонимание и взаимодействие Ленина и народа.

И вот тут происходит встреча Ленина с английским писателем. Англичанин уже много поездил по России, много повидал. Он рисует картину разрухи, нищеты, страдающих народных.

Внешне это вполне объективная картина. И зрителю понятны в какой-то мере эмоции англичанина, во всяком случае понятно, как они могли возникнуть у него.

« — Разве человеческие силы в состоянии остановить эту катастрофу! В России в скором времени никого не останется, кроме деревенских мужиков. Железные дороги заржавеют, так как ваши города перестанут существовать. Я вижу Россию во мгле, в страшной мгле ее конца, катастрофы, гибели».

И Ленин вовсе не спорит против такой характеристики положения дел в России.

« — Во мгле... Наверное, и мгла есть. Нет, нет, я не спорю, наверно, все это так и кажется».

И тем не менее у Ленина, естественно, совсем иное представление и о настоящем и о будущем России.

Разъясняя причины различия в их восприятии русской действительности, Ленин подчеркивает: «Я верю в рабочий класс, — вы — нет. Я верю в русский народ, — вас он ужасает. Вы верите в честных капиталистов, а я нет. Вы придумали чистенький, милый, рождественский социализм, а я стою за диктатуру пролетариата...»

Таким образом, разговор Ленина с английским писателем — это столкновение двух противоположных оценок всего того, что демонстрировалось в предыдущих эпизодах пьесы. Это — столкновение двух разных заключений.

При этом англичанин ориентируется на стихийное развитие событий, Ленин, наоборот, опирается на возможность их органи-

зации. Он учитывает то, что неизвестно или непонятно англичанину: глубокую веру простых людей в могущество Советской власти.

В речи, заключающей пьесу, Ленин дает широкое обобщение всему, что уже видел зритель. При этом он особенно подчеркивает те качества народа, на которые можно опереться не только в конкретных хозяйственных начинаниях, но прежде всего, в планах, в мечтах о будущем.

Как ни велика эта речь, ее хочется подробно процитировать, потому что в ней как бы сконцентрирован опыт драматурга по воссозданию языка Ленина, в ней как бы скрестились те художественные пути, которыми шел писатель, стремясь нарисовать живой образ Ильича. (Цитируем по первой редакции, так как во вторую, в результате композиционной перестройки пьесы, из этой речи вошел только один абзац.)

«Л е н и н. Я получил несколько записок. Позвольте мне на них сейчас же ответить. Работники Курской губернии пишут мне о том, что у них падают лошади, что даже мякины у них нет, чтобы продержаться до весны. Не следует ли решить сначала эту насущную задачу, а потом уже приниматься за такую махину, как электрификация? Товарищ, приехавший с Путиловского завода, высказывает глубокое сомнение в людях. (Читает по записке.) «Пролетариат в торговлишку ударился... Люди мастерят зажигалки... Специалисты у нас белые или кадеты...» (Отложил записку.) А разве мы не знаем?.. Вот сегодня я беседовал с одним знаменитым английским писателем. Он называет себя социалистом, но принадлежит к той странной категории людей, для которых революция — рождественский сочельник.

Они верят в братство чистеньких людей, будто эти миленькие люди обнимутся, поцелуются и построят социализм. Это — мечты кисейных барышень, над чем мы всегда смеялись. Видите ли, товарищи, в чем дело, я верю в грешных людей. Я хочу сказать, что социализм мы будем строить из тех кирпичей, которые нам оставил капитализм, и не ждать, пока к нам сами придут новые коммунистические люди... Вы только подумайте, что наделал этот наш грешный человек! Это же контрреволюция — не любить нашего человека, не верить ему, не ценить его выше всех благ мира. У нас на пути будет мякина и дохлые лошади, у нас сегодня тысячами вымирают люди... Это ужас, которого не

вмещает ум человеческий. Но мы не имеем права уступать мякине революцию... Сделать революцию, как бы эта революция ни была грандиозна, — полдела, одна десятая дела. Потом на смену баррикадам придут будни, тяжелые, грязные будни... Истинным революционером считаем мы того, кто готов пойти на новые, неслыханные жертвы, ни с чем несоизмеримые, небывалые, страшные будничные жертвы, ибо другого пути нет, не может быть, никогда не бывало в истории. Надо во что бы то ни стало спасти лошадей, бороться с голодом, сеять из лукошка, горстью. Но если мы за этими делами забудем, ради чего наш народ пролил столько крови, вынес столько несчастий, дал такой сверхчеловеческий героизм, то, прямо говорю вам, пиши пропало. Надо смотреть вперед и мечтать... да, и мечтать. И сегодня же нам надо дать народу формулу простую и захватывающую: Советская власть плюс электрификация. Я думаю, что это и будет коммунизм, что это и является началом небывалого революционного переворота всей действительности в огромной, еще средневековой, нищей, разоренной и самой величественной стране мира. Ничего и никого нельзя ждать. Создавать социализм немедленно, будущее строить сию минуту!..»

Великий гуманист, самый человечный человек, — таким предстает Ленин в этом своем выступлении. Таким он изображен в пьесе.

По масштабу и глубине изображения характера Ленина в «Третьей патетической» Погодин пошел еще дальше, чем в первых двух пьесах.

Поражает прежде всего, многогранность, с какой представлена в пьесе деятельность Ленина. Это и хозяйственная политика, и вопросы партийного строительства, и идеологическая борьба. Ленин показан в один из самых сложных периодов существования нашего государства и нашей партии — в период нэпа. Драматург сумел поставить своего героя в центр, в точку пересечения всех тех политических, хозяйственных, идеологических, эстетических, моральных, бытовых проблем, которые волновали советский народ, советскую общественность в те годы.

В «Третьей патетической» несравненно глубже раскрыт внутренний мир Ленина. Драматург стремится к подробной психо-

логической характеристике, стремится проникнуть в самый ход мыслей и чувств вождя.

В «Человеке с ружьем» Ленин появляется на сцене в момент острого революционного напряжения, появляется в знаменитом Смольном, где все и без того полно им. Сама обстановка здесь такова, что от Ленина невольно ждешь решительных действий и проявлений сильной воли, высокого ума, политической зоркости. Не случайно сцены в Смольном так охотно воспроизводятся многими драматургами, поэтами, художниками.

В «Третьей патетической» обстановка, в которой действует вождь, наоборот, подчеркнута буднична. Появление Ленина на сцене не предваряется сколько-нибудь длительной подготовкой.

Характерно и другое. В «Человеке с ружьем» и в «Кремлевских курантах» Ленин, вступая в диалоги с какими-либо персонажами, либо направляет ход разговора, добиваясь, чтобы собеседники его раскрыли свои воззрения и чувства, либо высказывает свои собственные мысли. И, пожалуй, только в сцене с английским писателем Погодин показывает Ленина в одном из интереснейших аспектов — как участника острой дискуссии.

В «Третьей патетической» драматург охотно воспроизводит такие дискуссии. Разговор с рабочими на заводе, куда приезжает Ленин, чуть ли не с дискуссии и начинается. Завод прославился выплавкой высококачественной стали. Ленин приезжает посмотреть работу завода. Для встречи вождя по инициативе старых рабочих пол в красном уголке устлан громадным ковром-дорожкой. Этот нелепый «старорежимный» ковер и послужил поводом для спора, который разгорается после нескольких первых реплик.

Инженер Сестрорецкий удручен тем, что успехи завода вызвали паломничество делегаций, которые мешают работать. Ленин шуточно отвечает ему так, словно принимает его замечание на свой счет.

«Ленин. Но для нас же специально вы красное сукно постелили.

Рабочий в картузе набок. А у рабочего класса и клеенки негу дома на стол постелить.

Ленин. Я не думаю, что они купили ковер на народные деньги.

Дятлов. Он, этот проклятый ковер, сохранился здесь от старого режима!

Рабочий с бородкой. Старый режим гоним в окно, а он лезет к нам в двери. Так-то, товарищи. (Отходит в сторону.)

Ленин. А зачем же вы после такого важного замечания уходите за спины товарищей?

Замкнутый. Они всегда так... эти меньшевички.

Рабочий с бородкой. Примыкал... отдалился... теперь беспартийный.

Дятлов. Много вас, таких беспартийных.

Ленин. Вот видите, товарищи, как нелепость может обернуться контрреволюцией. Я в беспартийность не верю, тем более в меньшевистскую, и понимаю вашу реплику в том смысле, что вот-де большевики отступают, устроили нэп и катятся к старому режиму. А мы, меньшевики и эсеры, всегда сие говорили, и нечего нас за это карать. Но мы большевики, в ответ на это будем говорить меньшевикам и эсерам: пожалуйста к стенке...»

Не менее интересна и дискуссия Ленина с Ипполитом об искусстве и спор с Сухожилым о развитии человека в социалистическом обществе. В каждом таком словесном поединке очень живо раскрывается цельность, целеустремленность Ленина, его остроумие, находчивость, стройная и глубокая логика всех его рассуждений.

Сцены на заводе, с их будничной обстановкой, с отсутствием фона, который особенно подчеркивал бы государственный размах деятельности Ленина, дополняются сценами, где отчетливо звучит мысль о величии и необыкновенности Ленина. Такова, например, сцена «Дятлов — Мария Ильинична».

Разговор о Ленине идет в связи с его болезнью, и оттого каждое слово о нем воспринимается с особым волнением.

«Дятлов. Поверить страшно. Не могу. Нет.

Мария Ильинична. Да, Дятлов, страшно... И все-таки болен... Про Володю всегда говорили, что он великий человек, а что, собственно, такое великий? Просто это очень трудная вещь. Нэп... как вы думаете — легко? Совершить поворот? Вести в отступление... Не в наступление, а в отступление... не дрогнуть? Видите, ничуть не изменился, даже еще воинственнее стал, непримиримее...»

После этого диалога каждое движение Ленина, каждое его слово вызывает еще более чуткий отклик в душе зрителя,

К тому нравственному подъему, который испытываешь, когда видишь и слушаешь Ленина, невольно начинает примешиваться чувство глубокой тревоги. Но реплики Ленина, как бы опровергая эту тревогу зрителя, становятся все более жизнерадостными. Поэтому шуточный, но по существу очень серьезный разговор о молодом рабочем Прошке, который, по убеждению Ленина, научится со временем не только сталь варить, но и управлять государством, впечатляет с особенной силой.

Ленин. (очень доволен). Вот об этом я и говорил!.. Только просто и коротко, чтобы люди знали, к чему им стремиться. А Прошка будет... (Проне.) Будете?

Проня. (радостно). Не.

Ленин. Неужели «не»!

Проня. Ей-богу, не.

Ленин. Зачем же вы меня подводите? Кузьмич. Это он так... миндальничает! Будет, будет.

Проня. Не... Неохота. Растратишься, а потом в Бутырку полезай. Я до денег охочий.

Ленин. Как он меня подвел! Не хочет управлять государством. (Рассмеялся.) «Бутырки» боится... а! Смотрите, какой конфуз. Вот бы сюда буржуазного сочинителя. Он такое бы написал, что прощай навеки Советская власть и мировая революция. А мы все-таки будем верить и в Прошку и в мировую революцию».

Тему вождя Погодин решает в этой пьесе без трибуны, без бурлящего в революционном энтузиазме фона. Даже самые сложные политические вопросы, связанные с именем и деятельностью Ленина, раскрываются здесь в ходе обыденных, иногда даже шуточных разговоров.

Как и другие погодинские пьесы, «Третья патетическая» состоит из отдельных эпизодов, которые вместе составляют хотя и мозаичную, но цельную картину.

После первых двух сцен встречи Ленина с рабочими следует целый ряд эпизодов, раскрывающих те весьма сложные социальные и политические отношения, которые сложились при нэпе.

Снова выползли на свет притаившиеся по углам бывшие заводчики и купчики. По улицам разоренных городов, среди измученных нуждой рабочих людей свободно, как и до революции, разгуливают упитанные, с иголочки одетые буржуи. Никто не досаждает на частные магазины, не за-

прещает нэпмановских ресторанных пиршеств.

Вернулся в Москву за своими припрятанными миллионами и капиталист Гвоздилин, которого не успел в свое время расстрелять чекист Дятлов. Теперь он тоже, по словам Дятлова, «фигура легальная, даже нужная».

Понятно, как тяжело все это угнетает тех, кто недавно проливал кровь за социалистическую революцию. Даже очень стойкий коммунист Дятлов мучительно размышляет над происходящим.

«Дятлов. ...А что ж, ты думаешь, я каменный? А мне не делается страшно в моей этой дыре, да еще с моим проклятым аскетизмом? Какому дьяволу нужен этот аскетизм, когда над нашими головами у Насти пир горой... когда Гвоздилин может безнаказанно играть с нами и его пальцем не тронь! Кому я жизнь свою, как жертву, отдаю! Кому? Кому? Но я с собою справлюсь».

Не всем, однако, удастся справиться с собой так же, как Дятлову. Брат Ипполита и Ирины Сестрорецких, людей, до конца преданных партии, не устоял перед соблазнами «красивой» и угарной жизни. Тот самый Валерий Сестрорецкий, который участвовал в Октябрьской революции, о котором Ирина говорит: «Он — прекрасный... чистый», прожигает жизнь в ресторанах с дочерью Гвоздилина Настей. А поскольку для ресторанных увеселений нужны деньги, он совершает крупные злоупотребления по службе, берет взятку.

Валерия арестовывают и присуждают к расстрелу.

Ирина вне себя от горя. Она решает обратиться за помощью к Ленину.

Происходит разговор Ирины с Лениным, полный особенно характерного для этой пьесы острого драматического напряжения. В отличие от «Кремлевских курантов» драматург стремится сейчас раскрыть образ Ленина не через эмоциональное восприятие его другими героями, а непосредственно проникая в глубину его внутреннего мира.

Не помня себя, Ирина бросается к Ленину.

Ирина. Владимир Ильич, я готова пасть к вашим ногам».

Ленин растерян. Его ошеломляет столь бурное выражение пока еще непонятных ему переживаний женщины.

Ленин. (смятение). Этого... постойте... этого не надо делать ни в коем случае».

Но вот Ирина сообщает суть дела, и замешательство, которое испытывал Ленин, сменяется глубоким раздумьем, сложной борьбой чувств. Владимиру Ильичу по-человечески жаль страдающую женщину. Он пытается выяснить, что же представляет собой ее брат, какова его человеческая сущность. Однако Ирина не способна разобраться в этом достаточно объективно. Воля и рассудок — все сковано в ней страстным желанием заслонить любимого брата от надвигающейся беды. На все вопросы Ленина она отвечает со слепой одержимостью: «Он — прекрасный... чистый... Он молод... Сердцем юн... Пылкое, чистое сердце».

Чтобы в чем-либо убедить Ирину, нужно преодолеть этот барьер ее материнского фанатизма. И Ленин мягко, но решительно ломает все ее неубедительные доводы в защиту Валерия.

«Ленин. Мне трудно огорчать вас, но лгать не умею. Не верю я в чистоту сердца взяточников».

Глубокая горечь и одновременно негодование звучат в словах Ленина о привычном понимании человеческой доброты.

«Ленин. Обычно видят человека там, где он добрый, а если он не должен быть добрым, тогда уж — каменное сердце. В таком случае, простите, все хлюпки есть люди-человеки, а люди с принципами — уже не люди».

Но Ирина с надеждой хватается за всякий довод, пытается преуменьшить вину Валерия, ссылается на его любовь. И тогда Ленин, подавляя в себе чувство жалости к этой женщине, прямо и резко выражает свое мнение о преступлении ее брата, защищать которого можно только в ущерб интересам множества честных тружеников.

«Ленин. ...И кто он, брат ваш... чистый, юный?.. Ответственный работник ВЧК, наверно, сам творил суд над преступниками. И самое омерзительное, что нам осталось от русского царизма, от татарщины, от вопиющей бесправности, неграмотности, забитости, — взятка...»

Монолог Ленина, гневный и страстный, обезоруживает Ирину. Теперь она хорошо понимает Владимира Ильича, но горе ее не становится от этого меньше.

Нелегко и Ленину. Ему мучительно больно оттого, что хорошие люди, удрученные собственным горем, с трудом понимают, каков его нравственный долг перед ними.

Еще более сложное психологическое состояние Ленина передано драматургом в следующей сцене, когда Ленин после ухода Ирины остается наедине со своими раздумьями. Он думает о тех надеждах, которые связывают с его именем люди, он пытается поставить себя на место подавленной горем Ирины.

«Ленин. ...И она, наверно, понимает, что Ленин не может быть чем-то иным, но хочет верить в доброго. Добрый... для чего добрый? Праздный вопрос... Потому и лезет в голову, что ничего не делаю...»

Однако вопрос этот — о добре, справедливости, совести — продолжает тревожить Ленина. И оттого появляющуюся Марию Ильиничну он встречает чуть ли не с раздражением.

«Мария Ильинична. К тебе, Владимир Ильич, приезжали товарищи... но мы отложили ваше свидание на три дня».

Ленин. Кто «вы»?

Мария Ильинична. Надя и я... Чем ты расстроен?

Ленин. От жизни парками не отгородишься... даже если ты больной вельможа».

Но тут же спохватившись, он пытается сгладить резкость своих слов. Он вдруг становится особенно доверчивым и неожиданно приоткрывает уголок самого своего сокровенного. Он жалуется сестре, сетует на собственное бессилие:

«Ленин. Гуляю, бездельничаю, тяжело — поверьте. Мне хорошо известно, что я болен, что болезнь опасна и, как всякая болезнь, может быть смертельной. И мне это обиднее, чем всем моим друзьям... Мне первому... потому что мечталось посмотреть, как пойдет Россия к социализму... Как совершим мы этот новый поворот... как забурлит Восток... многое мне мечталось. И мне обидно».

Поделившись с сестрой, излив ей душу, Владимир Ильич чувствует облегчение. Он пытается с помощью сестры решить вопрос, «есть ли добрый Ленин». Но сейчас в его вопросе слышится не столько глубокое раздумье, сколько любопытство: что ответит на это другой человек, который хорошо знает его.

Мария Ильинична не разрешает недоумения Ленина, но это теперь не огорчает его. Свою реплику он заканчивает весело, с юмором: «Но тут уж не Ленин, а революция, идея, партия... Впрочем, благодарю. Все-таки добрый».

Преступление Валерия приводит к Ленину еще одного человека, и эта новая встреча опять вызывает в Ильиче глубокие раздумья. Ипполит Сестрорецкий не пытается, подобно Ирине, облегчить судьбу младшего брата, но в душе его вспыхивает давно сдерживаемое смятение.

Пока дела и делишки ожившей буржуазии прямо не касались его, он мог закрывать глаза на них, мог проходить мимо. Но вот тлен коснулся его собственной семьи.

Поступок брата поколебал веру Ипполита в человека: «...у меня брат... горел революцией... и вот сейчас сделался взяточником». После этого ему нелегко убедить себя в том, что революция в целом сможет устоять перед натиском буржуазных традиций и порожденных капиталистическими отношениями пороков. А без твердой веры в победу социализма он не считает себя вправе оставаться коммунистом.

Лучшему другу, Федору Дятлову, Ипполит сообщает о своем решении выйти из партии. На Дятлова это действует ошеломляюще. Он сам начинает терять почву под ногами. Решить их сомнения может только Ленин.

И Дятлов приводит Ипполита к Ленину. Их приход и даже те вопросы, с которыми они пришли, вовсе не оказались для Ленина неожиданными. Он встречает обоих друзей так, словно давно ждал их.

«Ленин. Ну-те-с, кто начнет?»

Сообщение Дятлова о том, что Ипполит выходит из партии, не вызывает у Ленина удивления.

«Ленин. Запишем. Дальше. А вы, надеюсь, не выходите?»

И только когда выясняется, что и у Дятлова появилась какая-то неуверенность, какие-то «но», Ленина охватывает возмущение.

«Ленин. Вы и «но» — это несовместимо. Чудовищно! Вы меня убили, товарищ Дятлов».

В самом деле. немудрено, что напряженная момента не вынес Ипполит — человек честный, но вовсе не железный да к тому же склонный к рефлексии. Но то, что сомнения появились у Дятлова, у пролетария, который является основой партии, ее костяком, означает, что ожившие остатки старого мира сумели нанести немалый нравственный ущерб строителям нового общества. И это не может не вызвать у Ленина серьезного беспокойства.

В дальнейшем ходе разговора, когда Ленин разъясняет Дятлову и Ипполиту смысл происходящего, живо раскрывается то замечательное его качество, которое очень точно определил в первых сценах на заводе мастер Сухожилов: «Удивительно не то, что вы жизнь верно подмечаете. Мне удивительно то, что все свои заметки вы на политику поворачиваете».

В разговоре с Дятловым Ленин внимательно прислушивается к тому, что говорит собеседник, и, как будто не выходя из пределов факта, вскрывает его широкую политическую сущность.

«Дятлов. Я живу в гневе... Как будто у меня горячка. К нам на двор среди бела дня являются подлинные буржуа.

Ленин (чуть улыбнувшись). Буржуи.

Дятлов. Да, правильней — буржуи. С иголки... упитые.

Ленин. Упитанные.

Дятлов. Неужто вам смешно?

Ленин. Я только уточняю. Являются упитанные буржуи... И что же они делают?

Дятлов. Они желают пустить маргаринный завод.

Ленин. Прекрасно.

Дятлов. Я не понимаю, что вы говорите.

Ленин. Я говорю: прекрасно. Не спекуляциями занимаются, а живым делом.

Дятлов. Какое дело?... Маргарин... даже не жир... подделка.

Ленин. Милый Дятлов, вы поймите, мы с семнадцатого года голодаем.

Дятлов. Тогда молчу».

Но Ленина не устраивает молчание Дятлова. Он заставляет его «выговариваться». И сам подводит его к наиболее существенному.

В ходе разговора Дятлов рассказывает Ленину о капиталисте Гвоздилине, который сбежал от энка за границу. Для самого Дятлова это всего лишь интересный и несколько загадочный факт. Ленин помогает ему увидеть существо факта.

«Ленин (весело). И сбежал! Молодец. Умный. Умных капиталистов мало. Опыт есть, знаний масса, а ума нет. А этот очень умный. Угадайте, что он понял?

Дятлов. Что нэп есть передышка.

Ленин. Не то. Готов пари держать. Он понял, что большевики кончили отступать. Вот в чем весь гвоздь. Передышка еще ничего не означает, передышка может превратиться в поражение, в сдачу всех позиций, в гибель... А он увидел, что отступ-

ление кончено и ждать нечего. Замечательный капиталист. Я показывал бы его в Музее революции».

История Гвоздила в освещении Ленина настолько выразительна, что теперь и Сестрорецкий находит в ней опору для преодоления своего трудного внутреннего конфликта. Ведь это реальные, весьма весомые факты, которые убеждают в том, что отступление кончилось. И хотя еще не все до конца ясно Ипполиту, он, тем не менее, все больше убеждается в том, что его сомнения лишены оснований. Выход из партии теперь ему самому представляется изменой.

Он уходит от Ленина, унося в душе новую душевную драму: презрение к самому себе, к своей слабости. Но это не та драма, которая, по его собственным словам, «ведет в кабак, в запой, на перекладину с веревкой». Теперь он вернется в партию закалившимся и еще более стойким.

Следует сказать, однако, что все эти персонажи, в общении с которыми многогранно раскрывается характер Ленина, как самостоятельные художественные образы более слабы, чем герои двух предыдущих пьес Погодина.

В «Человеке с ружьем» есть фигуры схематичные и бледные. Бесцветны, например, образы Сибирцева и его соратников. Слабо удался драматургу и образ одного из главных действующих лиц, рабочего Чибисова. Но все эти недостатки компенсируются необычайной колоритностью Шадрина. Вступая во взаимодействие с этим героем, оживают даже самые схематичные персонажи. А если учесть, что без участия Шадрина обходятся только две картины из тринадцати, то ясно, что схематичность отдельных персонажей по крайней мере не слишком резко бросается в глаза.

В «Кремлевских курантах» изображение Ленина основано в большой мере на эмоциональном и психологическом восприятии его другими персонажами. И поэтому с предельной внимательностью относится Погодин к каждому из этих героев. Даже такие эпизодические персонажи, как Казанок, Анна, Степка, нищая, рельефны и достаточно индивидуализированы.

Иное дело в «Третьей патетической».

Здесь все внимание сосредоточено на образе Ленина, на раскрытии изнутри его мыслей, чувств, настроений. Большинство персонажей пьесы, включая главных, необходимо драматургу преимущественно

для характеристики социального и политического фона. В раскрытии внутреннего мира главного героя они участвуют косвенно. Видимо, поэтому ни один из них не запечатлевается в душе так же отчетливо, как, например, Шадрин или Рыбаков.

Для того, кто помнит Рыбакова и его любовь к Маше Забелиной, девушке иного социального круга, кому знакомы «Вихри враждебные», где повторяется этот же мотив, сюжетная линия Дятлова в этой своей части не нова. Кроме того, Дятлов вообще не обладает той цельностью, той душевной определенностью, какая была свойственна его литературным собратьям, Рыбакову и даже Веснину.

Ипполит поразил Ленина умелой организацией трудового процесса на заводе. Но утверждение о талантливости и умелости этого инженера ничем не подкреплено в пьесе. Как талантливый мастер он остается за пределами сцены. Его преданность партии тоже не подтверждается какими-либо определенными поступками. Поэтому зритель вряд ли может разделить недоумение и боль Дятлова: если такие люди покидают партию, то что же тогда и думать?

Тонко задуманы, но как-то слишком бегло, не до конца показаны образы Гвоздила и его дочери Насти.

Художник Кумакин изображен так, что в одних сценах его воспринимаешь как очень ограниченного человека и охотно соглашаешься с заявлением Ипполита: «ты безнадежно туп», а в других обнаруживаешь в нем незаурядный ум и не можешь не согласиться с утверждением Дятлова: «Умен ведь! Вот ведь горе». Одно дело — противоречивый человеческий характер. Другое — неопределенный художественный образ.

Но, повторяем, здесь, в «Третьей патетической», главной целью драматурга было всесторонне, с наибольшим психологическим углублением запечатлеть образ Владимира Ильича, и цель эта им в основном достигнута.

Все три погодинские пьесы резко отличны одна от другой своими жанровыми особенностями, своим колоритом.

Для «Человека с ружьем» характерна атмосфера нарастающей праздничности победы, радости человеческого обновления, характерно неуправляемое движение вперед, ввысь, движение, не омрачаемое

никакими драматическими событиями и тепло окрашенное юмором.

Действие «Кремлевских курантов» развивается гораздо более спокойно, чем действие «Человека с ружьем». По своему эмоционально-психологическому строю эта пьеса приближается к лирической драме, хотя лирике здесь приходится пробиваться сквозь суровость обстановки первых после-революционных лет. На смену юмору и ликованию «Человека с ружьем» приходит задушевность. Юмор здесь не всегда уместен, и драматург позволяет его себе очень редко.

«Третью патетическую» Погодин назвал трагедийным представлением. И это, пожалуй, точное наименование. Трагедийность драмы определяется прежде всего финалом — смертью главного героя, Владимира Ильича Ленина. Но право называться трагедией эта пьеса заслужила и своим большим философским содержанием, попытками именно философски осмыслить крайне острый драматический момент («кто — кого?» — говорил об этом моменте Ленин) в истории нашего государства.

Смерть Ленина передана в пьесе всего несколькими репликами героев, короткими репликами, в которых больше скрытых эмоций, чем непосредственно выраженных чувств. Но эти реплики сопровождаются сценами-воспоминаниями, которые как будто рождены общей памятью коллектива, потрясенного горем. Одна за другой возникают картины недавнего прошлого: вот Ленин идет по ковру в красном уголке завода, шутит с Сухожиловым и Прошкой,

а вот он выходит из Смольного, «стремительный и радостный», и несколькими словами вызывает необычайный душевный подъем у поникших было Дятлова и Ипполита Сестрорецкого.

Этими воспоминаниями, зовущими в будущее, завершается «Третья патетическая». Ленин не уходит из пьесы. Он остается. Он открывает дорогу в завтра.

Тема Ленина звучит в каждой новой пьесе Н. Погодина со все возрастающей силой, со все более захватывающим драматическим напряжением. Конечно, его пьесы не исчерпывают собой все возможности воссоздания замечательного образа. Но то, что уже сегодня сделано драматургом, заслуживает самой горячей нашей признательности и благодарности.

Можно со временем забыть подробности тех или иных исторических событий первых лет Октября, но никогда не сотрутся из нашей памяти черты вождя, бессмертного учителя, самого человеческого человека. И дело здесь не в том, что Ленин был человеком, неповторимо сочетавшим в себе лучшие человеческие качества. Для советского человека он всегда есть и будет. Его труды остаются для нас неисчерпаемым источником знаний, сил, политической зоркости, бдительности. А образ его, созданный лучшими художниками нашей эпохи, постоянно будет звать нас к нравственной чистоте и цельности, к неугасаемой любви к народу и самоотверженной борьбе с врагами его, к самозабвенной преданности идеям коммунизма.

В. СУРВИЛЛО

★

НА ПУТЯХ РОМАНТИКИ

Всегда, когда заходит речь или ведется спор о реализме, неизбежно всплывает вопрос о романтике, о ее сочетании с реализмом, о той или иной форме такого сочетания, об элементах романтизма в реалистическом произведении, или о романтической струе в нем, или о романтическом его звучании, или, наконец, о романтической вариации реализма. Пока теоретики теоретизируют, практики применяют самые разнообразные виды указанных сочетаний, но не всегда результаты их поисков своевременно попадают в поле зрения теоретиков. Между тем внимательное исследование некоторых образцов таких сочетаний может оказаться небесполезным и дать материал для спора. Одним из произведений подобного рода является, на наш взгляд, роман, уже самое заглавие которого имеет стародавнюю романтическую традицию: это роман В. Очеретина «Саламандра» («Октябрь», 1958, №№ 10, 11, 12). Его интрига напряжена, его герои совершают неожиданные и необычные поступки, в нем есть и черное злодейство и патетические взлеты, в нем есть тайна. Читая роман, нужно все время быть настороже: иная деталь покажется совсем незначительной, а между тем, когда раскроется тайна и все осветится новым светом, станет ясно — это был знак. Вместе с тем это роман производственный, если не бояться этого термина, все его герои — работники электросталеплавильного цеха одного уральского завода, к тому же это роман современной темы, причем темы чрезвычайно важной и значительной: в нем рассказывается, как коммунисты завода восстанавливают и развивают ленинские нормы партийной и производственной работы. Решение темы уже вызвало высокую похвалу в критике: в «Литературе и жизни» (1959, № 11) в статье Ю. Прокушева «Саламанд-

ра» отнесена к числу произведений, в которых «действуют, борются, смело ведут за собой массы, как признанные народом вожаки, по-настоящему живые, художественно полнокровные образы коммунистов». Очевидно, наш выбор этого романа для разбора оправдан, а раз так, то, занимаясь им, не следует бояться впасть даже, может быть, в кропотливость.

Но прежде два слова о важном для наших наблюдений критерии правдивости, о том понимании правдивости, на какое статья будет опираться, и тех допущениях, какие будут считаться правильными в случаях отступления образов от бытового правдоподобия.

П. С. Трофимов в книге «Вопросы марксистско-ленинской эстетики» пишет о заключительном эпизоде сценария А. Довженко, в котором гайдамаки расстреливают украинского рабочего, а он стоит живой: «Невозможно поверить, что живой человек, сорвавший с себя последнюю рубашку, неуязвим для вражеских пуль, пушенных в него в упор». Прежде всего надо внести одно успокоительное уточнение: в том варианте, которым пользуется П. С. Трофимов, сказано: «Разорвал Тимош рубашку на груди и застыл». В варианте более позднем, которым пользуемся мы, «Тимош выпрямился, разорвал на груди сорочку и стал, как железный». Рубашка не сорвана, а разорвана, и неизвестно, не защищает ли героя другая, если именно это подрывает веру критика в эпизод. Разорвать на груди рубашку — это жест неистовства, гордого вызова, бесстрашия, этот жест участвует в создании романтического образа, и нельзя подменной его разрушать образ, приговаривая «не верю».

«Заело пулемет у Тимоша.

Разъяренный Тимош топчет пулемет, выпрямляется.

Камень бросает в наступающего врага.

— Стой! — кричат гайдамаки, опешив.— Кто у пулемета?

— Украинский рабочий. Стреляй! — Тимош выпрямился, разорвал на груди сорочку и стал, как железный. Страшной ненавистью и гневом сверкают глаза.

Три залпа дали по нему гайдамаки и, видя тщетность убогих выстрелов своих, закричали в смятении:

— Па да й! Па да й!..

И исчезли.

Стоит Тимош — украинский рабочий.

Неправдиво? Самое надежное средство установить, правдив образ или нет, — сличение его с действительностью. Что говорит действительность? Она говорит, что гайдамаки действительно исчезли, а украинский рабочий действительно живет. Но тогда остается выяснить, что же побудило нас смотреть на действительность при сличении с ней образа именно в этом плане, в плане широкого социального охвата, разглядывать в действительности не судьбы отдельных людей, подвластных законам природы, а судьбы классов, подвластных законам истории? К этому побуждает характер образа. Как удалось художнику придать образу этот характер, перевести образ из одного плана в другой, преобразить образ Тимофея Стояна, молодого солдата с ясной улыбкой, в образ украинского рабочего класса — это требует анализа. При таком анализе мы, наверно, обратили бы, например, внимание на эпизод гибели поезда, мчавшегося с ужасающей скоростью без машиниста и врезавшегося в строения вокзала, мы всмотрелись бы вновь в Тимоша Стояна, поднявшегося из-под груды дымящихся обломков, вставшего над телами обугленных солдат, и вспомнили бы, что при первом чтении, хотя и было у нас в запасе объяснение спасения Тимоша счастливой случайностью, нам как-то даже и не понадобилось шевелить этот запас. А затем мы проследили бы, как из строчки в строчку вырастает перед нами образ представителя класса, вожака класса и, наконец, класса В заключительном эпизоде идут расстрелы Падают рабочие. Где отец? Где муж? Где сын? Где слесарь? Где кузнецы? Падают расстреливаемые. Идет уничтожение. А Тимош стоит. Стоит Тимош, украинский рабочий.

Когда мы слышим фразу: «украинского рабочего нельзя расстрелять», мы понимаем, о чем идет речь, и никому не придет в голову заявить, что в это невозможно поверить, и осудить фразу, хотя в ней, как в зародыше, содержится и «социологическая абстракция», и «безжизненная аллегория», и символ.

Романтический образ Тимоша правдив. А какой не правдив? Тот, который предложен П. С. Трофимовым. Предположим, что эта сцена выглядела бы примерно так.

Тимош топчет пулемет, от боли подпрыгивает на одной ноге и морщится.

Потом он посмотрел на ружья, наведенные на него гайдамаками, и крикнул:

— Стой, братцы!

Сорвал с себя сорочку и сказал:

— Братцы, это последняя моя рубаша, перешлите ее в Полтаву, по адресу Старый переулок, дом пять, матери. Стреляйте!

И умер горячо любящий свою мать Тимош под выстрелами гайдамаков.

Главное в идее П. С. Трофимова сохранено: последняя рубаша сорвана. И этот образ по-своему героичен (стреляйте!), есть в нем живость (прыжки), есть простота (братцы!), есть мужественная любовь к родной матери. Допустим, что образ выписан талантливее, чем нами, но в этом же плане, — все равно в него невозможно будет поверить. Он решительно выпадает из плана повествования, его нынешнее развитие противоречит всему предшествующему, и поэтому (а не по причине, скажем, бездарности) он абсолютно лжив, хотя все в нем сбыточно.

Просим терпеливого снисхождения к придуманному нами неуклюжему примеру: его следует рассматривать как лабораторный инвентарь, он нам пригодится.

Теперь перейдем к «Саламандре».

В первых ее эпизодах романтическое звучание мало различимо. Вот разве это совпадение: парень едва не утонул в озере, запутавшись в длинных водорослях — «русалочьих волосах», а когда выбрался на берег, то там девушка отжимала длинные свои, тоже как бы русалочьи волосы, — может быть, это что-нибудь предвещает? Пока это еще не ясно.

Но вот первый отчетливый всплеск романтической волны. Всплеск — это нужно понимать почти буквально: в группе коммунистов, пришедших на отчетно-перевыборное партийное собрание, внезапно прозвуча-

ла звонкая пощечина. Это старый член партии Бушуева ударила начальника электросталеплавильного цеха коммуниста Баклеева. Она только что разговаривала с секретарем парторганизации цеха Светличным, допытываясь, когда же он поставит на бюро вопрос о скверной выходке Баклеева, непристойно обругавшего работницу. Секретарь ответил, что срок полномочий бюро, в которое входила и Бушуева, истек, и теперь это не ее дело. Бушуева теряет самообладание, поворачивается и дает пощечину Баклееву. Похоже, что в последнее время в нашей литературе пощечина приобретает прочность традиционного художественного приема для разрешения различных конфликтов. В данном случае чисто художественная природа ее подчеркивается тем, что в дальнейшем к этой пощечине повествование не возвращается: не будет ни страстных споров вокруг пощечины, ни психологических терзаний у субъекта и объекта пощечины, ни мучительных поисков правильных решений по вопросу о пощечине — ничего не будет, будет так, словно никакой пощечины не было, — все, что можно из нее извлечь, уже извлечено. А извлечено немало: извлечен эффект сенсационности, этого старого испытанного оружия из арсенала определенной ветви романтизма. Этот случай совсем не похож на случай из «Арсенала» Довженко. Это особый случай: это не романтика действительности, а романтика чисто внешних эффектов.

А далее повествование возвращается в обычное русло обычной жизни. На собрании выбирают новое бюро, и секретарем вместо бюрократа и формалиста Светличного становится инженер Кузьма Порошин. Мы его уже немного знаем. Кажется, Светличный умышленно назначил на эту неделю партийное собрание в расчете на то, что Порошин уедет в отпуск. Но Порошин пожертвовал отпуском, отправил в деревню жену с двумя маленькими детьми, а сам остался. Это преданный партийному долгу человек, с ясным умом, чистым и любящим сердцем, очень простой, совершенно лишенный и малейшего признака формализма. Привлекательны и внушают уважение и интерес к нему размышления, с какими он приступает к обязанностям секретаря парторганизации сталеплавильного цеха. Это, как бы его программа, которая вместе с тем является и программой романа: «...парторганизация не должна быть в подчиненном

положении у администрации, иначе — бюрократизм, голая команда, копирование буржуазных методов хозяйствования». Главное — развивать инициативу масс, уметь формировать коллектив и каждого человека в нем, а это значит глубоко изучить каждого. Вырисовывается очень привлекательный и интересный образ партийного секретаря.

Но вдруг на пути повествования возникает новый порог, в новом бурлении вскипает романтическая волна, и из пены вод появляется новый герой, почти витязь. Он спасает ребенка от похищения. Здесь, на одной из станций под Свердловском. Ребенок — это дочурка Кузьмы Порошина, нового секретаря парторганизации сталеплавильного цеха. Спаситель — едущий на работу в этом цехе инженер Пономарев. Он увидел, что какой-то человек уводит девочку от поезда, и предотвратил преступление. Мать ребенка, жена Порошина, тоже коммунистка и тоже работник завода, потрясена и благородным поступком и только что миновавшей опасностью. Ей объяснили в вагоне: у нас в стране есть женщины, лишённые возможности выйти замуж из-за недостатка женихов, и они нанимают людей для похищения понравившегося им ребенка. Обо всем этом взволнованная и почти влюбленная в спасителя жена Порошина рассказала мужу по прибытии в Свердловск.

Теперь читателю нужно пробудить все дремлющие в нем романтические инстинкты и поверить, обязательно поверить в то, что герои произведения, отбрасывая сомнения, допускают возможность всего случившегося, причем эти герои — совершенно нормальные, трезвые, разумные люди. Перед читателем два пути: либо признать, что в нашей жизни такие случаи возможны и нет у нас иных путей усыновить ребенка, кроме похищения, и материнские инстинкты таковы, что приобретают канибальские формы; либо, если согласиться с этим он не в силах, то признать, что герои романа — совсем не те люди, за каких он их принимал, что это вздорные, падкие на сплетни паникеры, готовые поверить любым небылицам о советской действительности. Лица героев перекосило романтической судорогой до неузнаваемости, увлеченный романтикой автор безжалостно губит свой собственный замысел. Произошло совершенно то же, что с придуманным нами примером по поводу рубашки Тимоша, только там бытовой

домысел ломал и корежил высокий романтический образ, а здесь дурной романтический домысел уродует реалистическое изображение.

Чтобы устранить и это различие, а главное, для того, чтобы показать всю губительность произвольного смещения стилей, остановимся на одном эпизоде из произведения, более значительного по масштабу событий и охвату действительности, чем «Саламандра», и, может быть, поэтому более показательном в интересующем нас отношении — на эпизоде исхода колхозников из деревни в романе Ф. Панферова «Раздумье», ни в коей мере не ставя себе целью подвергнуть разбору и оценке роман в целом.

Секретарь обкома Аким Морев проводит ночь в глубоком раздумье у костра на берегу Волги. На заре его отвлекли от дум непонятные шумы со стороны оврага. Он пошел к оврагу и увидел навеки поразившую его картину. По тропам оврага шли люди. На плечах у них узлы с домашней утварью, на руках у женщин грудные дети, блеют козы, лают собаки, семят босоногие ребятишки. Идут, прячась в овраге. В глазах их нет ни злобы, ни ненависти. Каждый, поравнявшись с Моревым, смотрит на него раздумчиво, как бы спрашивая:

«Зачем это?»

«Кому это надо?»

«Во имя чего нас оторвали от родных мест?»

Аким Морев был перед этим в колхозе «Партизан». Там он застал полное разорение, возмутительный произвол и насилие, чинимые председателем сельсовета и председателем колхоза — пьяницами и ворами. Когда он уехал из колхоза, Гаранин, председатель сельсовета, «приступил заново хребты ломать» народу и заявил, что Аким Морев предоставил ему всю полноту власти. И вот теперь колхозники не только «Партизана», а и других колхозов тайком бегут с домашним скарбом, детьми и козами прочь из этих мест. И ни злобы, ни ненависти в их глазах. Почему же? Как могут относиться они без злобы и ненависти к мерзавцу, ломавшему их хребты, разорителю, пьянице и хищнику? Ведь не может же быть, чтобы писатель хотел изобразить черты покорного рабства.

Нет, не людей, впавших в состояние рабской покорности, хотел изобразить писатель. Дело заключается в том, что колхозники в этой картине впали в состояние

монументальности. «Куда это вы?» — взывает секретарь обкома. «И откуда?» — «А тебе чего, мил или зол человек? — Из толпы выделился старик крупного телосложения и, опершись на суховатую палку, встал перед Акимом Моревым».

Это был инный склад. Этот старик с посохом — не старейшина ли племени, не волхвы ли? Волхвы не боятся могучих владык.

«Паспорта? Нет их у нас. А куда идем? К нашим братьям — рабочим... Автомобили они мастерят... для вас... А мы привычны... пешочком. Ну, и что тебе от нас?»

— Я секретарь обкома Морев. Ваш слуга.

— А-а-а! — понеслось из толпы...»

Что-то очень мешает надлежащему эстетическому восприятию этой драматической картины. Что же именно? Может быть, разноречивой в языке? Сочетание величавого лада с паспортами и автомобилями? Не работала машина, сортирующая слова? ¹ Нет, не в этом дело. По крайней мере не все дело в этом. Художник может отбирать для своей цели слова и одного стилистического ряда и разных лексических пластов, достигая прекрасных результатов. Нужно, конечно, при этом следить, чтобы слова не вписались, «как репы в телячий хвост», по выражению одного персонажа «Раздумья». Так или иначе, одними языковыми погрешностями нельзя объяснить литературную неубедительность эпизода. Тут причина в чем-то другом.

Морев задуман как положительный образ. У него все данные, как говорит академик Бахарев, для того, чтобы быть секретарем обкома. Он «стремился во всю меру сил проявить свое дарование общественного деятеля... Такое проявление было основой основ его личной жизни». Это человек большого ума и чуткого сердца. Когда он увидел ужасную картину оскудения в колхозе «Партизан», он плакал неудержимыми слезами. Он быстро разобрался в положении дел в колхозе. Во главе колхоза стояли негодяи и жулики. Он говорил с ними, еще и еще раз он убедился в их преступности. Он был в домах двух колхозников, видел нищету их и именно тогда за-

¹ Эта машина предложена одним литератором, писавшим о «Раздумье». «Однако временами кажется, — говорил он, — что машина, которая сортировала слова для романа, работала с перебоями». Изобретение по непонятным причинам замалчивается нашей критикой.

плакал. Узнав, что руководители колхоза скрывают от колхозников решения Пленума ЦК, он рассказал колхознице об этих решениях. Может быть, он собрал всех колхозников и им рассказал о решениях Пленума? Нет, вот этого он не сделал. Может быть, он собрал их для того, чтобы убедить их выбрать другого председателя колхоза, а этого немедленно отстранить? И этого он не сделал. Так что же сделал он? Он... уехал. Но какой партийный работник, не одаренный, а самый средний, даже очень медлительный и склонный к раздумью, какой секретарь райкома ли, или обкома мог бы сделать это, мог бы в этих условиях уклониться от встречи с колхозниками, не с одним-двумя, а с коллективом, и ничем не помочь им? Морев дискредитировал себя этим. Он знал, что его предшественник был в свое время в этом колхозе, пропьянствовал с председателем колхоза ночь и уехал восвояси. Секретарь обкома не мог не знать, что, если и он сделает то же самое, хотя бы и не пьянствуя, все равно его пассивное отношение к преступникам может быть расценено как солидарность с ними и будет ими использовано. Так и случилось. Поведение Морева, в сущности, и вызвало шествие колхозников. Если бы Морев не вел себя так, как вел, не было бы романтической сцены в овраге. Теперь, когда она создана, Морев возвращается в колхоз уже как романтический герой и в возвышенно-романтической сцене делает то, чего не сделал по-будничному.

Ради монументальности Морева принесены в жертву нормы поведения обычного, реального секретаря обкома. Образ Морева показан в двух планах и этим разорван надвое.

Вернемся к «Саламандре». Чтобы понять глубину романтической истории с похищением ребенка, приходится преждевременно раскрыть ту тайну, которой предназначено томить и волновать читателя на протяжении всего романа. Пономарев, новоприбывший инженер, член партии, обаятельной внешности человек, располагающий к себе с первого взгляда, — иностранный шпион. Но он послан в Советский Союз не для того, чтобы шпионить и осуществлять диверсии, это как раз ему запрещено, он послан «на консервацию», с единственным заданием — вжиться в советскую действительность. Вырисовывается не лишенный интереса замысел. Образ тайного врага, не совершающего никаких враждебных

действий, включается в обстановку, в которой ведется борьба между двумя противоположными линиями общественной деятельности — формально-бюрократической, представленной Светличным, и подлинно партийной, представленной Порошиным. Каждая из них может быть теперь проверена делом — делом распознавания тайного врага. Он воспитан и вся психика его сформирована буржуазным строем. Но он хорошо, до тонкости, знает условия жизни, быт и отношения между людьми советского строя. Разоблачение путем раскрытия его преступных замыслов, методами разведки, исключено, таких замыслов нет и никаких сношений с пославшими его он не имеет. Для разоблачения его лишь один путь: распознать его душу. Но Порошин как раз и ставит своей задачей создать в партийной, общественной и производственной жизни такие условия, чтобы душа каждого человека раскрылась, чтобы раскрылись все ее богатства. Раскроется ли в этих условиях гнилость души врага?

Светличный и Порошин резко противопоставлены друг другу как отрицательный и положительный типы. В такой расстановке много опасности. При создании отрицательных образов выбор красок свободнее, тут не так страшны преувеличения, безмерность зла; положительный образ чувствительнее к несоблюдению меры. Так подсказывает действительность. В самом деле, людские положительные качества обладают, как известно, свойством переходить в свою противоположность, если их преувеличить дальше определенных границ: бдительность, например, становится тогда подозрительностью, общительность — бестактной назойливостью. Отрицательные же качества, скажем, недоброжелательство или завистливость, сколько их ни наращивай, в достоинства не переходят. Но с отрицательными качествами — другие хлопоты. Гротесковые образы, включаемые в произведение с героями нормального масштаба, не терпят мирного с ними сосуществования. Что делать положительным персонажам с типами, из которых отрицательность фонтанирует? Не замечать ее? В таком случае у положительного героя возникает не положенное ему свойство: глупость. Вскрывать? Но это значит ломиться в открытую дверь, что тоже не умно. Ужиться? Но герой, уживающийся с неприкрытой низостью, неполноценен. Устранить, победив в короткой борьбе? Ро-

ман требует долгой борьбы. В «Раздумье» обком бесконечно долго возится с Сухожилиным, его неумоимо разоблачают на заседаниях бюро, а между тем он и без того шеголяет совершенно нагой и бесстыже кажет свой догматизм и свою низость. Сухожилин необходим для изложения в полемике с ним правильных политических идей и для напряженности коллизии. Но затянувшееся сожительство с гротесковым отрицательным героем компрометирует положительных. Сухожилин явно «передержан».

Неоправданным нагромождением отрицательных качеств страдает и Светличный в «Саламандре». Но он не столь сильно компрометирует Порошина, так как Порошин и его товарищи стараются отвязаться от него, хотя бессильны это сделать: его руку держит секретарь общезаводского парткома, это, следовательно, марает того, но фигура эта так далеко отодвинута на второй план, что трудно разглядеть ее.

Как мы уже говорили, Порошин по-настоящему привлекателен — во всех тех случаях, когда его образ не искажается романтическими «перегибами». А это, к сожалению, бывает нередко. Одной из самых привлекательных особенностей Порошина является органически свойственный ему демократизм, простота, отсутствие претензий и апломба. Вот одно из частных, но характерных проявлений этих свойств: он играет на баяне, и хотя он уже и отец семейства, и инженер, и секретарь парторганизации, но он легко откликается на просьбы участвовать в качестве баяниста на массовках и клубных вечерах, не боясь «потерять лицо» и не обращающая внимания на ухмылки недоброжелателей. Это идет к нему. Все бы хорошо, не будь у достоинств неприятной способности переходить при неумеренном развитии в недостатки. И вот однажды секретарь парторганизации выступает баянистом в дачном поезде ради денег. У него их не было на проезд. Других, менее романтических способов выйти из положения он не нашел. Разыскать в поезде знающих его людей (они, как оказалось после, были), ехать без билета, пойти на штраф — все это недостаточно колоритно. А ведь ради колорита вся эта история и придумана. Опять романтическое сочинительство.

А вот еще: Порошин поручил коммунисту, старому рабочему Василию Ивановичу Крутых взять на себя шефство над молодежью, живущей в общежитии, Крутых

горячо взялся за это и скоро завоевал любовь своих подопечных. В частности, он подал мысль об общей кассе: ребята отдавали ему свои лишние деньги, а он регулировал, когда кому и что покупать. Это дошло до Светличного, и профком эту «черную кассу» осудил. Оскорбленный Крутых роздал ребятам их взносы, а на следующий день не вышел на работу. Ребята, получив по пятисот и больше рублей, запили. Лучшая бригада Федора Казакова вышла было на работу, но тут же бросила ее и пошла пьянствовать, оставив одинокого бригадира у печи; и он бы пошел, «да партбилета жалко». Одиноко и бессмысленно стоящего у печи бригадира и застал Порошин, когда пришел в цех. Разузнав обо всем и с трудом сдержав негодование, он твердо пообещал поправить Светличного на партбюро. Окрыленный бригадир побежал за бригадой, а Порошин набрал рабочих из других смен, и кое-как довел большую плавку до конца. Лишь по окончании смены подвыпившая бригада появилась в цехе во главе с Крутых. Прогульщики дали Порошину честное слово, что это их последний прогул. Концовка: Порошин «увидел сыняк под глазом у Афоня, спросил, отчего. Афоня покрутил поникшей головой. «Говори честно», — шепнул ему Петр Петрович. «Говори, говори!» — добавил Федя. «Я, Кузьма Данилыч, — пробубнил Афоня, — оскорбил Василия Ивановича, назвал его вшивым коммунистом, раз он за себя постоять не может... Ну, Федя и объяснил мне... что будет партбюро».

Афоня, Афоня... Только его, этого мешкотного, добросердечного, недалекого простака, такого забавного в своей неповоротливости, вносящего комически-идиллическую нотку в драматизм событий, только его не доставало в нашем изложении! Теперь все в сборе.

Однако можно ли этот эпизод назвать романтическим да еще с идиллической концовкой? Всмотримся в него.

При ликвидации кассы Крутых роздал девятнадцать тысяч рублей, каждый получил по полтысячи, «а то и больше»; следовательно, участников было около тридцати пяти человек. Так вот: все они покинули работу или только бригада Казакова из четырех человек? Если все, то кто ликвидировал дезорганизацию работы на других участках?

Далее. Степень потрясения участников кассы, потрясения до того, что люди поки-

нули работу, показывает, что касса была им очень дорога. Что значат слова «одна семья», мимоходом оброненные Казаковым? Был ли это зачаток коммуны? Люди получили на руки по полтысячи, «а то и больше» — значит, взносы были не равные, а по финансовой способности; а как они тратились — по потребностям? Речь идет о чем-то очень важном для молодежи, развивается тема воспитания молодежи, почему же далее об этом столь важном для развития темы деле не говорится ни слова?

Далее. Демонстративный уход с работы такого числа рабочих — событие из ряда вон выходящее. Как реагировала на него заводская общественность? Если всю эту историю Порошин замял, то как ему это удалось сделать? Кроме того, событие это едва ли не является крахом всей его предшествующей воспитательной работы; как же он этот крах пережил, что передумал, что предпринял? Разве это событие не использовали против него его противники? Не обеспечивается ли секретарю слишком легкая жизнь — ему все удается и все сходит с рук!

Если нет никакого ответа на все эти вопросы, что остается от события? Только романтическая пенка.

В изложенном эпизоде есть особенность, которую следует приметить. В нем резко ощутима недостоверность ухода героев с работы, ухода по причине, значительность которой сомнительна. Сомнительна же она потому, что не изображены те высокие, подлинно романтические чувства, какие были связаны у героев с этой попыткой наладить какие-то новые формы быта. Если ранее правдивость житейского плана повествования нарушалась романтическими взлетами, то здесь правдивость нарушается недостаточностью романтики. Эта особенность покажет себя и впредь.

Надо полагать, пагубность «романтических сочетаний» для образа Порошина выявлена достаточно. Напомним только, каким недалеким делает его злополучная история с похищением ребенка. Уже и после того, когда вполне выяснится, что это совершенно пустой орех, что эта мистификация Пономарева и неправдоподобна и лишена смысла для мистификатора, Порошин все же будет глубокомысленно находить тут смысл: она, видите ли, дала Пономареву ориентацию. Какую ориентацию, когда дала — останется тайной навеки.

А между тем, если считать с Порошина

коросту романтических «красот», обнаруживаются живые черты целеустремленного партийного работника, воодушевленного прекрасными побуждениями и осуществляющего их... иногда. Ему действительно удалось разжечь инициативу у Федора Казакова и его друзей. Он тактично и лукаво пресекает бюрократические притязания цехового начальства, он не дает хода и обличает формализм Светличного, он горячо любит производство и пользуется каждым случаем, чтобы поработать у печи, он умеет увлечь за собой и того и другого, поставить на ноги третьего. Хороши в романе сцены, в которых показаны радость труда и производственный подъем — опять-таки в той же бригаде Казакова. Это Порошину принадлежит мысль назвать сталь новой марки, которую цех готовится плавить для Академии наук, «Саламандрой», и это словечко пришлось по сердцу молодежи, сделавшей его своим паролем. Но вот однажды, примерно через год после работы в качестве партийного секретаря, он совершенно нечаянно набредает в своем цехе на смену, где царит разболтанность и беспорядок. Это было для него открытием, он не знал этого коллектива. И вдруг обнаруживает, что он действительно всегда имел дело только с пятью-шестью людьми, постоянно теми же. После выборов он поставил перед собой цель — развивать инициативу масс. Где же масса? Никогда и нигде он в связь с массой не вступал — точь-в-точь как Аким Морев в своих разъездах по области. Порошин попросту уклоняется от встречи с массой. Когда умерла Бушуева, старая большевичка, жившая только интересами завода и всю себя отдавшая служению народу, на ее похоронах выступили с речами Светличный и Баклеев, люди, которые мешали ей при жизни. Этим, вероятно, писатель хотел вскрыть их подлость и лицемерие, вызвать к ним отвращение. Но у читателя прежде всего вызывает чувство раздражения и досады поведение Порошина, который допустил эти выступления, хотя в его власти было помешать им, а сам пренебрег возможностью и обязанностью обратиться к массам со словом о преданности и любви к партии, воплощением которых была Бушуева.

За последнее время в литературе нередко появляются образы партийных работников, в которых хорошо проявлены их сердечное отношение к людям, их внимательность, умение поговорить по душам с человеком.

Прекрасные качества. Но ведь партийный руководитель — это прежде всего народный трибун, а это-то качество как раз и прячется от читателя.

Что же касается Порошина, то все становится на место, если мы сумеем, несмотря на противодействие автора, увидеть в нем того, кем он является на самом деле. Он не секретарь парторганизации сталеплавильного цеха, это глубокое недоразумение. Он парторг бригады Казакова из четырех человек и, надо сказать, неплохой парторг. И вот теперь все на месте. Разве только несколько избыточно по временам любопытство к любовным делам своих знакомых, и, главное, любопытство бесцельное: от того, чтобы своевременно предостеречь своего фронтового товарища и друга Марианну Орлову и попытаться предотвратить ее трагическую связь с Пономаревым, он странно уклонился.

Итак, в обстановку борьбы между Светличным и Порошиным, между формализмом и человечностью, попадает Пономарев, самая романтическая по положению фигура произведения, воплощение тайны, которую нужно раскрыть. Что касается Светличного, то характер его отношений с Пономаревым заранее предопределен: Светличный, во всем видящий только форму, внешность, конечно, обольстится Пономаревым и станет его приверженцем и покровителем. Куда большие возможности таятся в отношениях Пономарева с Порошиным и его соратниками, в глухой схватке человеколюбия, с одной стороны, и человеконенавистничества и коварства, тщательно скрытого под идеальной маской, с другой. Здесь можно ожидать напряженных коллизий, трудных раздумий, хитро задуманных ходов и нерасчетливых срывов. Но, увы, ожиданиям сбыться не дано. Причины неудачи, подлинного провала этой сюжетной линии заключаются, во-первых, в крайне несерьезном выборе средств включения романтического героя в будничную действительность, а затем и избличения его и, во-вторых, в бедности, бледности, худосочии романтики, в ее — в данном случае — чисто внешнем характере.

Главной областью, в которой раскроется черствость и бездушие Пономарева, будет область его отношений с женщинами. В одном случае поступком, разоблачающим его низость, является оплата им короткой любовной встречи с полузнакомой женщиной: он, уходя от нее, оставил ей пять-

десять рублей. По замыслу, мерзость героя раскрывается в том, что он не разглядел, как искренне, как беззаветно потянулась к нему истосковавшаяся по ласке и счастью женщина, не разглядел же он этого потому, что взращен в мире, где все продается и покупается. Если мы правильно поняли замысел, то он неплох, но для его успешного воплощения нужна большая художественная сила, способная раскрыть прекрасную романтику порыва женщины; если же чувства ее мелки, тщеславны и пошловаты, а поведение слишком торопливо, то замысел не удастся, мерзость и оскорбительность пятидесятирублевки не выявляются с надлежащей силой.

Тусклы и бледны отношения Пономарева с Марианной Орловой — прежде всего потому, что не ясны оба героя. Что к этому времени видит читатель в Пономареве? Он понимает, что Пономарева окутывает какая-то тайна, об этом дают знать постоянные наводящие иносказания. Но суть тайны, то есть то, что герой — вражеский агент, скрыта от читателя и от персонажей романа до его последних страниц. Тайна соблюдается насторожайше, в жертву тайне приносится даже сообразность. Автор ставит своей задачей, не раскрывая тайны, раскрыть вражью натуру, характер своего героя и для этого изображает временами его переживания и размышления; но так как тайну, то есть главное содержание этих размышлений и переживаний, раскрыть нельзя, то герой и наедине с собой, в своих размышлениях, продолжает конспирировать — перед самим собой. Тайна становится тройной тайной: тайной от читателя, тайной от персонажей, тайной от самого себя. Это — новое слово в романтике тайн. Далее. Герой маскируется, но маскировка его вместе с тем должна служить сигналом, что нечто маскируется; таким образом, она должна быть явной, то есть грубой, водевильной; и вот он по-водевильному трусит, когда при нем упоминается о возможности войны, по-водевильному произносит напыщенные тирады, чтобы показать свою идейность. Герой совершает поступки, которые, с одной стороны, не должны его разоблачать как врага, а с другой — именно по ним окружающие должны распознать его враждебность. Задача разрешается тем, что в самых обыденных, бессодержательных поступках персонажи романа глубококомысленно усматривают многозначительное содержание. К этому принуждается и читатель:

по настойчивым указаниям Феди Казакова, ему приходится числить за Пономаревым нелюбовь к людям, как ни курьезны пути, по которым Казаков это распознал (Пономарев однажды покинул пьяную компанию и ушел не в ресторан, как предполагал Казаков, а домой читать книгу, а потом не захотел разговаривать с пьяным Федей); читатель вынужден по настоянию персонажей признать, что Пономарев — плохой и подозрительный человек, ибо, несмотря на свои тридцать лет, он не женат. Читатель видит, что герой глуп, так как произносит напыщенные тирады, фальшь которых невозможно не заметить, но в то же время герой читает лекцию, которая находит живой отклик в сердцах людей, и, следовательно, он не глуп. Насколько можно разобраться во всей этой путанице, это скорее всего жалкий, мелкий человек. И вот его полюбила Марианна Орлова, коммунистка, умница, красавица. Но полюбила ли? Или решила выйти замуж, потому что она уже несколько перестарок, а Пономарев — эффектный мужчина? Она, кажется, добросердечна, но способ, которым она отделалась от соперницы, довольно циничен; она видит непорядочность и нечистоту Пономарева в отношениях с женщинами, но это ее не задевает; она видит недостатки Пономарева и намерена перевоспитать его, но его глупости и мелкокалиберности его чувств не замечает; так умна ли она? И еще раз: любит или расчетлива? Из всех персонажей романа она самый неясный и неопределенный (кроме Пономарева, конечно) образ. И вот эти два самых неясных, сбивчиво изображенных героя с их рассудочной, какой-то предумышленной любовью ведут читателя по романтической тропе к романтическому потрясению. Наверняка можно предсказать, что в конце этого пути читатель будет холоден, равнодушен и насмешлив. Повествованию, расставившему героев по правилам романтики, недостает романтики.

Романтическое произведение романтично не только потому, что в нем даны исключительные герои в исключительных обстоятельствах, но еще и потому, что повествование в нем отличается исключительной эмоциональной насыщенностью и взволнованностью. И подделать, имитировать эту взволнованность нельзя. Такой подделкой является, на наш взгляд, та сцена, в которой Пономарев себя разоблачает.

Делает он это в самой неудачной позе — в лодке на озере, в ясный солнечный день.

Сколько тут помех! Он бросился к ногам Марианны, и лодка чуть не перевернулась. Не сказано, не зачерпнула ли воды. «Обнял ее колени» — так как она сидела, то он, вероятно, и сам стал на колени или сел на дно и так вот, на дне лодки, в тесноте, скорчившись, произносит длинную речь. «Сколько я пережил,— восклицает он,— сколько пережил!.. Я не Пономарев и не Павел...» «Что? — прошептала Марианна и окаменела, отпрянув...» Отпрянуть — значит, отпрыгнуть, отскочить. Как ей удалось отпрыгнуть, если он держал ее за ноги («обнял ее колени»)? И куда она отпрянула — за борт? А если она все же осталась в лодке, то каково ей было каменеть в расколыхавшейся лодке! Сколько неудобств!

Наша критика приняла явно недоброжелательный характер. Признаемся: мы испытываем острое недоброжелательство ко всей этой непереносимо фальшивой сцене. Мы считаем, что наше недоброжелательство порождено доброжелательным отношением к литературе.

Павел гибнет, запугавшись в «русалочьих волосах» — в длинной и тонкой, как волосы, озерной траве. Незадолго до того он обрезал длинные косы Марианны, испытывая свою власть над ней. Теперь он оказался жертвой «русалочьих волос». В первой главе едва не запутался в озерной траве Федор и, стоя на берегу подле Марианны, которая выжимала свои длинные волосы, косился на озерные «русалочьи волосы». Тогда сердце ваше не сжалось от предчувствия беды? Напрасно! Какая многозначительная символика!

Но игра в символику бессильна перекрыть беспомощность в изображении драматизма переживаний героини и холодный прозаизм конспекта автобиографии героя, прочитанного в темпе лихорадочного возбуждения.

В начале романа перед читателем был раскрыт его замысел в форме размышлений и намерений главного героя — Порошина. Там, где повествование обращается к осуществлению этих намерений, оно нередко приобретает живость и становится интересным. Любопытно, что именно в таких случаях, хотя речь и идет подчас о «сухих материях» — о собрании, обсуждающем кандидатуру на звание лучшего бригадира, о работе стенгазеты, о плавке стали новой марки, — именно в этих случаях повествование готово приобрести подлинно романтические черты. Романтика дается тому

художнику, который отличается повышенной восприимчивостью к яркости и красочности самой действительности, который в ее стремительном движении находит силу для полета своей фантазии. Автор «Саламандры», вступая на путь поисков в самой действительности ярких красок для романтического повествования, всякий раз скоро покидает его, словно бы не веря, что жизнь способна дать ему краски желанной яркости. Тогда он начинает раскрашивать действительность, пользуясь заброшенными трафаретами лжеромантизма.

Наше описание образцов некоторых сочетаний реализма с романтикой закончено. Подводя итоги, воспользуемся обиходным в наши дни сравнением. По-видимому, границы отлета фантазии при создании романтического образа крайне широки, возможно, что их и вовсе нет. Но подобно

тому, как спутник или созданная человеком планета может выйти на орбиту лишь при глубоком освоении закономерностей природы, отраженных в науке, подобно этому романтический образ может выйти на орбиту лишь при соблюдении закономерностей действительности, отражаемых искусством. Взлет романтики без соблюдения этих закономерностей, с нарушением законов искусства опасен и может натворить бед на взлетной площадке произведения, уродуя его героев. Что же касается ракет пиротехнического назначения, то и здесь следует соблюдать осторожность, остерегаясь смещения планов, например, драматического и юмористического.

Нельзя играть ни в романтику, ни с романтикой. Романтика — это тоже серьезно. Романтика тоже ищет правды.

ПИСЬМА ИЗ РЕДАКЦИИ

КОНСТ. ФЕДИН

★

К ОБРАЗУ ЛЕНИНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Последнее время мне довелось прочитать две недавно появившиеся книги и отрывок из одной рукописи, касающиеся семьи Ульяновых, близкого окружения Владимира Ильича Ленина и отчасти личности его самого. Книги носят характер воспоминательный, но обе написаны в приемах повести, одна — для юношества, другая — для взрослого читателя. Еще не оконченная рукопись представляет собой тоже повествование, но строится оно на фактическом материале, изученном по литературе, архивам, свидетельствам старожилов Средне-Волжского края.

Объединяя три письма, посланные мною авторам книг и рукописи, я руковожусь не только тем, что эти письма являются рецензиями на тематически сходные работы, но также желанием затронуть ответственное стремление нашей литературы дать читателю художественный образ Ленина.

Создание образа Ленина требует от писателя огромного таланта. У нас еще нет произведения, где этот образ был бы написан большим планом, достойно охватывающим великую миссию человека, который возглавил гением своим социалистическую эру у самого ее почина.

Тем более мы должны любовно дорожить хотя бы небольшими литературными штрихами, верно, не надуманно рисующими отдельные живые черты Ленина. Со временем такие штрихи послужат незаменимым подспорьем художнику, который будет в силах изваять словом законченный образ Ленина — вождя и человека.

В советской литературе можно назвать несколько драгоценных, творчески сильных произведений, помогающих нам составить яркое представление о многих сторонах личности Владимира Ильича. Это относится к литературе воспоминаний о Ленине с его портретом, написанным рукою Горького, с достовернейшими записями Крупской и других соратников и спутников основателя нашего государства. В прозе существуют рассказы и очерки с крупными хорошо наблюденными подробностями из жизни Ленина. В драматургии мы знаем произведения, заложившие талантливую театральную традицию в изображении Ленина, — это касается, например, известных пьес Николая Погодина. В поэзии Владимир Маяковский сделал первый смелый шаг на пути к обобщенному образу Коммунистической партии с ее вдохновителем — в поэме «Владимир Ильич Ленин».

Нет оснований ставить в один ряд с признанными произведениями о Ленине повести, о которых идет речь в моих письмах. Но эти повести говорят о продолжающейся работе над закреплением в литературе образных черт Владимира Ильича, и один этот факт заслуживает внимания. Необходимо, мне кажется, отмечать каждую частичную удачу литератора на этом пути, указывать на успехи и оплошности в решении нелегкой задачи. Наконец, надо поддерживать авторов, берущихся отыскивать новое в истории жизни Ленина, и особенно — на их первых шагах.

Ленин не только наше прошлое. Он — настоящее, он — будущее. Мы ждем писателя, которому посчастливится дать образ Ленина с мощью исторической и художественной правды.

I

Уважаемый Георгий Яковлевич¹,

получил Ваше письмо и вскоре — Вашу книгу, которую прочитал с интересом и радостью за своего земляка, теперь мне хорошо знакомого и — могу с удовольствием сказать — дорогого. Благодарю Вас.

О книге должен сказать следующее.

Вы взялись за большую задачу и, на взгляд мой, решили ее в общем весьма удачно. Мне кажется, среди книг, посвященных семье Ульяновых, Ваши воспоминания займут не только заметное, но хорошее место и сделаются необходимым источником для изучения облика родных и близких В. И. Ленина, его самого в кругу домашних, и всей атмосферы замечательного русского дома, из которого вышли яркие, сильные революционеры, чистые духом люди и сам гений новой эпохи, вождь коммунистического мира.

Никто, вероятно, кроме членов семьи Ульяновых, не мог бы дать читателю так много бытовых подробностей о ее жизни, как дали Вы, судьбою поставленный в особо близкие и нерасторжимые отношения со всеми членами семьи.

Задача Ваша была трудна, потому что требовала достоинства и такта от воспоминателя, обязанного все время не забывать об «исключительности» лиц, о которых он говорит, и в то же время непременно говорить с той простотой, которую эти лица вдохнули во весь уклад своей жизни. Книга Ваша обладает таким достоинством и таким тактом.

Очень важно, что Вы сохранили свой детский взгляд на происшествия, случившиеся с Вами в ребяческие годы, на события, тогда загадочные и непонятные малышу. Вместе с тем Вы в меру дополнили картины детских лет объяснениями событий, понятых, изученных Вами лишь впоследствии, когда Вы стали взрослым. Этого рода объяснения, по неизбежности, звучат иногда публицистично, но содержание их нужно читателю, особенно — юношеству и молодому поколению вообще, привыкшему осмысливать явления политически и не очень полагающемуся на непосредственное восприятие живых фактов.

Однако фактичность воспоминаний Ваших является одним из бесспорно ценных качеств книги: фактов много, они переданы сжато, без украшений или излишеств беллетризации. Там, где Вы вводите документы или отрывки из них, Вам тоже не изменяет чувство меры, — это видно по отбору цитат, касающихся всегда только главной темы любого из эпизодов.

В частности, Вы хорошо сделали, что привели письма в связи с историей усыновления Вашего Елизаровыми, — они объективно рисуют обстоятельства этого акта, изображенного также и с «субъективной» точки зрения мальчика, еще не способного по-настоящему оценить, что же с ним происходит (сцена у нотариуса).

Книга написана искренно, и автор сумел избежать угрозы, стоящей перед сочинителями историй, написанных в подобном жанре — от первого лица малолетнего, — избежать слащавости и умиления. Наоборот, Вы достаточно мужественно рассказали о противоречиях, которые довелось преодолеть и взрослым, и ребенку в осуществлении столь необычного дела, как усыновление мальчика чужой семьей с согласия его здравствующих родителей.

Хорошо различимы оказались нарисованные Вами образы главных действующих лиц Вашей мемуарной повести. Характеры Анны Ильиничны и Марии Ильиничны, набросок портрета их брата Дмитрия и особенно М. Т. Елизаров представляются мне отчетливыми и впечатляющими. Мать В. И. Ленина — Мария Александровна — тоже видна ясно в славных ее чертах мужества, трезвости оценок, жизненной мудрости, хотя написано о ней немного. Ее воспринимаешь во всем обаянии большой, душевной, деятельной жизни и легко дописываешь воображением ее трагедию, ее любовь к детям, и свободу ее глубоких связей с ними, и стойкость в одолении испытаний, которые, кажется, только и могла превозмочь одна из чудесных русских женщин конца XIX века.

¹ Г. Лозгачев-Елизаров, автор книги «Незабываемое». Саратов. 1957.

Наконец, сам Владимир Ильич Ленин.

Насколько образ его сохранил я немеркнущим, по своим личным впечатлениям, насколько сложился он по известным воспоминаниям и по литературе о нем, настолько кажется он мне достоверным в Ваших зарисовках. Главное в них, пожалуй, пластичность облика Владимира Ильича, живость и быстрота его движений — именно «без суетливости», что Вы отмечаете с точностью, — удивительная способность общения с каждым человеком в доступном и свойственном этому человеку ключе. То, что он с Вами, мальчиком, общается ровно так, как можно и должно общаться применительно к Вашему возрасту, познаниям, интересам и применительно к любому данному случаю, — это Вы описали правильно и этим оттенили постоянно сквозящую особенность педагогичной манеры Ленина, по-моему — свойственной ему в большом и в малом. Притом из рассказа Вашего возникает и естественность этой манеры, ее покоряющая легкость и «незаметность». Игры его с Вами, весь бытовой тон домашних сцен даны в книге так, что доверие к правдивости описаний, кажется, ни разу не поколебалось.

Сила повествования в том, что это не посторонний взгляд на семью, а как бы сама семья, рассмотренная любовным глазом изнутри ее жизненных перекрестных связей. Рассмотренная не беспристрастно, а с пристрастием горячего участника этих связей.

Как же написана книга в стилистическом, литературном отношении?

Разумеется, она не могла бы донести до читателя существа своего содержания столь успешно, как я сказал, если бы не одно ее качество, которое — думаю я — надо поставить в заслугу автору.

Вы хорошо расположили материал. Краткость глав делает текст подвижным и энергичным. То, что каждая глава заключает всего один какой-нибудь эпизод, внутренне законченный, все время нагнетает интерес читателя к развитию действия и разнообразит картины. Этот темп и есть достоинство, привлекающее к воспоминаниям со стороны литературной.

Лично для меня книга имеет еще, так сказать, дополнительный интерес, как для Вашего земляка: я нашел в ней много деталей, метко живописующих дореволюционный Саратов, хорошо мне знакомых, красочно верных.

Ну, это понятно: всем нам присущ чувствительный местный патриотизм, особенно когда дело идет о детских наших годах...

Но Вы, Георгий Яковлевич, видимо, еще «молодой» прозаик, и Вам надо будет повнимательнее отработать текст со стороны стиля, когда дойдет до новых изданий Вашей книги.

Вы допускаете иногда тавтологии, напр., в таком духе: «неизбежная необходимость» (стр. 75 и др.). Или вдруг обнаруживаете пристрастие к глаголу «поведать»; этот славянизм, как и другие подобные, вошедшие в моду, имеет мало приятный вкус, и его уж никак нельзя употреблять, когда им просто хотят заменить глагол «сказать». (Вы ведь не напишете: «Идет дождь, — поведал я ему» — а у Вас встречается что-то похожее на стр. 12, 200 и мног. др.). Неверен оборот: «Что-то чертыхнулся» (136). «П р и в я з а н н о с т ь» Вашу к Ленину нельзя назвать «чертой х а р а к т е р а» (184). Есть и прямые ошибки: матрицы не «отливаются» и не «блестят» (они из бумажной массы) — отливаются из металла ф о р м ы по матрицам (79). Вы пишете о гриппе, что он «п о ч е м у - т о» назывался испанкой; автор должен знать — почему (157). Есть неточности описаний, напр., на стр. 73-й, где Вы передаете, как смеялись над человеком, который «если поставит самовар, то наложит в него дров вместо углей, а в трубу нальет воды...» В трубу он наложил дрова...

Все такого рода неловкости портят, тягощат стиль и дадут питательную пищу рецензентам.

Самая слабая глава у Вас — последняя. Вы здесь разъясняете общими фразами без них понятные вещи и вообще сбились с языка всей книги: «...факты эти еще раз свидетельствуют...»; «...помощь явилась результатом...»; «...эпизоды... прекрасно характеризуют...» (192—194). Начало главы совершенно шаблонно.

Но стиль в целом выдержан не плохо, а слабые места исправимы.

Мне стало известно (и м. б. это Вас заинтересует), что одной старой коммунисткой собран обширный материал о пребывании Ленина в Самаре (1889—93 гг.) и о его семье. Она пишет большую книгу об этом, одно из действующих лиц в которой — М. Т. Елизаров. Если захотите, спишитесь с ней...

Желаю Вам здоровья и успеха.

II

Уважаемая Т. Н.¹,

простите, что я подверг Ваше терпение такому долгому испытанию. Понимаю, что это нехорошо и даже жестоко, но вышло это, конечно, не по злой воле или невниманию, а по неизбежности.

Я действительно думал, что сразу по приезде в Москву отвечу Вам; действительно по дороге из К. взялся читать Вашу рукопись. Но в вагоне мне удалось прочитать только «Вступление» и 1-ю главу, а по приезде домой я сразу был захвачен таким множеством, а главное — темпом неотложных обязанностей, что уже не мог выбрать времени на чтение рукописей. Получая Ваши письма... надеялся все же дочитать все главы до конца либо только те, на которых Вы просили остановить внимание, однако и это мне не удалось. Остается только извиниться, что не в состоянии довести дело до конца и выполнить Ваше желание...

Итак, «стоит ли» Вам писать дальше? Мне кажется, Вы не должны в этом сомневаться. Конечно, стоит.

Я уже не говорю о ценности и обилии собранного Вами материала. Судя по тому, что Вы рассказываете в первом своем письме ко мне, Вам удалось обнаружить много до сих пор неизвестных фактов биографии молодого Ленина. Это само по себе драгоценно. Но, кроме того, Вы умеете хорошо рассказать — у Вас есть природное чувство речи и литературный опыт. Подтверждается это ритмом Вашей фразы, без которого литературное произведение вообще невозможно.

Но, разумеется, Вам придется много поработать, к чему Вы, впрочем, готовы.

Жанр исторической хроники избран Вами, думаю, правильно: он дает возможность сочетать повествование с изображением или рассказ о действительно, исторически бывшем с домыслом воображения, с вымышленными образами. В этом смысле жанр очень «свободен». Здесь (как вообще в искусстве, разумеется) важна мера: от того, насколько Вас увлечет «беллетризация», с одной стороны, и насколько Вы будете поддаваться власти фактов, истории, всему подлинно бывшему, зависит успех хроники.

Беллетризация — вещь коварная. Погода, ландшафт, бытовые штрихи, описание внешности человека, всякого рода аксессуары важны не сами по себе. Они, во всяком случае, не облегчают, а затрудняют работу над хроникой. Сочетание факта с вымыслом хорошо, только когда второй служит первому. Пейзаж — не просто перерыв, не антракт между сообщаемыми читателю фактами, но образное воплощение, или уяснение фактов.

Поэтому переходы от одного жанрового вида к другому, швы между повествовательным изложением (сообщением факта) и собственно «беллетристической» или изображением художественным — такие переходы должны быть «к месту», т. е. выверены с точностью в каждом случае.

Вы этого еще не достигли, по крайней мере на страницах, которые я прочитал. Например, Марк едет на станцию, и Вы рисуете его прошлое пером беллетриста. Внезапно перо это Вы отодвигаете в сторону. Следует очерк (информация, в сущности) — биография народовольца А. Ульянова. К очерку примыкает воспоминание Марка о другом Ульянове (с неизбежным — «вдруг встал в памяти»), и, кстати сказать, у читателя создается представление, что «террористическая» группа и есть... марксистская группа «Освобождение труда», — так слился авторский очерк с «воспоминаниями» героя. Но вот Вы отложили в сторону перо очеркиста и снова перешли к беллетристике — пишете о густоте дыма из труб крестьянских изб и пр. (и еще раз кстати: густота дыма из труб едва ли может говорить о достатке крестьян).

¹ Данные об авторе не даются, поскольку он еще продолжает работу. (Ред.)

Переходы не обоснованы художественно, они могут быть передвинуты дальше, ближе — механически, так как отсутствует связь ассоциаций, нет логики искусства, побуждающей перейти от беллетристики к «информации» и обратно именно на том месте, где сделал переход автор.

Об этом хочется сказать Вам на будущее.

Еще один, существенный для прозаика, совет. Побольше конкретности. Образность тем выразительнее, чем точнее, конкретнее назван предмет.

У Вас: «...лошади жуют зерно». Крестьяне готовят «утреннюю пищу...» «Шумели птицы»...

Все это верно, конечно. Но в прозе, вернее — в поэтической прозе художника, требующей зримой ясности, не должно быть родовых понятий, если это не диктуется самой смысловой задачей содержания.

Предметность — необходимое качество образа. Что такое «пища»? Эпитет «утренняя» не делает пищу понятнее читателю, характернее для крестьянина (поелику дело идет о деревне). К тому же для «утренней пищи» существует слово «завтрак». Но и завтрак не конкретен — разные бывают завтраки... Овес лучше зерна. Грачи более уместны, чем птицы. А если не грачи, то о каких птицах говорит автор, употребляя эпитет, определение¹ — «шумели»? Надо это сказать.

Точности, ясности, определительности образа надо учиться у Толстого. А как все конкретно у Чехова! Представить себе невысказанное, чтобы у них кто-нибудь готовил «утреннюю пищу».

Решив «беллетризовать» Вашу хронику, Вы неизбежно возложили на себя долг равняться на хорошую прозу. Потому я и говорю, что Вам придется поработать.

Еще два-три замечания.

Работая, Вы должны помнить, что читатель не обязан знать столько же, сколько знает автор. В данном случае Вы тем более богаты знанием, что открываете (хотите открыть) читателю нечто новое о Ленине. Но если бы Вы даже не открывали ничего нового, то надо помнить, что читатель всегда ждет от книги некоторого «узнавания» нового (на этом покоится правило интриги, возбуждающей интерес чтения).

Пример обратного из Вашей хроники. Вы пишете о 19-летнем Ленине. Он у Вас не только уже «противник народников» (что известно автору и еще не известно читателю), но уже изучил «...расслоение деревни и рост капитализма...» Вероятно, это так. Но читатель не узнал это от Вас, Вы не рассказали (и уж, конечно, не показали), как Ленин изучал расслоение деревни. А ведь это — Ваша прямая цель, задача хроники — рассказать и (раз Вы взялись беллетризовать свое произведение) показать, как же происходило это изучение деревни.

Вы можете мне возразить: это я сделаю, когда Ленин придет с Марком в деревню. Но в таком случае Вы забежали вперед и, во всяком случае, ослабили интерес читателя к узнаванию самой истории изучения Лениным деревни, современной его юношеским годам. Вы пишете об этом так, будто всякий должен знать и понимать, что такое Ленин в 19 лет. Но ведь это Ваша тема! Вы-то уже все изучили, но откуда видна читателю «неразрывная связь» (Ваши слова!) Ленина с землей? Для читателя это — голое утверждение. Со всем этим, с этими словами, безусловными, неоспоримыми для Вас, Вам следовало не спешить: мы, читатели, должны это узнать из рассказа, из действия, из фактов. Вы этого пока (в 1-й главе) не описали... т. е. насчет «связи с землей».

Мне хочется предупредить об опасности длиннот. Вы берете все очень широко. Но рассчитали ли Вы до конца?

Композиция решит дело. От построения и соразмерности глав зависит — победите ли Вы обширный материал или он победит Вас? Слово здесь играет серьезную роль. Не давайте ему затопить хронику. Экономьте слово. Чем скупер на него будете, тем богаче оно Вам оплатит.

Не попадалась ли Вам книга Лозгачева-Елизарова, вышедшая прошедший год в Саратове (Сарат. обл. изд-ство)? Автор — приемный сын четы Елизаровых. Он описы-

¹ Переносу категории эти на глагол — в данном примере он несет их функцию.

вает свое детство и раннюю юность, историю усыновления своего Марком Тимофеевичем в Саратове. В книге показана жизнь мальчика в семье Ульяновых, встречи с Лениным. Многие очень удачно написано; хорошо изображается Владимир Ильич — на редкость живо и похоже. Я не собираюсь ставить книгу Вам в пример во всех отношениях (к тому же описывается другое время — с 1910 до 1924 г., — до смерти Ленина).

Но в одном отношении воспоминания безусловно примечательны. Написанные для юношества, они читаются и взрослыми легко и увлекательно. Объяснение — в композиции: очень короткие и равновеликие главки, причем в каждой изображен только один какой-нибудь эпизод. Недочеты скрадываются таким построением (они есть, — отчасти языковые, а в последней главе и в стиле: автор вдруг сбился на газетную манеру, и слова утратили какое-либо влияние — не воспринимаются).

Библиографу, Вам не составит труда отыскать книгу: ее стоит прочесть, — она лишний раз убеждает в решающем значении композиции.

Вот все, что могу сказать Вам, уважаемая Т. Н.

Желаю Вам успеха в работе. Не бросайте ее: и потраченный уже большой труд, и замысел, и возможности Ваши таковы, что нет основания унывать и терзать себя сомнениями в своих силах, — их хватит.

Только (простите за грубость) не растекайтесь. Хорошо найденное слово дороже десятка и сотни подобранных на ходу. А «сокращать» однажды оконченную работу куда тяжелее, чем писать кратко.

Еще раз извините мое молчание.

Будьте здоровы.

III

Уважаемая Софья Семеновна¹, благодарю Вас за книгу.

Это хорошая, интересная книга. «Комплект «Правды» — лучшая ее часть. Ее можно назвать отличной. Разговор по телефону очень увлекает и даже волнует, потому что Ленин, которого в эпизоде нет, воспринимается таким, каким он — так сказать — «должен был быть» и, конечно, был!

Вообще Ленин во всей книге, по-моему, вполне и убедительно живой. Например, он очень хорошо уходит с концерта. Он был такой, — это мое свидетельское убеждение.

Силу этих маленьких рассказов создает их «воспомятельность», их верность фактам. Думаю, поэтому их можно было бы так и назвать — воспоминания. И, стало быть, Сашу Вешневу заменить ее подлинным именем, то есть переписать книгу «от первого лица».

Что это дало бы? Большую свободу и точность отношения автора к описаниям, изображению. Если бы Вы говорили за себя, а не за Сашу, Вы (кажется мне) избежали бы некоторой — уловимой сейчас — идеальности (чтоб не сказать прикрашенности) образа девушки. Вы говорили бы чуть-чуть строже, и это сделало бы очевиднее наивность и особую прелесть, заключенную в неподготовленности маленькой героини к ее очень серьезной роли. Говоря о себе, автор всегда старается избежать любования, от которого ему гораздо труднее остеречься, если он зашифровывает себя вымышленным лицом.

Разумеется, это можно оспаривать, но я говорю о своем впечатлении от Саши, — впрочем, весьма славной и почти совершенно реальной девушки времен первых лет Октября.

Вы удачно восстановили тогдашний быт — в подробностях, теперь утрачиваемых памятью и абсолютно незнакомых тем, кто тогда не жил или только начинал жить. И это тоже делает книгу воспоминаниями современника. Они у нас так редки, что, появляясь не сочиненными, а в своей доподлинности, поражают больше, чем иные красоты беллетристов.

Ведь Вы не откажетесь от достоверности Марии Ильиничны? Но тогда почему Саша должна изобразить Марию Ильиничну лучше Вас?

¹ С. Виноградская, автор книги «Первые годы». «Советская-Россия». М. 1958.

Пишу Вам так много не потому, что книга вызывает меня на возражения: она и такая, как есть, хороша. Но вот, подите-ка! — никогда так не хочется поправить плохое, как улучшить хорошее!

Одну вещь, впрочем, хотелось бы у Вас поправить. Вы чересчур склонны к определениям и — кажется — не замечаете этого. У Вас есть, например, одна фраза, в которой я насчитал 23 прилагательных (включая причастные). Ими просто засеяны эти двенадцать строк предложения, не поддающиеся прочтению без специальной репетиции, — посмотрите последний абзац на стр. 49-й с переносом на 50-ю. Большой литературный Ваш опыт вряд ли Вам это простит.

Ну, вот и все. Наш брат не может не поворчать.

Как там никак, а книга заставила меня взяться за перо.

Еще раз благодарю Вас. И будьте здоровы. Очень рад за Вашу удачу.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

★

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ю. Буртин. О наших братьях и сестрах.—**Е. Старикова.** Будничный подвиг.—**И. Соколов-Микитов.** Хозяин своей земли.—**Ю. Капусто.** Они остались молодыми.—**В. Дружинин.** Жизнеописание великого норвежца.—**Я. Фрид.** 1815 год, Франция на распутье.

ПОЛИТИКА И НАУКА

Ф. Фомин. Верный страж революции.—**А. Бельская.** Против угрозы атомной войны.—**И. Пешкин.** Две автоматизации.—**В. Утнов.** Непроторенными путями.

Литература и искусство

О наших братьях и сестрах

Роман Ф. Абрамова «Братья и сестры» не принадлежит к тем безупречным произведениям искусства, где все выверено, гармонично, изяшно. Написан он неровно. Вслед за яркой художественной страницей (и таких в романе много, может быть большинство) идет иногда страница маловыразительная и сухая. Автор превосходно знает язык, которым говорят сегодняшние жители северной русской деревни, и мы слышим в романе их настоящую, неподдельную речь во всем ее своеобразии, во всей новизне и неожиданности ее оборотов. Но временами — к концу книги это бывает чаще — речь героев как-то обесцвечивается, теряет свой местный колорит и индивидуальную характерность и становится той «средней» «крестьянской» речью, какой говорят персонажи посредственных книг на сельские темы. Рядом с живыми, воочию увиденными читателем характерами есть в книге лица, так и не ставшие ему знакомыми, хотя они нередко упоминаются писателем.

Стоит пожалеть, что отдельные места в книге Ф. Абрамова ниже ее общего художественного уровня, стоит подосадовать на отдельные шероховатости ее сюжета и сти-

ля. Но не они, к счастью, определяют общее звучание произведения.

Книга Абрамова правдива. Автор знает деревню не из газеты или из книги и не из наблюдений туриста или дачника: знает так, как может знать ее лишь крестьянин, то есть со всех сторон и во все времена года. Пока мы читаем книгу, мы не только помним, что действие происходит в деревне: нет, мы в самом деле живем в ней, впитываем в себя массу деревенских впечатлений, видим краски и формы тех предметов, среди которых проходит жизнь крестьянина, слышим запахи и голоса.

Крестьяне Ф. Абрамова — это действительно современные крестьяне-колхозники, не вчерашние и не завтрашние, что часто бывает в наших книгах о деревне, а именно сегодняшние. Вот как выглядит в романе один из моментов колхозного собрания, на котором члены артели «Новый путь» дают выход накопившемуся в них недовольству bestолковым председателем колхоза Лихачевым:

«— Крой, Дарка, не бойся!

— И не боюсь, бабы! — разошлась Дарья.— У меня два сына на войне, да чтобы я боялась... Старшой-го, Алексей, в каждом письме спрашивает: как да что в

колхозе, дорогие родители? А у нас хоть издохни на поле — все без толку. Как начал ты, Харитон Иванович, подпруги подтягивать, дак чуру не знаешь. Бригадиров по номерам кличешь, а мы лошадей по имени зовем... А нашего брата, бабу, и вовсе за человека не считаешь... А где это слыхано, чтобы в мокредь пахать? Или мы до тебя не жили? Весь век соху из рук не выпускаем и с голоду не помирали... Ты об этом подумал?

...Лихачев вскинул голову, рывком встал:

— Вы что, против партии? Тыл подрывать?..

Невообразимый шум поднялся в клубе.

— Ты нас партией не стражай!

— Мы сами партия...

— Она, партия-то, как велит разговаривать с народом?

— Верно, как в другом Сэсэрэ живем.

— Дура, нету другого Сэсэрэ...»

Как ясно звучит в этих нестройных выкриках тревога за свой колхоз, прекрасное самолюбие хозяев своей судьбы и своей земли, оскорбленное непризнанием их достоинства, опыта и прав, вера в справедливость партийного и государственного закона!

С другой стороны, и этот отрывок и весь роман в целом говорят о том, что рано еще колхозников рядить под рабочих или интеллигентов. Колхозница Анфиса Петровна Минина, которую вместо Лихачева колхозники единодушно избирают председателем артели, стоит, разумеется, не ниже своих односельчан по культурному уровню и общественной активности, а она «три зимы в школу ходила», никогда в жизни до своего избрания не звонила по телефону, газеты стала читать лишь во время войны, и то чтобы не краснеть перед любимым — культурным городским человеком. Рядом с новым в сознании многих крестьян живут еще пережитки мелкособственнического эгоизма. Не случайно среди части колхозников артели «Новый путь» находит вначале поддержку вредная мысль о сокращении посевных площадей.

Книга Ф. Абрамова равно чужда как холодного парадного оптимизма, так и близорукого пессимизма. В ней трезво обнажены реальные противоречия в сознании современного крестьянства. И, с другой стороны, убедительно показано, как растут люди в социалистическом обществе.

Действие романа происходит во время Отечественной войны. Оно замкнуто в пре-

делах небольшой деревни Пекашино, расположенной за сотни километров от фронта. Но, как говорит одна из его героинь, «сейчас везде война»: далекая северная деревня живет такой же жизнью, что и десятки тысяч других тыловых советских деревень. Люди мрачнют от скупых сводок Совинформбюро. Отдают в фонд Красной Армии все, что было в избе и во дворе самого лучшего и дорогого. Выдвигают в руководители женщин и женщинами заменяют мужчин на самых что ни есть мужских работах. Работают за двоих и троих вместо ушедших на фронт мужей, отцов и братьев.

Тяжкие, горькие, обжигающие страницы...

Четверо голодных ребятишек, трое братишек и сестренка, делят на четыре дольки единственную лепешку. «С затаенным дыханием, боясь моргнуть», следят они за правильностью этого ежедневного дележа, с великой бережностью подбирают оставшиеся крошки...

Сыном и только ради сына, армейского политработника, живет старый крестьянин Степан Андреянович. Мечтает о том, как вернется сын в родной дом, любовно расписывает ему в подарок сделанные своими руками легкие сани. И вот вместо долгожданного письма — маленький серый листок, написанный незнакомой рукой. Похоронная...

«Сев зерновых подходил к концу. В последние дни люди почти не ложились: днем работали на колхозном, а вечером и ночью возились на своих участках. Измученных за день лошадей приходилось тащить волоком, да и тех не хватало. Выкручивались кто как мог: кто приспособливал свою коровенку, кто посильнее — сбивался в артели; подберутся бабы три-четыре, впрягутся в плуг и тянут... люди словно осатанели: на задворках, у загуменя, всю ночь звенели, выговаривали лопаты, хрипели, надрываясь в упряжке, бабы, бились в построках худые, очумелые коровенки. Ребятишки — зеленые помощники — жгли костры, пекли проросшую картошку, а днем сидя засыпали за партой».

Народ-богатырь. Мы часто говорим эти слова, не вдумываясь в них. В лучшем случае воображение рисует нам величественные картины вроде взятия рейхстага, а память подсказывает известные всему миру имена наших героев. Роман «Братья и сестры», все персонажи которого обыкновенные, средние люди, не делающие ничего, решительно ничего особенного и редкост-

ного, наполняет для нас эти слова гораздо более широким и важным смыслом.

Своеобразное, хотя и не бесспорное решение получил в романе вопрос о главном герое. Здесь это особый герой — коллективный. Это народ, или, если оставить в стороне типичность изображаемого, деревня Пекашино, все ее население — от председателя колхоза до ветхих стариков и малолетних детей. Что касается главного героя в обычном смысле, то есть отдельного лица, которое воплощало бы в себе авторскую мысль и чей жизненный путь, сплетаясь с судьбами других персонажей, образвал бы сюжетный стержень книги, то такого лица в книге Ф. Абрамова нет.

Все это, разумеется, совсем не означает, что Ф. Абрамов пытается создать образ народа, минуя образ человека, что он отказывается от стремления нарисовать живые человеческие лица или оказывается неспособным это сделать. Напротив, созданные им характеры составляют, без сомнения, одну из самых сильных сторон романа.

Трофим Лобанов с его вызывающим улыбку, однако таким характерным для крестьянина стремлением во всем обогнать, «перешибить» соседа. Анфиса Петровна Минина — некрасовское «Есть женщины в русских селеньях...» написан как будто целиком о ней. «Лежит на ней дельности строгой и внутренней силы печать...» — все так, но вместе с тем в Анфисе Петровне есть и черты, каких не мог увидеть в своей героине Некрасов: сознательность, способность организовать и увлечь людей, острое патриотическое и гражданское чувство, которое в тяжком 1942 году приводит Анфису Петровну в партию. Четырнадцатилетний Мишка Пряслин, которого война сделала главой и кормильцем большой семьи, — застенчивый и отважный, грубый, даже диковатый с виду, но великодушный и отзывчивый, глубоко переживающий выпавшие на его долю совсем не мальчишеские беды и радости...

Герои книги живут по-соседски, бок о бок, у каждого из них своя жизнь, и так же рядом, почти не сливаясь и не пересекаясь, текут в романе их судьбы, каждая из которых образует особую линию сюжета. Присоединяясь одна к другой, они составляют, так сказать, общий сюжет книги. Он предельно прост: полгода жизни деревни.

Такое построение книги, не дающее одно-

му персонажу никакого преимущества перед другими, может вызвать возражения, даже обвинения в распадении формы романа. На мой взгляд, автор в данном случае по-своему последователен.

Впрочем, именно в этом пункте приходится сделать автору упрек, упрек в непоследовательности. Дело в том, что один из мотивов — взаимная любовь Анфисы Мининой и Лукашина — во второй половине романа чрезмерно выпячивается, приковывает к себе слишком много авторского (а значит, и читательского) внимания и теснит, заслоняет собой другие стороны жизни деревни, других героев. Слов нет, следовало показать, что, несмотря на все страшные тяготы военного времени, жизнь жива и торжествует, но это нужно было сделать, не нарушая композиционной целостности вещи, не уводя действие романа на узкую тропинку сравнительно малозначительной истории.

Попутно о Лукашине. Ему отведено в романе довольно много места, но ясного представления о нем у читателя не складывается. По мысли автора, это, без сомнения, положительный герой, тип коммуниста-агитатора, но большинство эпизодов, где мы его видим, такого свойства, что они не только не раскрывают основного в характере Лукашина, но даже как-то раскалывают, раздваивают начинающий вначале формироваться образ. Это по преимуществу звенья упомянутой сложной любовной интриги, в ходе которой герой, испытывая серьезное чувство к одной женщине, в то же время «искушается» другой, проклинает свое непостоянство и вновь «искушается», «нешадно ругает себя» за несвоевременность вообще всяких негражданских чувств и продолжает «грезить своей любовью». Внешнее положение Лукашина столь же неопределенно: в Пекашине он обосновался «не то в роли постоянного уполномоченного райкома, не то в роли фронтовика-отпускника». Именно так: не то... не то... Не вполне отпускник и не вполне уполномоченный, тем более, что после смены руководства в колхозе «Новый путь» всякая нужда в таком уполномоченном отпала. Необязательность своего присутствия здесь тягостно ощущает и сам Лукашин. Нет ничего удивительного, что такая необязательная, вставная фигура оказалась в художественном отношении наименее удачной, особенно если учесть, что основное положительное содержание этого образа, в сущности, дуб-

лируется образом секретаря райкома партии Новожилова. Если бы последний был очерчен несколько индивидуальнее и полнее, Лукашин оказался бы в романе совершенно «не у дел» и писатель мог бы без всякого ущерба отказаться от этой странноватой в условиях северной деревни сорок второго года неприкаянной и гамлетизирующей личности.

Ради того настоящего и сильного, что

★

есть в романе, все эти недостатки следует требовательно исправить.

Книга Федора Абрамова — мужественная книга. С трезвой правдой глубоко любящего человека воскресил перед нами автор те страдания, которые выпали на долю нашего народа в войну, и тот подвиг, который он совершил. И в этом гуманистический смысл романа.

Ю. БУРТИН.

Будничный подвиг

— Прочтите очерк Михайлова в «Москве». Интересно. В нем есть что-то от итальянского кино, — сказали мне как-то в библиотеке.

Есть большая притягательная сила в жизненной достоверности, неподдельной любви к простым людям и громадном разнообразии предельно обыкновенных ситуаций, которые отличают лучшие фильмы итальянского кино. Само понятие «итальянское кино» стало для нас чем-то вроде имени нарицательного, и никто не подразумевает под этими словами какое-нибудь пошленькое «Вернись в Сорренто» или кошмарные по безвкусице и бессмысленности «Сто серенад». Нет, итальянское кино — это «Похитители велосипедов», «Машинист», «Полицейские и воры», «Рим, 11 часов» и многие другие, любимые большинством из нас картины.

Конечно, нужно понимать ограниченность теоретической программы деятелей итальянского неореализма и видеть следы этой ограниченности в художественной практике. Но, говоря о недостатках итальянского кино, наши критики иногда делают ошибку: они вовсе опускают вопрос о том, в чем художественная сила и обаяние этих фильмов, и тем самым не только отступают от истины, но и подрывают доверие читателей к своим в общем правильным рассуждениям. А вместе с тем опыт лучших достижений итальянского кино, конечно, не проходит мимо социалистического искусства. И причина этого в том, что неореализм действительно и активно противостоит всяким видам риторики, абстрактности, формализма, помпезности, с которыми все еще приходится бороться и советскому искусству. В этой борьбе новаторские формы итальянского кино могут быть использованы различ-

ными жанрами литературы социалистического реализма.

Это небольшое вступление вовсе не означает, что предметом настоящей статьи будет сравнение напечатанного в журнале «Москва» очерка В. Михайлова «День и вечер» с итальянским неореализмом. У Михайлова есть своя конкретная и очень серьезная тема, о которой и надо говорить в первую очередь. Но хотелось сразу же обратить внимание читателей на то, что манера письма автора очерка отмечена печатью обаятельного балетристического таланта, отличается точностью и разнообразием наблюдений и воодушевлена светлым и чутким отношением к человеку. Эти черты и дали реальные основания одному из читателей сделать приведенное здесь сопоставление. Эти черты сообщают очерку В. Михайлова дополнительный художественный интерес, несколько даже выходящий за рамки его основной, весьма ответственной темы.

В очерке «День и вечер» говорится о злободневных проблемах: об образовании, о преимуществах и трудностях совмещения работы и учения, о причинах непреодолимой тяги к знаниям широких слоев народа.

Два месяца автор, от имени которого и ведется рассказ, регулярно посещал одну из школ рабочей молодежи в Москве, наблюдал за одним из классов этой школы, знакомился с разнообразными людьми, собравшимися в этом классе, чтобы ответить на вопросы: «Так ради чего же? Какая нравственная сила питает этот будничный подвиг? Какова его цель? Истинная жажда познания или вынужденное почтение к «образованности»? Как живут те юноши и девушки, которые проводят все вечера за учебниками?»

Надо сказать, что В. Михайлов на некоторые вопросы торопится ответить тут же,

опережая события, не ища доказательств, методом прямого публицистического вывода. Так, непосредственно вслед за поставленными вопросами он пишет об учениках наблюдаемой им школы: «Жизнь случайно свела вместе этих людей, но определялась эта случайность характернейшей закономерностью нашего времени — массовой, удивительной, прямо-таки эпидемической страстью к учению, искренним уважением к науке, глубокой верой в ее пользу и благо... Важнее же всего то, что существует не только массовое стремление к образованию, но и созданы неограниченные возможности, удовлетворяющие это стремление». Таким образом, один из «вопросов» снят самим же автором. Главными из всех заданных себе автором вопросов оказываются два — последний и первый: «Как живут те юноши и девушки, которые проводят все вечера за учебниками?», «Какая нравственная сила питает этот будничный подвиг?»

Характер ли поставленных перед собой В. Михайловым задач определил манеру его письма или склонность его таланта к психологическим и бытовым наблюдениям определила выбор задачи — мы, впервые познакомившись с творчеством очеркиста, не знаем, но связь между ними очевидна, и она счастливо реализована в образах, настроении, композиции, стилевом строе очерка.

«Случаи из жизни», портреты, маленькие биографии, жанровые сценки, составляющие основное ядро очерка В. Михайлова, связаны между собой незамысловатым «сюжетом», в котором есть и «тайна» (корреспондент проникает в класс под видом студента-практиканта), и опасность «разоблачения» (взятая на себя роль создает ряд неудобств), и «счастливый случай» (классный руководитель поручает «студенту» посетить учеников дома), и «разоблачение» (журналисту приходится признаться в обмане), и, наконец, счастливый финал (торжество по поводу окончания школы — пожалуй, наименее интересное, самое традиционное место очерка). При всей откровенной условности этого «сюжета» он помогает автору стройно и живо организовать разнообразный материал, помогает читателю с интересом войти в него и свидетельствует о профессиональной умелости автора, о которой почему-то принято говорить с некоторым осуждением, хотя профессиональность в литературе, как и в лю-

бом деле, безусловно положительное и необходимое качество, конечно, если им не ограничиваются все достоинства произведения. Легкая ирония, окрашивающая вступление, любопытно-доброжелательное присутствие автора во всех эпизодах придают рассказу какой-то особый интимно-доверительный, непринужденный тон, лирическую настроенность, позволяющие свободно переходить от общих вопросов к частным, от широких обобщений к метким и забавным наблюдениям.

Слова автора о «будничном подвиге» людей, которые работают и учатся, являются главным результатом его исследований и размышлений. «Все они герои», — взволнованно говорит директор одной из школ рабочей молодежи о своих учениках и доказывает это автору очерка простым и наглядным способом: в его присутствии восемнадцатилетний штукатур Валя Солина рассказывает о своем напряженном рабочем дне, куда входят и восемь часов тяжелого труда, и занятия в 10-м классе, и прочитанные книги, и такие необходимые вещи, как стирка, готовка, уборка. «...Надо сознаться, — пишет В. Михайлов, — что расчет времени, сделанный девушкой, произвел на меня сильное впечатление. Не знаю, следует ли считать Валу Солину героиней — я вообще побаиваюсь слишком громких слов, — но меня, скажу честно, покорила этот цельный, мужественный и очень обаятельный характер. Это было обаяние какой-то внутренней силы, которая чувствовалась в каждом слове, обаяние скромности и самоотверженности... Если в юности отказываешься от удовольствий и отказ не обусловлен врожденным аскетизмом, то значит есть на это важная причина».

Итак, мы стоим перед вопросом: в чем же нравственная причина будничного подвига людей, стремящихся при ежедневном восьмичасовом рабочем дне получить законченное, систематическое образование?

Штукатур Валя Солина мелькнула на страницах очерка «День и вечер» и исчезла: она лишь вводный пример, лишь статистический случай. Другие герои В. Михайлова входят более обстоятельно на эти страницы со своими профессиональными интересами, сложными семейными отношениями, личными успехами и драмами, противоречиями различных характеров — и всеми этими особенностями своей судьбы, своего опыта, своего примера свиде-

тельствуют, что образование в нашем обществе стало реальной осознанной потребностью каждого разумного человека.

Бортрадист Воронцов, увлекающийся теорией относительности и читающий Эйнштейна, в юности не хотел учиться, его, по собственным словам, «к блеску разному все тянуло». Тарас Степанович Калинин, выходец из деревни, во время войны — офицер, глава большой семьи, всю жизнь стремился к систематическому образованию, но до тридцати пяти лет не имел возможности его получить. Своим соученикам по школе он кажется типичным бухгалтером-педагогом, но, оказывается, страстно мечтает стать садоводом и верит, что осуществит свое желание несмотря ни на что. Молоденькая библиотекарша Лида тоже хотела бы поменять профессию и стать агрономом, но почти примирилась с тем, что ей придется учиться в библиотечном институте, так как туда ей легче будет поступить. Сын известного архитектора ушел из десятилетки на завод из убеждения, что это единственно верный путь к избранной им науке — физике. Рабочему Нефедову нужно образование для совершенствования в любимой профессии, где он находит полное нравственное удовлетворение и применение своим способностям. Строгая продавщица из ГУМа, комсомолка, борющаяся со спекулянтами, будет педагогом. Вряд ли она что-нибудь выиграет в материальном отношении от перемены труда, но ее привлекают не материальные выгоды. Зато «снабженец» Сергей, оформленный в ремонтно-строительном тресте как разнорабочий, тянет нелегкую лямку учения только в надежде на большие блага в будущем: «Надо верный кусок хлеба иметь. Надоело быть пресмыкающимся. Конечно, мечтал бы я пойти учиться в атомный институт. Эх, как они зарабатывают!»

Где же тут одно решающее объяснение всем этим разнообразным и противоречивым побудительным причинам — от самых высоких до самых низменных?

В. Михайлов в конце очерка еще раз прямо формулирует вывод из своих размышлений. Он говорит, что основой всех этих побуждений и устремлений является «подлинное стремление к знаниям, глубокое уважение к образованию, вера в науку, вера в то, что она есть не только благо, но и ежедневная жизненная необходимость». Эти слова почти дословно повторяют те утверждения, с которых автор начал

свой рассказ, ничем их не обогащая, и при всей своей правильности несколько сужают значение самих образов, нарисованных в этом очерке. Таким образом, его сила не в открыто сформулированной общей мысли, не в публицистическом пафосе, а в художественных свойствах очерка, в той небольшой, но верной и выразительной картине жизни, которая складывается из рассказов об отдельных «учениках» и обстоятельствах знакомства с ними автора.

В очерк о школе рабочей молодежи, в очерк со своей специальной задачей, с четко поставленными вопросами непринужденно входит жизнь большого города с его заводами и магазинами, светлыми новостройками и старыми покосившимися домиками, с его зелеными пригородами и тесными коммунальными квартирами. Уже самый диапазон авторской любознательности — от прилавка ГУМа до типографского цеха, от квартиры заслуженного архитектора до рабочего общежития — делает очерк интересным. И он действительно по праву напечатан в журнале, носящем имя «Москва»: в нем верно и поэтично схвачен современный, противоречивый, как все растущее, облик столицы.

В этом большом городе живут самые различные люди. Они работают, учатся, любят, ненавидят, мечтают, стремятся к лучшему. Да, все они деятельно стремятся к лучшему, к более высокому, к более достойному человеку. Все они ради этого высокого и достойного готовы на большие испытания, на жизнь напряженную и трудную и даже в каком-то смысле на самоограничение. Это и объединяет прежде всего героев В. Михайлова. И мне кажется, что автор запечатлел в своих героях верную приметку нашего времени, хотя и неточно ее объяснил. Есть ли эта тяга к образованию только уважение к науке? Да конечно же, нет. Бортрадист Воронцова или ученика сварщика Игоря, может быть, и влечет наука как таковая. Но разве о науке думает продавщица Варя? Она думает о служении людям и видит его в профессии учителя. Разве о науке думает проворовавшаяся, наскандалившая пылкая Шурка? Нет, она думает о том, чтобы стать достойной страстно любимого ею человека. А бухгалтер Калинин мечтает оторваться от бумажной жизни, потрудиться вблизи природы, вернуться к земле. Но в том-то и дело, что самые разнообразные стремления людей, которые никак нельзя назвать отве-

ченными словами «любовь к науке», «тяга к образованию», могут быть осуществлены в нашем обществе через науку и через образование. И В. Михайлову удалось ненавязчиво, как-то незаметно, всей серьезно-оптимистической атмосферой своего очерка показать это свойство жизни, свойство исторического момента.

В. Михайлов подчеркивает глубокую общественную связь между всеми своими героями. Один из учеников 10-го «Б» оказывается строителем дома, в котором получил квартиру другой ученик. «В этом, по сути дела, не было ничего странного,— рассуждает автор,— потому что райтрест, в котором работал Васютин, был того же района, что и развалюха, в которой раньше жили Коньковы. И все-таки это совпадение показалось мне удивительным, каким-то нарочитым. Сразу же обыкновенная, стандартная квартира Коньковых приобрела в моих глазах новый неожиданный смысл, вызвала иное отношение к себе. Значит, тот самый балкон, на котором я стоял, именно ту ванну, в которой Коньковы купаются по три раза в день, тот водопроводный кран, из которого течет вода, добывал с помощью «двухсот граммов, или трехсот, или посудыны» снабженец Сергей? Значит, электромонтер Васютин, страдающий от разлуки с любимой женщиной, своими руками, которые строили этот дом, вернул счастье Саше Конькову? Ни Сергей, ни Васютин, ни Коньковы, по-видимому, не ощущали того, как крепко связаны между собой их личные судьбы. Меня же, немного знакомого с каждой из этих судеб, поразила очевидность этой связи — одной из многих связей, неприметно соединяющих каждого человека со всем обществом».

Это очень хорошее и нужное рассуждение (потому что полезно напоминать людям об их общей и частной ответственности за всех и каждого), мне кажется, нуждается в продолжении. Общественная связь между героями очерка «День и вечер» заключается не только в их совместной трудовой деятельности, но и в тех моральных качествах, которые она воспитывает. Условия их жизни таковы, что и суровая продавщица из ГУМа, девушка со всеми задатками человека, созданного для больших дел, и кривляющийся, во всем видящий темную оборотную сторону и корыстный интерес снабженец из райтреста, и захваченная непреодолимой любовной страстью фабричная девчонка, «новая

Джульетта» Шурка — все идут по одному пути интенсивного духовного развития и совершенствования. Одни идут по этой дороге согласно своим убеждениям, другие принуждены идти по ней обстоятельствами, одни шагают прямо и уверенно, другие со срывами и зигзагами, но дорога одна, потому что все эти люди — члены одного общества, общества молодого, строящегося, формирующегося и потому требующего от всех и каждого полной отдачи заложенных в человеке сил и взамен возвращающего ему большую нравственную стойкость и социальный оптимизм. Только во имя уважения к людям трудной и достойной жизни не нужно делать вид, что путь этот прост, нужно видеть его во всей сложности.

Этот вывод сам напрашивается из тех внешне непритязательных картин и наблюдений, правдивость которых может подтвердить каждый читатель.

Внутренняя идея очерка обязывает автора быть особенно внимательным, проявлять особенный интерес к подробностям быта, трудовой деятельности, семейных отношений своих героев. Ведь именно сложное переплетение разнообразных жизненных обстоятельств является побудительной причиной их выбора. Здесь уж недопустима никакая условность, приблизительность и отвлеченность.

И если, когда оглядываешься на прочитанное, и возникает небольшое сомнение: нет ли в громадной симпатии автора к своим героям доли излишнего умиления (гнева, презрения, негодования — этих понятий нет в палитре чувств автора), то никак нельзя согласиться, что В. Михайлов хоть в какой-то мере идеализирует внешние обстоятельства, в которых существуют и действуют его герои. Им всем, почти всем, очень нелегко живется.

Среди них есть разговорчивые и есть молчаливые. Но тех и других автор заставляет своими собственными словами рассказать о себе. И это, конечно, достоинство очерка, потому что раскрыть человека и окружающую его среду через язык, через правдивую интонацию речи — одна из трудных задач писателя.

Ничего особенного нет в обстоятельном рассказе жены рабочего Нефедова, лаборантки Риммы; он не блистает красноречием, не поражает необыкновенными событиями, но он трогает до слез, и прежде всего тем чувством «узнавания» (ах, как это похоже, как верно схвачено!), которое

редко когда обманывает и доставляет неизменную радость читателю.

Римма старается сохранить объективность, говоря о своем муже: «Что еще можно сказать о Нефедове? Как секретарь комитета комсомола я считаю, что он мало загружен общественной работой. Правда, у него уважительная причина — учеба, но объективно он мог бы найти время для комсомольских дел. Только Митя ужасно устаёт... Иногда я скажу ему: «Митенька, пропусти денек, сходим в кино — картина интересная». И вижу, что хочется ему до смерти, а не пойдет. Воля — тоже его отличительная черта. Я бы, например, ни за что не устояла. Вообще-то я особенно не стремлюсь к развлечениям... Да и некогда. Вот кончим работать, пообедаем, Митя в школу уйдет, я — гулять с доченькой. Потом уложу ее, почитаю или простирну чего-нибудь, глядишь — двенадцать часов — у Мити занятия кончились... Питаемся мы у меня, доченька с моими родителями живет, а ночевать к Мите ходим. Только ночевать. Придем попозже и сразу спать. В те дни, когда ему в школу идти не надо, он там уроки готовит, я тогда сама туда ближе к ночи прихожу. Так и живем». Здесь все хорошо, все верно: и спокойный, без тени жалобы, тон рассказа, и официальная начальная фраза, и специфически «анкетные» обороты, словно взятые прямо из характеристики, «из личного дела», по которым чувствуется, что Римма не только заботливая жена, но женщина с общественным лицом, с профессией, в которой она, вероятно, так же обстоятельно добросовестна, и переход от официального «Нефедова» к нежному «Митенька», и тоже почти «профессиональное», специфически женское современное словечко «простирнуть» (возникшее, конечно, оттого, что женщине после работы стирать некогда, она может только «простирнуть»).

Наше искусство еще недостаточно глубоко входит в одну из важнейших проблем современной жизни, в то естественное противоречие, которое рождается из положения женщины в нашем обществе: получив права участвовать наравне с мужчиной в общественной жизни, она достигает осуществления этих прав часто путем громадного напряжения физических и моральных сил. Все-таки она несет наибольший груз недостаточно устроенного быта, все-таки на ней лежит главная задача о здоровье и воспитании детей. В одном из номеров

«Невы» была изображена серия веселых картинок: молодая привлекательная женщина на трибуне в качестве выборного судьи, она же в приемной ателье с сантиметром в руках и она же дома, с дочкой, показывающей ей отметки в дневнике — конечно, пятерки. Под картинками подписи: «И судит, и рядит, и по головке гладит». Это шуточный комплимент, который в самом деле заслужило большинство советских женщин — и городских и деревенских. Но есть и другая сторона того же явления, и о ней мало пишут и говорят. Хочется хорошо, в полную силу работать и совершенствоваться в своей специальности, хочется воспитать детей настоящими людьми, хочется приготовить вкусный обед, хочется, чтобы дома было чисто и красиво, хочется прочитать только что вышедшую книгу и посмотреть картину в кино, хочется... Так много хочется, так много надо, и ни от чего нельзя отказаться, а в сутках только 24 часа и у человека только две руки. И всего, что хочется и что надо, успеть невозможно, а представление о нравственном долге перед собой как человеческой личностью достаточно развито. Отсюда часто возникают не только гордость, как это принято изображать, но и горечь и неудовлетворенность — вполне естественные и, я бы сказала, благородные результаты быстрого духовного развития, когда осознанные потребности неизбежно отстают от возможностей.

Это — тема размышлений не только для людей, занимающихся улучшением нашего быта, но и для художников, потому что это круг вопросов и чувств их современников. Гармоничная личность будущего общества воспитывается постепенно, путем преодоления реальных противоречий действительности, через которые нельзя перепрыгнуть, которые нельзя обойти, а надо решать практически. Искусство, если оно хочет участвовать в жизни, а не просто копировать ее, должно нащупывать эти противоречия и помогать их разрешать. В очерке В. Михайлова есть это свойство.

Расчет времени, сделанный восемнадцатилетней Валей Солиной, производит большое впечатление. Но во сколько раз труднее учиться и работать людям семейным, сложившимся и не таким уж молодым!

Одна из самых выразительных фигур очерка «День и вечер» — бухгалтер Калинин. Толстый, «двухспальный» портфель, набитый кулками и пакетами, подчеркнuto

аккуратный костюм, собранность в каждом движении и слове, ревниво требовательное отношение к школе — все эти приметы, черты и свойства старшего ученика 10-го «Б» говорят о большой воле и больших трудностях, с которыми этот отец двух детей-подростков, тридцатипятилетний вдовец пробивается к заветной цели в жизни. Может быть, Тарас Степанович даже не очень далек и в чем-то излишне прямолинейен, но какая благородная целеустремленность, какое человеческое достоинство! И снова не покидающее при чтении этого очерка ощущение: где-то видела, где-то встречала вот такого, почти такого человека. Может быть, в университетских аудиториях в годы войны, когда среди восемнадцатилетних девочек вдруг стали появляться упорные мужчины с пустыми рукавами гимнастерок, на костылях — с серьезным намерением обогнать страшное время несмотря ни на что? И вместе с этой радостью узнавания возникает и внутреннее чувство ответственности: нужно всемерно помогать таким честным, правильным людям получить настоящее образование.

Таким образом, наше утверждение, что очерк «День и вечер» интересен не мыслью, а художественной картиной изображаемой среды, нуждается в некотором уточнении. Мысль все время бьется в этом очерке, но она выражена средствами искусства, и потому читатель сам формулирует ее, сам делает выводы. Мелькнет живое лицо, сцена, обрывок подслушанного разговора — и словно дает толчок: читатель начинает размышлять, ставить ответные «вопросы», касающиеся самых различных сторон современной жизни. Причем в возбуждении любознательной жадности читателя большую роль играют выразительность отдельных мелких деталей и наблюдательность автора.

Прилавок ГУМа: «Вдоль стен на полках, до самого потолка, ничем не отгороженные от покупателей, стоят куклы — тряпичные и пластмассовые, голые и расфуфыренные, говорящие, закрывающие глаза, маленькие, большие, ценой в 9 рублей, в 60, в 170 и, как венец творения, — двухсотрублевая кукла: мордастая, с низким лбом и тупым взглядом, такая толстая, что можно подумать, будто высокая цена вызвана особыми расходами по ее откармливанию». Очень смешно. Но в самом деле: зачем такие дорогие и такие безвкусные куклы? Детям они, безусловно, не нужны. Не для удов-

летворения ли мещанского тщеславия некоторых мам? Но, может быть, лучше не потакать ему?

«Мы вышли в Пушкине. Дождь почти перестал. Воздух был легкий и чуточку терпковатый. Здесь казалось гораздо светлее, чем в городе. На платформе, от которой поезда отходили в Москву, модно одетая девушка, нагнувшись, смывала с капроновых чулок грязь, то и дело макая пальцы в лужу». Представьте, что эта девушка, нигде больше не появляющаяся в очерке, но запоминающаяся одним правдиво схваченным жестом, работает в каком-нибудь крупном учреждении Москвы, может быть даже в высотном здании с зеркальными лифтами, с залитыми светом обширными кабинетами, где по звонкому паркету то и дело отстукивают тоненькие каблучки элегантных сотрудниц. А живет эта девушка в пригородном доме с сараем и садом, с бочкой под окнами и каждое утро спешит на работу по глиняным дорожкам, таким коварно скользким в дождь, когда в самую пору надеть высокие резиновые сапоги. Попробуй сохрани элегантность! А она ухитряется. И сколько таких девушек! И как мимолетная фигура одной из них дополняет незаметным, но незаменимым штрихом картину сложной жизни знакомого нам Тараса Степановича Калининчука! Ведь он тоже живет в Пушкине и приезжает на работу в светлом, без единого пятнышка, костюме.

В обеденный перерыв на столе типографской ученицы, хорошенькой, кокетливой Нины, автор замечает рядом с огрызком хлеба, карандашами и тетрадками роман Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Ничего удивительного, Нина только что кончила десять классов. Но она еще и молодая работница, у которой обнаружился настоящий талант линотипистки. И упоминание романа Гарди хорошо иллюстрирует мысль автора о новом типе интеллигентных рабочих, которая и высказывается им прямо и то и дело сама напрашивается читателю очерка «День и вечер».

Вот такого-то рода мелкие, но точные, наполненные смыслом подробности расширяют картину, нарисованную В. Михайловым, вызывая жадную любознательность читателя к самым разнообразным сферам жизни и прежде всего к духовному миру современного труженика большого города.

Е. СТАРИКОВА.

Хозяин своей земли

Бывает нередко так: спешно прочтется по обширным просторам нашей страны избалованный городской жизнью опытный или начинающий литератор — глядишь, пухлая книга готова! В такой книге можно найти все, что полагается по готовым, хорошо усвоенным рецептам: и труд, и любовь, и даже живую природу. Искушенный читатель берет в руки книгу с некоторой опаской: а ну-ка, что еще поднесет нам стремительный автор?

Но есть книги другие. В них, быть может, недостает яркости образов, совсем не говорится о пылкой любви и необыкновенных переживаниях вымышленных героев. Эти простые, документальные, подчас даже скучноватые книги не привлекут слишком чувствительного читателя, но читателя умного и серьезного задуматься заставляют. Из таких «документальных» книг на первое место можно поставить «Сахалин» А. П. Чехова — книгу не только документальную, но и такую, что заставляла много читателя плакать.

Можно пожалеть, что в современной литературе мало найдешь хороших, серьезных, дельно написанных книг о природе и людях нашей страны, о ее великом разнообразии и богатствах. Именно о родной нашей земле и разумном ее хозяине — человеке, о худом и хорошем в его работе следовало бы писать больше.

В обстоятельно и добросовестно написанной книге немолодого и видалого писателя Ивана Зыкова «Хозяин родины своей» читатель не найдет ни одной вымышленной строчки. В ней мало художественной выдумки и «чистой» поэзии. Прежде всего это документальная, серьезная, почти «учебная» книга.

Тема этой документальной книги: человек — хозяин своей земли, разумно преобразующий неустроенную природу. В кратком предисловии автор так излагает свою задачу:

«Мы не станем заглядывать в богатые районы, где все идет гладко да благополучно, где природа с каждым днем все щедрее раскрывает перед человеком свои несметные богатства, где многогранная созидательная деятельность человека достаточно ясно выявляется посадкой полезащитных

лесных полос, орошением засушливых земель, осушением болот, сбором больших урожаев. Нет, мы направимся туда, где вопрос менее ясен, где природа или из века была небогата, или где ее бывшая щедрость сменилась скупостью. Мы познакомимся с неблагоприятными отраслями хозяйства. Вместе с овечьими отарами мы пройдемся по скучным, сожженным солнечным зноем пустыням, побываем на рыбачьих судах среди усыхающего моря, проедем по реке, о которой столетиями трубили, что она мелеет, побродим по вырубаемым лесам. Поглядим, что там такое творится...»

С первых же страниц читатель отчетливо видит, что автор книги не белоручка. Он не боялся промочить ноги, много исходил и видел, многое обдумал, прочитал на своем веку множество ученых и неученых книг. Он побывал на севере и на юге нашей страны отнюдь не в качестве любознательного туриста. Плавал по бурному Каспию, хаживал на плотках по реке Волге, делил хлеб с простыми, приветливыми людьми — каспийскими рыбаками и волжскими плотогонями. Не день и не два автор провел на обширных казахстанских пастбищах, внимательно изучая работу энтузиастов-животноводов, совершающих подчас истинные чудеса.

Описанию этой работы — выводу новой породы овец путем скрещивания вымирающей тонкорунной степной овцы с диким и выносливым высокогорным бараном-архаром — отведена первая часть книги. Неумолимый, дотошный и пытливый автор тщательно изучил мало кому ведомую историю некогда процветавшего у нас тонкорунного овцеводства, не раз побывал в цехах и на складах фабрики, где перерабатывается и прячется шерсть, работают опытные специалисты. Только очень приметливый наблюдатель мог так описать тонкую, «поющую» шерсть:

«Двумя руками он берет за кончики тонкий пучок шерстинок, туго натягивает, подносит к моему уху, ударяет пальцами по натянутому пучку:

— Звенит?

— Да, пучок поет, как струна.

— Чем выше звук, тем крепче шерсть, — объясняет шерстовец. — Ткань из такой поющей шерсти носи — не износишь...»

Иван Зыков. Хозяин родины своей. Редактор Г. Айдинов. 504 стр. «Молодая гвардия». М. 1958.

Во второй части своей книги Иван Зыков обстоятельно описывает рыболовство на Каспии — на усыхающем море, некогда имевшем великое значение в истории нашей страны. Это море долго кормило наш народ неистощимыми, казалось, запасами рыбы. Описывая современные способы лова и труд рыбаков, автор не скрывает грозной опасности оскудения отечественного рыболовства. Такое оскудение постигло многие наши водоемы не только в силу изменившихся природных условий, но и от безответственной и беспечной руки «заготовителей», не стеснявшихся грабить и разорять принадлежащие народу богатства, устраивавших день сегодняшний за счет грядущего дня. С оскудением рыбных запасов борются теперь люди, стараясь восстановить и умножить расстроенное хозяйство. О творческом труде этих преданных своему делу людей подробно рассказывает автор.

Последняя часть книги посвящена русскому лесу, лесным нашим делам и лесному хозяйству.

Автор вспоминает давнишние споры о лесе, о губительном влиянии неумеренных вырубок леса на плодоношение земли. Очень обстоятельно описывает лесные заготовки на Севере, огромные трудности, с которыми приходится добывать и транспортировать заготовленный в тайге лес. Рассказывает о труде людей, который облегчается могучими машинами, о сплаве леса по нашим рекам и о работе советских лесоводов, перед которыми стоит важная и нелегкая задача охраны и восстановления отечественных лесов.

Такое пристальное внимание автора к лесу вполне справедливо.

В жизни русского народа, в его исторической судьбе лес всегда имел огромное значение. Протекавшие в русских лесах великие и малые реки некогда были первыми путями расселения народа, объединяли его в единый государственный и общественный организм. В тяжкие времена истории родные леса были надежным защитником от лютых врагов — степных кочевников, неоднократно разорявших и грабивших нашу страну. В хозяйстве и быте народа не меньшее значение имел лес. Русское искусство, поэтическое творчество народа тесно связано с родной природой. Нет возможности перечислить имена всех

художников и поэтов, изображавших природную красоту русского леса.

Лес никогда не был врагом русскому человеку. Он давал пищу и кров, материал для построек, тепло и свет в человеческом жилье. «Борьба» с лесом была лишь условной, она не переходила в беспощадную истребительную войну. Там, где селился человек, лес охотно уступал ему место, дружески охраняя от засухи его посевы, снабжая его топливом, пищей, одеждой, строительным материалом.

В современной хозяйственной и культурной жизни советского народа лесные богатства нашей природы приобретают еще большую ценность. Ни одна из отраслей народного хозяйства не может обойтись без лесных материалов. Лес нужен для наших великихстроек, для химической и бумажной промышленности, для угольных шахт и книгопечатания, для множества других бытовых и хозяйственных нужд.

Хозяйственное, эстетическое и воспитательное значение природы огромно. Но не всегда бережно и разумно обращались с этой природой, с лесными богатствами нашей страны безответственные и хищные люди.

Особенно подверглись хищническому истреблению отечественные леса в те годы, когда на смену дворянам-помещикам пришел предприниматель-капиталист, мало помышлявший об исчезающих «красотах природы», о чеховских «вишневых садах», заботившийся лишь о собственной тугой мошне. О хищническом истреблении русских лесов говорили и писали ученые-лесоводы, в руках у которых были тревожные цифры и факты. Иван Зыков в своей книге не совсем справедливо иронизирует над «плакавшими» русскими интеллигентами, некогда возмущавшимися истреблением лесов капиталистами-хищниками. Автор считает, что они смотрели на вырубку лесов лишь глазами обывателя. «Доктор Астров,— пишет автор,— как все люди его времени, неверно истолковывал смысл рубок и, записывая каждое срубленное дерево в расход, считал его невозможным...» Еряд ли можно упрекать русских ученых-лесоводов или скромного и умного чеховского доктора Астрова в обывательских взглядах. Именно в те нерадостные годы прошлого века заплакали, зашатались под топорами крупных и мелких хищников родные наши леса. Капиталистам было невыгодно заготавливать лес в далекой, нетронутой тайге. Скулавшийся

у помещиков и обедневших крестьян лес вырубался преимущественно в центральных, доступных районах страны, по берегам рек, удобных для дешевого сплава, на котором за кабальную плату работали голодные русские мужики. Лесохозяйственной, лесовосстановительной работы, за малыми исключениями, почти не велось.

На месте истребленных лесов образовывались непроходимые болота, опустошенные площади вырубленных лесов зарастали сорняками, ценные породы строевого хвойного леса заменялись негодным листовым молодняком.

Мало-мальски наблюдательному и бережливому человеку, знакомому с русской природой, хорошо известно, как бесхозяйственно, подчас неразумно вырубались леса, какой печальный вид имели запущенные, захламленные вырубки, напоминавшие покинутое поле битвы. Беспорядочная рубка нарушала элементарные правила лесного хозяйства, мешала обсеменению и восстановлению лесов. Выращивание молодых лесов отставало от вырубки, и между возобновлением и заготовками леса оказался большой, почти незаполнимый разрыв.

Разумеется, следует помнить, что после революции — в годы великого строительства, в послевоенные тяжелые годы — потребность в лесных материалах значительно увеличилась. Волей-неволей приходилось рубить лес там, где не полагалось, правила охраны лесов не соблюдались. Много лесов было истреблено в жестокие годы войны. Очень сомнительно, чтобы автор рецензируемой книги мог любоваться «стеной Козельского бора», который уже не существует. (Этот заповедный монастырский бор на берегу реки Жиздры в годы войны уничтожили фашисты.) Но не всегда можно ссылаться на исключительные обстоятельства. Следует прямо сказать: много лесов было загублено даром, много ценного материала, неиспользованной древесины оставалось на лесных вырубках, откуда вывозились лишь лучшие, лежавшие близко от дорог бревна.

О том, как бесхозяйственно, подчас безобразно рубались наши леса, как мало внимания и средств уделялось их восстановлению, как обмелели и обсохли уже на нашем веку истоки многих рек, хорошо знает каждый поживший в опустошенных лесных краях человек, всякий опытный лесничий, добросовестно относящийся к

своему кровному делу. И нужно ли обращаться к далекому Олеарию, как это делает автор, чтобы оптимистически доказывать «неоскудение» наших рек?

О необходимости бережливого, хозяйственного отношения к лесным богатствам, впрочем, справедливо говорит сам Иван Зыков:

«Если при жатве пшеницы, необходимость которой ни у кого, кажется, не вызывает сомнений, должны соблюдаться сроки созревания зерна и разумные правила уборки, если недопустимы поправки и хищения на колхозных полях, тем более строго и бережно надо подходить к использованию леса, потому что лес — продукт более дорогой. Пшеница поспекает ежегодно, лес же надо выращивать столетия... Если в земледелии действует закон «не посеешь — не пожнешь», то и в лесном хозяйстве рубка должна уравниваться восстановлением; на вырубаемых местах должен подниматься молодняк, а если останется голый пустырь, такая рубка — зло».

Под этими словами может подписаться каждый разумный человек, которому дорога и близка природа родной земли.

В величественном плане развития хозяйства Советской страны отчетливо говорится об улучшении лесного хозяйства, о сбережении и восстановлении наших отечественных лесов.

Растущие потребности в лесных материалах впредь будут покрываться за счет усиления заготовок и переработки древесины в многолесных районах Севера, Урала и Сибири, в нетронутой целинной тайге, где миллионы гектаров перестойного леса справедливо ждут топора.

В плане Великого Семилетия сказано о необходимости лесовосстановительных работ в нашей стране, о новом и повторном устройстве лесов на огромной площади — 262 миллиона гектаров, — о посеве и посадке молодых лесов. Неотложной задачей является улучшение качественного состава леса, проведение работ по охране лесов от пожаров и вредных насекомых. В ближайшие годы будут расширены работы по повышению лесистости степных и лесостепных районов страны за счет облесения неудобных земель, не используемых в сельском хозяйстве. В лесах должно развернуться дорожное строительство и лесосушительные работы.

Такие грандиозные, подлинно творческие, государственно важные задачи поставлены перед всем нашим народом, которому нужен и кровно дорог отечественный лес, его неиссякаемые богатства. Свое яркое и умное слово о русском лесе, о величественном плане обновления родной приро-

ды, о живых людях, отдающих силы созидательному и полезному для всей страны делу, должен сказать в наши дни советский писатель — прямой участник народного творческого труда.

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ.

★

Они остались молодыми

В этой книжке собраны стихи поэтов, павших в бою, стихи поэтов — героев Отечественной войны, чья жизнь и чья смерть принадлежат поэзии сами по себе, даже независимо от того, что было написано ими.

Наиболее интересна книжка теми поэтами, которые никогда не были напечатаны ни в каких других сборниках, которые не имели при жизни ни имен, ни отдельных изданий, которые были только на пороге жизни и все, что несли в себе и еще не успели выразить как поэты, вложили в этот единственный подвиг.

От сборника, почти от каждой его страницы, веет молодостью. Это определяется не возрастом того или иного поэта, но возрастом времени, неповторимым десятилетием наших тридцатых годов.

Для всех поэтов, собранных здесь, характерно острое ощущение ценности жизни и своей глубокой связи с ней.

...И счастлив тем,
Что я к земле
прикован,
Что я во всем,
Как все во мне, живу!

(Борис Костров)

Им свойственны огромное жизнелюбие, жадность к жизни как к действию, желание все изведать и все испытать, все свершить своими руками, тяга к большим просторам, потребность сделать достоянием своей духовной и даже своей реальной жизни жизнь всего мира.

К опаленным подступам Кордовы,
К астурийским рослым горнякам
Рвется сердце.

(Леонид Шершер)

Им кажется необходимым все связать воедино: и прошлое, и будущее, и свою каждодневную жизнь, и свою мечту, и поступ-

ки, и мысли, и просто разные взгляды на разное. Потребность в целостном восприятии мира диктовалась ощущением, что будущее начинается с нас, что то, как и чем мы живем,—самое главное, что от этого зависит, как будет жить человечество дальше.

Ощущение особой значительности своего времени, гордость своим веком, своей судьбой — один из основных лейтмотивов сборника.

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
...Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они,—

писал о себе, о своем поколении, о своей судьбе Павел Коган.

И совсем по-другому, но о том же писал Николай Майоров:

...Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.
Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы...
...Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками.
И в женщину влюблялись не спеша.
И шли вперед, и падали, и, еле
В обмотках грубых ноги волоча,
Мы видели, как женщины глядели
На нашего шального трубача...
...Так я пишу. Пусть не точны слова,
И слог тяжел, и выраженья грубы!
О нас прошла всесветная молва.
Нам жажда выпрямила губы.
Мир, как окно, для воздуха распахнут.
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.

Стихи остаются в строю. Составители М. Матусовский и Я. Хелемский. 284 стр. «Советский писатель». М. 1958.

Это написано до войны. Но Майоров пишет здесь о себе так, будто он уже прошел и войну и смерть, будто он уже принял ту участь, которая ему выпала. Так глубоко было в нем понимание того, что ему предстояло.

Это характерно для всех без исключения поэтов сборника. Предчувствие надвигающейся войны с фашизмом было воздухом, в котором они жили. Но это предчувствие не было ощущением дамкклова меча, неотвратимо занесенного над головой, нет, более существенным здесь было другое: гордость своей готовностью принять предстоящее испытание, ощущение своей «походности», своей способности сделать то, что требует время.

Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный неясный гул —
Там подымается эпоха,
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях,
Ведь если бой, то я с тобою,
Эпоха громная моя.

(Павел Коган, в сборник не вошло)

От их горячей влюбленности в жизнь неотделима их горячая готовность отдать свою жизнь в предстоящих боях. Готовность к гибели во имя самого главного — высшее проявление потребности в предельно активной жизни, и меньше всего здесь мысли о смерти как таковой.

Поэтому почти все они любят писать о том, что им суждено было свершить, как об уже свершившемся, часто даже уже в прошедшем времени.

Захар Городисский просит передать друзьям, что

...я, нахлебавшись смертельного ветра,
Упал не назад, а вперед,
Чтоб лишних сто семьдесят два
сантиметра
Вошли в завоеванный счет.

Владислав Занадворов рассказывает о своем конце:

...А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как леги,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.
Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Павел Коган говорит о своем поколении, о «лобастых мальчиках невиданной революции», в двадцать пять лет внесенных «в смертные рееляции»:

Мое поколение —
Эти зубы сожми и работай.
Мое поколение —
Эти пулю прими и рухни.
Если соли не хватает —
Хлеб намочи потом.
Если марли не хватит —
Портинкой замотай тухлой.

И в другом месте:

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.
...И задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать...

(Оба отрывка в сборник не вошли)

Вспоминая свое детство, себя и своих сверстников, маленьких, восторженных, злых мальчишек, он предсказывает:

Когда-нибудь в пятидесятых
Художники от муз созреют,
Пока они изобразят их,
Погибших возле речки Шпрее.

Так же представлял себе свой удел Александр Ясный:

И за весну, под барабанный бой,
Паду с раздробленной головой
Я где-нибудь на Фридрихштрассе.

Это не самоотречение. Это самоутверждение. Так они понимали счастье — право чувствовать себя достойным своего века, своего поколения и его суровых задач.

Эти стихи написаны людьми не обреченными, а счастливыми, гордыми своей высокой судьбой.

Ну, а я, прочитав Светлова,
Загасив в изголовье свечу,
Сплю в походной палатке и снова
Лучшей доли себе не хочу...

(Борис Костров)

Эти стихи написаны людьми того поколения, которое было рождено революцией, выращено на ее традициях.

И то, что в этом мотиве, мотиве своей судьбы, поэты столь различные так повторяют друг друга — лишнее доказательство, что они выразили здесь то, что принадлежало не только им.

Нет, слова о жертвенности, обреченности мало что выражают и объясняют в данном случае. Но, безусловно, понимание предстоящего придавало определенный колорит восприятию жизни.

В ту пору появилось понятие «мужественного оптимизма» в противовес слишком легковесному, слишком бездумному опти-

мизму, который сквозил во многих стихотворениях, песнях, фильмах того времени.

«Время суровее», — сказал один из поэтов, выступая в многолюдной студенческой аудитории. Это было в 1939 году.

Московская молодежь по восемь, по девять раз ходила смотреть юношеский, почти самодеятельный спектакль арбузовской студии «Город на заре». Удивительна была история этого спектакля. Он был создан совсем не профессионалами — молодыми ребятами, студентами и рабочими, и каждый из них своей ролью рассказывал о себе.

Удивительно было его содержание. Это была хроника строительства Комсомольска-на-Амуре. Почти все судьбы героев завершались трагично, а в целом спектакль звучал глубоко утверждающе, и участь его героев вызывала не только сочувствие, но и зависть.

Это породило тогда горячие споры. Одним казалось, что спектакль перенасыщен трагическим, другие именно в этом видели выражение настоящего сурового, мужественного отношения к жизненной правде. Студийцы приезжали к нам в институт, мы обсуждали этот спектакль. Запомнился разговор, который вспыхнул стихийно, когда гости уже уезжали от нас. Это было поздно вечером, наверное ночью, у трамвайной остановки Ростокинский проезд, в Сокольниках, в ожидании 43-го номера. Светловолосая девушка, игравшая в спектакле такую же светловолосую девушку, жену героически погибшего паренька Зяблика, забралась на высокий сугроб перед трамвайной остановкой и проводила необычное голосование.

— Кто за то, чтобы Зяблика оставить в живых?

— Кто за то, что Зяблик должен погибнуть?

Зяблик был самым полюбившимся всем нам героем спектакля. И все-таки мы явным большинством проголосовали за то, что он должен погибнуть.

Это был голос времени. Это было предчувствие жестоких испытаний. Это была готовность принять их. Это было желание смотреть правде в лицо.

И парень, игравший Зяблика, и почти все другие студийцы, и почти все из тех, кто принимал участие в этом голосовании у трамвайной остановки, через два года ушли на фронт. Многие из них не вернулись обратно.

Все это не случайно всколыхнулось в памяти в связи с книгой поэтов-героев.

Книга эта воссоздает облик той молодости, которой суждено было в сорок первом году взять на себя тяжесть войны.

Многие страницы этой книги читаются как дневник поколения. Романтическое ожидание подвига в мальчишеские годы, которое иногда сначала блуждало среди парусов далеких фантастических бригадин, в тумане тоски по отгремевшим боям, но потом всегда обретало себя на главном направлении времени. Юношеское нетерпение слиться со своей настоящей судьбой, чуть только она забрезжила, стала зримой.

Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу.

(Борис Богатков)

Верность этой окрыленной юности, когда пора романтики уже миновала и наступила пора реальных солдатских дел.

Фронтная судьба! Что есть чище и выше:
на свете!
Ты живешь, ощущая всегда, как тебя
обдаёт
Бескорыстный, прямой, удивительной
ясности ветер
От винта самолета, готового в дальний
полет.

...Ты поверь мне, что это не просто
красивая фраза,
Ты поверь, что я жить бы, пожалуй, на
свете не мог,
Если б знал, что сумею забыть до
последнего часа
Ветер юности нашей, тревожных и
дальних дорог.

А когда я умру и меня повезут на лафете,
Как при жизни, мне волосы грубой рукой
шевелинет

Ненавидящий слезы
и смерть презирающий ветер
От винта самолета, идущего в дальний
полет.

(Леонид Шершер)

И при всей этой романтической настроенности — готовность принять труд войны, со всеми его тяготами, внимание к будням войны, к ее обыденности; недаром наряду с такими стихотворениями, как героическая баллада Бориса Богаткова «Девять ноль-ноль», все поэты сборника охотно пишут о прозаической стороне солдатского дела.

И спорим о портянках и махорке,
Как прежде о лирических стихах.

(Арон Копштейн)

Война совсем не фейерверк,
А просто трудная работа,
Когда, черна от пота, — вверх
Спешит по пахоте пехота.

(Михаил Кульчицкий)

Умение полностью раствориться в этой тяжелой работе войны:

На бойцах и пуговицы вроде
Чешу тяжелых орденов:
Не до ордена. Была бы родина
С ежедневными Вородино.

(Михаил Кульчицкий)

И при этом — умение не потерять в обыденности военных будней того, во имя чего был принят бой, умение пронести сквозь войну, сквозь опасность, сквозь заботу о портянках и котелке все богатство, всю сложность своей духовной жизни.

Я тем горжусь, что в лыжном эскадроне
Я Пушкина читаю наизусть...

(Арон Копштейн)

Кто из ровесников погибших поэтов не узнает во всем этом хоть немного себя и своих друзей?

Кто, не узнав, не испытывает втайне горечь, что молодость обошла его стороной?

Но было бы глубоко неверно думать, что поэты, представленные в этом сборнике, были все как один человек. Такое впечатление могла создать эта рецензия потому, что до сих пор речь шла о самом главном, о том, что было общим для них. На самом деле поэтов очень различных по степени зрелости и поэтическому строю собрала под один переплет эта книжка. Не книжка — судьба. Нет нужды подравнивать по линейке и наводить «хрестоматийный глянец» на этих людей. Такую возможность они предвидели и против нее заранее протестовали.

Они нас выдумают мудрых.
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы! —

писал Павел Коган.

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы. —

писал Николай Майоров.

Они правы, споря с этим возможным будущим мифом, в котором они не нуждаются. С них достаточно правды.

Главное в своей жизни они сделали верно, так, что вернее не сделать, и они имеют право оставаться в нашей памяти такими, какими они были, — живыми, разными, непохожими, сложными, ищущими, порой ошибающимися, но всегда убежденными, непримиримыми, чуждыми какому бы то ни

было равнодушию, успокоенности, горячо отстаивающими свое представление об истине.

Самое страшное в мире
Это быть успокоенным.
...Славлю мальчишек смелых,
Которые в чужом городе
Пишут поэмы под утро,
Запивая водой ломозубой,
Закусывая синим дымом.

(Михаил Кульчицкий)

Они жили в атмосфере высокого спора, в атмосфере горения, поисков.

Они спорят между собой даже под этим переплетом цвета солдатской шинели.

Спорят о разных путях познания своего времени. Для одних все с самого начала понятно и ясно, за стихами других угадывается пусть короткий, но уже непростой и нелегкий путь, полный тревог, раздумья. Это разница восприятия, характеров, темпераментов, биографий.

Спорят о разных манерах писать. Одни пишут, явно и открыто поставив перед собой задачу писать не только от своего имени, но и от имени своего соседа по окопу, своего отделения, роты, полка, народа — от них и за них. Другие пишут непосредственно о себе — из себя, отчего стихи их часто не меньше, а даже больше выражают чувства соседа, отделения, роты и т. д., ибо в поэзии важно не писать за народ, а жить жизнью народа, и тогда то, что ты будешь писать о себе — за себя, будет и о народе — за народ, а чем в меньшей степени рассудочность стерла своеобразие чувства, чем непосредственнее вышел из сердца стих, тем короче для него путь к сердцу другого.

Под этим переплетом спорят о новаторстве и о традиционности формы, спорят о ритмах, о рифмах; тут и спокойные завершенные строфы, покоящиеся на веками отстоявшихся метрах, тут и резкие, угловатые строчки крутой «лесенки», тут и уверенные в себе, прозрачные рифмы, и рифмы, неожиданно сталквивающиеся, казалось бы, и не предназначенные друг для друга слова.

Один из поэтов пишет:

И грязь была...
Пришлось ворочать
К ногам налипшие пласти.

Другому этого недостаточно:

И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чоботы
Весом хлеба в месячный паек.

В этой книге нередко спорят живое чувство и штамп. Чем сильнее, чем непосредственнее чувство, тем решительнее пробивается оно сквозь скорлупу обезличивающего штампа.

И уже сам этот спор, сама громкая многоголосица, само горячее многообразие книги — выражение ее целостности, выражение той единой, многообразной, кипучей жизни, которая стоит за книгой, которой жили ее авторы, они же ее герои, в большинстве своем подростки и юноши тридцатых годов.

Но книга эта могла быть еще ярче. Не во всех случаях в сборник попало самое

лучшее из того, что написано поэтами. Больше интересных стихотворений нужно было отобрать из написанного Николаем Майоровым, Павлом Коганом, Михаилом Кульчицким, — другое дело, что эти поэты могут и должны выйти отдельными книжками, — и данный сборник должен был представить их полнее, во всяком случае ярче. Наверное, это относится и ко многим другим поэтам.

То, что сделано составителями сборника, только заявка, только начало большой работы.

Ю. КАПУСТО.

★

Жизнеописание великого норвежца

Хорошо, когда писатель открывается нам по-новому с каждой книгой, радуется и свежестью темы и возросшим мастерством.

Своей дорогой вошел в литературу Георгий Кублицкий, географ и путешественник. Его очерковая книга «Енисей, река сибирская», его научно-художественные труды «Большая Волга», «По материкам и океанам» увлекательны, богаты материалом, в них пафос освоения пространства.

И вот новая книга Кублицкого. Раскроем ее.

«По набережной шел высокий юноша с тощим чемоданчиком. На нем был длинный серый сюртук со множеством мелких пуговиц и узкие штаны, сильно вытянувшиеся и раздувшиеся в коленках».

Вы с первых же строк вспоминаете этого юношу, немного нескладного, скромного и очень настойчивого. Сейчас он отправляется в свое первое плавание на зверобойном паруснике «Викинг». Впереди у него большая жизнь. Он будет знаменитым исследователем Арктики, ученым, поборником прогресса. Он будет другом молодой Советской республики, почетным членом Моссовета, одним из провозвестников могучего движения народов за мир.

«Фритьоф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения» — стоит на титульном листе. Автор верен себе, он сам — в поисках необычного, героического для своих юных друзей. Этой книгой он к тому же проложил путь в новый для себя жанр биографической повести.

Георгий Кублицкий. Фритьоф Нансен, его жизнь и необыкновенные приключения. Редактор Г. Мальнова. 336 стр. Детгиз. М. 1958.

Сложный жанр! Здесь надо быть и ученым и художником. Надо с научной методичностью собрать и осмыслить материал, поведать читателю и о свершениях героя и крепко сдружить с ним читателя.

Справился ли с задачей Кублицкий? Да, вполне. Книга привлечет и школьника и взрослого.

Автор досконально знает то, о чем пишет. Он использовал русские и иностранные источники, изучил документы о Нансене, недавно опубликованные в Норвегии его дочерью Лив. Он был на родине великого норвежца, видел черные скалы фиорда, блестящие от дождя, и водопады, которые летят в пучину фиорда, кажется, прямо с неба. Пейзажи в повести броские, выразительные. И еще одно достоинство Кублицкого — он умеет рассказать в немногих словах удивительно много. Обилие фактов не утомляет, автор обладает даром изобразительной информации, столь необходимым популяризатору.

Да, читатель познает и в то же время видит. Он знакомится с Норвегией, с ее народом, с обычаями, культурой, национальным характером норвежцев. Он становится спутником Нансена — любопытным и нетерпеливым.

Кублицкому чужда слащавость, нередко встречающаяся в биографическом жанре. Писатель скуп на восклицательные знаки, он уважает читателя и ничего не навязывает ему. Просто, мужественно и тепло показывает он Нансена в беспримерном лыжном переходе через Гренландию, Нансена на корабле «Фрам» и на льду, при попытке пробиться к Северному полюсу.

Книга по-настоящему поэтична. И не только в пейзажах. Из деловитого, обстоятельного жизнеописания возникает — естественно, без нажима — поэзия поисков и открытий. Вот «Фрам» затерт льдами, в тридцати шагах от судна вспучилась громадная ледяная гряда и двинулась к кораблю. Вот Нансен и Иохансен шагают через торосы на север, от испарины их одежда смораживается в ледяной панцирь. Но автор сообщает еще подробнее: куртка, снятая с плеча, стоит, как рыцарские латы, она только не звенит, а хрустит. Ее можно переломить. И по весу она не уступит стальным доспехам. Все перипетии суровых путешествий проходят перед нами как бы осязаемо.

Впереди — трещина, набитая мокрым снегом. Нансен погиб бы, если бы не товарищ, подоспевший в последнюю минуту. Ветер уносит каяки с грузом, Нансен бросается в ледяную воду, плывет, догоняет их... В наше время техника во многом облегчила труд полярников, но право же полезно знать, каково приходилось тем, кто торил там тропу.

Выдающаяся роль принадлежит здесь нашим соотечественникам — Брусилову, Толлю, Седову. Мы с большим интересом читаем о дружбе Нансена с русскими полярными исследователями — он принимал близко к сердцу замыслы Толля, его гипотезу о земле Санникова, якобы существующей в Ледовитом океане. В Петербурге Нансен встречался с адмиралом Макаровым, океанографом Шокальским. Затем Нансен совершил поездку в Сибирь и написал о ней книгу. В Хабаровске он познакомился с писателем-следопытом Арсеньевым. К сожалению, автор посвятил этому эпизоду всего несколько строк. Вообще хотелось бы больше, гораздо больше узнать о первом пребывании Нансена в России.

Покорение Арктики оказалось под силу советским людям. Труды Нансена и других предшественников подготовили эту победу. Кублицкий дает читателю полное представление о месте Нансена в истории походов на Север, о его замечательных заслугах в деле познания полярных стран — их физического строения, климата, морских течений.

Автор вводит читателя в дом Нансена, в его кабинет, заваленный книгами, картами, экспедиционным снаряжением. Запоминается нежно очерченный образ Евы Сарс — подруги Нансена.

Словно глазами Нансена — острыми и чуть насмешливыми — мы видим его старшего брата, преуспевающего буржуа, который свысока журит Фритьофа за недостаток респектабельности. Нет, Фритьоф никогда не подчинится ему!

Нельзя без волнения читать заключительные главы книги. Нансен — в Советской России. Он приезжает, чтобы убедиться воочию, кто же такие большевики, правда ли то, что пишут об «ужасах большевизма» газеты. В Осло, в Стокгольме, в Лондоне ждут, что скажет Нансен — признанный ученый, дипломат. «Я верю в великую будущность России», — бросает он в лицо нашим врагам, в лицо Антанте, стремящейся задушить Республику Советов интервенцией, блокадой.

Пожалуй, такой ответ требовал больше мужества, чем даже вторжение в ледяные пустыни. Нансен — в кольце враждебности, недоверия, его поносят, на него клеветают. Он тверд. На первом заседании Лиги Наций он утверждал, что без представителей Советской России Лига не будет подлинно мировой. Разъяренные вопли, раздавшиеся в зале, не смущают Нансена. Он упорно призывает великие державы отказаться от вооруженного вмешательства в дела России, требует мира. Он выпускает честную, храбрую книжку «Россия и мир».

В Поволжье голод. Нансен организует помощь бедствующим людям. Правительства бойкотируют его начинание, но он произносит в Лиге Наций горячую речь. «Я не верю, — говорит он, — чтобы народы Европы могли много месяцев сидеть со скрещенными руками и ждать голодной смерти миллионов русских людей». Ни одна газета не напечатала этой речи. Нансен обращается к народам, он и его друзья собирают средства, продовольствие. Старый ученый сам едет в Поволжье. Умиравшие, засыпанные снегом тифозные деревни... Это — последнее дальнейшее путешествие Нансена, отмеченное высоким гуманизмом, самопожертвованием.

И, читая повесть, мы понимаем — Нансен, самоотверженный труженик, тесно сроднившийся во время своих странствий с людьми труда, и не мог быть иным. Не мог не стать нашим другом.

Забывать друзей нельзя. Тем более интересна книга Г. Кублицкого о великом норвежце — увлекательная по содержанию и живая, ясная по форме.

В. ДРУЖИНИН.

1815 год, Франция на распутье

Ветер вновь и вновь налетает яростными порывами, дождь почти не утихает всю страстную неделю — с 19 по 26 марта 1815 года. И вообще неласковы и беспокойны эти весенние дни для приближенных Людовика XVIII. Вместе со своим повелителем они поспешно пробираются к бельгийской границе: Буонапарте, «Людоед», бежал с острова Эльбы! Злодей уже оставил позади себя Лион и стремительно продвигается к Парижу. С ним перешедшие на его сторону воинские части и прославленный маршал Ней.

Наполеон снова будет властелином Франции — правда, в течение всего ста дней, до поражения под Ватерлоо и своего вторичного отречения. Но сейчас еще не ясно, как развернутся события и не захватит ли Бонапарт трон Франции навсегда. Сопровождающим короля людям, чье общественное положение связано с политическим строем Реставрации, нелегко скрывать свое смятение. Среди этих людей не только вчерашние эмигранты, но и соратники Наполеона, маршалы, после отречения императора присягнувшие Бурбону. У них за плечами Революция, Термидор, Директория, Консульство, Империя, политические перевороты, годы тяжелых испытаний или поля сражений, и трудно им теперь привыкать к мысли: Франция снова на распутье; быть может, и на этот раз строй, казавшийся прочным, рухнет.

Однако во взбаламученном королевском караване далеко не у всех тревога рождена своекорыстным страхом за будущность касты и собственной карьеры. Иные, подобно юным студентам, энтузиастам-добровольцам, готовы сражаться за монархию не из эгоистических побуждений: им кажется, что, спасая короля, они будут защищать интересы Франции.

Бескорыстен двадцатичетырехлетний атлет и красавец, будущий знаменитый художник Теодор Жерико. Но он-то по отношению к «законному» королю не испытывает никакого энтузиазма. Он не принадлежит ни к одному из враждующих лагерей и, в сущности, случайно стал мушкетером, офицером конной гвардии, оберегающей короля.

Но это путешествие стало для Жерико школой жизни.

Такова простая схема сложного, населенного множеством персонажей, объемистого — в нем почти 600 страниц большого формата — романа Луи Арагона «Страстная неделя». Изданный в октябре 1958 года, он удивительно быстро (в шесть недель) разошелся в 50 тысячах экземпляров; ему посвящено множество статей французских критиков и более двадцати телевизионных и радиопередач.

Выступая по парижскому радио и телевидению и отвечая на вопросы еженедельника «Экспресс», Луи Арагон рассказал: он начал работать над романом об эпохе революций 1830 и 1848 годов, избрав центрального персонажем скульптора Давида д'Анжера. Но вскоре писатель понял, что взялся за перо он не столько из потребности создать историческую картину той эпохи, сколько из желания поднять в искусстве проблему рождения национального чувства во Франции. Это и привело писателя к более раннему периоду, к смутному времени 1815 года, когда события особенно усилили противоречивость и неясность представлений многих французов о величии Франции, о благе нации, о долге перед родиной. Закономерно изменился и главный персонаж: место Давида д'Анжера — сознательного и активного республиканца — занял Теодор Жерико, свободолюбивый, но совершенно не искусственный в политике и еще не понимающий всего того, что через десять — пятнадцать лет ясно будет Давиду д'Анжеру.

В свете последних событий во Франции, для которых характерно драматическое противоречие между демократическими и антидемократическими представлениями о пути французской нации к величию, роман Арагона воспринимается как злободневный. Быть может, именно поэтому писатель, работавший над романом три года и тщательно изучивший изображенную эпоху, настойчиво протестует против возможных попыток увидеть в «Страстной неделе» вульгарно-социологическую модернизацию истории. Вместе с тем автор романа не ошибается, полагая, что он вправе сочетать повествование о марте 1815 года со своими сегодняшними размышлениями о французской истории. Арагон понимает, что и читателей роман заставит задуматься. Что ж,

Арагон. La Semaine Sainte. Editions Gallimard. 588 pp. Paris. 1958 (Арагон. Страстная неделя. Издательство Галлимар. 588 стр. Париж. 1958).

не для того ли в значительной мере он и написан?..

Итак, империя рухнула. Теперь та же участь, возможно, постигнет монархию. Кто приведет Францию к благополучию и величию? Наполеон, человек-война, «Людоед», или Людовик XVIII, который — может удержаться только при помощи иностранных войск? Бурбоны — это традиции Франции, порядок, спокойствие, — такова одна иллюзия. Наполеон вспомнит, что он был генералом Республики, и заключит союз с демократией — другая иллюзия.

Освобождение от иллюзий — важнейшая составная часть процесса формирования национального чувства и национального самосознания. Только сам народ может стать творцом своего лучшего будущего. Это знает Арагон, и это понимают читатели. Однако своих героев писатель не делает более пронизательными, чем они были в действительности.

Эпоха политических переворотов, бурных страстей, иллюзий и разочарований породила людей со сложными, необычайными, «романтическими» жизненными путями, таких, например, как один из персонажей «Страстной недели» — полковник Фабвье. Агент Наполеона в странах Востока, он в годы Реставрации был связан с заговорщиками-республиканцами, покинул Францию и принял, подобно Байрону, участие в освободительной борьбе греческого народа; затем вернулся под чужим именем на родину и в дни июльской революции 1830 года сражался на улицах Парижа.

Романтической атмосферой окружен в «Страстной неделе» и образ Жерико. Образ не только центральный, но и замечательный. Личность Жерико в романе значительна, его внутренняя жизнь сложна.

И стиль романа внутренне связан с образом Жерико. Арагон как бы глядит на мир глазами своего героя, влюбленного в контрасты светотени. Французский художник Борис Таслицкий, восхищенный зоркостью Арагона, смелой живописностью изображения в «Страстной неделе», обнаружил в этом произведении тона палитры Жерико.

Теодор Жерико, несмотря на то, что жизнь его оборвалась рано, успел обновить французскую живопись более, нежели кто-либо из его современников. Отвергая академические, «античные» темы, условности, позы, типичные для школы Давида, он противопоставлял им не только мощную эмоциональность романтическо-

го восприятия действительности, но и упорное стремление к конкретному и точному ее изображению. Работая над картиной «Плот «Медузы», он совершил поездку в Гавр, чтобы изучить оттенки неба над морем. Живя еще до полного расцвета лирики романтизма пишет автор монографии о Жерико Раймонд Регаме, этот художник оказался несравненно более близким к позднему реалистическому поколению, к Домье и Курбе, нежели к романтикам.

Арагон показывает, как во время драматических событий, расколовших Францию надвое, Жерико впервые приходит к мыслям о судьбах родины, как рождается в нем чувство ответственности за них. Формирование национального самосознания становится важнейшим этапом в духовном развитии гениального художника.

В одной из первых и лучших в романе глав Жерико случайно встречается с юным учеником Сен-Симона — Огюстеном Тьерри (который в дальнейшем станет известным либеральным историком). Неужто г-н Жерико оставил живопись? — спрашивает Тьерри. Если бы он, Жерико, знал, чем стали для молодого поколения его первые, новаторские, не понятые критиками картины «Офицер, ведущий в атаку конных егерей» и «Раненый кирасир!» Невеселый, сдержанный Жерико этим неожиданным восхищением согрет и растрожен. Вздвинуто делится он заветными мыслями. Критикам нравятся оторванные от жизни и религиозные сюжеты, выполненные в условной манере. Но придет время, и будут руки целовать художникам, которые захватывают жизнь врасплох — на перекрестках, в толпе, — которые изображают все оттенки реальных переживаний!

Жерико на верном пути. Он знает, у кого ему надо учиться. Он и будет учиться у Караваджо, у Микеланджело. Но окружающего мира, жизни он еще не знает. И думает он еще не о ней, а только о себе, о своем призвании, о трудностях, с которыми столкнулся.

И вот он соприкасается с жизнью. Сопровождая короля, удирающего от «Людоеда», Жерико оказывается свидетелем тайного собрания рабочих, крестьян, республиканцев. Республиканцы полагают, что Наполеон может стать иным: так будет, «если мы этого пожелаем, если мы сумеем этого добиться, если мы возьмем его в свои руки и если мы для этого объединимся».

Пусть это было иллюзией, но Жерико в ту ночь с волнением слушал речь бывшего якобинца Жубера. И так, еще живы люди 1793 года и их идеи! Революционное движение — после Директории, Консульства, Империи — действительно продолжает существовать!

Жерико жадно вглядывается, вслушивается и впервые чувствует, что сейчас он отвлекается от привычного окружения, от самого себя, сейчас впервые видит он других, обездоленных людей, людей труда, ощущает их боль, их мучительную тоску по иной жизни. Чем может он помочь им? Вероятно, ничем. Впервые перед молодым художником предстала безжалостная нагота нищеты и страдания, и у него возникло ощущение, что он находится на корабле, давшем течь. Он почувствовал: нет ничего важнее непрерывных самоотверженных усилий для спасения корабля; «красота, величие, добродетель — только в этой самоотверженности сердца, ума, тела». С трагическим в жизни Жерико еще не сталкивался. Теперь он вступает «в мир трагедии».

Так возникает в сознании Жерико, героя романа Арагона, трагический образ: общество, в котором столь невыносимо тяжок удел тружеников, — это корабль, давший течь, и его надо спасать. Арагон не подсказывает читателям, что этот образ вскоре выкристаллизуется в замысел гениальной картины Жерико «Плот «Медузы». Арагон проникновенно передает психологию художественного творчества — он прослеживает, как при соприкосновении художника с жизнью обездоленного народа рождается трагический образ, то зерно, из которого в будущем вырастет бессмертное произведение живописи. И это одна из больших побед Арагона в романе «Страстная неделя». Подчеркивая, что Жерико плохо понимает диалект, на котором разговаривают собравшиеся, что он ничего не знает о жизни простых людей, с которыми его столкнул случай, а только глядит, охваченный новым для него необычайно сильным и сложным чувством, писатель точно изобразил обстоятельства рождения романтического замысла, который возникает не из глубокого знания действительности, а главным образом из переживаний, из мощных эмоций...

Жерико присутствует на тайном собрании (в эпизоде, рожденном воображением Арагона) весной 1815 года. В июне 1816

года фрегат «Медуза», отплывший в сопровождении трех других кораблей из Франции в Сенегал, потерпел крушение. Сто сорок девять из четырехсот пассажиров, матросов и офицеров высадились на плот; остальные разместились в лодках, которые взяли плот на буксир. Вскоре находившиеся в лодках, заботясь только о самих себе, перерезали канаты, которые соединяли лодки с плотом, предавая тем самым людей на плоту во власть стихии. На двенадцатый день после этого события бриг «Аргус» снял с плота пятнадцать полумертвых людей.

Современники знали, что произошла не только драма кораблекрушения, но и трагедия предательства. Знал об этом и Жерико. Тема его картины — «безжалостная нагота» (Арагон) страданий и гибели ни в чем не повинных людей, безжалостная нагота эгоизма виновников трагедии; это в то же время и тема надежды гибнущих на спасение; наконец, это тема «Аргуса» — то есть тех, кто верен долгу.

В том же 1816 году Жерико нарисовал пером первый эскиз своей картины. После напряженной работы в 1818—1819 годах, добиваясь конкретности и даже портретной точности, художник закончил и выставил картину. Слева, на задней части плота, — мертвецы, умирающие, муки и отчаяние; справа, на передней части плота, — люди, заметившие среди волн далекий парус, охваченные лихорадочным возбуждением радости; они уже надеются на спасение и всем существом устремлены вперед — к будущему. Выразительность всех оттенков переживаний потрясала зрителей. Но либералы, обвинявшие в гибели «Медузы» ее капитана, бывшего эмигранта, увидели в произведении Жерико лишь иллюстрацию факта, свидетельствующего о негодности королевской администрации; роялисты негодовали по той же причине. Такая узкая, фактографическая (а не эпическая и вместе с тем трагедийная) трактовка сюжета картины раздражала ее автора.

Пройдет почти тридцать лет, и Мишле накануне революции 1848 года так скажет о картине Жерико: «Сама Франция, наше общество целиком посажено им на этот плот «Медузы»... Образ столь жестоко правдивый, что оригинал отказался узнать себя...» Мишле увидит в «Плоте «Медузы» метафорический образ состояния Франции в мрачную эпоху Реставрации, предательства буржуазии после революции 1830 го-

да, буржуазной реакции при Луи-Филиппе, вызвавшей новую революцию в 1848 году. Емким оказалось содержание образа, первый, еще неотчетливый, но уже таящий в себе грандиозное социальное обобщение вариант которого возникает в сознании Жерико, героя романа Арагона, при его соприкосновении с жизнью народных масс...

В другой главе обобщение при разработке центральной темы (формирование национального чувства и самосознания) доведено до символа.

Жерико не раз вспоминает о том, как в задней комнате лавчонки, заменившей ему мастерскую, спорили его друзья: вышедший из народа Дьедоннэ, сын деятеля французской революции, и роялист виконт д'Обиньи. А художник работал в это время над картиной «Офицер, ведущий в атаку конных егерей». Позировал для нее Дьедоннэ. Жерико, рассказывает Арагон, успел написать только голову Дьедоннэ; последний вынужден был покинуть своего друга, чтобы принять участие во вторжении Наполеона в Россию. Тогда молодой живописец, без долгих размышлений, закончил картину, написав фигуру офицера с другого своего друга, роялиста д'Обиньи.

И вот в марте 1815 года крестьянин, добывающий торф, видит: небольшой кавалерийский отряд неожиданно преграждает путь другому. Первый возглавляет командир роты егерского императорского полка Дьедоннэ; впереди второго — лейтенант королевских гренадеров д'Обиньи; он вызывающе кричит: «Господа, да здравствует король!» Стычка неизбежна.

Вдруг пугливая лошадь д'Обиньи выходит из повиновения, сбрасывает всадника и, пустившись вскачь, волочит его по земле, топчет. Когда Дьедоннэ наконец удается спасти д'Обиньи, он склоняется над потерявшим сознание королевским гренадером. Совсем недавно Дьедоннэ вспоминал, как спорили он и д'Обиньи, оба по очереди позировавшие для одного и того же обобщенного образа французского офицера. И сейчас ему кажется: изувечено его собственное тело.

Так в поэтической форме выражен в романе протест против распри, разделяющей нацию на два лагеря и превращающей в недругов людей, которые должны были бы стать соратниками в борьбе за интересы родины.

Беда д'Обиньи и Дьедоннэ в том, что они, искренне стремясь к благу Франции,

ее народа, уверены, будто оно всецело зависит от доброй воли могущественного властелина. Д'Обиньи зерит в короля, Дьедоннэ — в Наполеона, и оба они жертвы иллюзий.

Из своих друзей Теодор Жерико ближе всех подходит к истине. Он отрицает неизбежность такого выбора: или король, или Наполеон; ни тот, ни другой, а только народ Франции (теперь Жерико часто будет думать о нем, о тех, кто защищает его права). Вот та истина, которая открылась ему во время путешествия. Теперь остается одно — внести в увиденное и пережитое стройную упорядоченность искусства.

В последней, торжественной по тону, главе романа Арагон славит людей, готовых защищать права народа. Придет время, и молодежь осознает, что демократия нужна народу, как воздух, — и тогда эта молодежь начнет самоотверженную борьбу. Майор Дежорж, который был солдатом армии, героически отстаивавшей во II году Республики независимость революционной Франции от коалиции монархов, гордится своим сыном Фредериком (в дальнейшем Фредерик станет революционером-заговорщиком). И Арагон мысленно приветствует сына майора — одного из молодых людей тех грядущих поколений истинных патриотов, которые «несут с собою надежду мира». Они проявят, быть может, еще большую силу духа, нежели солдаты II года Республики, отражавшие иностранных интервентов; ведь эти новые герои, хотя они и будут малочисленны, решатся первыми атаковать черную реакцию, всесильную в самой Франции!

В романе о смутном времени, когда Франция была на распутье, вновь и вновь звучит патетический лейтмотив — тема будущего: в самоотверженной борьбе за счастье родины будут одержаны победы, хотя и неизбежны, быть может, иллюзии, ошибки, разочарования...

«Страстная неделя», сказал Арагон, написана, подобно всем его книгам, не по предварительно составленному плану, а так, как писателю подсказывало свободное движение мысли.

Французские буржуазные литераторы проявили немалое желание обнаружить некий «разрыв» между предшествующими произведениями Арагона и «Страстной неделей». Один из них, сославшись на то, что Арагон, говоря о своем романе, защищает «неотъемлемые права воображения», за-

ключил: следовательно, вряд ли можно рассматривать «Страстную неделю» как «марксистский» роман — ведь в ней нет догматизма. Такова вульгарная логика невежественных врагов социалистического реализма.

Конечно, и Арагону был задан вопрос, ставший уже стандартным: не является ли для него социалистический реализм императивом? Автор «Страстной недели» ответил так: «Социалистический реализм — не императив для меня, а просто моя концепция искусства. Она же не есть нечто внешнее по отношению ко мне».

Да и само искусство автора «Страстной недели» также блестяще подтверждает, что социалистический реализм наиболее благоприятствует вольному полету воображения, ничем не скованной, вдохновенной работе сознания писателя — работе, основанной на глубоком изучении действительности, подлинном историзме.

Есть в «Страстной неделе» эпизод, в котором как бы обнажен один из главных принципов построения романа. Это изображение того трагикомического бегства королевской, эмигрантской Франции, о котором подробно рассказано на сотнях страниц. В ночном мраке, навстречу ветру, по раскинутой дороге, мимо каких-то спящих домишек движется необычный обоз колясок, а в них — король и его спутники; их сопровождают кавалеристы. Это монотонное, безостановочное движение сливается воедино с возникающими в том же ритме то бессвязными, то цепляющимися друг за друга мыслями одного из кавалеристов — Теодора Жерико. Жерико думает о странном путешествии, о том, что сам он чувствует и ощущает, о смысле происходящего. Естественное движение мыслей автора и мыслей персонажа так же непрерывно и так же ритмично, как и движение кавалеристов. И потому кажется, что первое движение рождено вторым. Самый строй отрывка (он состоит из одной фразы, заполнившей более полутора страниц) усиливает это впечатление.

Искусство писателя так запечатлеть свободное движение мысли в значительной мере связано с элементами импровизационности в творческом процессе. Способность импровизировать, опираясь на жизненный опыт, знание реального мира и собственную фантазию, — драгоценная особенность художественного творчества. Стендаль сказал о себе в то время, когда он работал над

«Пармским монастырем», написанным в пятьдесят два дня: «Мой талант, если он у меня есть, талант импровизатора». Иное дело — установка на торжество субъективизма и иррационализма в творческом процессе, на импровизационность, выражающуюся в хаотическом бормотании этакое медиума, погруженного в полумрак своего приглушенного, дремлющего сознания. Выступая на дискуссии о «Страстной неделе» в редакции «Юманите», Арагон напомнил, что он, хотя и пишет «довольно быстро», работал над романом долго и упорно и что он отвергает импровизационность с установкой на субъективизм и иррационализм: «Поверьте мне, мы очень далеки от автоматического письма» («автоматическое» творчество без контроля со стороны разума пропагандировалось в сюрреалистических «манифестах» двадцатых годов).

В последнем произведении Арагона есть нечто от свободной формы лирического романа. В эпическом полотне «Коммунистов» и преклонение перед героями Сопротивления и ненависть к врагам родины воплощены в объективной форме. Автор «Страстной недели» разрешает себе не только лирические отступления, но и прямое внезапное вмешательство в повествование. Испыгывая потребность высказаться, он тут же, как бы отгесняя персонажей, на время прерывая действие, сам появляется на авансцене романа как его лирический герой. Да и в Теодоре Жерико, преданном родине и искусству, мы различаем черты лирического героя, выражающего чувства и заветные мысли автора.

«Страстная неделя» написана как бы на едином дыхании и в то же время с виртуозной инструментровкой интонаций. Повествование в лучших главах и эпизодах «Страстной недели» (например, в главе «Завтра Пасха») подобно взволнованной широкой и глубокой реке. Эта реалистическая, поэтическая, гармоническая проза, интеллектуальная по своему характеру и одновременно страстно эмоциональная, радующая щедрым разнообразием изобразительных и выразительных средств, производящая впечатление силы и великолепия, войдет во французскую литературу как классическая.

«Страстная неделя» еще раз опровергла домыслы идеологов реакции и ревизионистов, утверждающих, будто метод социалистического реализма угнетает, лишает свое-

образа творческую индивидуальность художника...

Роже Гароди, выступая от имени Центрального Комитета Французской коммунистической партии, признал создание «Страстной недели» «национальным событием». Арагон, сказал Р. Гароди, обратив-

шись к истории формирования национального чувства, дал высокий урок патриотизма. Его роман помогает читателям осознать, что народ — основа преемственности во французской истории и что только он способен создать величие Франции.

Я. ФРИД.

★

Политика и наука

Верный страж революции

В дни, когда решался вопрос о существовании первого в мире социалистического государства, В. И. Ленин говорил: «Когда революционный класс ведет борьбу против имущих классов, которые оказывают сопротивление, то он это сопротивление должен подавлять; и мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, — другие средства не изобретены».

Эту почетную задачу Советское правительство возложило сперва на военно-революционные комитеты, а затем на Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию.

Решение о создании ВЧК — органа для борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией — было вынесено Советом Народных Комиссаров 7 (20) декабря 1917 года.

Важнейшие задачи, стоящие перед этим органом, и широкие полномочия, которыми он был наделен, побудили особенно острожно подойти к выбору его руководителя. «Сюда надо найти хорошего пролетарского якобинца», — сказал В. И. Ленин. По его предложению председателем ВЧК был назначен Феликс Эдмундович Дзержинский, выдающийся деятель большевистской партии, пламенный революционер и кристально чистый человек. Он был душой и сердцем ВЧК и оставался ее бессменным руководителем.

Важнейшей чертой в деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии была ее неразрывная связь с народом. Этим объясняется высокий авторитет ВЧК и огромная эффективность ее работы. Партийные и общественные организации всячески помогали ВЧК в укреплении ее органов.

Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917—1921 гг. Сборник документов. Составители: А. К. Гончаров, И. А. Дорошенко, М. А. Козичев, Н. Н. Павлович. Редактор Н. Полякова. Госполитиздат. М. 1958.

Рабочие и служащие московского завода «Серп и молот» писали в ВЧК: «Еще с большей энергией, с большей чуткостью рабочий класс окажет свою пролетарскую поддержку чекистским органам». Документы сборника «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» рассказывают о многих примерах высокого патриотизма и бдительности советских людей, способствовавших ликвидации ряда крупных контрреволюционных организаций. На VII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин говорил: заговоры «потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда наткаются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры».

Центральный Комитет партии твердой рукой направлял и контролировал деятельность ВЧК. 8 февраля 1919 года ЦК партии в своем обращении к коммунистам-чекистам отметил большое значение органов ВЧК в деле защиты Советской власти, но вместе с тем еще раз подчеркнул необходимость систематического и тщательного контроля со стороны партийных организаций за деятельностью чрезвычайных комиссий.

Созданные по инициативе В. И. Ленина, чрезвычайные комиссии неизменно пользовались его вниманием и помощью. Владимир Ильич писал: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападениями, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие». Вместе с тем малейшая ошибка ВЧК находила в лице Ленина строгого судью. Он требовал, чтобы органы ВЧК в своей работе опирались на советские законы и неуклонно их выполняли, и учил чекистов органически сочетать непримиримость к врагам с чуткостью в отношении честных советских граждан. Владимир Ильич счи-

тал недопустимым аресты только по одному подозрению, без фактических доказательств.

Вот один пример.

«Некая Валентина Першикова, 17 лет, арестована будто бы за мой портрет. Сообщите, в чем дело. Предсовнаркома Ленин». Эта телеграмма была 6 марта 1919 года послана Царицынскому губисполкому и в копии — ЧК. Через два дня председателю Царицынской губчека Мышкину была направлена вторая ленинская телеграмма, где указывалось, что за порчу портрета арестовывать нельзя. «Освободите Валентину Першикову немедленно, а если она контрреволюционерка, то следите за ней». Одновременно Ленин дал распоряжение своему секретарю: «Напомнить мне, когда придет ответ предчрезвычайкома, а материал весь потом отдать фельетонистам».

По указанию Владимира Ильича Дзержинский проводил большую работу по очищению чекистских рядов от людей случайных, примазавшихся, неустойчивых и бережно охранял высокий авторитет органов ВЧК и ее сотрудников.

Вначале ВЧК ограничивалась преимущественно такими мерами наказания, как конфискация, выдворение, лишение продовольственных карточек. Ф. Э. Дзержинский подчеркивал, что «лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем послать неактивного в ссылку...»

Но вот темные силы контрреволюции пошли на самые крайние меры и встали на путь массового белого террора. В июне—августе 1918 года по всей стране прокатилась волна контрреволюционных выступлений, был убит пламенный трибун революции Володарский, убит председатель Петроградской ЧК Урицкий, в Москве правая эсерка Каплан совершила покушение на жизнь В. И. Ленина. Лишь в ответ на эти злодеяния Совет Народных Комиссаров в сентябре 1918 года принял решение о введении красного террора — чрезвычайного

мероприятия, без которого нельзя было сокрушить врагов внутри страны и обеспечить победу на фронтах.

Ярким доказательством высокой человечности, которой была проникнута деятельность ВЧК, служит тот факт, что именно ей в начале 1921 года Советская власть поручила такое благородное дело, как ликвидация детской беспризорности. В циркулярном письме чрезвычайным комиссиям, подписанном Ф. Э. Дзержинским, говорилось: «...ВЧК надеется, что товарищи, работающие в ЧК, поймут важность и срочность заботы о детях, а потому, как и всегда, окажутся на высоте своего положения. Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции. Поставив на должную высоту дело обеспечения и снабжения детей, Советская власть приобретает в каждой рабочей и крестьянской семье своих сторонников и защитников, а вместе с тем широкую опору в борьбе с контрреволюцией».

Коммуны, созданные комиссией, возглавляемой Ф. Э. Дзержинским, воспитали сотни тысяч полноценных советских граждан.

После окончания гражданской войны в Советской стране сложилась новая обстановка, изменились тактика и формы классовой борьбы. 6 февраля 1922 года ВЦИК принял постановление об упразднении ВЧК и создании Государственного Политического Управления (ГПУ) при НКВД РСФСР. Документами этого периода и заканчивается сборник «Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии».

Составители сборника проделали большую работу по выявлению и изучению архивных материалов. В книге приведено 349 документов, расположенных в хронологическом порядке. Это облегчает читателю возможность следить за развитием событий того времени.

Ф. ФОМИН,

*почетный чекист ВЧК—ОГПУ,
член КПСС с 1917 года.*

★

Против угрозы атомной войны

Недавно в Англии вышли в свет две книги, пафос которых—в гневном протесте против угрозы ядерной войны. Это книга «Мир без войны» Дж. Д. Бернала — профессора Лондонского университета, члена Королевского общества, выдающегося ученого, обогатившего мировую науку рядом замечательных открытий. Бернал — неутомимый борец за мир, и его труд — важный вклад в борьбу за полное запрещение оружия массового уничтожения. Вторая книга — «Здравый смысл и ядерная война» — принадлежит перу буржуазного ученого-философа Бертрана Рассела. Он сурово обличает тех, кто готов поставить на карту спокойствие и безопасность миллионов людей во имя своих корыстных целей. Авторы этих книг — люди различных взглядов и политических убеждений, но и тот и другой преследуют благородную цель: разоблачить политику империалистов, обезопасить человечество от страшной угрозы ядерной войны.

Дж. Д. Бернал предельно ясно излагает побуждения, которые заставили его взяться за перо и проделать огромную работу. «Мир без войны» — монументальный труд, основанный на тщательном анализе политики и экономики западных держав. Автор собрал огромный фактический материал, придающий его работе документальную ценность. «Я решил написать эту книгу,— пишет он,— потому, что считал необходимым показать как теньевые, так и светлые стороны новой силы, которую наука дает человечеству... Основой моего анализа на протяжении всей книги служат социалистические принципы».

Бернал разоблачает несостоятельность и лживость аргументации тех, кто пропагандирует теорию «великого сдерживающего фактора», которым будто бы является термоядерное оружие. Войны всегда были проклятием народов, а «холодная война», устрашение и запугивание делают совершенно реальной возможность возникновения военного конфликта. За лживыми рассуждениями о «миролюбии» кроется готовность западных держав пожертвовать жизнью миллионов, причинить им нечелове-

ческие страдания. Гонка атомных вооружений, справедливо отмечает Бернал, «истощает ценные материальные ресурсы и использует знания и науку не для блага людей, не для облегчения страданий и построения лучшего мира. Она углубляет раздел мира и, что хуже всего, уничтожает всякую надежду на будущее, особенно среди молодежи».

Автор книги рисует страшную картину атомной войны, которая принесла бы несчастье всем ее участникам. Хиросима — лишь бледная тень того, что могло бы обрушиться на тех, кого западные державы хотят сделать своими соучастниками в наш век межконтинентальных баллистических ракет. «Отныне ни одна сторона не гарантирована от прямых ударов по ее важнейшим центрам... Война, всегда представлявшая собой преступление против человечества, теперь стала безумием», — пишет Бернал.

Он высмеивает американского физика Теллера, который рекламирует в качестве величайшего блага так называемую «чистую бомбу». С гневом говорит автор книги об отказе США и Англии прекратить испытания ядерного оружия. Он напоминает о том, что уже сейчас, в мирное время, атомная смерть унесла ряд жизней японских моряков. Жители тихоокеанских районов находятся под постоянной угрозой атомной радиации. Но это далеко не все: последствия радиоактивных излучений могут привести к увеличению числа раковых заболеваний и лейкемии даже в отдаленных от зоны испытаний районах.

Основываясь на фактах, Бернал восстанавливает весь ход переговоров между Советским Союзом, США, Англией и Францией по проблемам разоружения, прекращения испытаний и запрещения термоядерного оружия. Советский Союз всегда был последовательным борцом за разрешение этих животрепещущих вопросов на благо человечества. Но если заглянуть в протоколы различных комиссий и подкомиссий по разоружению, то становится очевидным, что США и Англия последовательно саботировали все предложения Советского Союза. Они не хотели и не хотят отказаться от ядерного оружия даже сейчас, когда для всех стало несомненным превосходство Советского Союза в области ракетостроения. В результате этой политики продол-

J. D. Bernal. World without war. London, 1958 (Дж. Д. Бернал. Мир без войны. Лондон. 1958).

B. Russell. Common sense and nuclear warfare. London, 1959 (Б. Рассел. Здравый смысл и ядерная война. Лондон. 1959).

жается гонка обычных и ядерных вооружений. Огромные средства ассигнуются на военные расходы. Они поглощают львиную долю бюджетов капиталистических стран, обрекают трудящихся на лишения, приводят к росту налогов и цен, к однобокому, уродливому развитию экономики.

Какие заманчивые перспективы раскрылись бы перед человечеством, если бы эти непроизводительные расходы были затрачены на мирные цели, на развитие мирных отраслей науки и техники, на помощь слабо развитым странам, на просвещение и улучшение благосостояния населения!

В подтверждение автор приводит убедительный цифровой материал. Он развертывает перед читателями яркую картину. «Только в мире без войны впервые в истории человечества появится возможность полностью использовать знания и труд для удовлетворения потребности людей». Сельскохозяйственные машины, турбины, работающие на атомной энергии, развитие автоматизации, в особенности в социалистических странах, использование освободившихся материальных ресурсов для увеличения запасов продовольствия... Все это стало бы возможным, это не утопия. «Наибольшим препятствием,— пишет Бернал,— является милитаризация науки... Величайшие усилия либо тратятся впустую, либо используются для достижения результатов, которые могли бы привести к катастрофе».

Автор отмечает, что серьезным тормозом для развития науки является само капиталистическое общество: соперничество между частнокапиталистическими фирмами приводит, по определению Бернала, к тому, что около двух третей научных исследований хранится в секрете. Он призывает освободить науку от этих уз и поставить ее на службу всему человечеству, как это уже сделано в социалистических странах.

Бернал страстно призывает к прекращению «холодной войны», гонки вооружений. Он особенно подробно говорит об Англии, которая оказалась в трагическом положении из-за непосильных военных расходов. Следуя по пути Соединенных Штатов Америки, английские правящие круги лишают страну возможности развивать мирные отрасли промышленности, на выгодных условиях торговать с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Бернал высказывает уверенность в том, что «торговля с социалистической частью мира

могла бы быть спасением для Англии», которая «стоит под угрозой потери экономической независимости, поскольку все ускоряющимися со времени войны темпами американские фирмы пробираются в британскую промышленность, создавая предприятия часто без участия английского капитала».

Бернал делает оптимистические выводы. Он убежден в том, что наступят коренные изменения. «Пример использования ресурсов по воле народов и для народа в социалистических странах воодушевляет сотни миллионов людей в слабо развитых странах... Я верю, что силы созидания мощнее всех других сил и что они победят».

Книга «Здравый смысл и ядерная война» Бертрана Рассела — философа, придерживающегося идеалистических взглядов, — основана на иных предпосылках. Многие в ней чуждо материалистическому мировоззрению, со многим трудно согласиться. Говоря об угрозе ядерной войны, Рассел подчас ставит на одну доску Восток и Запад, не проводит грани между Советским Союзом, готовым в любую минуту объявить атомную и водородную бомбу вне закона, и западными державами, цепляющимися за средства устрашения.

Все же прогрессивная общественность будет благодарна Бертрану Расселу за его выступление против атомной смерти. И не только потому, что Бертран Рассел принимает активное участие в организации движения против гонки ядерных вооружений, но и за то, что в своей книге он решительно осуждает политику западных держав. Английский ученый протестует против гонки вооружений во всех ее видах. Он высмеивает поджигательские высказывания американских генералов, таких, как Патт, который вынашивает бредовые замыслы создания ракетных баз на Луне. «Читая о планах милитаристов, я с трудом могу подавить в себе чувство ужаса и отвращения», — пишет он.

Рассел, как и Бернал, видит величайшую опасность в возможности возникновения атомной войны. Он призывает к ликвидации международной напряженности, к переговорам между Востоком и Западом. Он настаивает на прекращении испытаний термоядерного оружия, на всеобъемлющем разоружении. И в этом большая ценность его книги.

Советский Союз — убежденный и твердый сторонник запрещения термоядерного оружия. «Не для проведения воинственной политики,— сказал Н. С. Хрущев,— не для навязывания диктата другим государствам используем мы исторические успехи советской науки и техники. Мы используем их в целях удвоения наших усилий в борьбе за всеобщий мир. И ныне, когда преимущества в развитии ракетной техники на нашей стороне, мы снова предлагаем США, Англии и Франции: давайте запретим на вечные времена испытания, производство и применение атомного, водородного и ракетного оружия, давайте уничтожим все запа-

сы этого смертоносного оружия, давайте будем использовать величайшее открытие человеческого гения исключительно для мирных целей, для блага людей. Наше правительство готово подписать соответствующий договор хоть завтра».

Книги Бернала и Рассела разоблачают политику западных держав, повинных в том, что такой договор еще не заключен. Вместе с тем эти книги свидетельствуют о том, что благородная политика Советского Союза отвечает надеждам и чаяниям широчайших народных масс Запада.

А. БЕЛЬСКАЯ.

★

Две автоматизации

Автоматизация — одно из главных направлений современного технического прогресса — охватывает все новые и новые области промышленности. В соответствии с тем или иным социальным строем развитие автоматизации либо вселяет самые радужные надежды, либо сулит самые мрачные перспективы. «Автоматизация развивается очень быстро. Еще быстрее начиная с 1956 г. проявлялись в Англии ее социальные последствия», — пишет в предисловии к своей книге «Автоматизация и социальный прогресс» английский публицист С. Лилли.

Когда автоматизация делала только первые шаги, буржуазные экономисты пытались представить дело так, будто в ней нужно видеть панацею от всех бед, которые несет капитализм. В листовке-обращении американского общества предпринимателей к рабочим писалось: «Мы стоим на пороге золотого будущего. Рабочий должен ожидать его с надеждой, а не с боязнью. Автоматизация — это магический ключ к созданию ценностей... Волшебный ковер нашего свободного хозяйства, обслуживаемый безошибочной, неутомимой деятельностью автоматизации и управляемый электронными приборами, на крыльях ядерной энергии движется вперед, к горизонтам, которые нам никогда и не снились...»

Апологеты капиталистического строя пытались использовать автоматизацию, чтобы

подновить свои обветшалые теории о «бескризисном» и «народном» капитализме, о постепенном «врастании» капитализма в социализм без классовой борьбы и революций. Прошло, однако, немного времени, и листовки, в которых возвещался золотой век, пришлось припрятать; да и самый термин «автоматизация» оказался под запретом, это слово объявили «грязным».

Столь резкая перемена имеет глубокие социальные корни, природу которых обстоятельно рассматривает Лилли. Он прежде всего задался вопросом — что же породило автоматизацию?

Новая система организации производства (поток) и специализированные станки привели к тому, что рабочий должен действовать, как машина. После этого, пишет автор, технически не трудно сделать еще один шаг и заменить плоть и кровь человека сталью и смазочным маслом, то есть приблизиться к созданию полностью автоматизированного производственного процесса. Эта задача начинает осуществляться. Автор подробно изучил способы и системы автоматизации токарных и шлифовальных работ, сборочных операций, а также факторы, приведшие к созданию станков с программным управлением.

Систематизировав обширный материал, показывающий, как развивалась автоматизация в наиболее технически развитых странах, автор пришел к выводу, что техника поднялась на такой высокий уровень, при котором возможно освободить силы множества людей для увеличения общественного богатства; таким образом автоматизация-могла бы стать величайшим благом для

С. Лилли. Автоматизация и социальный прогресс. Перевод с английского Р. И. Гогунова, Г. В. Легоньких, В. П. Михайлова. Редактор Л. В. Степанов. 302 стр. Издательство иностранной литературы. М. 1958.

человечества. Вопрос заключается в том, кем и зачем вводится автоматизация.

Главным стимулом для внедрения автоматизации в капиталистических странах, пишет Лилли, является сокращение расходов на зарплату и увеличение прибылей (недаром в среде предпринимателей говорят: кто хочет остаться живым, тот должен автоматизировать). А это приводит к тому, что сотни тысяч людей остаются без работы.

Защитники капиталистической системы утверждают, что автоматизация-де вызовет перераспределение рабочих и часть из них будет вовлечена в промышленность, производящую средства автоматизации. Но это старая, давно уже изжившая себя «теория» компенсации. Выдвигаются и различные планы переквалификации рабочих. Лилли весьма скептически к ним относится и задает существенно важный вопрос: что же ожидает людей зрелого возраста, которые в силу обстоятельств должны переучиваться; вверх или вниз по социальной лестнице промышленности они будут двигаться?

На этот вопрос весьма недвусмысленно ответила Эдит Питт — член английского парламента. «Они должны стать более мобильными и не держаться за одну отрасль промышленности. Они не хотят уходить из автомобильной промышленности, где получают 15 фунтов стерлингов в неделю, в другие отрасли, где могут получать всего 10—12 фунтов стерлингов в неделю». Питт негодует по поводу того, что рабочие сопротивляются снижению своего жизненного уровня. Но далеко не всегда удается получить и гораздо хуже оплачиваемую работу.

Исследуя второй аспект автоматизации, автор показывает, что она приводит к дальнейшему укреплению монополий. В английской автомобильной промышленности, пишет Лилли, процесс монополизации зашел очень далеко. Всей промышленностью командует «большая шестерка», но все говорит за то, что «большая шестерка» превратится в «большую пятерку», затем в «четверку» и в «тройку», пока промышленность не станет полностью монополизированной. «Имеется серьезная опасность, что эта монополия во всех отношениях будет скорее американской, чем английской... по мере развития борьбы из промышленности будут вытеснены как раз английские фирмы».

Автор приходит к правильному выводу, что автоматизация обостряет все проблемы, которые характерны для дряхлеющего ка-

питализма, и поэтому капитализм не может развивать автоматизацию до конца.

Размышляя об этом, Лилли предлагает читателю вообразить, будто на Земле вдруг появился гость с Марса. Ему нелегко было понять, как создалось положение, при котором трудность состоит не в производстве предметов, нужных людям, а в том, чтобы люди потребляли произведенные предметы. «Если бы нам удалось убедить его, что дело обстоит именно так, и если бы он не усомнился в нашем здравом рассудке, он наверняка попытался бы посоветовать нам нечто лучшее». И автор вкладывает в уста марсианина речь, в которой тот излагает... элементарные принципы социализма.

Что могла бы дать народу социалистическая Англия при помощи автоматизации и всех достижений современной техники? — спрашивает Лилли. Мечта уносит автора далеко. Уровень потребления материальных благ будет в несколько раз превышать нынешний. Рабочие будут заняты шесть—девять часов в неделю. Будет значительно больше ученых. Потребуется больше художников, больше поэтов, музыкантов, актеров, драматургов... Что же всему этому препятствует? «Существенным условием, — говорит Лилли, — является ликвидация капитализма».

Немало страниц своей книги Лилли посвятил развитию автоматизации в СССР. Автор оговаривается, что, по его мнению, Советский Союз вовсе не представляет собой «совершенный образец того, чем должно быть человеческое общество», и что против многого он «должен решительно возражать». Но не это является сутью исследования Лилли, и не стоит тратить времени на споры с некоторыми его бездоказательными утверждениями.

«Цель нашего исследования, — пишет он, — состоит лишь в том, чтобы установить, действительно ли советской экономике удалось на практике избежать те неприятности, которые превратили главу VI («Автоматизация в нашей экономике». — *И. П.*) в такую длинную и печальную историю, — избавилась ли она от затруднений со сбытом того, что произведено, покончила ли она с безработицей и кризисами, ликвидировала ли она факторы, задерживающие технический прогресс, сумела ли она подготовить инженеров и техников, необходимых для лучшего применения в промышленности достижений современной науки; и, конечно, главный во-

прос: добивается ли она успеха в использовании автоматизации как средства быстрого повышения жизненного уровня страны».

Автор побывал в СССР. Ему была предложена возможность ознакомиться со всеми сторонами интересующей его проблемы. Он пришел к неоспоримому выводу: СССР гораздо ближе других стран к созданию заводов-автоматов. В первых главах своей книги Лилли приводит два, по его мнению, самых важных примера автоматизации, и оба они взяты из практики советской промышленности. Речь идет о цехе-автомате автомобильных поршней и цехе-автомате масловых подшипников. Автор был крайне удивлен, что он обнаружил в СССР предприятия, в которых автоматизация достигла таких успехов. Это показалось ему тем более удивительным, что он думал, будто СССР запоздал с вводом в действие даже автоматических линий — сравнительно низких ступеней автоматизации. Как СССР мог «еще до 1950 г. взяться за решение чрезвычайно сложной и ужасно трудной задачи по созданию автоматического завода по производству поршней, что выглядит, как научная фантазия, магически превращенная в действительность? Это похоже на попытку человека победить раньше, чем он научился ходить», — восклицает автор.

Но, подробно изучив вопрос, Лилли убеждается, что это была дальновидная политика. «Они потратили несколько следующих лет на приобретение опыта, с тем чтобы, когда они в состоянии будут вкладывать большие средства, двинуться вперед в области автоматизации с максимально возможной быстротой».

На поставленные им ранее вопросы автор дает категорический ответ: в условиях социалистической экономики автоматизация не угрожает ни безработицей, ни другими тяжелыми социальными последствиями, какие она вызвала в капиталистических странах.

Уместно привести более поздние данные, чем те, которыми располагал Лилли. На

Московском подшипниковом заводе внедрение автоматизации и механизации оказалось равноценным высвобождению одиннадцати тысяч рабочих (при довоенном уровне производительности труда). В любой капиталистической стране это привело бы к лишению такого огромного отряда людей работы. Ничего подобного не произошло на советском заводе, ибо рост выпуска товарной продукции намного превысил рост производительности труда. «Для нас сейчас ясно, — писал директор завода А. Громов, — что будущее завода в том, чтобы стать заводом-автоматом».

Это — будущее многих предприятий Советского Союза. Подробно изучив особенности нашей плановой экономики, Лилли пришел к выводу, что жизненный уровень в Советском Союзе быстро повышается и в отличие от капиталистического мира в СССР «царит атмосфера надежды и прогресса, потому что все убеждены, что дело идет к лучшему и так будет продолжаться».

Лилли подробно излагает решения XX съезда КПСС. При этом он отмечает два особенно важных, с его точки зрения, положения — применение автоматических вычислительных машин для управления производственными процессами и переход к полностью автоматизированным предприятиям.

Со времени, когда Лилли написал свою книгу, автоматизация в СССР сделала новые большие успехи. Об этом пишет автор предисловия А. Морозов. Ныне мы располагаем утвержденной XXI съездом КПСС широчайшей программой автоматизации всех отраслей народного хозяйства. В нашей стране будут созданы опытно-показательные предприятия — прототипы предприятий коммунизма. Лишь в социалистических условиях автоматизация в совокупности с другими достижениями науки и техники способна двигать вперед социальный прогресс.

И. ПЕШКИН.

★

Непроторенными путями

Вдали от городов, на горных тропах, на морских путях, под небом Заполярья или в тайге географ-путешественник неизменно подмечает едва различимые следы

И. Забелин. Встречи, которых не было. Рассказы географа. Редактор Г. В. Яников. 168 стр. Географгиз. М. 1958.

тех, кто когда-то, много лет назад, первым проходил по этим же дорогам. Подобные «встречи, которых не было», всегда волновали, запоминались и, возвращаясь из путешествия, географ уже намеренно искал новых «встреч» с первооткрывателями на страницах забытых книг

и документов. Чем глубже знакомился он со своими предшественниками, тем ближе они становились ему. Он уже не мог избавиться от ощущения причастности к их судьбе и даже ответственности за нее...

Так возникли рассказы географа о подвигах живших в разные эпохи людей, землепроходцев, мореплавателей, ученых — первых исследователей Сибири и Дальнего Востока.

Автор книги, географ и литератор И. Забелин, снабдил ее коротким предисловием, которое назвал «Раздумье». И, пожалуй, это слово наиболее точно определяет характер повествования — о судьбах первооткрывателей, об истинной ценности совершенного ими подвига, об их посмертной славе.

Книга открывается очерками о землепроходцах и логически заканчивается «Историей одного рудника». Этот рассказ об освоении и преобразовании уже открытых земель — лучший в книге. Он наиболее полно раскрывает черты творческого метода автора, и поэтому хочется сказать о нем прежде всего.

В глубине Восточных Саян, странствуя с отрядом физико-географической экспедиции, автор наталкивается на странное имя — Алибер, Алиберов рудник, Алиберова дорога, Алиберов шток... Кто был человек, носивший это имя? Чем он заслужил долгую память?..

Начинаются поиски. Они напоминают путешествие по старой, давно заброшенной горной тропе. Выйти к цели можно, лишь имея зоркий глаз и стойкую волю. У автора есть и то и другое. Перед читателем возникает красочная фигура пионера освоения природных богатств Восточной Сибири, «удивительного человека... имя которого может быть включено в романы Ж. Верна», — как писал об Алибере французский журналист Мартин Рене.

Шаг за шагом прослеживает Забелин его нелегкий путь, на котором, по словам самого Алибера, труд и горе были с ним неразлучны. Он не похож на традиционного сибирского промышленника середины XIX века, идет по своей, никем до него не проторенной тропе, и не страсть к наживе ведет его. Алибер достигает многого, осваивает месторождение превосходного графита, создает в горной пустыне образцовое по тем временам предприятие. Карандаши с надписью «Сибирский графит из копей Алибера» — получают чуть ли не мировую

известность; он пытается открыть первую в России карандашную фабрику. Но его усилия неизменно наталкиваются на равнодушие и непонимание, его планам так и не суждено полностью осуществиться. После долгой борьбы Алибер покидает свое детище — Ботогольский рудник — и навсегда уезжает из Сибири.

След, оставленный им, оказался неизгладимым. Спустя многие годы, когда Алибер уже давно жил на родине, во Франции, старики сойоты, коренные жители Саян, вспоминали о нем как о человеке, который никому не отказывал в помощи, учил их только хорошему. «Здоровался за руку. Нами не гнушался. Чаем поил у себя в доме. Все показывал — и дом, и скот свой, и рудник — и все рассказывал. Его мы любили». Таков был Алибер — энтузиаст и романтик, мечтатель и талантливый инженер, рачительный хозяин и гуманный человек.

Большинство читателей, вероятно, впервые услышит об Алибере. Куда более широко известны имена Беринга и Дежнева. Берингово море, Берингов пролив, мыс Дежнева... Их легко найдет на карте любой школьник. Посмертной славе Беринга и Дежнева посвящен рассказ «Берега несправедливости». Уже само название подсказывает направление раздумий автора. «Слава Беринга настолько же искусственно раздута, — пишет Забелин, — насколько искусственно приглушена слава подлинного победителя Александра Чирикова... Чириков заслужил право на такую же посмертную славу, как и Беринг».

Такая оценка не нова. Еще Ломоносов спустя девятнадцать лет после трагической гибели Беринга писал, что во второй камчатской экспедиции Чириков «был главным». Превосходство Чирикова над Берингом подчеркивается и в ряде работ советских ученых.

Но Забелиным руководит «моральное переосмысление событий». Он подходит к оценке роли Беринга, как, впрочем, и других героев своей книги, обнажая внутреннюю, психологическую сторону поступков командора в реальной обстановке, в конкретном окружении. Беринг, в представлении автора, — человек, которого судьба не раз ставила на грань великих географических открытий и который не нашел в себе ни сил, ни смелости сделать решающий шаг.

В «Берегах несправедливости» речь идет

и о роли Дежнева в открытии пролива между Азией и Америкой. Забелин считает, что слава этого великого географического открытия незаслуженно отдана одному Дежневу, что подлинным инициатором похода из Колымы на Анадырь был Федот Алексеев Попов, который вместе с Дежневым и Герасимом Анкудиновым обогнул восточную оконечность Азиатского материка.

По этому вопросу Забелин полемизирует с Бергом, Самойловым, Беловым — учеными, писавшими о походе Дежнева. Его доказательства и выводы порой звучат убедительно. Однако следует заметить, что если нельзя принижать роли Попова в походе (и в этом Забелин прав), то нельзя за его счет умалять и заслуг Дежнева. Именно он, единственный оставшийся в живых из руководителей плавания вокруг Чукотского Носа, в своих челобитных сообщил об этом величайшем событии. Его заслуги перед географической наукой бесспорны. Даже судьбы Попова и Анкудинова проясняются нам из этих челобитных. Предположения, которые делает Забелин об открытии Поповым и Анкудиновым Корякского хребта, Северных Курил и т. п., хотя и вероятны, но пока умозрительны.

«Были Охотского моря», открывающие книгу, занимают более трети ее, и в них отчетливо прослеживается еще одна тенденция автора — стремление привлечь внимание читателей не к широкоизвестным, прославленным исследователям, а к «скромным описателям земли русской», о которых вспоминается слишком редко. В этом рассказе Забелин — пожалуй, впервые в нашей популярной литературе — дает связный и хорошо аргументированный очерк «первой главы» истории исследования русскими людьми Охотского моря, его островов, морского пути на Камчатку. Мы встречаемся с Иваном Москвитиным, чье имя навсегда внесено в историю географических открытий. Спустя шестьдесят лет после похода Ермака в Западную Сибирь он первым вышел к Тихому океану. Но большинство других героев рассказа — это незаслуженно забытые путешественники и мореплаватели. Среди них — казачий десятник Семен Шелковник, основатель Охотска, и его соратник, талантливый и отважный казак Алексей Филиппов, автор первой лоции

Охотского моря, и мореход Татаринов, трагически погибший в самом начале смелого задуманного путешествия, и кораблестроители Никифор Тряска и Яков Невейцын, без труда которых невозможно было бы достичь морем Камчатки, и казак Кузьма Соколов, проложивший к ней путь, и многие другие проводыватели новых земель...

Рассказ «Старинные люди» посвящен русскому населению крайнего севера Сибири, открытию советскими учеными на острове Фаддея и в заливе Симса на Таймыре остатков русских зимовок начала XVII века, раздумьям автора о путях освоения Северного побережья Сибири.

В книге Забелина есть и спорные места. Нельзя целиком согласиться с его восторженной оценкой деятельности Н. Муравьева-Амурского, которая содержится в рассказе об Алибере. Кстати, если уж говорить об отношении Муравьева-Амурского к Алиберу, то нельзя забывать, что генерал-губернатор поддерживал «Ботогольского кудесника» лишь до определенного предела. Когда в 1859 году у Алибера создались крайне тяжелые взаимоотношения с компаньоном по руднику Занадворовым, родственником известного золотопромышленника Кузнецова, Муравьев-Амурский предпочел не вмешиваться, хотя Алибер и просил о помощи. Именно после этого Алибер и вынужден был уехать из Сибири. Непонятно также, почему автор лишь приглушенно упоминает о Шпанберге, этом грубом, самовластном и необразованном втором помощнике Беринга, о его роковом влиянии на командора. Не всегда можно согласиться с категоричностью некоторых оценок роли Попова и Дежнева. Не все доступные источники использованы в работе над «Историей одного рудника»... Однако не этим определяется значение книги.

И. Забелин сумел преодолеть инерцию материала многолетней давности и приблизить прошлое к нашим дням. Его книгу с интересом прочтет не только тот, кто специально изучает историю Сибири, но и каждый, кому дороги славные подвиги первооткрывателей, проторивших первые тропки, превратившиеся в наши дни в торные, широкие дороги.

В. УТКОВ.

КОРОТКО О КНИГАХ

★

С. М. БИРЮКОВ. Первый депутат Моссовета. «Советская Россия». М. 1958. 40 стр. Цена 70 к.

На одной из фотографий, помещенных в брошюре, изображен билет № 1 депутата Моссовета. Билет этот был вручен В. И. Ленину.

Старый большевик С. М. Бирюков делится своими воспоминаниями о встречах с Владимиром Ильичем, о его деятельности в качестве депутата Моссовета. Он рассказывает, как Ленин заботился о простых людях, как по его указаниям рабочие семьи переселялись в квартиры, принадлежавшие раньше буржуазии.

ВОСПОМИНАНИЯ БОЛГАРСКИХ ТОВАРИЩЕЙ О ЛЕНИНЕ. Госполитиздат. М. 1958. 72 стр. Цена 75 к.

О своих встречах и беседах с Лениным рассказывают Василь Коларов — председатель Совета Министров Болгарии, впервые встретившийся с Лениным в 1915 году на Циммервальдской конференции, Койка Тинева — член Болгарской коммунистической партии, редактор издательства ЦК БКП, дочь выдающегося болгарского революционера Димитра Благоева — Стелла Благоева, болгарский писатель и общественно-политический деятель Крум Кюлявков — переводчик произведений В. Маяковского и Т. Шевченко.

«Мне приходилось слушать больших ораторов,— вспоминает Петр Райчев, известный болгарский певец, народный артист республики,— но я не слыхал никого другого, кто бы говорил о политике и искусстве с такой ясностью и простотой, как Владимир Ильич Ленин... Ленин говорил! Ленин отвечал своим противникам! Ленин вселял веру в тех, кто имел счастье его слушать».

П. А. ДЖАПАРИДЗЕ. Избранные статьи, речи и письма 1905—1918 гг. Госполитиздат. М. 1958. 344 стр. Цена 5 р. 70 к.

Имя Прокофия Апраксионовича Джапаридзе — ученика В. И. Ленина, неутомимого борца за дело рабочего класса — неразрывно связано с революционной борьбой пролетариата Закавказья. Восемнадцатилетним юношей вступив в большевистскую партию, он вскоре становится членом Бакинского комитета, а впоследствии кандидатом в члены ЦК. Выдающийся организатор, П. А. Джапаридзе обладал и талан-

том публициста. Его статьи в газетах «Бакинский пролетарий», «Гудок», «Социал-демократ» и других были исполнены непоколебимой веры в победу рабочего класса. В сборник включены письма Джапаридзе к жене, написанные в 1915—1916 гг. из далекой сибирской ссылки. Они рисуют облик человека огромной воли, полного решимости продолжать борьбу за торжество революции.

Осенью 1918 года Джапаридзе в числе 26 бакинских комиссаров был расстрелян английскими интервентами.

Хронологическое расположение материала в аннотируемом сборнике позволяет проследить развитие революционного движения в Закавказье от стачек 1904—1905 гг. до революционного восстания 1917—1918 гг. Ряд документов печатается впервые.

П. ДОРОНИН. На земле Смоленской. Госполитиздат. М. 1958. 180 стр. Цена 2 р. 20 к.

Еще недавно сельское хозяйство Смоленской области стояло в ряду наиболее отсталых в нашей стране. Даже такие исконные отрасли колхозного производства, как льноводство, молочное животноводство, оказались в самом запущенном состоянии.

В своей книге П. Доронин, секретарь Смоленского обкома КПСС, рассказывает о том, как коммунисты Смоленщины, преворая в жизнь решения партии и правительства, мобилизовали тружеников сельского хозяйства на ликвидацию отставания, какими практическими мерами добились люди выправления дела. А результаты таковы: в марте 1958 года Смоленская область была награждена орденом Ленина за успехи, достигнутые в подъеме сельского хозяйства, особенно в увеличении производства и заготовок льна, мяса и молока.

Много внимания уделено в книге вопросам работы с кадрами, борьбе за чистоту ленинских принципов руководства. В главе «На службе у народа» автор показывает, как сельская интеллигенция Смоленщины стала активным помощником партийных организаций. «Первыми в борьбу за подъем сельского хозяйства включились колхозные специалисты. За ними пошли учителя, медицинские работники — все нашли свое место в этой большой многогранной работе».

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК Ф. И. ГОЛИКОВ. Красные орлы. (Из дневников 1918—1920 гг.) Воениздат. М. 1959. 328 стр. Цена 7 р. 25 к.

Дневники начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковника Голикова, вышедшие в серии «Военные мемуары» (литературная редакция В. Кардина),—это, по справедливому определению самого автора, «человеческий документ времен гражданской войны», воссоздающий трудную и прекрасную обстановку тех лет; и тяготы боевого пути, трудности роста и несгибаемую веру «красных орлов» в преодоление этих трудностей, в победоносную силу идей Октября. Путь героя и автора дневников—от гимназиста, в семнадцать лет вступающего в Коммунистическую партию, делящего время между занятиями в гимназии, работой в издательстве уездной газеты и военной учебкой, до слушателя военно-агитаторских курсов, председателя полковой партийки, политработника, идущего с путевкой политотдела в деревню,—своеобразен и одновременно типичен. Его прошли не только однополчане Ф. И. Голикова, но и миллионы тех, для кого бои за дело Октября явились школой жизни и борьбы, политического и духовного роста.

В. ГРИНЮК. Эстафета коммунизма. Заметки о первых коллективах коммунистического труда. «Молодая гвардия». М. 1959. 48 стр. Цена 50 к.

Весной 1919 года трудовым подвигом коммунистов депо Сортировочная было зажжено пламя первых суботников, в которых В. И. Ленин увидел «великий почин» коммунистического строительства.

Идя навстречу XXI съезду КПСС, коллектив депо Москва-Сортировочная принял решение: превратить депо в коллектив коммунистического труда. Об этой инициативе, послужившей толчком к возникновению бригад коммунистического труда по всей стране, рассказывает брошюра В. Гринюка. В ней приводятся требующие производственной сметки обязательства отдельных бригад (вроде «часа рационализатора» в тепловозном цехе депо Москва-Сортировочная), а также своеобразные этические обязательства. Вот, например, выдержка из цитируемых в брошюре правил, выработанных бригадой Анатолия Ледышева (Станкостроительный завод имени Орджоникидзе): «Не отказываться ни от какой работы... Свои знания и опыт не держать в кубышке, а делить на всех... Отработал—не геряй времени зря. Тебя ждет школа, техникум, институт. Есть свободная минута—бери в руки книгу».

М. ВОДОПЬЯНОВ. Повесть о Валерии Чкалове. Детгиз. М. 1959. 216 стр. Цена 5 р. 90 к.

М. В. Водопьянова советские люди знают как замечательного летчика и как литератора, автора интересных книг. Только за последние годы вышло несколько сборников его рассказов.

Аннотируемое произведение М. Водопьянов посвятил прославленному советскому летчику В. Чкалову, с которым автора книги связывали общность профессии и многолетняя дружба.

Из этой книги читатель узнает подробности жизни Чкалова—человека большого ума и обаяния, найдет много любопытных сведений, связанных с трудной и благородной профессиональной летчика.

Богатые жизненные наблюдения автора, доскональное знание материала, положенного в основу книги, и его личное сердечное отношение к Чкалову сделали повествование о великом летчике увлекательным и поучительным для читателей самых различных возрастов.

В. СМИРНОВА-РАКИТИНА. Герасим Лебедев. Исторический роман. «Советский писатель». М. 1959. 383 стр. Цена 6 р. 60 к.

Роман В. Смирновой-Ракитиной «Герасим Лебедев» раскрывает новую страницу в истории России XVIII века. Он рассказывает об одном из выдающихся русских людей—Герасиме Степановиче Лебедеве, достойном занять место в одном ряду с Н. И. Новиковым, А. Н. Радищевым и другими русскими просветителями. Представитель растущих демократических сил России того времени, Герасим Лебедев был не только видным общественным деятелем, но и музыкантом, актером, путешественником, первым русским индологом.

В первой части романа Лебедев показан в России и в Европе. В Петербурге плодотворное влияние оказывают на него представители разночинной интеллигенции: композитор М. Березовский, скульптор Ф. Шубин, Н. И. Новиков, А. Самборский и другие. В Европе он встречается с Гайдном, Моцартом, со многими представителями артистического мира.

Вторая часть книги посвящена пребыванию Лебедева в Индии, куда он приезжает как друг, с горячей симпатией к поработавшему английскими колонизаторами индийскому народу. Лебедев изучает там языки, искусство, культуру, преподает музыку. В 1795 году он открывает в Калькутте первый театр для индийского населения, пишет ряд работ по индологии.

Кончается роман возвращением Лебедева в Россию в последние годы его жизни.

А. ГЛАДИЛИН. Бригантина поднимает паруса... Повесть. «Советский писатель». М. 1959. 80 стр. Цена 2 р. 25 к.

Название свое эта повесть получила по первой строчке песни, которую очень любит ее главный герой Вовка Андрианов, молодой московский рабочий. Вовку влечет к себе романтика дальних странствий, отважных поступков, трудных и героических дел. Он уезжает на Алтай, в маленький, только еще строящийся городок. Здесь он впервые встречается с реальными жизненными трудностями. Ему приходится жить в наспех построенном бараке, выполнять тяжелую работу грузчика, сталкивается он и с жуликом-бригадиром.

Наступает момент, когда Вовка уже готов бросить стройку и бежать в Москву, оставив свои мечты о подвиге, признав себя неспособным к героическим делам.

Но Вовка не один — его окружают ребята-строители, он чувствует локоть старших товарищей. Постепенно в борьбе с трудностями Вовка закаляет характер и волю, становится признанным организатором, вожак.

А. Гладилин известен читателю как автор повести «Хроника времен Виктора Подгурского», опубликованной в журнале «Юность» и вышедшей отдельной книгой в издательстве «Советский писатель» в 1958 году. Повесть «Бригантина поднимает паруса...» — второе произведение молодого писателя.

С. ПИСАРЕВ. Повесть о Манко-Смелом. Детгиз. Л. 1959. 200 стр. Цена 3 р. 90 к.

Прежде чем написать повесть «о Манко-Смелом — охотнике из племени Береговых людей», автор подробно изучил материалы многочисленных археологических раскопок в районе современной Карелии и Ленинградской области. Это дало ему возможность более или менее точно воссоздать картину жизни древних лесных охотников и рыболовов Севера. «Эта картина интересна... тем, — пишет в послесловии профессор А. П. Окладников, — что она совсем не похожа на те далекие от действительности художественные вымыслы о жизни наших предков, обычные в старой литературе такого рода, предназначенной для юного читателя, в тех книгах, которые мы читали в нашем детстве».

Юный читатель знакомится в книге с первобытной культурой, обычаями людей каменного века, с их общественной и хозяйственной жизнью, красочно раскрываемой автором в сценах охоты, войны, быта.

ГАЛИНА ОСТАПЕНКО. Испытание. Рассказы разных лет. Магаданское книжное издательство. 1958. 128 стр. Цена 1 р. 20 к.

Со времени выпуска «Чукотской саги» Ю. Рытхейу Магаданское книжное издательство сумело привлечь к себе внимание читателя изданием многих интересных книг литераторов, работающих на Дальнем Севере. К ним относится и сборник рассказов «Испытание» журналистки Галины Остапенко.

Это заглавие дано сборнику не случайно. Почти все герои рассказов проходят через значительные «испытания», а резкие повороты в их судьбах как нельзя лучше показывают сущность людей, мужание их характера или мелкость егс. Так возникает геройский поступок незлобивой бабки Варвары, бросившейся с топором на фашиста («Не убий»), так осознает незаменимость своего места на войне ленинградская студентка Лариса («Испытание»), так вырисовывается ничтожность души «орла» — экскаваторщика Николая Данилова («Родня»), так рождается желание переменить

свою жизнь, стать полезным членом общества у «жены своего мужа» Наташи («Ошибка»).

М. ДАВЫДОВ, М. ЦУНЦ. От Волхова до Амура. «Советская Россия». М. 1958. 328 стр. Цена 13 р. 10 к.

Название книги содержит не только географическое понятие, оно вместе с тем глубоко символично. Ведь свет ленинской электрификации загорелся именно на берегах древнего Волхова, а затем, пишут авторы, «уверенно набирая силы, двинулся на Восток, вспыхнул немеркнущим заревом над Волгой, Днепром, Доном, рассыпал яркие огни на Кавказских кручах, заискрился в волнах Камы и, перешагнув через Урал, взметнул золотые снопы над Иртышом и Обью, зажег электрическую радугу над буйной Ангарой и вот-вот озарит енисейскую ширь... опояшет ослепительными гирляндами величавый Амур».

Совершая вместе с авторами путешествие протяженностью в два с половиной миллиона километров по «голубым дорогам» страны, читатель узнает о многом: о юных морях и плотинах-великанах, о работах, проделанных советскими людьми для покорения равнинных и горных рек в Центральной России и на Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии, на юге и в крае вечной мерзлоты. Отдельные главы посвящены могучим водным артериям Сибири — Ангаре и Енисею, на которых вырастут крупнейшие в мире «фабрики электричества» — Братская и Красноярская.

РЕНЕ КЛЕР. Размышления о киноискусстве. «Искусство». М. 1958. 230 стр. Цена 8 р. 25 к.

Талантливый французский кинорежиссер, автор тридцати шести фильмов, в том числе и известных советскому зрителю «Последний миллиардер» и «Под крышами Парижа», делится в этой книге своими мыслями об искусстве кино и о собственном творчестве.

Своеобразная форма книги — диалог автора с самим собой — позволяет Рене Клеру сравнивать свои суждения двадцатых и пятидесятых годов. Учитывая опыт развития киноискусства, Рене Клер или подтверждает высказанное им ранее, или опровергает, выдвигая новую концепцию. Он приводит также наиболее интересные и существенные высказывания видных кинокритиков по насущным вопросам кино.

В специальной главе французский режиссер рассматривает современные проблемы киноискусства. Касаясь соотношения телевидения и кино, автор говорит, что в области «чистой» документальности (непосредственного показа каких-либо событий) телевидению принадлежит первое место, но в области художественной оно уступает кино. Интересны сравнения Рене Клера кино с театром и романом.

В приложении к книге «Как делаются фильмы» автор рассказывает о процессе создания фильма.

А. Н. ГРАНИНА. Разведчики сибирских недр. Иркутское книжное издательство. 1958. 113 стр. Цена 1 р. 70 к.

Эта книга представляет собой очерк о жизни и деятельности трех крупных геологов — исследователей Сибири середины прошлого века.

Автор рассказывает о первооткрывателе единственных в нашей стране нефритовых месторождений в Саянах Г. М. Пермикине, его вкладе в изучение происхождения нефрита и лазурита, найденного в глухой вековой тайге Прибайкалья; о пионере разработок Батогольского месторождения графита И. Алибере, создателе рудника на гслой вершине Восточных Саян; об участнике польского восстания 1863 года А. Л. Чекановском — известном натуралисте и географе, отважном путешественнике, составившем геологическую карту Иркутской губернии и исследовавшем речные системы между Енисеем и Леной.

ОЛЬГА ПЕРОВСКАЯ. Джан — глаза героя. Повесть. Новосибирское издательство. 1958. 112 стр. Цена 1 р. 90 к.

Человек был тяжело ранен на фронте. Случилось самое страшное: он ослеп... Настал день, человек распрощался с госпиталем. «Лицо его словно окаменело. Он не мечтал уже больше о лучике света. Он знал: глаза вытекли... Путь инвалида из госпиталя — скорбный, тяжелый путь!»

Но не остался один в беде герой летчик. Первым отыскал его председатель поселкового Совета. Пришли пионеры — помогать по дому, пока хозяйка на работе. Общество слепых предложило работу, прислало учителей обучать грамоте по системе Брайля. «Скучать, тосковать, унывать от безделья и сознания, что ты никому не нужен, теперь просто не было времени». И все же: «Эх, были бы у меня глаза...»

Родина снова пришла на помощь. Получил инвалид и «глаза» — вручили ему собаку-поводыря, специально выдрессированную по заданию Осоавиахима.

С удивительной ласковостью и интонационной выразительностью рассказывается далее об этой овчарке, ставшей незаменимым другом слепого человека, о ее сложной «биографии». Думается, что юному читателю (а на таких и рассчитана книга) запечатлевшийся образ Джана никогда не позволит дурно обращаться с животными. И в этом воспитательное значение повести. В то же время автор поднимает большую проблему, к которой нельзя отнестись равнодушно, — о специальном выращивании для ослепших людей вот таких собак-поводырей, обладающих «понятливостью почти человеческой», которых слепые будут «беречь буквально «как зеницу ока», так как они являются для инвалида и глазами, и друзьями, и защитниками».

МАРСЕЛЬ КАШЕН. Наука и религия. Перевод с французского. Издательство иностранной литературы. М. 1958. 64 стр. Цена 80 к.

Атеистическая литература пополнилась работой одного из основателей Француз-

ской коммунистической партии Марселя Кашена «Наука и религия». С неопровержимо убедительностью автор показывает, как на всех этапах развития человеческого общества, начиная с древнейших времен, религия являлась злейшим врагом науки, была силой, враждебной дерзаниям философов и ученых.

Актуальность атеистической пропаганды в капиталистических странах еще более возросла, ибо «в нашу эпоху, — указывает Марсель Кашен, — правящие классы заинтересованы в том, чтобы поддержать у народа религиозные представления, так как они помогают эксплуататорам сохранить свои привилегии».

Е. НЕМИРОВСКИЙ. Джунгли книжной Америки. Госполитиздат. М. 1959. 88 стр. Цена 1 р.

Да, действительно, это джунгли — книжный рынок современной Америки! На читателя ежеминутно могут наброситься затейливо оформленные «краймкомиксы» с описаниями кровавых преступлений гангстеров, порнографическая стряпня, антисоветские пасквили... Дух покойного Маккарти руководит и деятельностью библиотек. С их полком исчезли некоторые произведения Флобера, Золя, Хемингуэя, Колдуэлла, Мюэма. К книгам, фактически запрещенным в США, относятся не только произведения классиков марксизма и советских авторов. Под удар попали и многие труды передовых ученых.

Обо всем этом рассказывается в книжке Е. Немировского. Автор отобрал красноречивые факты из американской прессы, говорящие о судьбе книги в США, а тем самым и о судьбе читателей, вкусы которых стремятся приспособить для своих интересов определенные круги. В США издаются, конечно, и хорошие, полноценные книги, но деятельность прогрессивных издательств протекает в труднейших условиях и их продукция лишь с большим трудом прокладывает себе дорогу.

ЭДГАР ПО. Избранное. Переводы с английского. Гослитиздат. М. 1958. 342 стр. Цена 6 р. 80 к.

Эдгар По — один из первых литераторов-профессионалов США — стал известен в России и во Франции раньше, чем у себя на родине. Он прожил короткую, полную лишений, труда и борьбы жизнь, был «отверженным в любом обществе» своего времени, по выражению одного из американских литературоведов. По — выдающийся поэт и талантливый новеллист, родоначальник жанра детективной новеллы. В его увлекательных рассказах фантастическое сочетается с необыкновенной точностью и достоверностью деталей. Достоевский отмечал «силу подробностей» в произведениях Эдгара По, выделяющую его среди других писателей. В большинстве рассказов По изображена неравная борьба человека со стихией.

Впервые после издания на русском языке полного собрания сочинений (1914) и полного собрания поэм и стихотворений в переводе Валерия Брюсова (1924) совет-

ский читатель получает возможность ознакомиться с избранными произведениями По. В сборник вошли его лучшие стихотворения, такие, как «Ворон», «Жолокола», «Моей матери» в переводе Валерия Брюсова, Н. Чуковского, А. Оленича-Гнененко и других, и двадцать одна новелла. Среди них: «Падение Дома Эшеров», «Король-Чума», «Бочонок амонтильядо», «Убийство на улице Морг», «Низвержение в Мальстрем», «Золотой жук».

СЕМБЕН УСМАН. Сын Сенегала. Перевод с французского. «Молодая гвардия». М. 1958. 208 стр. Цена 4 р. 50 к.

Герой романа, уроженец французской колонии Сенегал, негр Умар Фай, с детских лет знал о том, что «в Африке белые — владыки. Те, кто осмеливается не покориться им, идут на верную гибель». Полной чашей испил он горечь оскорблений и издевательств. Но ему было знакомо и другое. В дни второй мировой войны Умар сражался с фашизмом в Европе, воевал за «всеобщее освобождение», познал дружбу между людьми разных наций, полюбил белую женщину, француженку Изабеллу, и женился на ней.

Вера в родной народ и любовь к родине побудили Умара вернуться в Сенегал, чтобы вместе с земляками бороться за новую, пробуждающуюся Африку.

Умар погибает, «но те, кто направил убийц, прогадали... Умара не стало, но его

прекрасный народ жив и продолжает воспевать своего верного сына».

Так заканчивается интересный и своеобразно написанный роман «Сын Сенегала», принадлежащий перу молодого африканского писателя Сембена Усмана (перевел роман С. И. Волк). Жизненный путь автора во многом напоминает биографию его героя — мужественного и непреклонного Умара Фая.

ОТТО ГЕЛЬСТЕД. Стихи. Перевод с датского. Гослитиздат. М. 1958. 134 стр. Цена 3 р. 40 к.

Отто Гельстеду уже за семьдесят лет, он признанный поэт на своей родине — Дании. «Я отстаиваю активный гуманизм, который служит делу рабочего класса, делу борьбы за создание бесклассового общества, я отстаиваю революционный гуманизм», — заявил в 1935 году Отто Гельстед, тогда уже зрелый человек и зрелый поэт. И по сей день он остается верным этому.

Гельстед известен и как тонкий лирик, и как проникновенный певец природы, и как поэт-борец, ищущий путей к светлому будущему своего народа, и как боевой критик и публицист. В сборник его стихов, появившихся в русском переводе, вошли 85 стихотворений из трех его книг: «Встань и зажги свет», «Песни дней холодной войны» и «Смерть в ванне» (переводчики М. Кудинов, А. Ревич, А. Големба, А. Тверской и другие).

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

★

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Н. И. Беляев. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 28 января 1959 года. 16 стр. Цена 25 к.

А. И. Кириченко. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 31 января 1959 года. 24 стр. Цена 25 к.

А. И. Микоян. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 31 января 1959 года. 32 стр. Цена 25 к.

М. А. Сулов. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 30 января 1959 года. 20 стр. Цена 25 к.

Е. А. Фурцева. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 29 января 1959 года. 20 стр. Цена 25 к.

Н. М. Шверник. Речь на внеочередном XXI съезде КПСС. 2 февраля 1959 года. 16 стр. Цена 25 к.

Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. 260 стр. Цена 5 р.

Женщина в революции. 472 стр. Цена 9 р.

Станко Тодоров (Секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии). Борьба болгарских коммунистов за социалистическую перестройку сельского хозяйства. 136 стр. Цена 1 р. 60 к.

СССР как он есть. Популярный иллюстрированный справочник. 464 стр. Цена 10 р.

СОЦЭКГИЗ

Э. А. Баграмов. Старые расистские мышления на новый лад. 100 стр. Цена 1 р. 55 к.

Я. С. Драбкин. Революция 1918—1919 гг. в Германии. Краткий очерк. 444 стр. Цена 13 р. 35 к.

Н. Г. Каротамм. К истории учения о социалистическом сельском хозяйстве. 116 стр. Цена 2 р. 40 к.

Ю. Я. Соловьев. Воспоминания дипломата (1893—1922 гг.). 416 стр. Цена 8 р. 5 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В. Авдеев. Конец Губана. Повести и рассказы. 324 стр. Цена 5 р. 60 к.

И. Арамилев. В лесах Урала. Повести и рассказы. 528 стр. Цена 10 р. 50 к.

А. Велиев. Пройденные годы. Роман. Перевод с азербайджанского. 336 стр. Цена 5 р. 90 к.

Д. Гранин. После свадьбы. Роман. 480 стр. Цена 8 р. 55 к.

И. Дубинский. Контрудар. Роман. 386 стр. Цена 6 р. 60 к.

А. Злобин. Пять часов разницы. Очерки. 324 стр. Цена 5 р. 65 к.

Ю. Казаков. На полустанке. Рассказы. 192 стр. Цена 3 р. 70 к.

К. Мурзили. Гора Орлиная. Роман. 520 стр. Цена 9 р. 45 к.

Ф. Наседкин. Испытание чувств. Роман. 448 стр. Цена 7 р. 60 к.

М. Подобедов. Восхождение. Роман. 360 стр. Цена 6 р. 45 к.

Г. Регистан. Любовь и песня. Стихи. 116 стр. Цена 1 р. 50 к.

Украинские рассказы. Сборник. 428 стр. Цена 7 р. 55 к.

О. Эрлберг. Китайские новеллы. 180 стр. Цена 3 р. 50 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

Томас Гарди. Мэр Кестербриджа. Перевод с английского. 344 стр. Цена 6 р. 20 к.

За высокою идейность советской литературы. Сборник статей. 416 стр. Цена 9 р. 95 к.

Абдулла Каххар. Избранные произведения. Перевод с узбекского. 530 стр. Цена 9 р. 70 к.

Иван Кулик. Избранное. Стихотворения. Баллады. Поэмы. 172 стр. Цена 4 р. 95 к.

Лариса Рейснер. Избранные произведения. 535 стр. Цена 9 р. 50 к.

С. Сартаков. Хребты Саянские. Роман в трех книгах. Книга I. 392 стр. Цена 7 р. 75 к.

И. Сельвинский. Стихотворения. 216 стр. Цена 4 р. 20 к.

И. Соколов-Микитов. Сочинения. В двух томах. Том 1. 655 стр. Цена 11 р. 15 к. Том 2. 552 стр. Цена 9 р. 70 к.

Теофилис Тильвитис. Поэмы. Перевод с литовского. 256 стр. Цена 7 р. 15 к.

Михаил Шолохов. Они сражались за родину. Главы из романа. 67 стр. Цена 1 р. 80 к.

А. И. Эртель. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. 824 стр. Цена 12 р. 50 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Лиляна Александрова. Есть одно счастье. Повесть. Перевод с болгарского. 256 стр. Цена 5 р. 45 к.

Армейские будни. Сборник. 224 стр. Цена 4 р. 65 к.

Николай Воронов. Ожидание. 256 стр. Цена 5 р. 35 к.

Степан Гаврусев. Днепровский плес. Стихи. 128 стр. Цена 3 р. 55 к.

Нил Гилевич. Песню берите с собою. Стихи. 80 стр. Цена 2 р. 45 к.

Леопольд Инфельд. Эварист Галуа. Перевод с английского. 368 стр. Цена 7 р. 25 к.

Иван Науменко. Друзья-товарищи. Рассказы. 206 стр. Цена 4 р. 45 к.

Л. Пантелеев. Повести и рассказы. 718 стр. Цена 14 р. 85 к.

М. Рафили. Ахундов. 192 стр. Цена 4 р. 50 к.

Герберт Смит. Людское поле. Роман. Перевод с английского. 288 стр. Цена 5 р. 75 к.

Р. Соболенко. Голубое сияние. Рассказы. 208 стр. Цена 4 р. 60 к.

Владимир Солоухин. Степная быль. Очерк. 96 стр. Цена 1 р. 40 к.

Полина Страшнова. Степными дорогами. Повесть. 208 стр. Цена 4 р. 50 к.

В. Тендряков. Чудотворная. Повесть. 104 стр. Цена 1 р. 55 к.

Н. Фрадкин. Рождение карты. 160 стр. Цена 2 р. 35 к.

Иван Цюпа. Дорогами юности. 288 стр. Цена 5 р. 55 к.

Андрей Шманкевич. Я — русский матрос. Рассказы. 240 стр. Цена 4 р. 90 к.

ДЕТГИЗ

А. Безыменский. Вперед, заре навстречу! Стихи о комсомоле и молодежи. 160 стр. Цена 4 р. 85 к.

Р. Бломберг. В поисках анаконды. Документальная повесть. Перевод со шведского. 160 стр. Цена 6 р. 45 к.

Ю. Боксерман. Невидимое топливо. 144 стр. Цена 2 р. 10 к.

Л. Вагнер. Повесть о художнике Айвазовском. 274 стр. Цена 6 р. 30 к.

Впереди огромная жизнь. Говорят молодые мастера рязанских полей. 144 стр. Цена 4 р. 30 к.

С. Голубов. Птицы летят из гнезд. Роман. 448 стр. Цена 9 р. 45 к.

Ф. Гопп. Старый и малый. Рассказы. 64 стр. Цена 75 к.

А. Грин. Блистающий мир. Бегущая по волнам. 360 стр. Цена 8 р. 5 к.

Б. Дижур. Стеклянная река. Рассказы о стекле. 192 стр. Цена 4 р. 15 к.

М. Ивановский. Вчера, сегодня, завтра. 216 стр. Цена 4 р. 25 к.

А. Ивич. Художник механических дел. Повесть о Кулибине. 78 стр. Цена 2 р. 40 к.

Н. Калинина. Летом. Маленькие рассказы. 17 стр. Цена 2 р. 10 к.

В. Канторович. Марафонский бег. Повесть. 112 стр. Цена 2 р. 30 к.

А. Кешоков. Тисовое дерево. Поэма. Перевод с кабардинского. 80 стр. Цена 2 р. 10 к.

У. Кушерон. Приключения маленькой трески. Перевод с норвежского. 112 стр. Цена 4 р. 30 к.

С. Липеровская. На родине И. С. Тургенева. 192 стр. Цена 7 р. 75 к.

Х. Назир. Неугасимые молнии. Повесть. Перевод с узбекского. 128 стр. Цена 2 р. 90 к.

А. Негго. Остров великанов. Повесть. 272 стр. Цена 4 р. 90 к.

Немецкие баллады. 296 стр. Цена 5 р. 10 к.

Н. Носов. Незнайка-путешественник. Пьеса-сказка в трех действиях. 80 стр. Цена 1 р. 30 к.

В. Пальман. Кратер Эршота. Фантастический роман. 264 стр. Цена 6 р. 50 к.

А. Светлов. Столетия и секунды. 176 стр. Цена 4 р. 20 к.

Союз учения и труда. Слово школьников Дона. 256 стр. Цена 5 р. 85 к.

Л. Стекольников. Необыкновенный махаон. Рассказы собирателя бабочек. 80 стр. Цена 3 р. 50 к.

М. Сынтимбрюну. Мои друзья. Рассказы. Перевод с румынского. 88 стр. Цена 2 р. 60 к.

А. Тарковский. Повесть о прекрасной Гулаим. 192 стр. Цена 5 р. 80 к.

Т. Тихова. Таежные были. 128 стр. Цена 3 р.

В. Туренская. Девятая. Повесть. 224 стр. Цена 5 р. 85 к.

Л. Украинка. Стихотворения и поэмы. Перевод с украинского. 160 стр. Цена 3 р. 10 к.

Н. Хохлов. Вершины Корен. 216 стр. Цена 6 р. 80 к.

Б. Чопич. Приключения кота Тоши. Перевод с сербско-хорватского. 64 стр. Цена 1 р. 75 к.

Э. Шим. След на воде. Рассказы. 64 стр. Цена 2 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Ю. А. Билибин. Избранные труды. Т. I. 432 стр. Цена 26 р. 65 к.

Вопросы строительства коммунизма в СССР. 434 стр. Цена 15 р.

М. А. Гречев. Колониальная политика США после второй мировой войны. 383 стр. Цена 13 р. 25 к.

Уриэль Дакоста. О смертности души человеческой и другие произведения. 156 стр. Цена 6 р. 50 к.

Искусственные спутники Земли. Результаты научных исследований, полученные при помощи третьего искусственного спутника Земли. Выпуск 2. 80 стр. Цена 3 р. 40 к.

Китайская классическая проза. 388 стр. Цена 8 р. 60 к.

А. И. Китов, Н. А. Криницкий. Электронные вычислительные машины. 132 стр. Цена 1 р. 90 к.

Логические исследования. Сборник статей. 466 стр. Цена 18 р. 50 к.

Е. Модржинская. Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций. 164 стр. Цена 5 р. 15 к.

Народы Америки. Том 1. 672 стр. Цена 37 р. 45 к.

Научные проблемы вскрытия и разработки месторождений полезных ископаемых. 333 стр. Цена 17 р. 60 к.

Г. В. Осипов. Техника и общественный прогресс. 262 стр. Цена 12 р. 25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

А. С. Енохович. Эскурсия к энергетическим установкам сельскохозяйственного производства. 120 стр. Цена 2 р.

Национальные школы РСФСР за 40 лет. 302 стр. Цена 11 р. 75 к.

Психология применения знаний к решению учебных задач. 416 стр. Цена 12 р. 10 к.

ГЕОГРАФГИЗ

Г. Бауэр. Тайны морских глубин. 198 стр. Цена 3 р. 10 к.

Р. Иззарт. По следам снежного человека. 228 стр. Цена 4 р. 70 к.

Ч. Майер. Как я ловил диких зверей. 165 стр. Цена 2 р. 65 к.

Г. Тазиев. Кратеры в огне. 175 стр. Цена 2 р. 75 к.

Э. В. Толь. Плавание на яхте «Заря». 338 стр. Цена 8 р. 90 к.

Б. Шлямин. Берингово море. 96 стр. Цена 1 р. 45 к.

В. Н. Шнитников. Из воспоминаний натуралиста. 324 стр. Цена 6 р. 50 к.

МЕДГИЗ

Достижения кардиологии. Перевод с английского и немецкого. 290 стр. Цена 12 р. 20 к.

З. Л. Лурье. Расстройство мозгового кровообращения. 240 стр. Цена 8 р. 25 к.

Н. И. Морозкин. Грипп. 176 стр. Цена 5 р. 80 к.

И. И. Русецкий. Вегетативные нервные нарушения. 352 стр. Цена 13 р. 20 к.

Химиотерапия инфекционных болезней. 340 стр. Цена 11 р. 25 к.

СЕЛЬХОЗГИЗ

Н. Г. Андреев. Основы агрономии. 544 стр. Цена 11 р.

Коллектив авторов. Денежная оплата труда в колхозах. 109 стр. Цена 1 р. 60 к.

Коллектив авторов. Колхозы — хозяева техники. 109 стр. Цена 1 р. 45 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Людвик Ашкенази. Бабы лето. Перевод с чешского. 219 стр. Цена 3 р. 45 к.

А. Аяш. Марокко. Итог одной колонизации. Перевод с французского. 436 стр. Цена 16 р. 65 к.

Тибор Барабаш. Бетховен. Подпоручик князя Ракоци. Перевод с венгерского. 276 стр. Цена 9 р. 65 к.

Дагмар Ботас. На островах Индонезии. Перевод с немецкого. 298 стр. Цена 7 р. 10 к.

Иван Братко. Телескоп. Перевод со словацкого. 234 стр. Цена 6 р. 25 к.

Лионелло Вентури. От Мане до Лотрека. Перевод с итальянского. 131 стр. Цена 26 р. 60 к.

Вильгельм Карл Герст. Федеративная Республика Германии под властью Аденауэра. Сборник статей. 214 стр. Цена 3 р. 90 к.

Милош Госировский. История словацкого рабочего движения. 1848—1918. Перевод со словацкого. 329 стр. Цена 8 р.

Государство и право в свете Великого Октября. Перевод с немецкого. 475 стр. Цена 11 р. 25 к.

Андрей Гуляшки. Драгоценный камень. Фантастическая повесть. Перевод с болгарского. 150 стр. Цена 3 р. 95 к.

Л. Гурко. Кризис американского духа. Сокращенный перевод с английского. 308 стр. Цена 8 р. 10 к.

А. И. Еременко. Против фальсификации истории второй мировой войны. 118 стр. Цена 4 р. 45 к.

Войцех Жукровский. Дни поражения. Повесть. Авторизованный перевод с польского. 296 стр. Цена 11 р. 50 к.

Уильям Ирвин. Жить вместе с Россией. Перевод с английского. 144 стр. Цена 2 р. 80 к.

К экономическим теориям социал-демократической партии Германии. Перевод с немецкого. 230 стр. Цена 5 р.

Мирослав Крлежа. Избранное. Перевод с сербско-хорватского. 457 стр. Цена 16 р. 30 к.

Хесус Лара. Янакуна. Роман. Перевод с испанского. 381 стр. Цена 11 р. 80 к.

Ленинские места в Швейцарии. Перевод с немецкого. 108 стр. Цена 6 р. 60 к.

Место Чехословакии в мировой экономике. Перевод с чешского. 240 стр. Цена 4 р. 90 к.

Против современного ревизионизма. Сборник переводов. 365 стр. Цена 8 р. 80 к.

Развитие экономики Румынской Народной Республики по пути социализма. 1948—1958. Перевод с румынского. 396 стр. Цена 16 р.

Урсула Рютт. Слушается дело о человеке. Роман. Перевод с немецкого. 225 стр. Цена 6 р. 15 к.

Сибурара. Лицом в будущее. Перевод с таи. 139 стр. Цена 3 р. 45 к.

Эрне Урбан. Две бочки рома. Киноповесть. Перевод с венгерского. 91 стр. Цена 2 р. 30 к.

Чжоу Фан. Государственные органы Китайской Народной Республики. Перевод с китайского. 223 стр. Цена 9 р. 20 к.

Уильям Фолкнер. Семь рассказов. Перевод с английского. 178 стр. Цена 4 р. 65 к.

Д. Дж. Холл. История Юго-Восточной Азии. Перевод с английского. 597 стр. Цена 34 р. 70 к.

Кришан Чандр. Поражение. Роман. Перевод с урду. 148 стр. Цена 4 р. 40 к.

Бранко Чопич. Прорыв. Перевод с сербско-хорватского. 541 стр. Цена 19 р. 35 к.

Тульси Рам Шарма. Размещение промышленности в Индии. Перевод с английского. 384 стр. Цена 15 р. 25 к.

Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Том I. Перевод с английского. 678 стр. Цена 23 р. 35 к. Том II. 678 стр. Цена 23 р. 55 к.

Эдуард Эррио. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936 гг. Перевод с французского. 770 стр. Цена 27 р. 45 к.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Вопросы советского социалистического права. 440 стр. Цена 6 р. 60 к.

П. П. Гуреев. Судебное разбирательство гражданских дел. 200 стр. Цена 5 р. 45 к.

А. А. Добровольский. Участие органов государственного управления в советском гражданском процессе. 164 стр. Цена 4 р. 45 к.

Д. Ф. Еремеев. Право личной собственности в СССР. 152 стр. Цена 4 р. 10 к.

В. А. Кабатов. Правовые формы управления землями сельскохозяйственного назначения в СССР. 116 стр. Цена 3 р. 15 к.

А. Е. Лунев. Сущность конституции Китайской Народной Республики. 168 стр. Цена 6 р. 30 к.

Н. С. Мутихина. Актив местных Советов. (Из опыта работы советского актива гг. Смоленска и Иркутска). 48 стр. Цена 50 к.

Главный редактор **А. Т. Твардовский**

Редакционная коллегия:

Е. Н. Герасимов, С. Н. Голубов, А. Г. Дементьев (зам. главного редактора), **Б. Г. Закс, А. М. Марьямов, В. В. Овечкин, К. А. Федин**

Редакция: Москва-Центр, Пушкинская площадь, 5 (почтовый адрес).
Вход с улицы Чехова, 1. Тел. К 5-76-97.

Рукописи объемом до одного авторского листа не возвращаются.

Сдано в набор 27/II-59 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 31/III-59 г.
А 00286. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 9 бум. л.—24,66 печ. л. Тираж 140.000. Зак. № 421.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»
имени И. И. Скворцова-Степанова. Москва, Пушкинская пл., 5.

Цена 7 руб.